

ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

**ЎЗБЕКИСТОН
МАДАНИЙ МЕРОСИ**

**THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА**

**НАУКА И КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА
В ТРУДАХ УЧЁНЫХ**

**RTVELADZE, EDVARD V.
THE GREAT INDIAN ROAD:
FROM THE HISTORY OF THE MOST IMPORTANT
TRADE ROUTES OF EURASIA**

**Э.В. РТВЕЛАДЗЕ
ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ
ИЗ ИСТОРИИ ВАЖНЕЙШИХ ТОРГОВЫХ
ДОРОГ ЕВРАЗИИ**

«UZBEKISTAN TODAY» • «ZAMON PRESS INFO»

ТОШКЕНТ • 2018

*Beyond the East the sunrise,
beyond the West the sea,
And East and West the
wanderlust that will not
let me be.*

G. Gould

PREFACE

The present book presents an account of one of the major transcontinental thoroughfares in antiquity – the Great Indian Road. The work is based on rich archaeological evidence and provides a full description of this road. The Great Indian Road started from India and went through Central Asia and the Southern Caucasus till as far as the Mediterranean region, and in the east to southern China. It came into use much earlier than the Great Silk Road, its beginnings going back to the III–II millennium BC, and with its heyday during the Hellenistic and Roman periods (4th century BC to 5th century AD).

This is based on an original research, and is the first scholarly account of the Great Indian Road. It is intended for both experts and general public.

В данной монографии на основе анализа богатого археологического материала дана полная характеристика одной из основных трансконтинентальных дорог древности – Великого индийского пути. Он шел из Индии в двух основных направлениях: на запад – в страны Средиземноморья (через Кавказ) и на восток – в Китай. Истоки этого пути уходят в III–II тыс. до н.э. (т.е. он возник гораздо раньше, чем другая великая древняя трансконтинентальная дорога – Великий шелковый путь), а его расцвет приходится на эпохи эллинизма и поздней античности.

Эта книга представляет собой первое обстоятельное научное исследование, посвященное Великому индийскому пути. Оно рассчитано как на специалистов по истории и культуре Центральной Азии и Индии в древности, так и на всех тех, кто интересуется далеким прошлым этих чрезвычайно важных в мировой истории регионов.

The Great Indian Road is essentially a product of my many years of archaeological investigations – excavations and reconnaissance surveys in various historical and cultural regions of Central Asia: Bactria, Margiana, Sogdiana. Far more than that, it is the result of the researches of Russian and Soviet scholars, notably W.W. Barthold, M.E. Masson, S.P. Tolstov, B.A. Litvinsky, V.M. Masson, and G.A. Pugachenkova, whose tireless work on studying the archaeology and history of the ancient and medieval civilizations and states of this vast area extending from the Caspian Sea to the Pamirs and from the steppes of Kazakhstan to the Hindu Kush and Kopet Dag Mountains created the foundations on which research in this region rests. A significant role in the study of Central Asia has likewise been played by other experts – archaeologists, historians, numismatists and philologists, such as W.W. Tarn, P. Bernard, J. Marquart, and D. Schlumberger among others. Many disciples and followers of these great explorers of the civilizations of the Orient still continue their teachers' work, contributing to the science of Central Asia's past with new facts, discoveries and ideas.

In writing this book I had these resources at my disposal. The difficulty was deciding what was most essential to incorporate into this study. At the same time I have gone beyond the geographical limits of Central Asia per se by incorporating, as my arguments required, much of the Eurasian land-mass from southern China in the east to Greece and Rome in the west.

The Great Silk Road which in ancient times linked the countries of the Far East with the Mediterranean states by way of Central Asia is well known to the learned and general public. Much less known is the other great trade road, also through Central Asia, that ran from India to the Mediterranean shores. Unlike the Silk Road with its predominantly land- or sea-based routes, our road was a compound (hybrid) of interconnected land and waterway communications, that is, parts of the road ran over land, others along rivers, and some parts across the sea.

This road started, in all likelihood, from Taxila, the capital of Gandhara, in north-western India, went through the Hindu Kush passes into Bactria and thence, following the Kunduz and Balkhab Rivers, to the Oxus (Amudarya) Valley.

One of the most important branch routesthat also began in Gandhara went up the Kabuldarya and its right tributary, the Kunar River, to Chitral and Badakshan, and thence down the Kokcha River towards Ai Khanum and the Oxus. It joined the main road at Kelif, where the road forked again. One route led along the Oxus River track to Chorasmia, and then across the Sarakamysh de-

pression and down the Uzboi channel to the Caspian Sea. The other route led from the Oxus down the Kelif Uzboi, which ran into the Uzboi at the fortress of Igdy-kala, and thence along the Uzboi to the Caspian. An offshoot of this route went through Margiana and across Parthyene to Dahistan and Hyrcania, to the Atrek and Gorgan Valleys, and then to the Caspian Sea.

After crossing the Caspian Sea, the main route led to the mouth of the Kura River (ancient Cyrus), and thence along it through modern Azerbaijan (Caucasian Albania) and eastern Georgia (ancient Iberia), and after crossing the Surami Pass it reached the valley of the Rioni (ancient Phasis), whereto ships, if we are to trust Strabo, were brought by portage. In the lower course of the Phasis (in western Georgia, legendary Colchis), as reported by Pseudo-Scymnus, was situated a city bearing the same name which was inhabited by people of sixty nations, including Bactrians and Indians (Ps.-Scymn. *Ad Nicomedem regem*, 934 [F 20]). It is conceivable that from there the road continued through the Black and Mediterranean Seas to Alexandria in Egypt which is said in Dio Chrysostom to have had a settlement of Bactrian merchants (Dio Chrysost. XXXII [Ad Alexandrines], 40). Thence, from the city of Phasis, by the Euxine, the road led to the Greek cities of the North Black Sea region and so ultimately to south-eastern Europe.

No single or collective name for the entire trans-continental road in question has as yet been formulated. Scholars who have studied this route have given names only to separate parts of its long course, for instance, the 'Oxo-Caspian trade-route' (W.W. Tarn), the 'Caspian sea-route' (A.S. Balakhvantsev), even simply the 'Trade route' (R.R. Mukasheva), the 'Road of Strabo' or the 'Trade road from India to Rome' (D. Callieri), the 'Bactria-Caucasia road' (B.Ya. Stavisky), or the 'Route from India to the Pontus' (C. Rapin), all of these explaining neither the function of the road, nor its significance, or its considerable length.

In contrast to the Silk Road, the general direction of which, in Graeco-Roman sources, is always described as running west to east (for example, in the itinerary of Maes Titianus), the description of our road, in the same sources, is given as east (from India) to west. From the same sources we also know that this road was used exclusively for transmitting Indian goods. It is in view of this and the immensity of its expanse that the name 'Great Indian Road' is here suggested for this route of exchange.

There is good reason to believe that in the old days the road from Gandhara not only ran westwards, but also eastwards to southern China¹. The basis for this assumption is provided by the report of Zhang Qian in which he says that during his mission in Central Asia (between 139–129 BC) he saw, in the markets of Bactria, bamboo sticks from Qiong and cloth from Shu, which, as the inhabitants of Daxia (Bactria) told him, had been purchased by merchants in Shendu, not far from Shu; moreover, the most convenient way to reach Daxia was directly from Shu, from where merchants would go secretly to the west for trade abroad².

According to our knowledge, the regions of Shu and Qiong correspond to the province of Sichuan in the south of China, whereas Shendu incorporated the territory of north-eastern India, parts of Burma, and Yunnan, a province in the south-west of China on the border with Vietnam.

¹ The functioning of this road has been amply demonstrated by F. Widemann. See Widemann 2009, 65–100.

² Бичурин 1950, 133.

There already existed, therefore, before the emergence of the Silk Road a route between Bactria and south China that was used for commerce by Bactrian and Chinese merchants. The Bactrian merchants seem to have travelled from Bactria through Gandhara and Kashmir, and then along the valleys of the Jumna and Ganges Rivers to Burma, from whence they reached the Yunnan and Sichuan provinces in China.

Judging from a number of sources, the Great Indian Road took shape much earlier than the Great Silk Road. Hence it was the Indian Road that was the *first trans-continental thoroughfare in the history of civilizations*, which linked East and West – the Mediterranean world to Transcaucasia, Central Asia, India, and China.

Like many other great commercial highways of the ancient world, the Indian Road did not emerge overnight but came about in sections, over several stages, the opening up which was the work of various ethnic peoples from Hindustan, Bactria, Chorasmia, as well as the peoples of Transcaucasia – Albanians, Iberians and Colchians. Yet the unification of all its parts into a single road network seems to have been initiated by the Indians and Hellenes. From the west, the Hellenes were steadily advancing eastward, starting with the age of the Argonauts and their legendary voyage to Colchis, the journey of Jason to the Caspian Sea, and the campaigns of Alexander's army which opened up the terrestrial and inland waterway routes from Central Asia to India; also the expedition of Patrocles commissioned by Seleucus I to explore the Caspian Sea.

From the east, already at the close of the III–II millennium BC, the first Dravidian settlers of the great Harappan civilization of the Indus Valley entered the valley of the Oxus where they created a trading post, and then gradually moved farther west, to the Caspian Sea, having left an important impact on the civilizations of Bactria and Margiana in later centuries.

To support my theories I have used arguments from all the available academic literature, the Western classical sources, archaeological and numismatic records. Of course, some of my arguments are mere hypotheses and conjectures which is due, to a considerable extent, to the lack of surviving primary source material, and sometimes to the complexity of historical interpretations based on texts and archaeological materials which can testify equally pro and contra depending on the perspective from which they are analysed.

It is greatly hoped that the subject presented in this book will be further explored by other scholars, for it includes not one but many problems, and also questions regarding the intercourse between East and West, reflected in some measure in my earlier book which had excited much public attention and concern. The present inquiry offers a new perspective of these connections and new communication lines of the East-West ties along the Great Indian Road. I might note that in the science world history, despite quite a large number of articles, no monograph has yet ventured on the subject, which was the strong stimulus for the writing this work.

Beyond doubt the Great Indian Road differs essentially from the Great Silk Road. The aim was upon the whole the same – trade ties and cultural exchange, but the main trade goods carried over them were different; and the most principal commodity involved in the Indian commercial traffic was not silk, but apparently elephant ivory which was no less prized in Western society than silk. Also different was the content of cultural exchange. In this regard, it is interesting to note

J. Filliozat's hypothesis that a stretch of the Indian Road which went from the western shore of the Caspian Sea to the west was already in regular use well before Alexander's eastern campaign and that it was by this route that scientific knowledge was exchanged between India and the Hellenistic world³. This book will show that the route connecting Harappan (Dravidian) civilization of the Indus Valley with the ancient agricultural civilizations of Margiana and the foothills of the Kopet Dag (at no great distance from the Caspian Sea) across Bactria and down through the Oxus had indeed operated in the III-II millennia BC. It was by means of this route that Indian ivory travelled to Bactria (and further west) and scientific achievements (as J. Filliozat has noted) and other cultural values were spread.

The term "Great Silk Road", as it is well accepted in modern academic, political and cultural circles, is applied to a complex communication system that linked East and West in Late Antiquity and Medieval times, with its three major lines defined – the Maritime route, the Middle route and the Northern route. This makes an impression that the source of East-West trade and cultural communications was China, and not India. It is right only in part, but altogether incorrect with regard to chronology, physical fabric of the route, characteristic commodities, as well as the varying nature of cultural diffusion. For 2.000 years before Zhang Qian's mission to the far west and his discovery of the 'Western Regions' in the second half of the 2nd century BC, the expansion of Han China into the interior of Central Asia, as well as the Silk Road's introduction and use, there had been a web of well-knitted routes leading from India to the Western world.

We refer to this network as the 'Mesopotamian-Harappan road system'⁴, given the dominant role played by the oldest civilizations of India and Mesopotamia in the functioning of its lines. It was during the period just mentioned that there had opened a sea route linking the Indus Valley to Mesopotamia. The ancient Mesopotamian cuneiform tablets refer repeatedly to the people of Meluhha (situated in the lower valley of the Indus River) and record items exported from Meluhha – gold, tin, silver, lapis lazuli, carnelian, and woods. This maritime route was extended to the Mediterranean Sea when Necho II (610–595 BC) excavated a canal 45 m wide, later reconstructed on the orders of Darius I (r. 521–486 BC), thereby connecting the Red Sea with the Mediterranean Sea. This canal route allowed sea travel from the Mediterranean Sea directly to India where ships would moor, as described in *The Periplus of the Erythraean Sea*, in the three most important ports of call: Barbaricon in the Indus delta, Barygaza on the Narmada River and Damirica [=Limyrike] in the south of the Hindustan peninsula⁵.

And it was not until many centuries later, at the beginning of the Christian era, that the maritime route that led from the Hindustan and Malay Peninsula to Southern China was established. Before that happened, caravans from Southern China initially travelled along overland routes that passed through Burma to the lower Ganges or entirely through the Indian peninsula to the ports on the western coast.

All these trade routes: *the Northern route* – through Central Asia, the Southern Caucasus and

3 Филлиоза 1957.

4 Ртвеладзе 1999а, 17.

5 Шеркова 1991; Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002, 245.

over the Black Sea to the Mediterranean Sea; the *Middle* route – either from Palmyra through Mesopotamia, Characene and thence along the shores of the Arabian Sea to the Indus Valley, or from Zeugma across Seleucia-on-the-Tigris, Hyrcania, Margiana, and Aria to Arachosia⁶; the *Maritime* route – via the Red and Arabian Sea, or across the Persian Gulf and Arabian Sea to northwest India – are incorporated within the concept of the "Great Indian Road". From the end of the 2nd century BC onward, these routes were gradually extended to China, and as a result the movement of goods from China into the west occurred and diplomatic exchange between East and West followed. This system of communication and exchange was unjustifiably given the name, especially broadened and popularized in our time due to UNESCO's famous project, of the great "Silk Road" as recently as the second half of the 19th century.

The main focus of this work concerns the *northern* route of the Indian road network.

In conclusion, I would like to express my sincere thanks to all my fellow scientists for their kind advice and help in providing me with literature references and in preparation of photographic illustrations, namely to O. Aripdjanov, J. Ilyasov, A. Gorin and F. Shamukaramova.

A very special thanks goes to my foreign colleagues R. Metreveli (Tbilisi, Georgia), M. Olbrycht (Rzeszów, Poland), P. Leriche (Paris, France), L. Nehru (New Delhi, India), V. Nikonorov (Saint-Petersburg, Russia), and G. Kublashvili (Tbilisi, Georgia) who did me the favour of sending me foreign scholarly publications unobtainable in Tashkent. Likewise, I am deeply indebted to G. Fussman (Paris, France) for his key expert assistance in interpreting the Indian texts found at Kampyrtepa. Thank you also to my wife, L. Rtveldze, whose support and encouragement have been invaluable throughout the time I have written this book. Separately I desire to thank V. Tsilitsskaya who provided crucial help in preparing the book for publication.

6 For a detailed description of this route see Кошелевко 2000, 137–138.

*Солнце с Востока,
С Запада море,
И Запад с Востоком
Зовут меня в путь.*

Дж. Гулд

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Великий индийский путь» – это в значительной степени результат моих многолетних археологических исследований – раскопок и маршрутов в различных историко-культурных областях Средней Азии: Бактрии, Маргиане, Согдиане. В еще большей мере это заслуга русских и советских ученых, особенно таких, как В.В. Бартольд, М.Е. Массон, С.П. Толстов, Б.А. Литвинский, В.М. Массон, Г.А. Пугаченкова, чьими неустанными трудами археология и история древних и средневековых цивилизаций и государств этого огромного региона, простиравшегося от Каспия до Памира и от степей Казахстана до гор Гиндукуша и Копетдага, были исследованы с максимально возможной полнотой. Значительна роль в изучении Средней Азии и других ученых – археологов, историков, нумизматов и филологов, включая отечественных и европейских ученых, таких как В.В. Тарн, П. Бернар, И. Маркварт, Д. Шлюмберже. Многие ученики и последователи этих великих исследователей цивилизаций Востока до сих пор продолжают дела своих учителей, внося в науку о прошлом Средней Азии множество новых фактов, открытий и идей.

Когда я писал эту книгу, в моем распоряжении имелась огромная база данных, из которой надо было отобрать, что было чрезвычайно сложно, самое основное и существенное. Вместе с тем в своей книге я вышел далеко за пределы Средней Азии, охватывая, когда это было необходимо, евразийский материк от Южного Китая на востоке до Греции и Рима на западе.

В исторической науке и среди широкой общественности хорошо известен Великий шелковый путь, соединявший в древности страны Дальнего Востока с государствами Средиземноморья через Среднюю Азию. Значительно менее известен другой великий торговый путь – из Индии в страны Средиземноморья опять-таки через Среднюю Азию. В отличие от Великого шелкового пути, основные трассы которого проходили или по суше, или по морю, этот путь был комбинированным – одна часть его проходила по суше, другая – по рекам, третья – по морям.

Он начинался, вероятнее всего, в столице Гандхары – Таксиле (северо-запад Индии), затем через перевалы Гиндукуша выходил в Бактрию и по рр. Кундуздарья и Балхаб приводил в долину Окса (Амударьи).

Другая важнейшая часть этой дороги шла из Гандхары по Кабулдарье, затем по ее правому притоку, р. Кунар, выводила к Читралу и в Бадахшан, а далее по р. Кокча через Ай-Ханум в Окс. Обе части этого пути соединялись в Келифе, откуда дорога вновь разветвлялась. Одна ее ветвь по

Оксийскому водному пути приводила в Хорезм, а затем через Саракамыш по Узбою в Каспийское море. Другая шла от Окса по Келифскому Узбою, впадающему в Узбой около крепости Игды-кала, а затем также по Узбою приводила в Каспийское море. Ветвь этой дороги от Маргианы через Парфиену шла в Дахистан и Гирканию, в долины Атрека и Горгана и также выводила к Каспийскому морю.

Преодолев Каспийское море, эта трасса выходила к устью р. Куры. Затем шла по р. Куре через современный Азербайджан (Кавказскую Албанию) и Восточную Грузию (древнюю Иберию) и через Сурамский перевал выводила в долину р. Риони (древний Фасис), куда суда, согласно Страбону, перетаскивали волоком. В низовьях Фасиса (Западная Грузия, легендарная Колхида), по сведениям Псевдо-Скимна, находился одноименный город, где проживали люди шестидесяти национальностей, в том числе бактрийцы и индийцы (Ps.-Scymn. Ad Nicomedem regem, 934 [F 20]). Не исключено, что отсюда по Черному и Средиземному морям дорога приводила в египетский город Александрию, в котором, по данным Диона Хрисостома, существовала колония бактрийских купцов (Dio Chrysost. XXXII [Ad Alexandrines], 40). Из Фасиса через Понт Эвксинский этот путь вел в греческие города Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы.

Единого названия для данного континентального пути до сих пор не было предложено. Ученые, занимающиеся его исследованием, называли лишь отдельные его части – Оксо-Каспийский торговый путь (В.В. Тарн), Каспийский водный путь (А.С. Балахванцев), просто торговый путь (Р.Р. Мукашева), путь Страбона или торговый путь из Индии в Рим (Д. Галлери), бактрийско-кавказский путь (Б.Я. Ставиский), путь из Индии к Понту (К. Рапэн), что не отражает сути данного пути, его значения и того огромного пространства, которое он занимал.

В отличие от Великого шелкового пути, описание которого всегда дается в греко-римских источниках в направлении с запада на восток (как, к примеру, в интернарии Маеса Тициана), данный путь в тех же источниках описывается только с востока (из Индии) на запад. В них же говорится о доставке по этому пути исключительно индийских товаров. Учитывая эти факты и огромное расстояние, которое он занимал, я предлагаю название «Великий индийский путь».

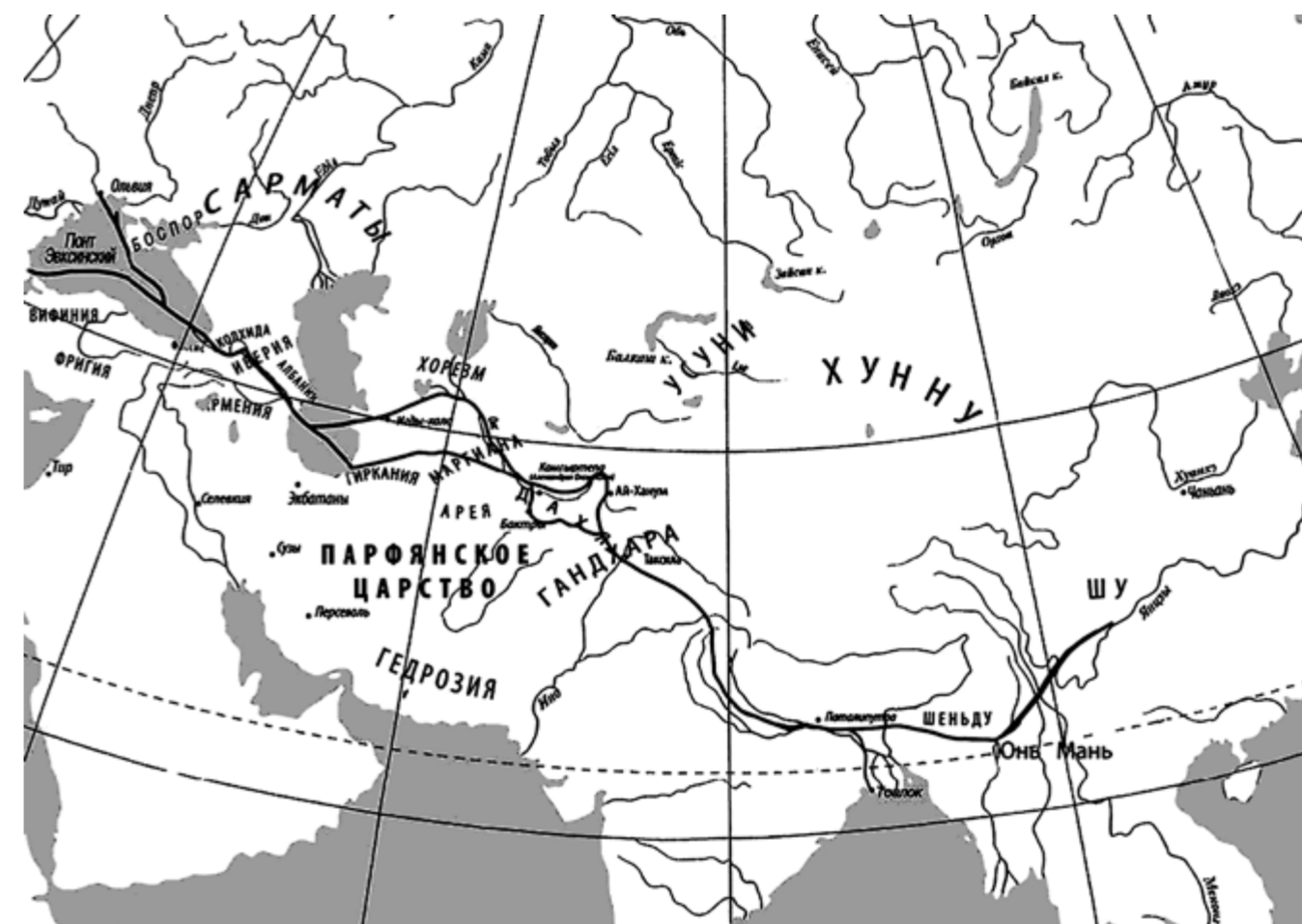
Есть основания предполагать, что данный путь следовал в древности из Гандхары не только на запад, но и на восток, в Южный Китай¹. Основанием для этого служат сведения Чжан-Цзяня, который, пребывая в Бактрии (между 139–129 гг. до н.э.), видел там бамбуковые посохи из Цюнь и холсты из Шу. Жители Даха (Бактрии) сказали ему, что эти предметы были приобретены их купцами, ходившими торговать в Шеньду, расположенный рядом с Шу, причем в Даха удобнее было идти прямо из Шу, и из этой области купцы тайком выезжали на запад².

Согласно современным исследованиям, области Шу и Цюнь соответствуют провинции Сычуань на юге Китая, а Шеньду охватывает Северо-Восточную Индию, Бирму и область Юньнань на юге Китая у границы с Вьетнамом.

Таким образом, еще до начала функционирования Великого шелкового пути между Бактрией и Южным Китаем существовала дорога, по которой вели торговлю своими товарами бактрийские и китайские купцы. Эта дорога, по-видимому, шла из Бактрии через Гандхару и Кашмир, а затем

¹ Функционирование этой дороги достаточно аргументированно обосновал Ф. Видеман. См.: Widemann 2009. P. 65–100.

² Бичурин 1950. С. 133.

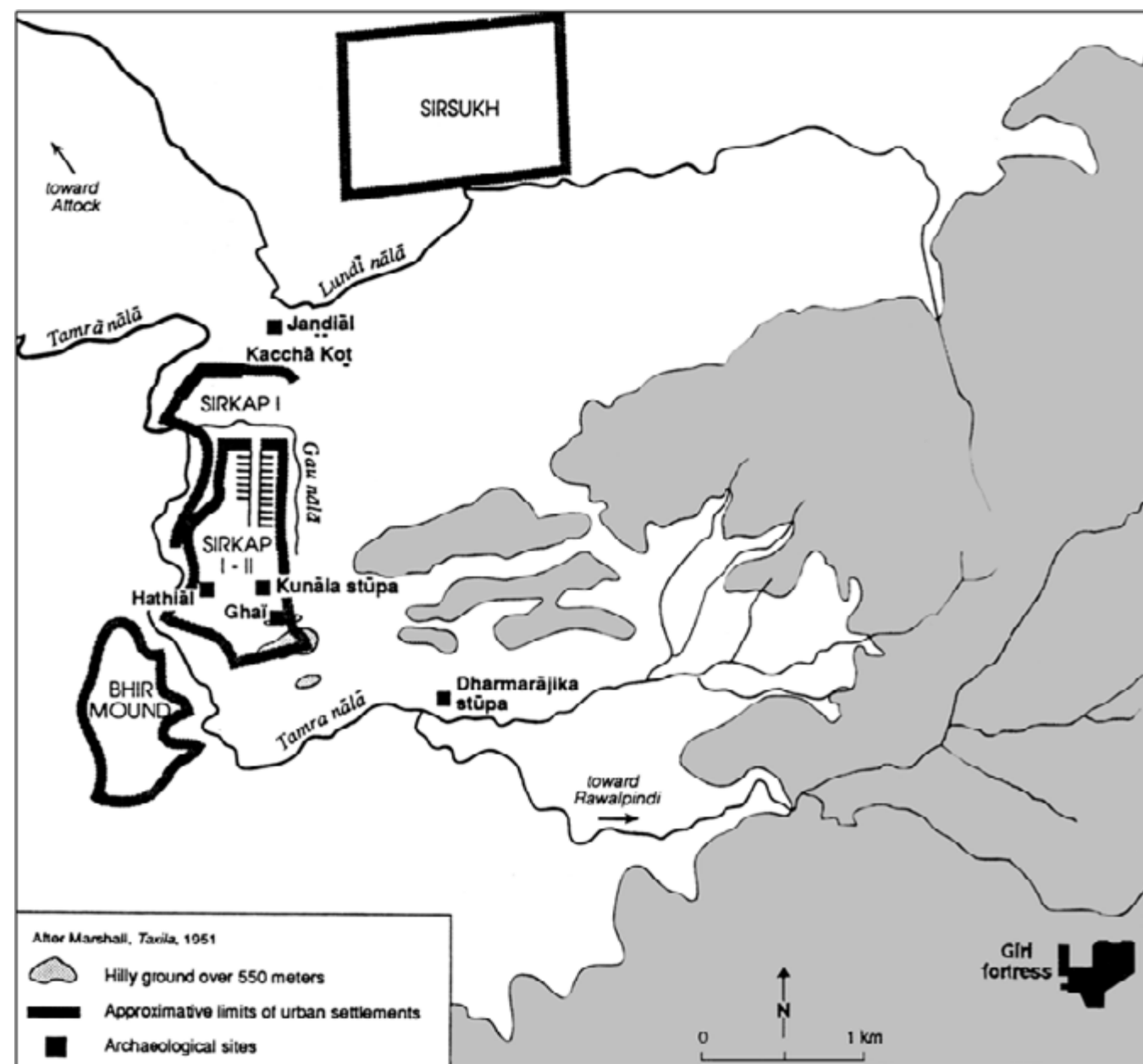
Map of the Great Indian Road
Великий индийский путь

по долинам Джамны и Ганга через Бирму выходила в современные китайские провинции Сычуань и Юньнань.

Судя по ряду источников, Великий индийский путь возник значительно ранее Великого шелкового пути, и именно он стал первой в истории цивилизации трансконтинентальной трассой, соединявшей восток и запад – Средиземноморье, Южный Кавказ, Среднюю Азию, Индию и Китай.

Как и многие великие торговые магистрали древности, Великий индийский путь складывался постепенно, отдельными частями, в освоении которых значительную роль сыграли представители различных этносов Индостана, бактрийцы и хорезмийцы, народы Южного Кавказа – албаны, иберы и колхи. Но объединение всех этих частей в единый торговый путь произошло, по-видимому, благодаря индийцам и эллинам. С запада эллины постепенно продвигались на восток, начиная с эпохи аргонавтов и их легендарного похода в «златообильную Колхиду», маршрутов Ясона к Каспию, походов воинов Александра Македонского, освоивших речные и сухопутные дороги из Средней Азии в Индию, и плавания Патрокла, посланного Селевком I для исследования Каспийского моря.

С востока уже в конце III–II тыс. до н.э. дравидские пионеры великой харашпской цивилизации

Taxila. Plan of the city (J. Marshall)
Таксила. План города (по Дж. Маршаллу)

долины Инда вышли в долину Окса, основав здесь торговую факторию, а затем постепенно стали продвигаться на запад к Каспийскому морю, оставив заметный след в цивилизациях Бактрии и Маргианы в последующие века.

Для обоснования своих выводов я использовал всю доступную мне научную литературу, сведения письменных источников, археологические и нумизматические данные. Разумеется, ряд из них представляет собой гипотезы и предположения, что в значительной мере объясняется недостаточностью источниковедческой базы, а подчас сложностью исторической интерпретации сведений письменных источников и археологических данных, которые при определенном подходе могут

View of the Amudarya valley from Eagle Mound (photo by G.A. Kogodin)
Вид на долину р. Амударья (Окса) с Орлиной сопки. Фото Г.А. Когодина

свидетельствовать как *pro*, так и *contra*, смотря с какой стороны их анализировать.

Хочу надеяться на активизацию исследований представленной в моей книге проблемы, ведь она включает в себе, в сущности, не одну, а множество проблем, а также вопросов, связанных с взаимоотношениями Востока и Запада, что я и отразил в какой-то мере в своей книге³, вызвавшей большой интерес среди широкого круга читателей. В данной книге представлены новый аспект этих взаимосвязей и иные маршруты взаимоотношений Востока и Запада по Великому индийскому пути. Отмечу, что до сих пор в мировой исторической науке, несмотря на довольно заметное число статей, отсутствуют научные монографии на эту тему, что явилось важным стимулом для написания данной книги.

Разумеется, Великий индийский путь коренным образом отличается от Великого шелкового пути. Цель была одина – торговые взаимоотношения и культурный обмен, но товары были иными, и главным товаром на этом пути являлся вовсе не шелк, а, по-видимому, слоновая кость, которая на Западе ценилась не менее, чем шелк. Иного содержания был и культурный обмен. В этом отношении интересна гипотеза Ж. Филлиоза, полагавшего, что часть этого пути, от западного побережья Каспия и далее на запад, функционировала еще до похода Александра Македонского, и именно по ней осуществлялись научные связи Индии с греческим миром⁴. Ниже я покажу, что путь, связывавший древнеиндийскую (дравидскую) цивилизацию Хараппы и древнеземледельческие цивилизации Маргианы и предгорьев Копетдага (недалеко от Каспийского моря) через Бактрию и по

³ Ргвеладзе 1999а.

⁴ Филлиоза 1957.

Оксу, реально функционировал в III–II тыс. до н. э. Именно по нему доставлялась сюда (и далее на запад) слоновая кость и могли проникать научные достижения (как писал Ж. Филлиоза) и иные культурные ценности.

Великим шелковым путем, как принято сейчас в современной исторической науке, политике и культуре, именуют всю систему дорог, связывавших Восток и Запад в древности и Средневековье, различая три основные – морскую, срединную и северную. При этом создается впечатление, что Китай, а не Индия, был отправной точкой торговых и культурных связей Востока и Запада. Это правильно лишь отчасти и совсем неправильно хронологически и по содержанию. Уже за два тысячелетия до открытия Чжан-Цзянем западного края во второй половине II в. до н. э., продвижения Ханьского Китая в глубь Центральной Азии, начала функционирования Великого шелкового пути и торговли по нему существовала система дорог, связывавших Индию с западным миром.

Эта система дорог была названа нами месопотома-хараппской⁵, учитывая наиболее важный вклад в ее становление древнейших цивилизаций Индии и Месопотамии. Именно в это время был освоен морской торговый путь, связывавший долину Инда с Месопотамией. На месопотамских клинописных табличках неоднократно упоминаются жители Мелуххи (низовья долины Инда), а также говорится о предметах мелуххского экспорта – золоте, олове, серебре, лазурите, сердолике и лесе. Этот морской путь был продлен до Средиземноморья после того, как фараон Нехо II (610–595 гг. до н. э.) прорыл канал шириной 45 м, восстановленный по распоряжению Дария I (521–486 гг. до н. э.) и соединявший Красное и Средиземное моря. Таким образом, стали возможными плавания от Средиземного моря до Индии, куда суда, согласно «Периплу Эритрейского моря», выводили к трем крупнейшим портам: Барбарикону в дельте Инда, Баригаду на р. Нармела и Лимирик на юге полуострова Индостан⁶.

Лишь спустя много веков, в начале н. э., был установлен морской путь в Южный Китай вокруг полуострова Индостан и Молукского полуострова. Первоначально же торговые караваны шли из Южного Китая через Бирму к низовьям Ганга или к западному побережью Индии через весь полуостров к вышеназванным портам.

Все эти дороги: *северная* – через Среднюю Азию, Южный Кавказ, Черное море в Средиземное море; *срединная* – из Пальмиры через Месопотамию, Харакену, вдоль побережья Аравийского моря в долину Инда или из Зегмы через Селевкию на Тигре, Гирканию, Маргиану, Арию в Арахозию⁷; *морская* – по Красному и Аравийскому морям или по Персидскому заливу и Аравийскому морю к западному побережью Индии – входили в понятие «Великий индийский путь». Начиная с конца II в. до н. э. они были постепенно продлены до Китая, а впоследствии начались и движение китайских товаров на запад и обмен дипломатическими миссиями между западом и востоком. Эта система дорог уже с конца XIX в., а особенно в наше время, благодаря известному решению ЮНЕСКО, неоправданно получила название «Великий шелковый путь».

В данном исследовании главное внимание уделено *северной* дороге Великого индийского пути.

5 Ртвеладзе 1999а. С. 17

6 Шеркова 1991; Бухарин 2007

7 Подробно об этой дороге см.: Кошеленко 2000. С. 137–138.

В заключение предисловия хочу искренне поблагодарить всех моих коллег, оказавших мне значительную помощь добрыми советами при поисках новой литературы, корректуре и подготовке иллюстраций: О.Ю. Арипджанова, А.Н. Горина, Дж. Я. Ильясова, Ф. Шамукарарамову.

Особо благодарен я моим зарубежным коллегам: Р. Метревели (Тбилиси, Грузия), М.Я. Ольбрыхту (Жешув, Польша), П. Леришу (Париж, Франция), Л. Неру (Дели, Индия), В.П. Никонорову (Санкт-Петербург, Россия) и Г.Р. Кублашвили (Тбилиси, Грузия), регулярно снабжавших меня недоступной в Ташкенте иностранной научной литературой. Также я искренне признателен Ж. Фюссману (Париж, Франция) за перевод индийских надписей из Кампыртепа. И, как всегда, неоценимыми были содействие и поддержка моей супруги Л.Л. Ртвеладзе. Отдельные слова благодарности я адресую В.Р. Цилицкой (Ташкент) за ее чрезвычайно важную и очень большую помощь в подготовке рукописи книги к изданию.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

CHAPTER I

HISTORICO-ARCHAEOLOGICAL LITERATURE
AND CLASSICAL SOURCES

This chapter is devoted to the historiography of the Great Indian Road. It contains two sections: the first section surveys the accounts of the Classical writers which relate thereto; and the second section surveys scholarly works in the field, i. e. the historiography of the Great Indian Road in Central Asian and foreign historical science which has proven valuable, in varying degrees, to my research, as well as publications bearing, directly or indirectly, on the matter at hand.

It should especially be emphasized that in the vast literature on the subject there is no monograph devoted specifically to the great road leading from India to the West. This could be due to the following reasons: 1) the sheer paucity of information offered by classical authors, 2) the skeptical view about the existence of this road, expressed by the eminent English scholar W.W. Tarn who caused many to doubt it, and 3) the insufficient integration of archaeological materials in their chronological and geographical context for settling the question under study with regard to the particular segments of the road as well as the overall network.

CLASSICAL SOURCES

The written sources of classical antiquity which refer to the Great Indian Road are scarce in the extreme. They are limited to the rather meager accounts of Greek historians and geographers (Strabo, Pliny the Elder) who wrote at the time when the road they described had already been functioning throughout its entire length for many centuries and who drew their information from much earlier sources which have not come down to us (Patrocles, Eratosthenes, Aristobulus). This includes Pseudo-Scymnus (2nd century BC) who affords us information about the road from India to the West. The allusions to the road are also contained in Roman sources (Varro, Solinus) dependent to some extent on Greek ones. The differences between the two source traditions are insignificant and mainly confined to minor points.

The fullest account of the Great Indian Road is given in the *Geography* of Strabo (c. 63 BC – c. 23 AD), a work compiled no earlier than 18 AD. All the early translations in Russian of the accounts of this route which we possess in Strabo's *Geography* do not differ much from one another and the authors, translating and commenting on them, deem the testimony of Strabo to be proof of the actual existence of the road. In contrast, W.W. Tarn and after him K.V. Trever held that these translations are inaccur-

rate and imprecise, and that, in fact, Strabo speaks of this road not as really existing, but merely as a possibility.

We provide here all translations known to us of the excerpts on this route from Strabo's *Geography*, together with their interpretation proposed by W.W. Tarn.

What follows is V.V. Latyshev's translation of Strabo (XI, 7, 3) from the original Greek into Russian, and from Russian into English:

"Hyrkania is traversed by the rivers Ochus and Oxus to their outlets to the sea; and of these, the Ochus flows also through Nesaea, but some say that the Ochus empties into the Oxus. Aristobulus declares that the Oxus is the largest of the rivers he has seen in Asia, except those in India. And he further says that it is navigable (both he and Eratosthenes taking this statement from Patrocles), and that large quantities of Indian wares are brought down on it to the Hyrcanian Sea and are transferred from thence to Albania; finally they are brought down on the Cyrus River and through the region that comes next after it to the Euxine"¹.

A corpus of accounts of ancient Greek and Latin writers on the Scyths and the Caucasus (*Scythica et Caucasica*), collected and translated into Russian by V.V. Latyshev, was first published in two volumes (five issues) in the years from 1890 to 1906. In 1947–1948, his translations were reissued as a supplement to the *Vestnik Drevnei Istorii*, revised and enlarged with extra notes supplemented by S.P. Kondratev.

And here is the translation by G.A. Stratanovskii:

"Hyrkania is watered by the rivers Ochus and Oxus as far as their entrance into the sea. Of these, the Ochus flows also through Nesaea, but some say that the Ochus empties into the Oxus. Aristobulus even declares that the Oxus is the largest river, except those in India, which he has seen in Asia. He says also that it is navigable with ease (a circumstance which both he and Eratosthenes borrow from Patrocles), and that large quantities of Indian merchandise are conveyed by it to the Hyrcanian Sea, and thence on that sea are transferred to Albania and brought down on the Cyrus River and through the adjoining countries to the Euxine"².

Scholars who applied themselves to the study of the given road would mostly refer to these two translations where content and wording are quite similar.

A different interpretation was proposed by W. Tarn³. He writes that Strabo's passage II, 73⁴, in Greek, can imply two meanings: (i) that the Indian trade was brought down the Oxus to the Caspian and beyond, and (ii) that it actually was not brought but *easily could have been*.

The Tarn's main arguments are as follows:

1. The word 'easily', as it stands in Strabo (II, 73), is in favour of (i) and conveys the exact meaning of Patrocles' report to Antiochus I, that is, "You can easily make a trade-route from Bactria across the Caspian to the Black Sea if you like".

1 Лагъшев 1947, 226.

2 Страбон 1964, 482.

3 Тарн 1985, 488–490.

4 "The River Oxus... is so easily navigable, they say, that Indian merchandise brought over the mountains is easily conveyed to the Hyrcanian Sea, and thence, by various rivers, to the successive regions beyond, as far as the Pontus" (Страбон 1964, 79). Tarn asserts that "This sober statement is part of Patrocle's report to Antiochus I" which too "was drawn up in language legitimately susceptible of two meanings".

2. The statement of Strabo (XI, 509)⁵ does not represent the view taken by Strabo himself, but was derived from Eratosthenes' misinterpretation of Patrocles' report. Eratosthenes altered the whole sense of Patrocles' report by turning the word 'easily' into 'many goods' and thus put it in the context of statement (i).

3. Pliny the Elder's statement (VI, 52) as to trade passing down the Oxus into the Caspian, given on the authority of Varro from information acquired by Pompey's expedition⁶, comes from Patrocles' report to Antiochus I⁷. "Pompey was never near the Caspian, and the man whom he commissioned to find out for him merely quoted Patrocles".

4. Had there been a trade-route from India to the West by way of the Oxus and the Caspian, "Pompey would not have called for a report on its feasibility"⁸.

W.W. Tarn's interpretation of these passages of Strabo and Pliny has been supported by K.V. Trever. She, like W.W. Tarn, believed that the narratives of the Indian Road, as given by these authors, were simply echoing the question of shipping goods from India to the Black Sea, and not necessarily reflecting the fact that this road actually existed⁹. Accordingly, she translates the relevant texts in Strabo and Pliny as follows: "The Oxus is sufficiently navigable for the Indian trade *to be carried* across it and *to be easily brought* down the river to the Hyrcanian Sea and the places beyond as far as the Black Sea by way of the rivers" (Strabo, XI, 7, 3) and "Indian goods, *if carried* across the Caspian to the Cyrus, *can be brought* down to the Phasis, which ran into the Pontus, with a land portage not exceeding five days" (Pliny, VI, 52).

Pseudo-Scymnus (second half of the 2nd century BC)

There is a very important piece of information in Pseudo-Scymnus, which has generally been overlooked by scholars. The first scholar to take note of it was P. Leriche, with reference to whom I have also used it as proof of the existence of the Great Indian Road. P. Leriche kindly communicated to me that this information by Pseudo-Scymnus is contained in the *Géographes Grecs* published in Paris in 2000 under the editorship of D. Marcotte which comprises Pseudo-Scymnus' work *The Circumnavigation of the Earth*. The latter includes, in particular, a description of the territory from the Strait of Gibraltar till the eastern coast of the Black Sea. Pseudo-Scymnus dedicated his work to either Nicomedes II (149–127 BC) or to Nicomedes III of Bithynia (127–94 BC). According to Pseudo-Scymnus (*Ad Nicomedem regem*, 934 [F 20]), the Bactrians used to travel, in particular to the west, because at Phasis (a city in Colchis, western Georgia. – E.R.) on the river Phasis (the Rioni river. – E.R.) there was a 'Greek city of Milesian origin, where men of sixty nations come together, speaking different languages: men of barbarian origin from

5 Strabo, XI, 509. "Aristobulus says that the Oxus is the greatest river he himself saw in Asia, except the Indian rivers. He and Eratosthenes, both citing Patrocles, say that the Oxus is navigable and brings down many goods from India to the Hyrcanian sea; thence they cross the sea to Albania and are carried by way of the Cyrus and the places beyond to the Black Sea".

6 Pliny the Elder, VI, 52. "Varro adds also, that under the direction of Pompey, it was ascertained that it is seven days' journey from India to the river Icarus, in the country of the Bactri, which discharges itself into the Oxus, and that merchandise from India being conveyed from it through the Caspian Sea into the Cyrus, may have been brought by land to Phasis in Pontus, in five days at most".

7 Tarn (1985, 489–490) claimed that "There was never then in existence more than one independent statement about an Oxo-Caspian trade-route, Patrocles' report to Antiochus I". This, however, was not the case, for it has been conclusively proved by O.D. Lordkipanidze that Varro's narratives were in fact wholly independent. See Lordkipanidze 1957, 377–384.

8 Tarn 1985, 490.

9 Тревер 1959, 43.

India and Bactria would meet there"¹⁰.

Thus, the passage testifies that perhaps as early as even before the mid-2nd century BC Bactrians and Indians, who were most likely merchants, resided in the main city of Colchis situated at the confluence of the Phasis and the Euxine Pontus, i.e. in Phasis. This, in turn, proves that, in spite of the doubts of some scholars, such trade relations truly existed and that the great transcontinental thoroughfare from India through Bactria to the eastern coast of the Black Sea was in use well before the mid-2nd century BC.

Gaius Plinius Secundus (23/24–79)

The information supplied by Pliny in his *Natural History*, as he himself tells us, is taken from Marcus Terentius Varro (116–27 BC), a probable participant in Pompey the Great's campaigns against the Southern Caucasus, in 66 BC, whose work has not survived.

(VI, 51) "It was said by Alexander the Great that the water of this sea (Caspian) is sweet to drink, and M[arcus] Varro informs us, that some of it, of a similar character, was brought to Pompey, when holding the chief command in the Mithridatic war in its vicinity; the salt, no doubt, being overpowered by the volume of water discharged by the rivers which flow into it".

(VI, 52) "Varro adds that investigations under the leadership of Pompey revealed that the journey from India to Bactria takes seven days with [travelers] reaching a tributary of the Oxus called Bactrus. Indian merchandise is then brought from the Bactrus across the Caspian to the Cyrus River and then carried overland for less than five days to reach the Phasis River leading to the Black Sea".

Gaius Julius Solinus (first half of the 3rd c. AD)

The work of the Roman writer Solinus is generally supposed to be a second-hand compilation from the works of Pliny and Pomponius Mela, a Spaniard by birth, who wrote his *Description of the World* in the 40s of the 1st century BC which in turn was drawn from the lost narrative of Varro. Nevertheless, Solinus' work records many things that were little and not known before, in particular peoples' names, toponyms, etc.

The passage that describes the route from India westward to the Pontus Euxine was translated by V.V. Latyshev from the text of Solinus as given in Th. Mommsen's edition¹¹.

(XIX, 3) "That the Caspian Sea on the other side of Pontus beyond the Massagetae and the Scythians called Appelaeanes in the coast of Asia is sweet of taste. It was tried by Alexander the Great and afterward by Pompey the Great, who in his wars against Mithridates (as Varro, one of his fellow soldiers, reported) would have known whether it were true or not by drinking of it himself".

(XIX, 4) "It is reported that it comes so to pass by reason of the number of rivers, whereof there falls such a sort into it that they alter the nature of the sea. I must not let pass that at the same time the said Alexander was able to come in eight days out of India from Bactria on to the River Dalier which runs into the River Oxus (*ex India diebus octo ad Bactros usque Dalierum flumen, quo influit*

10 Leriche 2007, 122.

11 Латышев 1949, 245.

Oxum amnem, pervenire) and from thence to the Caspian Sea and so by the Caspian to pass into the stream of the River Cyrus which runs between the marches of Iberia and Armenia”.

(XIX, 5) “From Cyrus also conveying his ships after him from land. He came in five days at the most to the Channel of Phasis: at whole issue it is manifestly proven that those who come out of India may be brought into Pontus”¹².

The translation of the same passages by K. Aliev differs in no respect from that of V.V. Latyshev¹³. As is generally agreed, Solinus borrowed his account of these episodes from Pliny, who in turn derived his from Varro. The main differences between Solinus and Pliny turn on the name of the river running into the Oxus (in Pliny it is referred to under the name of the Bactrus, while Solinus terms it Dalierum) and the length of time which was occupied by the journey from India to Bactria and up to this river (in Pliny it is a seven days’ journey, while Solinus gives the number as eight).

Theodor Mommsen in his edition of Solinus’ *Collectanea Rerum Memorabilium* gives alternative names for the river Dalierum – Iacrum, Bactrum, and he even doubts whether it had a fixed name, or whether it was referred to by the phrase *usque ad acterum flumen quod* (“up to the other river, which...”)¹⁴. Strabo’s and Varro’s descriptions of this route differ only in some particulars. For example, Strabo omits to mention that the route from India led to the river Bactra (Solinus’ Dalierum), nor has he given the number of days which this route would have taken, and the time required for reaching the river Phasis from the mouth of the Cyrus across the Southern Caucasus.

It thus appears, from the translations of the passages of Strabo and Pliny, which we have been just passing in review, that there are two diametrically opposed points of views among scholars regarding the route from India to the Pontus. In the translations by V.V. Latyshev, G.A. Stratanovskii and K. Aliev a greater emphasis is placed on establishing that the road under study did really exist, whereas W.W. Tarn and K.V. Trever lay more stress on its hypothetical existence.

Epiphanius of Constantinople (IV c. AD)

Epiphanius of Constantinople, with reference to Clement of Rome, Epiphanius of Cyprus, and Eudor of Sicily, in his book the *Life of St. Andrew* relates: “Epiphanius of Cyprus says that St. Andrew converted the Scyths, the *Sogdians* and the Mursee [ancient Georgian tribe. – *E. R.*] in Great Sebastopolis [modern Suchumi. – *E. R.*], where the fort of Apsaros and the port of Asos and the Phasis River are located, the Iberians, Sussi and Phusti, and the Alani lived there. Andrew went from Asos and came to Trapezous, to the city of Lazica. And he departed thence and stayed in Iberia, after having preached to the dwellers on the sea coast. Hence he set out for Jerusalem, and the rest of the holy fathers went over to cities, preaching and performing miracles in Iberia and Phasis”¹⁵.

HISTORY OF THE RESEARCH SO FAR

12 Ibid.

13 Алиев К. 1987, 92.

14 Латышев 1949, 245, прим. 5.

15 Джапаридзе 2012, 131. Information courtesy of G.R. Kublashvili, the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Georgia in the Republic of Uzbekistan, and to him my thanks is due.

The history of the great transcontinental road that in ancient times linked India to the Black Sea region (the Pontus Euxine) is reflected, to a greater or lesser degree, in number of publications by scholars from many countries. At the same time there exists as yet no monograph dedicated to the subject as a whole. Only quite recently was there published a collection of articles *Doroga Strabona’ kak chast Velikogo shelkovogo puti*, containing proceedings of the International conference held in Baku on 28–29 November 2008, which I shall return to in due course.¹⁶ My point here is simply that methodologically it is absolutely wrong to consider the highway network from India to the Black Sea as part of the Great Silk Road, for it was a fully independent system of exchange, which emerged and operated much earlier than the Great Silk Road.

A review of the literature about the Great Indian Road illustrates two opposing attitudes towards the existence of the road. One, arising from the opinion of W.W. Tarn, was to claim that the road had no real existence in ancient times and that the accounts of the classical authors reflect only the probability that such a road could have existed. The same view, besides W.W. Tarn, was also taken by K.V. Trever and some Azerbaijani scholars, as well as by several writers in recent times, C. Rapin in particular. Another group of scholars, an overwhelming majority, relying on the same information of the classical authorities and occasionally on archaeological evidence and geographical records, believe that the road from India to the Black Sea did indeed exist. It is characteristic that all the researchers consider only individual sections of this highway: some examine only its Central Asian segment, either in whole or in part (for example, the road from Chorasmia to the Caspian Sea or from the Ochus and Oxus Rivers – the Bactrian link), others survey solely the Transcaucasian route, restricting themselves exclusively to the track across Azerbaijan or that across Georgia.

The archaeological and numismatic materials mentioned in their work are not adequately used, insofar as they are never analyzed as a complex whole, considering the full extent of the road – from India to the Black Sea, as we might expect, but rather again reduced to one specific geographical region: Bactria, Chorasmia, Caucasian Albania or Colchis. Such a research method does not allow the subject to be comprehended in its entirety.

Let us turn now to a review of the general literature on the subject.

16 «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы Международной конференции (Баку, 28–29 ноября 2008 г.). Самарканд; Ташкент, 2009.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

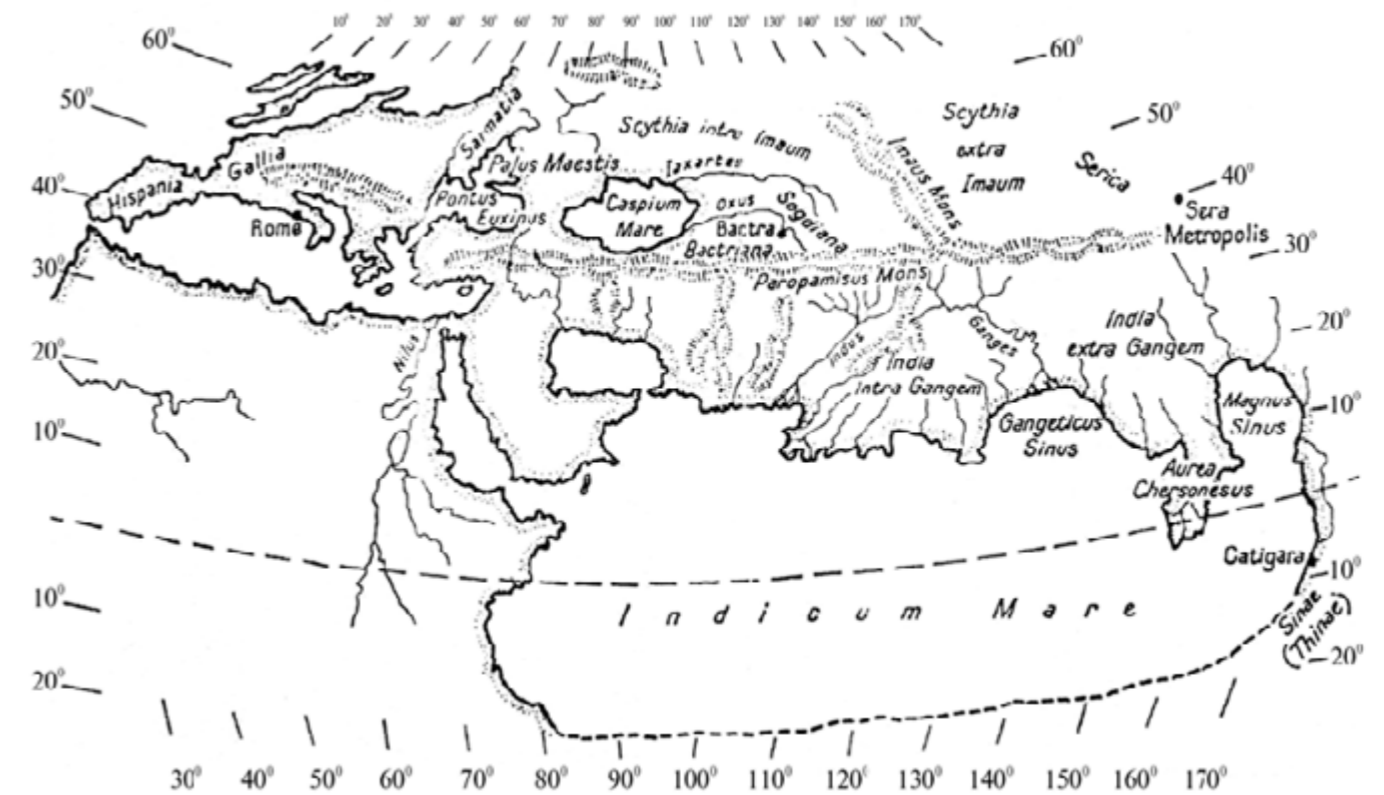
Данная глава посвящена историографии Великого индийского пути. Она включает в себя две части: в первой анализируются сведения древних письменных источников, во второй дается характеристика научных работ, т. е. история изучения этого пути в отечественной и зарубежной исторической науке, учитывающая как наиболее, так и менее значимые исследования, а также публикации, прямо или косвенно затрагивающие эту проблему.

Особо подчеркну, что, несмотря на обилие научных публикаций, до сих пор в исторической науке отсутствуют монографии о великом пути на запад из Индии. Это может быть объяснено следующими причинами: 1) крайней ограниченностью сведений из письменных источников; 2) скептическим взглядом на существование этого пути видного английского ученого В.В. Тарна, зародившего у многих ученых сомнение в данном вопросе; 3) недостаточным привлечением к решению этой проблемы археологических материалов в их хронологическом и географическом отношении не только для отдельных участков этого пути, но и во всеобъемлющем охвате.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Круг древних письменных источников, повествующих о Великом индийском пути, весьма ограничен. Это всего лишь редкие сведения греческих историков и географов (Страбон, Плиний), писавших в то время, когда этот путь уже функционировал на всем своем протяжении в течение нескольких веков, и ссылавшихся на более ранние источники, не дошедшие до нас (Патрокл, Эратосфен, Аристул). Уже Псевдо-Скимн (II в. до н. э.) приводит сведения, позволяющие рассуждать о пути из Индии на запад. Данные о нем содержатся и в какой-то мере в зависевших от греческих римских письменных источниках (Варрон, Солин). Различия между этими письменными памятниками незначительны и сводятся в основном к деталям.

Наиболее пространные сведения о Великом индийском пути приведены в «Географии» Страбона (ок. 63 г. до н. э. – ок. 23 г. н. э.) – сочинении, написанном не ранее 18 г. н. э. Все ранние переводы на русский язык фрагментов из «Географии» Страбона об этом пути фактически не отличаются друг от друга, и авторы, переводившие их, считают, что сведения Страбона свидетельствуют о реальном существовании данной дороги. В отличие от них В.В. Тарн, а следом за ним и К.В. Тревер полагают, что сведения Страбона были истолкованы неточно и что на самом

The world according to Ptolemy

Карта мира (по Птолемею)

деле Страбон говорил не о действительном существовании этого пути, а о возможном его создании.

В связи с этим в книге приведены все известные нам переводы фрагментов Страбона, касающихся рассматриваемой проблемы, а также интерпретация В.В. Тарна. Перевод В.В. Латышева с древнегреческого языка (XI, 7, 3): «Через Гирканию протекают также реки Ох и Окс до впадения в море; из них Ох течет и через Несею, некоторые говорят, что Ох впадает в Окс. Аристул называет Окс величайшею из виденных им в Азии рек, за исключением индийских; он говорит также (заимствуя это известие, как и Эратосфен, у Патрокла), что она удобна для судоходства и что по ней многие индийские товары сплавляются в Гирканское море, отсюда переправляются в Албанию и, наконец, по Киру и следующим за ним местностям перевозятся в Эвксин...»¹. Корпус сведений греческих и римских писателей о Скифии и Кавказе («Scythica et Caucasia»), собранных и переведенных В.В. Латышевым, впервые вышел в двух томах (пяти выпусках) в период с 1890 по 1906 г. В 1947–1948 гг. в приложении к журналу «Вестник древней истории» эти его переводы были переизданы, причем они были сверены и дополнены С.П. Кондратьевым.

Перевод Г.А. Стратановского: «Через Гирканию протекают реки Ох и Окс до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Несею, но, по словам некоторых, Ох впадает в Окс. Аристул

¹ Латышев 1947. С. 226.

даже объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и доставляет много товаров из Индии к Гирканскому морю; оттуда они [товары] переправляются морем в Албанию и по реке Кир и через места за ней доставляются к Черному морю»².

Ученые, писавшие об этом пути, использовали главным образом два вышеизложенных перевода, которые весьма схожи по содержанию.

Иная трактовка предложена В.В. Тарном³. Он пишет, что фрагмент текста Страбона II, 73⁴ в греческом языке может означать две версии: во-первых, что индийская торговля действительно проходила вниз по Оксу до Каспия и за его пределы; во-вторых, что это было *вполне возможным* (выделено мной. – Э.Р.), но не было в действительности.

В.В. Тарн полагает следующее.

1. Упомянутое у Страбона слово «легко» свидетельствует в пользу второй версии и отражает истинный смысл отчета Патрокла Антиоху I, а именно: «Вы можете легко организовать торговлю из Бактрии через Каспийское море к Черному морю, если Вам это хочется».

2. Фрагмент Страбона XI, 509⁵ отражает не личное мнение мыслителя, а неверную интерпретацию Эратосфена сведений Патрокла, который заменил слово «легко» на «многие товары», придав отчету Патрокла смысл первой версии (см. выше. – Э.Р.).

3. Сведения Плиния Старшего (VI, 52)⁶ заимствованы из отчета Патрокла. Человек, посланный Помпеем на разведку к Каспийскому морю, просто повторил сведения Патрокла⁷.

4. Если бы торговля на этом пути существовала в действительности, Помпей бы не исследовал возможности для ее организации⁸.

Интерпретацию В.В. Тарна сообщений Страбона и Плиния поддержала К.В. Тревер. Так же как и В.В. Тарн, К.В. Тревер считает, что в трудах этих авторов отражены отголоски обсуждаемого в то время вопроса о возможности доставки товаров из Индии к Черному морю, а вовсе не сам факт существования этого пути⁹. Соответствующим образом она и переводит интересующие нас фрагменты из сочинений Страбона и Плиния: «По судоходному Оксу можно перевезти индийские товары и с легкостью спустить их [сначала] до Гирканского моря, а затем поочередно через реки и до Черного моря» (Страбон, XI, 7, 3) и: «Индийские товары, перевезенные через Каспийское море в Куру, могут быть перевезены не более как в пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Черное море» (Плиний, VI, 52).

2 Страбон 1964. С. 482.

3 Тарн 1985. Р. 488–490.

4 «Река Окс..., как говорят, отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта» (Страбон 1964. С. 79).

5 «Аристокл называет Окс величайшей из виденных в Азии рек, за исключением индийских. И он, и Эратосфен, со слов Патрокла, говорят, что эта река судоходна и что по ней многие из индийских товаров перевозятся в Гирканское море. Отсюда они переправляются в Албанию и (затем) по р. Куру и следующими за ней местностями доставляются в Евксин» (Страбон, XI, 509).

6 «Варрон прибавляет также, что во время похода Помпея, по его приказанию, было выяснено, что из Индии можно в семь дней прийти в Бактрию к р. Бактре, впадающей в Окс. Отсюда индийские товары перевозят через Каспийское море вверх по р. Куру и по суше. Не более чем в пять дней пути они могут прибыть в Фасис, который впадает в Черное море» (Плиний Старший, VI, 52).

7 Однако О.Д. Лордкипанидзе убедительно доказал независимый характер сведений Варрона. См.: Лордкипанидзе 1957. С. 377–384.

8 Тарн 1985. Р. 490.

9 Тревер 1959. С. 43.

Псевдо-Скимн (вторая пол. II в. до н. э.)

Весьма важные сведения, которые прежде не привлекались учеными, содержатся у Псевдо-Скимна. Впервые на них обратил внимание П. Лериш, а со ссылкой на него и автор этой книги, привлекая данные сведения для доказательства существования Великого индийского пути. П. Лериш любезно сообщил мне, что сведения Псевдо-Скимна содержатся в работе «География греков», вышедшей в Париже в 2000 г. под редакцией Д. Маркотта и включающей в себя труд Псевдо-Скимна «Описание земли». Часть его содержит описание территории от Гибралтара до восточной части Черного моря. Свое сочинение Псевдо-Скимн посвятил правителям Вифинии Никомеду II (149–127 гг. до н. э.) или Никомеду III (127–94 гг. до н. э.). Согласно Псевдо-Скимну, бактрийцы путешествовали особенно на запад, поскольку Фасис (город в Колхиде, Западная Грузия. – Э.Р.) на р. Фасис (р. Риони. – Э.Р.) – «греческий город милетского происхождения, где проживали вместе люди шестидесяти национальностей, говорящие на различных языках: люди варварского происхождения из Индии и Бактрии встречались здесь» (Ad Nicomedem regem, 934 [F 20])¹⁰.

Таким образом, эти сведения говорят о том, что в Фасисе, главном городе Колхиды, расположенном у впадения р. Фасис в Понт Эвксинский, уже, по-видимому, до второй половины II в. до н. э. жили бактрийцы и индийцы, вероятнее всего, торговцы. Это указывает, вопреки сомнению ряда ученых, на реальные торговые отношения и, в свою очередь, на функционирование великой трансконтинентальной дороги, шедшей из Индии через Бактрию к восточному побережью Черного моря, во всяком случае, ранее второй половины II в. до н. э.

Гай Плиний Секунд (23/24–79 гг. н. э.)

Сведения, приведенные в «Естественной истории» Плиния, как он сам утверждает, заимствованы им у Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н. э.) – возможного участника похода Помпея Великого на Южный Кавказ в 66 г. до н. э., книга которого не дошла до нас.

(VI, 51) «...Что вода в самом [Каспийском] море имеет пресный вкус, об этом передает Александр Великий, а также М[арк] Варрон утверждает, что такая вода была принесена Помпеем во время его военных действий вблизи моря в Митридатову войну; соленый вкус ее, без сомнения, уничтожается впадающими в море огромными реками».

(52) «Варрон прибавляет также, что во время похода Помпея, по его приказанию, было выяснено, что из Индии можно в семь дней прийти в Бактрию к р. Бактре, впадающей в Окс. Отсюда индийские товары перевозят через Каспийское море вверх по р. Куру и по суше. Не более чем в пять дней пути они могут прибыть в Фасис, который впадает в Черное море» (перевод О.Д. Лордкипанидзе).

Гай Юлий Солин (первая пол. III в. н. э.)

Труд римского автора Солина, как считается, является компиляцией из произведений Плиния и Помпония Мелы, уроженца Испании, написавшего свое «Землеописание» в 40-х гг. I в. до н. э., в котором, в свою очередь, использованы сведения из не дошедшей до нас книги Варрона. Тем не

10 Leriche 2007 С. 122.

менее в труде Солина встречаются малоизвестные и неизвестные сведения, в частности названия народов, топонимы и т. д. Перевод фрагмента о пути из Индии на запад к Понту Эвксинскому осуществлен В.В. Латышевым по тексту Солина, изданному Т. Моммзенем¹¹.

(XIX, 3) «Каспийское море с другой стороны Понта за массагетами и скифами-аналеями отличается пресной водой: это испытано Александром Великим, а затем Помпеем Великим, который во время Митридатовой войны, как передает его сослуживец Варрон, пожелал лично [досл. «самими глотками»] удостовериться в этом».

(4) «Полагают, что это происходит от большого числа рек, которые изливаются туда в таком количестве, что изменяют природные свойства моря. Не умолчу, что в то же время тому же Великому удалось в восемь дней пройти из Индии в Бактрию до реки Далиера, где она впадает в реку Окс (*ex India diebus octo ad Bactros usque Dalierum flumen, quo intluit Oxum annem pervenire*), затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий проникнуть к течению реки Кира, которая течет по границе Армении и Иберии».

(5) «От Кира он не более как в пять дней прибыл к руслу Фасиса сухим путем, волоча с собой суда. Его походами доказано, что к Понту можно проехать из Индии по воде»¹².

Перевод этих же фрагментов К. Алиева ничем не отличается от перевода В.В. Латышева¹³. Как считают все исследователи, данный текст Солина взят у Плиния, который соответственно опирался на данные Варрона. Единственная разница – это название реки, впадающей в Окс (у Плиния она фигурирует под названием Бактра, а у Солина – Далиера), и расстояние, которое надо было пройти из Индии в Бактрию до этой реки (у Плиния указано семь дней, а у Солина – восемь).

Издатель текста сочинения Солина Т. Моммзен приводит различные, кроме *Dalierum*, названия этого гидронима, как *Iacrum*, *Bactrum*, и вообще сомневается, что здесь приведено данное слово, а не выражение «*usque ad acterum flumen quod*» («до другой реки, которая...»)¹⁴. В сведениях Страбона и Варрона описание пути расходится лишь в отдельных деталях. К примеру, у Страбона не сказано, что дорога из Индии идет к р. Бактре (у Солина указана р. Далиера), а также не говорится о количестве дней, занимаемых этим отрезком пути и дорогой по Южному Кавказу от устья Кира до Фасиса.

Таким образом, в представленных переводах сочинений Страбона и Плиния обнаруживаются два диаметрально противоположных мнения, касающихся пути из Индии в Понт. В переводах В.В. Латышева, Г.А. Стратановского, К. Алиева основной акцент сделан на констатации реального существования данного пути, тогда как в переводах В.В. Тарна и К.В. Тревер – на утверждении лишь возможного его создания.

Епифан Константинопольский (IV в.н.э.)

Епифан Константинопольский со ссылкой на Климентия Римского, Епифана Кипрского и Евдора Сицилийского пишет в своей книге «Жизнь Андрея Первозданного»: «Епифан Кипрский го-

11 Латышев 1949. С. 245.

12 Там же.

13 Алиев К. 1987. С. 92.

14 Латышев 1949. С. 245, примеч. 5.

ворит, что Андрей Первозданный, обратил скифов, *согдианов* (выделено нами. – Э.Р.) и мурсиев (одно из грузинских племен. – Э.Р.) в Великом Севастополисе (совр. Сухуми. – Э.Р.), где находится лагерь Абсароса и порт Асос и р. Фасис, там жили иберы, суссы и фусты и аланы. Андрей пошел из Асоса и пришел в Трапезунд в город Лазики. А оттуда пошел и остановился в Иберии после того, как он проповедовал жителям *морского* побережья. После направился в Иерусалим, а остальные святые отцы отправились в города, проповедуя и совершая чудеса в Иберии и Фасисе»¹⁵.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

История великой континентальной дороги, соединявшей в древности Индию со странами Черного моря (Понта Эвксинского), в той или иной степени отражена в немалом числе научных публикаций исследователей из различных стран. В то же время полностью отсутствуют монографии, посвященные этой проблеме. Лишь недавно опубликован коллективный сборник «Дорога Страбона» как часть Великого шелкового пути», в котором собраны доклады участников Международной конференции, состоявшейся в Баку 28–29 ноября 2008 г., к которой я вернусь ниже¹⁶. Здесь отмечу лишь, что методически абсолютно неправильно считать дорогу из Индии к Черному морю частью Великого шелкового пути, поскольку это был совершенно самостоятельный путь, возникший и функционировавший значительно ранее Великого шелкового пути.

Обзор этих публикаций показывает, что в отношении его реального существования имеются две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной из них, восходящей к В.В. Тарну, подобной дороги в древности не существовало, а сведения античных авторов отражают лишь вероятность его создания. Того же мнения, помимо В.В. Тарна, придерживались К.В. Тревер и ряд азербайджанских ученых, а среди современных исследователей К. Рапэн. Другая группа ученых, которых большинство, опираясь на те же сведения античных авторов и изредка на археологические данные и географические сведения, полагает, что путь из Индии к Черному морю существовал в действительности. Характерно то, что все исследователи рассматривают лишь отдельные элементы этого пути: одни только его среднеазиатскую часть в целом или по отдельным участкам (путь из Хорезма к Каспийскому морю; от Оха и Окса – бактрийское звено), другие – лишь южнокавказский путь, причем только дорогу по Азербайджану или только по Грузии.

Археологические и нумизматические данные используются при этом недостаточно полно и корректно, т.к. рассматриваются не в комплексе, охватывая весь путь от Индии до Черного моря, как следовало бы, а опять-таки ограничиваются одной определенной областью: Бактрией, Хорезмом, Кавказской Албанией или Колхидой. Такой метод изучения не дает возможности рассмотрения всей проблемы в целом.

Перейдем теперь к анализу основных работ, посвященных этому пути. Едва ли не первым его исследователем был проф. Дерптского университета Ф. Крузе, опубликовавший в 1835 г. статью, в

15 Джапаридзе А. История грузинской апостольской церкви». Ч. 1: I–VI вв. н.э. Тбилиси, 2012. С. 131. Эти сведения любезно сообщил мне Чрезвычайный и Полномочный Посол Грузии в Республике Узбекистан Г.Р. Кублашвили, которому я очень за это признателен.

16 «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы Международной конференции (Баку, 28–29 ноября 2008 г.). Самарканд; Ташкент, 2009.

которой со ссылкой на древнегреческие письменные источники писал о доставке товаров в древности из Средней Азии по Амударье через Каспий и Кавказскую Албанию по р. Куры к Черному морю¹⁷.

Большое значение для исследования этого пути имеет работа штабс-капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона А.А. Быкова, который летом 1878 г. осуществил рекогносцировку р. Амударьи от устьев р. Вахш до кишлака ХоджаДжанбас, в 40 км севернее Керки, а также исследовал все переправы в низовьях Амударьи от Петр-Александровки до Чарджоу, изученных им в 1876–1877 гг. Помимо описания переправ, А.А. Быков дал характеристику дорог к ним, а также детально описал типы различных судов, использовавшихся в плаваниях по Амударье, их грузоподъемность и многие другие частности¹⁸. Значение этих исследований А.А. Быкова подробно охарактеризованы мной в третьем разделе гл. VI данной книги, посвященном водному пути по Оксу – Амударье, и в специальной статье, составившей раздел в одной из моих книг¹⁹.

Русские исследователи не сомневались в существовании непрерывного водного пути из Индии на запад через Среднюю Азию и Каспийское море, о чем свидетельствует работа начальника экспедиции Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Глуховского²⁰.

В последующие годы внимание ученых, занимавшихся изучением этого пути, было сконцентрировано на южнокавказском и среднеазиатском его участках. При исследовании последнего в основном обсуждалась проблема судоходности Узбоя и возможности его использования для доставки товаров в Каспийское море, привлекая к себе внимание как историков, так и археологов. Вопрос этот породил немало научных публикаций, подробный разбор которых не входит в задачу данной книги. Отмечу только основные из них. В начале XX в. появились первые публикации В.В. Бартольда, который, кажется, первым из историков, занимавшихся Средней Азией, обратил внимание на эту тему. В своем классическом труде об Аральском море он дал подробную историю изучения проблемы Узбоя, тщательно исследовав сведения арабских и персидских письменных источников. В.В. Бартольд пришел к выводу, что, согласно этим источникам и вопреки мнению геологов и голландского востоковеда де Гуе, считавшего, что «начиная с древнейших времен... Окс впадал только в Хорезмское (Аральское) море», Узбой предстает как русло Окса, наполненное водой²¹. Он также подверг критике идеи геолога и географа Л. Берга, проводившего в начале XX в. подробные исследования Аральского моря, о том, что главный рукав Амударьи с XIII по XVI в. постоянно изливался и лишь небольшая часть воды достигала Саракамьша и через него – Каспийского моря²².

В.В. Бартольд пришел к лестному для исторической науки умозаключению, которое я не могу не привести. Он писал: «Судьбы проблемы Окса могут служить доказательством того, что научное познание иногда может быть больше продвинуто методами исторического исследования (выделено мной. – Э.Р.), столь часто подвергаемыми сомнению, чем якобы безошибочными методами т. н. точ-

ных наук»²³.

В этой работе В.В. Бартольд приводит данные греко-римских источников о торговом пути из Индии к Черному морю, интерпретируя их, в отличие от В.В. Тарна, как свидетельство реального существования данного пути²⁴, хотя с некоторой оговоркой. «Приведенные данные древних авторов, – пишет он, – показывают, что древние авторы имели крайне неясные сведения о прикаспийских странах; поэтому мы, несмотря на согласное свидетельство этих авторов, не решаемся утверждать, что Амударья в эту эпоху действительно впадала в Каспийское море»²⁵.

Определенное место в своем классическом труде уделил этой дороге В.В. Тарн. В приложении к нему, названном «Предполагаемый Оксо-Каспийский торговый путь»²⁶, он тщательно проанализировал все сведения об этом пути, имеющиеся у Страбона и Плиния. В результате В.В. Тарн пришел к заключению, что торгового пути из Индии к Оксу и через Каспийское море к Черному морю в действительности не существовало. Этот вывод выдающегося английского исследователя эллинистического времени в значительной мере повлиял на скептически настроенную группу ученых.

Активизация исследований торгового пути из Индии к Черному морю приходится на середину XX в., причем видная роль в этом принадлежит ученым из Азербайджана, Армении и Грузии. В основном их изыскания затрагивают южно-кавказскую часть Великого индийского пути²⁷, и только в работе О.Д. Лордкипанидзе и монографии А.Я. Манандяна²⁸ предпринята попытка рассмотреть весь путь, однако без подробного анализа участков, предшествовавших южнокавказской части. Не сомневаясь в его существовании в целом, А.Я. Манандян, однако, полагал, что до Черного моря индийские товары доставлялись сухопутной дорогой, проходившей через Экбатану и Атропатену южнее Каспийского моря, а затем по Южному Кавказу к Черному морю. Напротив, О.Д. Лордкипанидзе считал, что этот путь шел из Индии по Оксу через Каспийское море и далее по территории Южного Кавказа.

В это же время вышел классический труд К.В. Тревер, посвященный истории и культуре Кавказской Албании, в котором на основе анализа сведений античных письменных источников и сообщения Страбона о заиленности русла р. Куры в месте впадения ее в Каспийское море она пришла к тому же выводу, что и В.В. Тарн. К.В. Тревер писала, что в трудах Страбона и Плиния мы имеем дело с отголосками проходившего в свое время обсуждения возможности перевозки товаров из Индии в порты Черного моря, а не с самим фактом существования такой торговли²⁹.

Что же касается исследований среднеазиатской части торгового пути из Индии к Черному морю, то после работ В.В. Бартольда фактически не было специальных работ, посвященных этой дороге, до опубликованной в 1972 г. статьи Р.Р. Мукашевой.

Вместе с тем особо подчеркну, что открытие айртамского фризиса и последующие раскопки

17 Крузе 1835. С. 423–438; Тревер 1959. С. 44–45.

18 Быков 1879.

19 Ртвеладзе 1999б. С. 99–109; 2005б (2-е изд.: 2009; изд. на англ. яз.: Rtveldadze 2009a; на груз. яз.: Tbilisi, 2010; на яп. яз.: Tokyo, 2011).

20 Глуховский 1893.

21 Бартольд 1965б. С. 15–97.

22 Берг 1908; 1901. С. 1–28.

23 Бартольд 1965б. С. 20.

24 Там же. С. 26–28.

25 Там же. С. 31.

26 Tarn 1985. P. 488–490.

27 Ямпольский 1956. С. 161–180; Гозалашвили 1956.

28 Лордкипанидзе 1957. С. 377–384; Манандян 1954. С. 57.

29 Тревер 1959. С. 43–44.

на городище Айртам Термезской комплексной археологической экспедиции под руководством М.Е. Массона, а также начавшиеся в 1960 г. раскопки буддийского монастыря Каратепа в Старом Термезе под руководством Б.Я. Ставиского и других археологических экспедиций положили начало систематическому всестороннему изучению связей Индии и Средней Азии.

Первой важнейшей вехой в этом стал изданный в Москве в 1964 г. сборник «Индия в древности»³⁰, шесть статей в котором (С.П. Толстова, Б.А. Литвинского, Б.Я. Ставиского, А.М. Беленицкого, Л.И. Альбаума, М.И. Воробьевой-Десятовской) целиком посвящены анализу связей Индии и Средней Азии, в основном по археологическим данным. Однако в этих статьях ничего не говорится о торговом пути из Индии к Черному морю, в том числе и в статье Б.Я. Ставиского, специально исследовавшего связи Средней Азии не только с Индией, но и с Египтом и Римом, а также пути, связывавшие их³¹. К примеру, исследуя связи Рима со Средней Азией, он рассматривает лишь две дороги: 1) Северный путь из Причерноморья вдоль Каспия и 2) Южный морской путь из подвластного римлянам Египта в Индию. Возможность же проникновения римлян по дороге от Черного моря через Южный Кавказ и Каспий Б.Я. Ставиский совершенно обходит вниманием, хотя впоследствии он не раз еще обращается к теме международных связей Средней Азии и Рима³².

С тех пор опубликовано значительное число работ, посвященных всестороннему изучению политических, религиозных и культурных связей Индии и Средней Азии в древности³³ начиная с эпохи неолита, анализ которых, однако, не входит в задачу этой книги. Тем не менее многие из них использованы в данной монографии. Что же касается исследований самой транзитно-торговой дороги, шедшей из Индии к Черному морю через Каспий, то их количество весьма незначительно, к тому же все они касаются в основном отдельных участков среднеазиатской части Великого шелкового пути.

Важнейшее значение в изучении Великого индийского пути имеет статья Р.Р. Мукашевой, к сожалению, за редким исключением, не используемая в работах, посвященных этой проблеме. Она была первой из всех ученых, кто дал четкое обоснование топографии и направлению этой дороги, разделив ее на две части, которые, в свою очередь, также делились на отдельные участки. Первая часть, среднеазиатская, по ее мнению, начиналась в Индии и заканчивалась на восточном побережье Каспийского моря, вторая шла от западного побережья Каспийского моря к Черному морю и далее. Особое внимание Р.Р. Мукашева уделяет среднеазиатской части этой дороги, разделив ее на четыре участка. Первый участок шел из Индии через перевалы Гиндукуша в Бактрии, второй – по р. Окс (Амударья) в Хорезм, третий – от Амударьи к побережью Каспийского моря по Узбою. О четвертом участке через Каспийское море она говорит как о наиболее трудном звене дороги, возможно, используемом только в определенные исторические периоды³⁴. В описании второй части этой дороги, от Каспийского до Черного моря, Р.Р. Мукашева ссылается на вышеприведенные

30 Индия в древности (сборник статей). М., 1964.

31 Ставиский 1964б. С. 166–188.

32 См., например, первое обобщающее исследование по этой теме Б.Я. Ставиского (Ставиский 1968. С. 182–200), выводы которого мы рассмотрим ниже.

33 Последний обобщающий сборник на эту тему опубликован в Ташкенте в 2000 г. на рус. и англ. языках, благодаря содействию посольства Индии в Узбекистане: Индия и Центральная Азия (доисламский период) / India and Central Asia (Pre-Islamic Period) / научн. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2000.

34 Мукашева 1972. С. 16–18.

мною исследования азербайджанских, армянских и грузинских ученых. Кроме того, она приводит мнение французского ученого Ж. Филлиоза о том, что данный путь из Индии на запад «реально существовал до похода Александра и посредством его осуществлялись научные связи»³⁵. Эта гипотеза Ж. Филлиоза не лишена оснований.

Ссылаясь на данные Страбона о торговле индийскими товарами через посредничество сарматского племени аорсов и мнение армянских историков, Р.Р. Мукашева пишет о существовании сухопутных путей из Средней Азии, огибающих с севера и юга Каспийское море. Исследовательница критикует мнение В.В. Тарна о том, что вследствие бурного течения Амударьи данный путь не имел практического значения³⁶, и высказывает мысль о том, что он являлся основной торговой магистралью в древности на территории Средней Азии³⁷. Она впервые для территории Средней Азии в качестве доказательства своих выводов использует материалы археологических раскопок, имевшиеся к тому времени в наличии и свидетельствующие о связях Индии со Средней Азией³⁸.

Словом, повторяю, статья Р.Р. Мукашевой – важная веха в изучении Великого индийского пути.

Вместе с тем многие вопросы и проблемы, связанные с исследованием этой дороги, были охарактеризованы в ее статье недостаточно, не только в силу ограниченности археологического материала, но и в силу того, что она учла не все уже опубликованные к тому времени работы. Так, обращаясь к сухопутному третьему участку, Р.Р. Мукашева не использовала, в частности, исследования М.Е. Массона о дорогах, проходивших по территории Туркмении в парфянский период, локализовавшего почти все стоянки, упоминаемые Исидором Харакским (I в. н. э.) на пути из Нисы в Маргиану и далее к переправе Амударьи на Амударье³⁹, а также данные русских разведчиков о путях из долины Атрека до Мерва, т.е. в ту же Маргиану⁴⁰, и о дальнейшем маршруте к переправам на Амударье. А путь по Амударье и Келифскому Узбою через Мерв к Нисе и долине Атрека, западному побережью Каспийского моря (а не через Хорезм), был, по моему мнению, едва ли не основной дорогой, о чем я скажу подробно в соответствующем разделе. Касаясь Амударьинского участка, она пишет, что о средствах передвижения по реке, о том, какой величины и насколько совершенными они были, можно судить лишь предположительно. В настоящее время этот вопрос подробно исследован мною в специальной статье, опубликованной в 1999 г., и отдельной главе моей книги⁴¹.

Археологические памятники и находки стали широко использоваться со времен работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, возглавляемой С.П. Толстовым, однако не для характеристики всего пути из Индии до Черного моря, а для доказательства существования в античный период отдельной части этой дороги – водного пути по Узбою к Каспийскому морю. Во многих статьях С.П. Толстова и его сотрудников (Б.Н. Андрианова, А.С. Кесь, Б.И. Вайнберг) подробнейшим образом проанализированы в связи с этим многочисленные археологические па-

35 Филлиоза 1957.

36 Тарн 1949. С. 219.

37 Мукашева 1972. С. 19.

38 Там же. С. 15.

39 Массон М. 1951в. С. 27–31; 1966.

40 Петрусевич 1880.

41 Ртвеладзе 1999б. С. 99–111; Ртвеладзе 2009а. Р. 238–244.

мятники, выявленные в ходе работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в левобережной Амударье, в Саракамьшской впадине и по Узбою, определены хронологические рамки их обживания, а также возможное обводнение Саракамьша и заполнение его Узбоем в тот или иной временной период.

Видное место в изучении водного пути от Амударьи до Каспийского моря по Узбою занимают работы туркменского археолога Х. Юсупова⁴², которым, наряду с сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, в первую очередь с Б.И. Вайнберг, выявлены и изучены археологические памятники (городища, поселения, могильники) на берегах этого временного протока Амударьи. Итоги его исследований отражены в ряде статей и книг⁴³, к которым я обращусь позднее. Здесь же отмечу те важные выводы, к которым он пришел.

Согласно мнению Х. Юсупова, с VII в. до н.э. до IV–V в. н.э. обеспечивался высокий уровень воды в Саракамьше, откуда осуществлялся сток воды по Узбою. Наличие же на нем водопадов (Геродот, Полибий), что заставило ряд ученых, в частности В.В. Бартольда, с сомнением относиться к возможности водного пути по Узбою, не являлось серьезным препятствием, т.к. возле таких мест суда переносились по суше волоком. Х. Юсупов полагает, что сведения античных авторов об этом пути вполне достоверны и подтверждаются археологическими данными. Он относит возникновение торгового пути из Индии к Каспию к позднеахеменидскому времени. Особое значение имеют его исследования на крепости Игды-кала, расположенной на Нижнем Узбое, южнее Саракамьша, которая была воздвигнута на крайней северной границе Парфянского государства для контроля водного пути по Узбою⁴⁴.

Немаловажное значение для данной темы имеют работы азербайджанского ученого К. Алиева, который в ряде статей и в монографии, посвященной истории и культуре Кавказской Албании, большое внимание уделил торговому пути из Индии к Черному морю. Несомненный интерес представляет и другая книга К. Алиева, в которой переведены сведения античных письменных источников об Азербайджане, в том числе и об этом пути, и даны обстоятельные комментарии к ним⁴⁵.

Вообще, во второй половине XX в. в Азербайджане появляется достаточно значительное количество научных работ, прямо или косвенно связанных с исследованием албанского участка Великого индийского пути. Большое значение в этой связи имеют раскопки в Мингечауре и Кабале и на других археологических памятниках в долине р. Куры и в непосредственной близости от нее⁴⁶. Публикуются находки греко-бактрийских монет, найденных при археологических раскопках в столице Кавказской Албании – Кабале⁴⁷.

Новый подъем в изучении торговых путей между Западом и Востоком начинается с 1999 г., с принятием ЮНЕСКО международной программы «Великий шелковый путь – путь диалога». Во

42 См., к примеру, его обобщающую статью: Юсупов 1984. С. 77–97.

43 Юсупов 1986. Там же указана библиография его работ, касающихся проблемы водного пути по Узбою.

44 Юсупов 1979; 1984. С. 91, 94.

45 Алиев К. 1987; 1992.

46 Об истории изучения в Азербайджане см.: Гошгарлы 2009. С. 33–41; Меликов 2009. С. 67–80; там указана вся литература по данной проблеме.

47 Бабаев, Казиев 1971. С. 16–32; Дадашева 1976. С. 106–109; Расулова 2009. С. 122–124.

многих странах мира появляется множество статей и книг, в которых анализируются различные аспекты этого пути. Однако в них почти не затрагивается путь из Индии к Черному морю, а если и затрагивается, то в общей форме, как часть Великого шелкового пути, в том числе и в моем раннем обобщающем исследовании⁴⁸.

Вместе с тем для изучения торгового пути из Индии к Черному морю определенное значение имеет статья автора настоящей работы, в которой он, широко оперируя сведениями древних и средневековых письменных источников и современными археологическими данными, впервые во всей полноте охарактеризовал водный путь по Оксу, описал средства передвижения и типы судов, использовавшихся в плаваниях по этой реке⁴⁹. Подобные сведения ранее отсутствовали в статьях об этом пути, а Р.Р. Мукашева, давая его характеристику, незадолго до этого писала, что совершенно неизвестно о типах судов и средствах передвижения, применявшихся в плаваниях по Оксу.

Примерно в это же время появилась моя небольшая статья о связях Бактрии и Хорезма⁵⁰. Позднее к этой тематике обратился и Ш.Р. Пидаев⁵¹, который, к сожалению, не использовал указанную статью.

В 2000 г. я опубликовал сокращенный вариант своей статьи «Средняя Азия – Закавказье – Рим», в которой, наряду со сведениями письменных источников о пути из Индии к Черному морю, проанализировал находки римских предметов, надписей из Кара-Камара и римских монет из Средней Азии. В результате этого исследования я пришел к выводу, что связи Средней Азии с Римом могли осуществляться по четырем основным дорогам: 1) по Северному пути в Причерноморье;

2) через Южный Кавказ в области, прилегающие к Черному морю; 3) через Иран в Восточное Средиземноморье; 4) из Бактрии в Индию, а затем морем в подвластный Риму Египет⁵².

В 1985–1991 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией проводились раскопки городища Калалы-гыр 2 (IV–II вв. до н.э.) в левобережном Хорезме вдоль Узбоя, возглавляемые Б.И. Вайнберг. Эти раскопки принесли интересные материалы для характеристики самого памятника и его назначения, а также, на основании археологических находок, определили направление связей Хорезма с Мидией Атропатеной и странами Южного Кавказа, что было отмечено Б.И. Вайнберг уже в одной из ранних ее статей об этом городище⁵³.

Итогом археологических исследований на Калалы-гыр 2 стала коллективная монография под одноименным названием, в ряде разделов которой затрагивается проблема связей с Прикаспием и Южным Кавказом. Так, для изготовления деревянных изделий здесь применялся самшит, который растет в Гималаях, в странах Средиземноморья, в Абхазии, на западном и южном берегах Каспийского моря⁵⁴. Очевидно, таким образом, что сами изделия или древесина для их изготовления (самшит) могли доставляться в древний Хорезм по Великому индийскому пути, независимо от того, откуда они экспортировались, – с Гималаев (Индия), или с побережья Каспийского моря, или

48 Ртвеладзе 1999а.

49 Ртвеладзе 1999б.

50 Ртвеладзе 2000а. С. 18–21.

51 Пидаев 2009. С. 92–98.

52 Ртвеладзе 1999в. С. 11–13.

53 Vainberg 1996. P. 67–81.

54 Калалы-гыр 2... 2004. С. 131.

же с восточного берега Черного моря. В разделе этой монографии, написанном С.Б. Болеловым, сделан вывод о том, что определенные типы керамики из Калалы-гыр 2 имеют прямые аналогии в керамике Мидии Атропатены, примыкающей к юго-западному берегу Каспийского моря и охватывающей часть Южного Кавказа⁵⁵. Автор приходит к заключению, что постоянные контакты с этими областями могли осуществляться только при наличии водного пути по Узбою из Хорезма в юго-восточные районы Южного Кавказа⁵⁶.

На основе топографического распределения археологических памятников и их хронологического определения Б.И. Вайнберг предположила, что «к началу IV в. до н.э. установилось водное сообщение по Узбою с наиболее развитыми центральными и западными районами Ахеменидской державы, прежде всего с Мидией и Месопотамией через Каспийское море»⁵⁷.

В 2005 г. вышла обстоятельная статья Б.И. Вайнберг, посвященная водному пути по Амударье, в связи с топографией культовых памятников, расположенных вдоль реки⁵⁸. Она выделила два основных периода, когда создавались условия для функционирования водного торгового пути из Средней Азии к Черному морю и далее на запад: 1) с VII–VI вв. до н.э. по IV–V вв. н.э. и 2) с XII по XVII в. н.э. Археологические исследования позволили ей прийти к выводу, что с конца V – начала IV в. до н.э. на берегах Узбоя появляются постоянные поселения, а некоторое время спустя, в IV–II вв. до н.э., как свидетельствуют археологические материалы из Хорезма, устанавливаются тесные культурные контакты Хорезма с Южным Кавказом и южным Прикаспием. Она поставила вопрос о миссионерской деятельности мидийских магов, с чем связала проникновение в Хорезм зороастризма младоавестийского толка. С существованием водного пути по Амударье Б.И. Вайнберг совместила и строительство культовых центров, таких как Ай-Ханум, Тахти-Сангин, Ел-Харас, Калалы-гыр 2 (в Хорезме), Иганлы-депе и Гарры-депе на вершине Большого Балхана в Туркменистане. Она высказала и другие интересные и важные гипотезы о пути через Каспий и о соперничестве Рима и Парфии за обладание этим путем.

Большим достижением в изучении великого торгового пути, шедшего из Индии к Черному морю, явилось издание первого в исторической науке специального сборника, посвященного различным проблемам, связанным с возникновением, функционированием, направлением отдельных маршрутов этого пути, их локализацией и культурными контактами стран Закавказья и Средней Азии. Данный сборник отражает доклады ученых разных стран Европы и Азии, прочитанных на Международной научной конференции, состоявшейся в Баку 28–29 ноября 2008 г. Он включает в себя шестнадцать статей, десять из которых посвящены Кавказу, а шесть – Центральной Азии, в том числе и статьи М. Ольбрыхта⁵⁹ и К. Рапэна⁶⁰, в которых анализируются сведения античных письменных источников. Кроме обобщающих исследований в сборник помещены статьи, имеющие чисто локальное значение и касающиеся только территории Азербайджана, Дагестана, Средней Азии или западного побережья Каспийского моря, а некоторые из них даже не отвечают заяв-

55 Там же. С. 143.

56 Там же. С. 147.

57 Там же. С. 9.

58 Вайнберг 2005. С. 13–18.

59 Ольбрыхт 2009. С. 86–91. Большое значение имеет и другая работа М. Ольбрыхта: Olbrycht 2000. P. 177–194.

60 Рапэн 2009. С. 98–122.

ленной теме конференции.

Наряду с несомненными достоинствами сборника, который, бесспорно, активизирует научные исследования данного пути, отмечу и ряд его недостатков. Прежде всего это касается названия как сборника, так и самой конференции «Дорога Страбона как часть Великого шелкового пути». Это неправильно, поскольку великий транзитно-торговый путь из Индии к Черному морю был совершенно самостоятельной дорогой, возникшей на несколько веков раньше, чем Великий шелковый путь, а товары, доставляемые по нему, были индийского происхождения, а отнюдь не шелк, производство которого и изделия из которого проникли в Индию из Китая значительно позднее. В сборнике отсутствуют обобщающие исследования, в которых, наряду с давно известными сведениями античных письменных источников, была бы использована вся сумма археологических и нумизматических данных.

Весьма интересны для нашей темы публикации С.Я. Берзиной, в одной из которых она показывает, что т.н. «стили», заколки с различного рода навершием, найденные в большом количестве в Средней Азии, являются продукцией египетских ремесленных центров⁶¹.

О водном пути по Узбою пишет и В.Н. Ягодин, с именем которого связаны открытие и исследование на плато Устюрт, особенно в западной Приаральской зоне. Он подчеркивает, что для этого района исключительное значение имеет его расположение вблизи торгового водного пути, шедшего по Узбою из Хорезма в юго-восточные районы Южного Кавказа. Благодаря этому пути, к кочевникам Устюрта попадали импортные предметы, в том числе и индийского происхождения⁶².

Отмечу и опубликованную в Ташкенте монографию У. Мавлянова, целиком посвященную торговым путям, проходившим по территории Мавераннахра в древности и Средневековье, затрагивающую, однако, лишь в незначительной мере анализируемую нами дорогу⁶³.

Последними по времени работами, посвященными торговому пути из Индии к Черному морю и далее, являются три статьи автора данной книги. В одной из них я анализирую известное сообщение Арриана о хорезмском царе Фарасмане, прибывшем в Мараканду к Александру Македонскому, под новым углом зрения⁶⁴. В другой статье дается сводка находок монет на Великом индийском пути начиная от греко-бактрийских до кушанских включительно⁶⁵. Наконец, третья статья посвящена общей характеристике Великого индийского пути с выделением наиболее важных в его истории вех⁶⁶.

Из последних зарубежных исследований по этой теме особо следует выделить статью итальянского ученого П. Кальяри⁶⁷, а также французского исследователя К. де Планхола⁶⁸.

61 Берзина 2007. С. 65–81; 2006. С. 8–9.

62 Ягодин 2008. С. 123–124.

63 Мавлянов 2008. С. 216–219.

64 Ртвеладзе 2009б. С. 234–237.

65 Ртвеладзе 2010г. С. 5–25.

66 Ртвеладзе 2010а. С. 81–88; Rtveldze 2010. P. 81–95.

67 Callieri 2003. P. 537–546.

68 Planhol 1992. P. 48–61.

ГЛАВА II

ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ (ЭПОХА ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

ГЛАВА II

ПРЕДЫСТОРИЯ
ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ
(ЭПОХА ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

THE CHORASMIAN KING PHARASMANES AND THE ANCIENT GEORGIAN
TRIBE OF COLCHIANS.

THE ROAD FROM CHORASMIA TO THE CASPIAN BY WAY OF THE UZBOI
CHANNEL

There is a well-known story preserved in Arrian, which concerns the Chorasmian king Pharasmanes (or Phrataphernes, in another transliteration), Alexander the Great, and the Colchians – an ancient tribe of Georgian origin, which inhabited the western part of modern Georgia known as ‘Colchis rich in gold’.

According to Arrian, “There came also to Alexander at the same time also Pharasmanes the King of the Chorasmians with fifteen hundred horsemen. Pharasmanes said that he lived on the borders of the Colchians and of the Amazon women; and should Alexander desire to invade Colchis and the territory of the Amazons and subdue all the races in this direction which dwelt near the Euxine Sea, he promised to act as guide and to provide all necessities for the expeditionary force”. Alexander thanked Pharasmanes and concluded a friendly alliance, but refused to march to the Euxine, regarding this as untimely (Arr. *Anab.* IV, 15). This story, as S.P. Tolstov wrote, has long attracted the attention of scholars. A. von Gutschmid and W.W. Barthold held it to indicate that the Chorasmian dominion stretched as far as the south-eastern part of eastern Europe. Thus W.W. Barthold wrote: “Chorasmia during this epoch..., so also under the sway of Mongols, ...and the south-eastern part of present-day European Russia, were, politically, parts of a whole”.¹

S.P. Tolstov developed W.W. Barthold’s idea to an even greater extent, stating that Pharasmanes had extended his power over the countries on the shores of the Volga River, and saw in the great expansion of the Sarmatians in the 4th century BC ‘a guiding hand of Chorasmian kings’.² But these are a priori guesses, unconfirmed by textual evidence. Moreover, such a political position of Chorasmia, which in no way accounts for Chorasmia being contiguous with the Colchians, is definitely contradicted by the fact that the huge expanses of steppes, and the foothills and moun-

1 Баргольд 19656, 28.

2 Толстов 19486, 108–109.

tainous terrain of the Caucasus mountains which lay between Colchis and the Volga river were occupied by the Sarmatians in the east,³ and in the west by the Sindi and Maeotae who beyond any doubt had never been subject to Chorasmia.⁴ We shall consider the testimony of Arrian in quite another way.

Legend has it, as has survived in Pliny, that the Albanians were the descendants of Jason (Pliny. NH. IV, 13 (§§ 38–39)) – a legendary hero, the leader of the Argonauts, who set out for Colchis in his quest for the Golden Fleece which he retrieved with the help of Medea, daughter of the Colchian king Aeetes. Still earlier, Strabo wrote that Jason himself, when he travelled to Colchis, wandered as far as the Caspian Sea and visited Iberia, Albania, most of Armenia and Media, where was situated a temple of Jason which, as Strabo points out, is sufficient proof of his sojourn in the country. Subsequently, as Strabo says, Medea ruled with Jason in the region. “Medus, her son, is said to have been her successor in the kingdom, and the country to have been called after his name” (Strabo. *Geogr.* XI, 13, 10).

Incidentally, Strabo was the first ancient author to mention the Albanians, whom he places between the Caucasus mountains and the lower Cyrus, just on the coast of the Caspian Sea. Pliny has the same geography for the Albanian dispersal.

Legends cannot of course be taken to be authentic historical sources. However, a legend cited by an ancient author who lived close to the time of the events described, and which can further be underpinned by toponymical evidence, could well allude to an historical event, in this case, associated with the advance of the Greeks and Colchians toward the Caspian Sea, which was only five days distant from Colchis (Strabo. *Geogr.* XI, 7, 3).

If even the Bactrians and the Indians, as Pseudo-Scymnus writes, could traverse great expanses and settle in the city of Phasis close to the Black Sea, what would it have cost the Colchians to cross much shorter distances and reach the Caspian? There is, to my thinking, nothing strange in this.

The words of Pharasmanes addressed to Alexander regarding his country bordering on the Colchians, may well reflect the political situation of the times, i.e. in the second half of the 4th century BC. Chorasmia at that time, as stated by A.S. Balakhvantsev, was a mighty and independent state which had already passed out of Achaemenid hands, at the end of the 5th century BC, that is long before Alexander’s campaigns of conquest.⁵ Its sphere of influence extended as far west as the Caspian Sea, and Chorasmia was probably in control of the waterway linking the Oxus to the Caspian by way of the Uzboi channel.

The state of Colchians in the 6th–4th centuries BC, as the investigations of Georgian historians have shown, was the most powerful state in Transcaucasia. It embraced the whole territory of modern western and south-western Georgia in the west till the Surami range in the east which divided Eastern (Iberia) from Western (Colchis) Georgia inhabited by the Saspeirians and Colchians respectively.⁶ It is no accident that Herodotus (5th century BC) names only three tribes – Colchians,

3 Виноградов 1963.

4 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVII века 1988, 72–84.

5 Балаханцев 2006, 376.

6 Лордкипанидзе 1989, 219–256; 1978.

Saspeirians, and Medes – as living in the territory between the Caspian and the Black Sea.

Among the notices of Herodotus, is one that says ‘from Colchis it is not far to pass over to Media’ (Herodotus. 1. 104) which occupied by then the territory up to the Caspian. This testifies very clearly that there was a route between the Black Sea and the Caspian which was in use already in the 5th century BC, and possibly even earlier (if one gives credit to the legends about Jason’s journey (8th–7th centuries BC)). That is, at the same time that the waterway along the Uzboi from the Oxus (in Chorasmia) into the Caspian Sea was in use.

Present-day scholars propose that communication between the Oxus and the Caspian Sea was possible by way of the Uzboi channel, and which at that time and right up to the 10th century AD carried a great volume of water down to the Caspian and was navigable. The Khorezmian archaeological and ethnographical expedition, including the Turkmen archaeologist Kh.Yusupov, have revealed that both shores of the Uzboi were inhabited from the I millennium BC to the early centuries AD. They also excavated the Parthian stronghold of Igdy-kala, which had been built in the extreme north of the Parthian state with a view, as Kh. Yusupov suggests, to control the river traffic.⁷ That there existed a trade waterway from Central Asia down the Oxus into the Caspian and thence up the Cyrus River and down the Phasis to the Black Sea, is further supported by the recent discoveries at Ichan-depe and Kalali-Gir of pottery ware from Caucasian workshops.⁸

Taken together, these facts prove, to my mind, that the Chorasmian king Pharasmanes challenging Alexander to fight the Colchians and offering to guide him to the Euxine, knew of or intended the shorter and easier route to the Black Sea by way of the Caspian and Transcaucasia,⁹ rather than the difficult and circuitous route which went from Chorasmia over the steppes, and thence, skirting the Caspian, to Ciscaucasia, and then crossing the Caucasus mountains to Colchis. The evidence also testifies that already in the mid-I millennium BC there was in existence the great waterway from Central Asia to Transcaucasia, the Black Sea, and the regions beyond.

Thus, on the basis of the analysis of archaeological evidence and the information from written sources one can with high probability assert that all the separate parts and segments of the Great Indian Road were commercially active already in the Achaemenid period, forming, possibly, a unified transit-trade route network extending from India to the Mediterranean. And the first part of this network (from India up to the Oxus and Margiana) was first opened up by the inhabitants of Hindustan, and the second part (from the Oxus across the Caspian, the Transcaucasia and the Black Sea to the countries of the Mediterranean) by Bactrians and Chorasmians.

7 Юсупов 1984, 77–97.

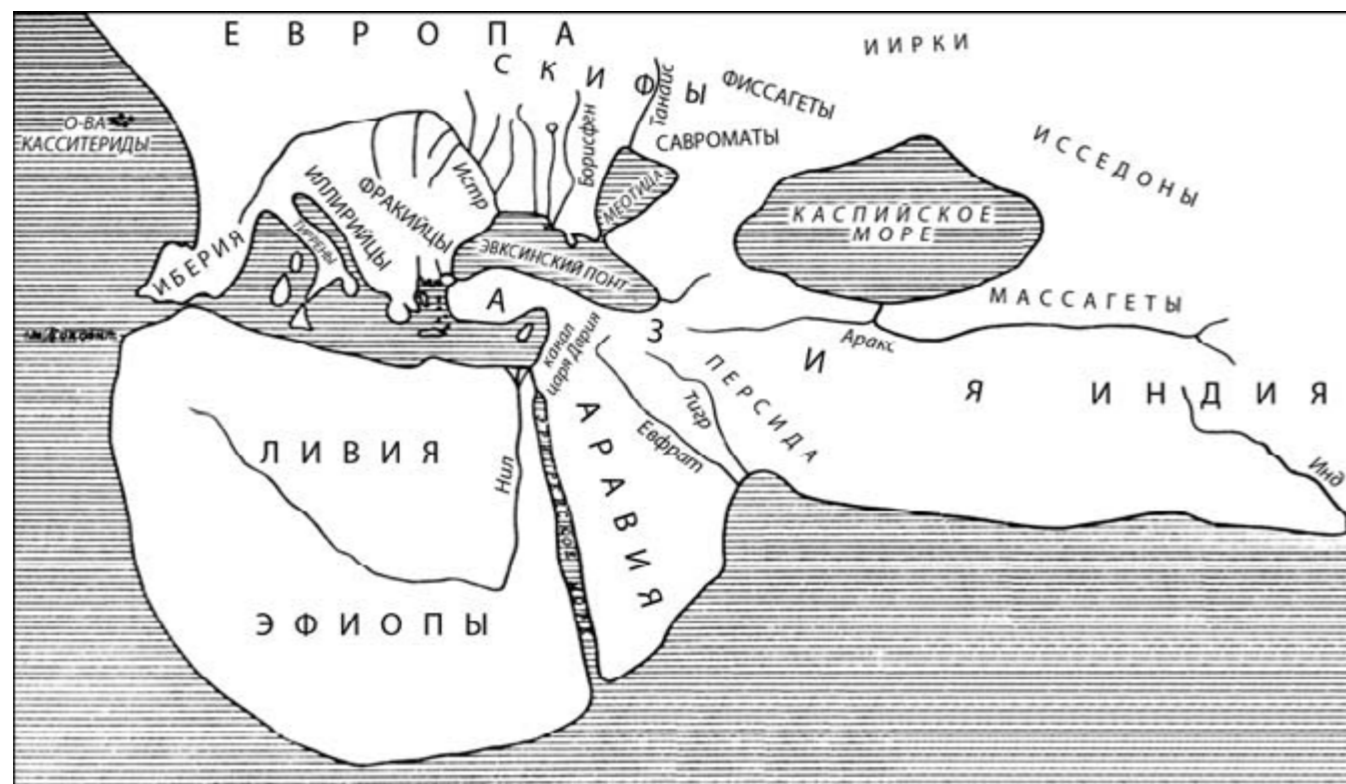
8 Vainberg, 67–81.

9 Very important in this respect is the opinion of A.S. Balakhvantsev, who believes that “the words of Pharasmanes, along with archaeological sources, testify to the existence, already in the second half of the 4th century BC, of the Caspian waterway that connected Chorasmia with Colchis by way of the Oxus, Uzboi, Kura and the Phasis (Rioni)”. See Балахванцев 2005, 36.

ГЛАВА II

ПРЕДЫСТОРИЯ
ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ
(ЭПОХА ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

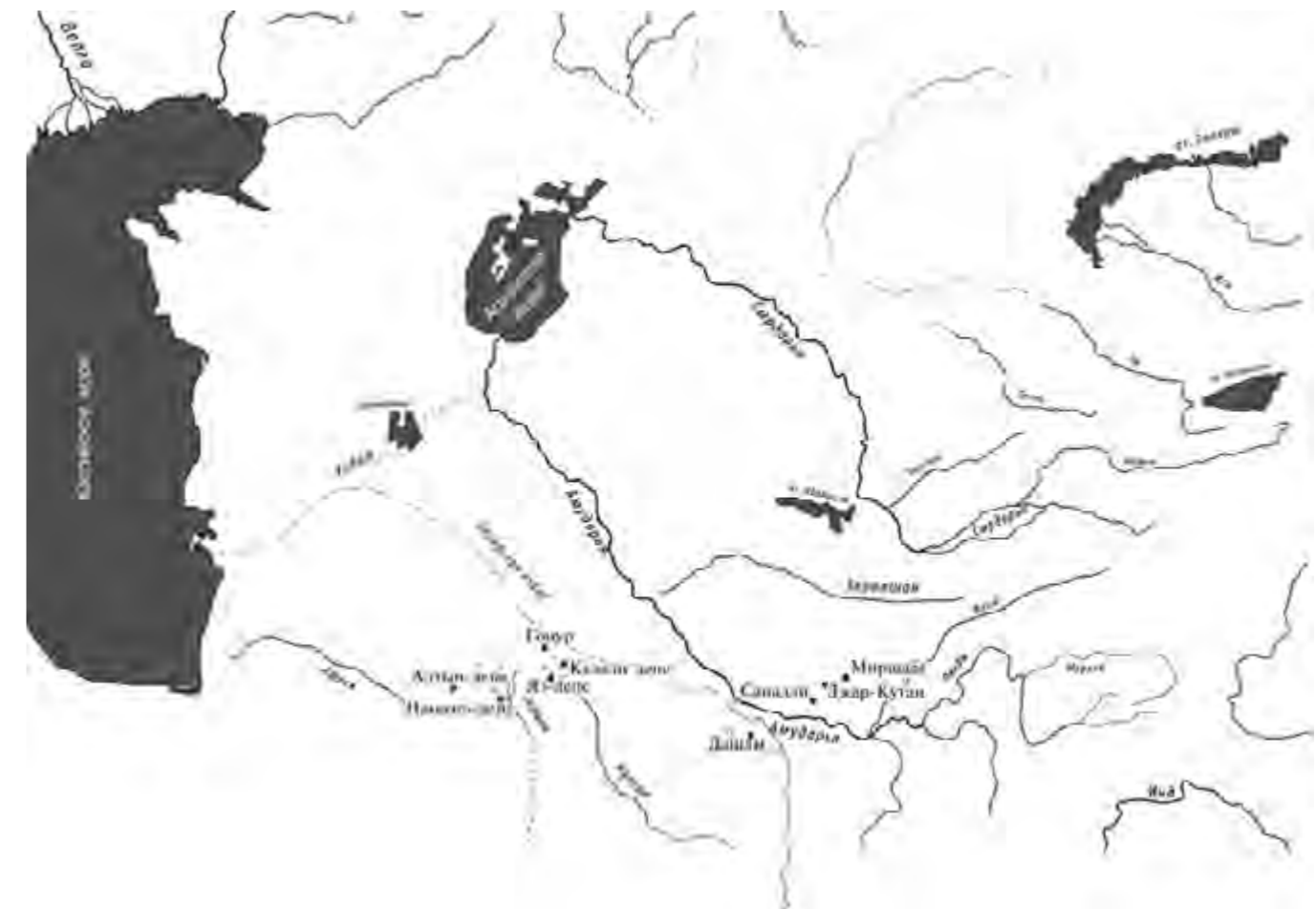
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ. СТРУКТУРА ДОРОГИ

Greek frame of the world in the time of Hecataeus of Miletus (6th century BC) and Herodotus (5th century AD)

Представление о мире в эпоху Гекатая (VI в. до н. э.) и Геродота (V в. до н. э.)

Как и многие большие дороги, Великий индийский путь формировался на протяжении многих столетий и даже тысячелетий, стадийно, на каждой стадии своего развития приобретая качественно новые структурные элементы, выразившиеся в освоении дорогами новых территорий, а в конечном итоге в слиянии их в единый путь.

На начальной стадии своего формирования дороги прокладывались между отдельными поселениями и оазисами внутри одной историко-культурной области, затем дорогами соединялись

The world in mid-4th century BC

Великий индийский путь в эпоху бронзы

различные регионы и цивилизации. На высшей стадии, особенно в процессе развития мировой торговли, эти дороги (но далеко не все) перерастали, в силу определенных обстоятельств – военно-политических (создание государств, охватывающих огромные территории на разных континентах) и экономических (внешняя торговля, нехватка минералов), в великие транзитно-торговые континентальные пути.

Немаловажное значение в прокладке этих дорог на ранних, да и более поздних стадиях имела этническая миграция, когда в поисках лучших условий существования целые народы и племена переселялись на новые места обитания, находившиеся порой в огромном отдалении от их *homeland*, на расстоянии тысяч километров, примеров чему в истории человечества большое количество¹.

Эти миграции были или сравнительно кратковременными, как, к примеру, миграция юечжей – тохар из Центральной Азии в Бактрию, продолжавшаяся всего полстолетия, или весьма длительными, длившимися нескольких столетий, как, например, миграции хуннов из той же Центральной Азии в Европу и различных тюркских племен. При этом мигрирующие народы не только

¹ На примере Средней Азии эти вопросы подробно рассмотрены в книгах: Ртвеладзе 2005б. С. 32–49 (2-е изд. 2009: С. 34–55); Rtveldadze 2009a. P. 31–49; Diesner 1978.

шли проторенными дорогами, но и прокладывали новые маршруты следования. Так, основными причинами возникновения Великого шелкового пути были следующие. С одной стороны, амбициозная политика Ханьского Китая, проводившего при императоре У-ди (140–87 гг. до н.э.) политику подчинения своему влиянию западного края (Восточного Туркестана и Средней Азии), в силу которой осуществлялись переселения китайцев на эту территорию, прокладка новых дорог и строительство вдоль них сторожевых постов и военных фортов. С другой стороны, стремление могучего Парфянского государства, захватившего большую часть Селевкидского государства, к расширению границ своих владений на востоке вплоть до Амударьи. В «Истории Старшего дома Хань» сказано: «Аньси (т.е. Парфия. – Э.Р.) лежит на реке Гуй-шуй [Амударье]»².

В конце II в. до н.э. последовало первое китайское посольство в Парфию, после чего, собственно, и начал функционировать Великий шелковый путь, по которому спустя некоторое время пошли караваны с товарами, в том числе и с шелком, и проповедники различных религиозных воззрений (зороастризм, буддизм, христианство, манихейство). Словом, вслед за армией и дипломатами уже шли торговля, культура и религия.

Также Великий индийский путь окончательно сформировался прежде всего по военно-политическим причинам, когда эллинско-македонское господство охватило огромную территорию от материковой Греции до индийской Гандхары включительно и потребовалось создание единой межконтинентальной трассы, соединившей эти страны, с тем, чтобы индийские товары доставлялись в страны Причерноморья и далее в Грецию, с включением в нее дороги в Юго-Восточный Китай.

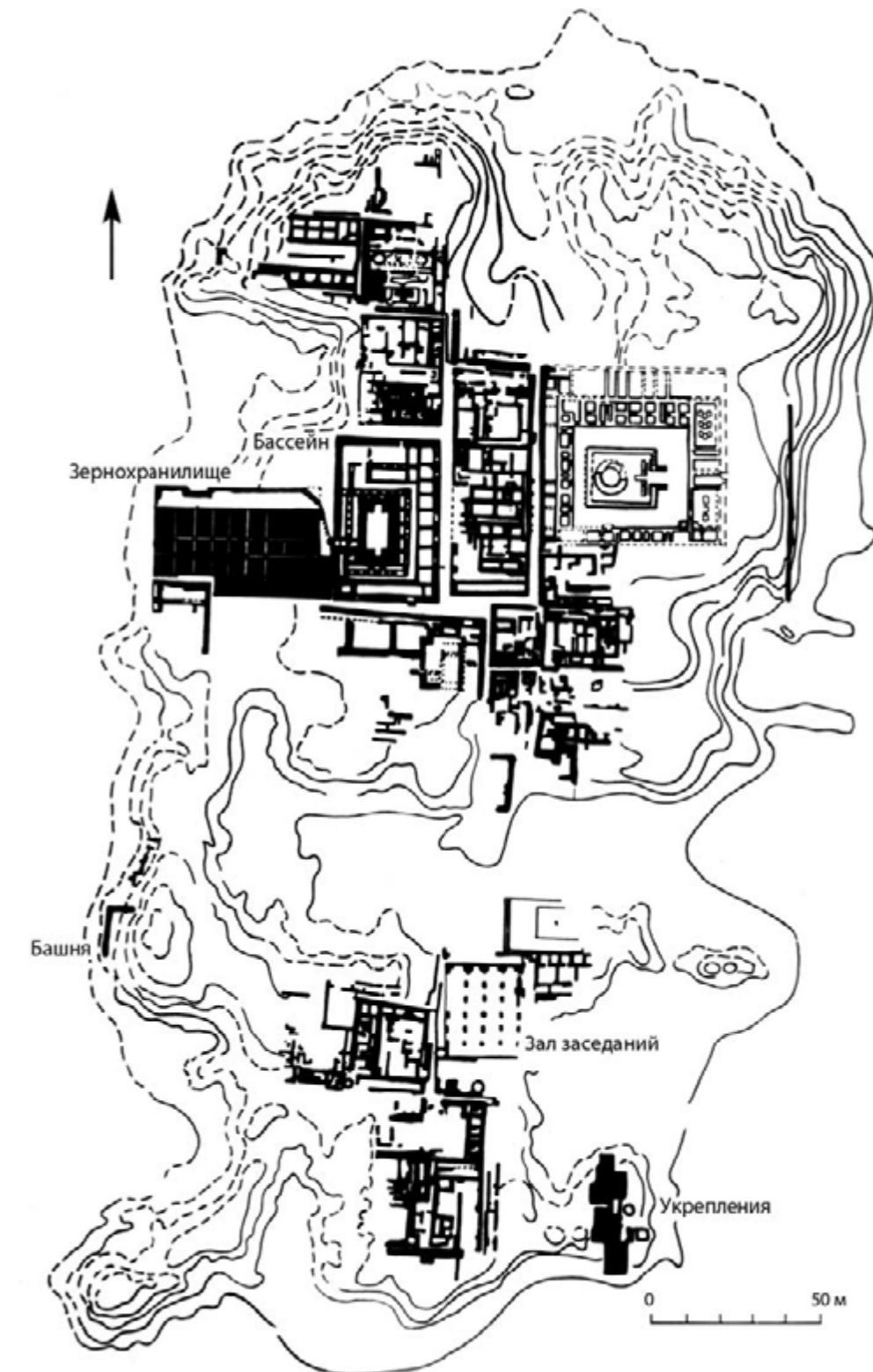
Несмотря на достаточно большое количество научных статей, посвященных отдельным участкам Великого индийского пути, в них отсутствует понимание этого пути как великой трансконтинентальной дороги во всей ее протяженности – от Юго-Восточного Китая до Средиземноморья.

Весь этот путь, исходя из особенностей направления маршрутов, можно разбить на три большие части: 1) дорога из Южного Китая (областей Шу и Цюнь) в Северо-Западную Индию (Гандхара); 2) дорога из Гандхары к Каспийскому морю; 3) дорога от Каспийского до Черного моря по странам Южного Кавказа. Вторую часть этой дороги, в свою очередь, можно также разделить на три участка: 1) дорога из Гандхары в Бактрию до Окса; 2) оксийский водный участок от Бактрии до Хорезма или от Бактрии до переправ через Окс и дорог, ведущих в Маргиану; 3) дорога от Окса к Каспийскому морю, шедшая в двух направлениях – водном, по Узбою, и сухопутном, от Окса к Маргиане и далее через Парфию в Гирканию и Дахистан, в долину р. Атрек или же от Окса по Келифскому Узбою через Маргиану к Узбою, а затем к Каспийскому морю.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОРОГИ ИЗ ДОЛИНЫ ИНДА В ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выдающийся исследователь древнеземледельческих цивилизаций Средней Азии В.М. Массон отмечает, что определенные формы культурных взаимоотношений между Северо-Западной Индией и Южным Туркменистаном устанавливаются уже в эпоху энеолита в IV–III тыс. до н.э. Дру-

² Бичурин 1950. С. 183.

Site plan of Mohenjo Daro

План Мохенджо-Даро

гое направление этих связей, на север, выявлено благодаря раскопкам поселения Саразм в долине Заравшана, причем В.М. Массон допускает прямую миграцию из Северо-Западного Индостана группы населения, двинувшейся на север в поисках полиметаллических руд, которыми так богаты южные районы Средней Азии. Подтверждение этой миграции В.М. Массон увидел в абсолютной идентичности керамики Саразма и Северо-Западной Индии, а также в находках раковин, происходящих из Индийского океана. По его мнению, находки в Саразме являются наиболее ранним и зримым проявлением взаимодействия культур Индии и юга Средней Азии и даже совместного проживания этнических групп из этих регионов в одном поселении³.

Однако для того, чтобы добраться до Саразма из Северо-Западного Индостана в целях приобретения металлургического сырья и переправки его на свою родину, необходимо было преодолеть многодневную и труднопроходимую дорогу через перевалы Гиндукуша, Бактрийские равнины, р. Окс, а затем, возможно, через Железные Ворота добраться через Южный Согд в долину Заравшана. Иной путь от Окса в долину Заравшана пролегал через высокие перевалы Анзоб и Варзоб высотой более 3000 м.

Таким образом, если В.М. Массон прав, то эти дороги были первыми путями из долины Инда в цивилизации Средней Азии, проложенными уже в эпоху энеолита.

Культурные и торговые взаимоотношения между Индией и югом Средней Азии, а следовательно, и прокладка соответствующих устойчивых дорог и маршрутов еще более усилились в эпоху бронзы⁴.

ФОРМИРОВАНИЕ СУХОПУТНОЙ ДОРОГИ ОТ Р. ИНД ЧЕРЕЗ БАКТРИЮ И МАРГИАНУ К КАСПИЙСКОМУ МОРЮ

В 1976–1981 гг. французские археологи проводили исследования группы поселений под общим названием Шор-тугай, расположенных на левом берегу Амударьи, в 21 км к востоку от впадения р. Кокчи в Амударью и открытых в 1975 г. Ж.К. Гарденом. Анализ археологического материала, найденного при раскопках Шор-тугая, показал значительное его сходство с таким же, обнаруженным при раскопках поселений хараппской цивилизации в долине Инда, – Мохенджо-Даро, Чанху-Даро и других. Базируясь на этом, ряд французских ученых (А.-П. Франкфор, Б. Лион) высказал мнение, что Шор-тугай был основан как хараппский торговый пункт для добычи и доставки лазурита в долину Инда из рудных месторождений этого минерала в Бадахшане⁵.

³ Массон В. 2000. С. 113–114.

⁴ Там же. С. 114–116; Ширинов 2000. С. 118.

⁵ Francfort H.-P. Fouilles de Shortugai Recherches sur l'Asie Centrale Protohistorique. Vol. I. Paris, 1989. Там же приведена вся литерату-

Head of a priest (?). Stone. Mirshade.
Uzbekistan. II millennium BC

Голова жреца (?). Камень. Миршаде.
Узбекистан. II тыс. до н. э.

Факт существования этого поселения в течение длительного времени позволяет сделать вывод, что уже в конце III тыс. до н. э. возникла первая, возможно, регулярно действовавшая дорога из долины Инда в долину Окса и обратно. Не исключено, что данная дорога из долины Инда шла по Гандхаре вдоль Кабулдарьи, а затем, вероятнее всего, через перевал Шиббер в Гиндукуше, спускалась в долину Кундуздарьи, а затем вдоль Окса следовала на восток, в Бадахшан. Возможен и иной вариант – через Читрал к истокам р. Кокчи и вдоль нее – в долину Окса⁶.

Предметы хараппской цивилизации выявлены в последние десятилетия XX в. при археологических раскопках памятников культуры Сапалли и в других местах Северной Бактрии, причем А.А. Аскарлов даже допускает определенную роль хараппской культуры в формировании позднего кузалинского этапа культуры Сапалли⁷. Так, на Джар-Кутане – в основном центре древнеземледельческой культуры – были найдены пластины из слоновой кости, украшенные циркульным орнаментом. Там же были обнаружены терракотовые статуэтки слона и фрагменты фаянсовой посуды, на стенках которой изображено растение *pipal*. Такого рода рисунки были широко распространены в цивилизации Хараппы, а само растение *pipal* является эндемичным растением Индии⁸.

Другим наглядным показателем этих связей были изделия из слоновой кости, найденные на поселениях эпохи бронзы III–II тыс. до н. э. Гонур, Алтын-депе, Намазга-депе, расположенных уже к западу от Северной Бактрии по прямому направлению к Каспийскому морю. Так, среди находок в Гонуре, столбчатом центре древней области Маргуш (= Маргиана), представлены гребни для волос и другие разнообразные предметы. В свою очередь, вещи маргианского или бактрийского происхождения найдены на поселениях в долине Инда, что свидетельствует, по мнению В.И. Сарияниди и ряда зарубежных исследователей, о тесных взаимоотношениях между Индией и Маргианой на рубеже III–II тыс. до н. э.⁹

Предметы из слоновой кости найдены и на поселениях эпохи бронзы, расположенных далее на запад от Маргианы, в предгорьях Копетдага, – Алтын-депе, Намазга-депе. В Алтын-депе, главном центре урбанистической цивилизации этой области, в квартале элитной знати была найдена большая группа изделий из слоновой кости. Среди них – продолговатые палочки с циркульным орнаментом, несколько орнаментированных квадратных плакеток¹⁰. В Алтын-депе также были найдены две хараппские печати с надписью из двух знаков и с изображением свастики¹¹.

Отмечая устойчивый характер торговых и культурных связей Северо-Западной Индии и раннеурбанистических цивилизаций юга Средней Азии, ряд исследователей намечает и конкретные дороги, по которым они осуществлялись¹². Так, по мнению Т.Ш. Ширинова, индийские товары в это время доставлялись на юг Средней Азии с северо-востока, из Хараппы через Боланский проход, вдоль рр. Кокча, Амударья, Мургаб и Теджен¹³. Согласно А.С. Сагдуллаеву, к Пянджу, где в результате миграции оседло-земледельческого населения из Белуджистана и цивилизации Инда сформировались

ра о Шортугае.

⁶ Подробно об этой дороге см. в гл. IV настоящей книги.

⁷ Аскарлов 1984. С. 87–97.

⁸ Шайдуллаев 2009. С. 29.

⁹ Сарияниди 2008. С. 90–91.

¹⁰ Массон В. 1981. С. 111–112.

¹¹ Массон В. 2000. С. 114.

¹² Щетенко 1970. С. 23–24.

¹³ Ширинов 2000. С. 116.

новые поселения, вели две дороги: одна из них шла от Аравийского моря вдоль Инда до поселения Рахман Дхери и далее на север через горные проходы; другая – из долины Ганга через поселения Манпур, Ракхигархи, Хараппа, Рахман Дхери; а из долины Пянджа торговые пути по территории севера Афганистана, юга Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана вели в оседло-земледельческие цивилизации эпохи бронзы¹⁴. Вместе с тем для уточнения направления этих дорог в пределах юга Средней Азии необходимо рассмотреть важный исторический вопрос о путях миграции племен из Маргианы в Бактрию, который, в свою очередь, может прояснить вопрос об определенном участке Великого индийского пути, по которому на запад, к Каспийскому морю, проникали изделия из слоновой кости и другие предметы хараппской цивилизации долины Инда.

Открытие и исследование древнеземледельческих оазисов эпохи бронзы в 70-х гг. XX в. в Северном Афганистане – целиком заслуга Советско-Афганской археологической экспедиции¹⁵. Еще раньше, в конце 60-х гг., были открыты памятники эпохи бронзы на юге Узбекистана – вначале Сапаллитепа, а затем Муллолитепа, Джар-Кутан и другие, в том числе в Южном Таджикистане¹⁶, а уже в начале XXI в. – принципиально важное поселение Тилля-булак в Пашхуртской долине¹⁷. Недавно опубликована большая статья И.Т. Кругликовой, имеющая важное значение для топографии расположения памятников эпохи бронзы в Северном Афганистане¹⁸. Их исследованию и историко-археологической интерпретации посвящено значительное число научных публикаций.

Вопроса о маршруте миграции племен эпохи поздней бронзы, в частности, коснулся А.А. Аскаров, наметивший возможный, по его мнению, маршрут земледельческих племен от прикопетдагской равнины через Мургабский оазис по Келифскому Узбою в Северо-Западный Афганистан, где в конце III – первой половине II тыс. до н. э. сформировалось несколько крупных земледельческих оазисов – Акчадарьинский, Дашлыгский, Давлетабадский, Ничкинский и Фарукабадский, а часть пришельцев отсюда сразу же приступила к освоению оазисов на юге Сурхандарьи¹⁹, как мы полагаем, перейдя переправу Чушка-Гузар на юге Сурхандарьи²⁰.

В настоящее время, благодаря открытию новых археологических памятников и тщательному анализу топографических особенностей их расположения, можно более конкретно наметить маршрут миграции этих племен из Маргианы в Северную и Южную Бактрию. Он шел по Келифскому Узбою, который являлся древним рукавом Амударьи и который в периоды наибольшего увлажнения климата в Средней Азии пополнялся водой не только из Амударьи, но и благодаря впадению в него рр. Балхаб, Ширин-Тагао и Сар-и Пуль (последний сток Балхаба в Келифский Узбой произошел в 1907 г.). В засушливые периоды пресную воду можно было добыть в русле Келифского Узбая, прорыв колодцы глубиной всего лишь в несколько метров²¹.

Одна группа племен двинулась в Южную Бактрию (Северо-Западный Афганистан) и осела в

14 Сагдуллаев 2000. С. 119–120.

15 Сарияниди 1977.

16 Аскаров 1973; 1978; Аскаров, Абдуллаев 1983.

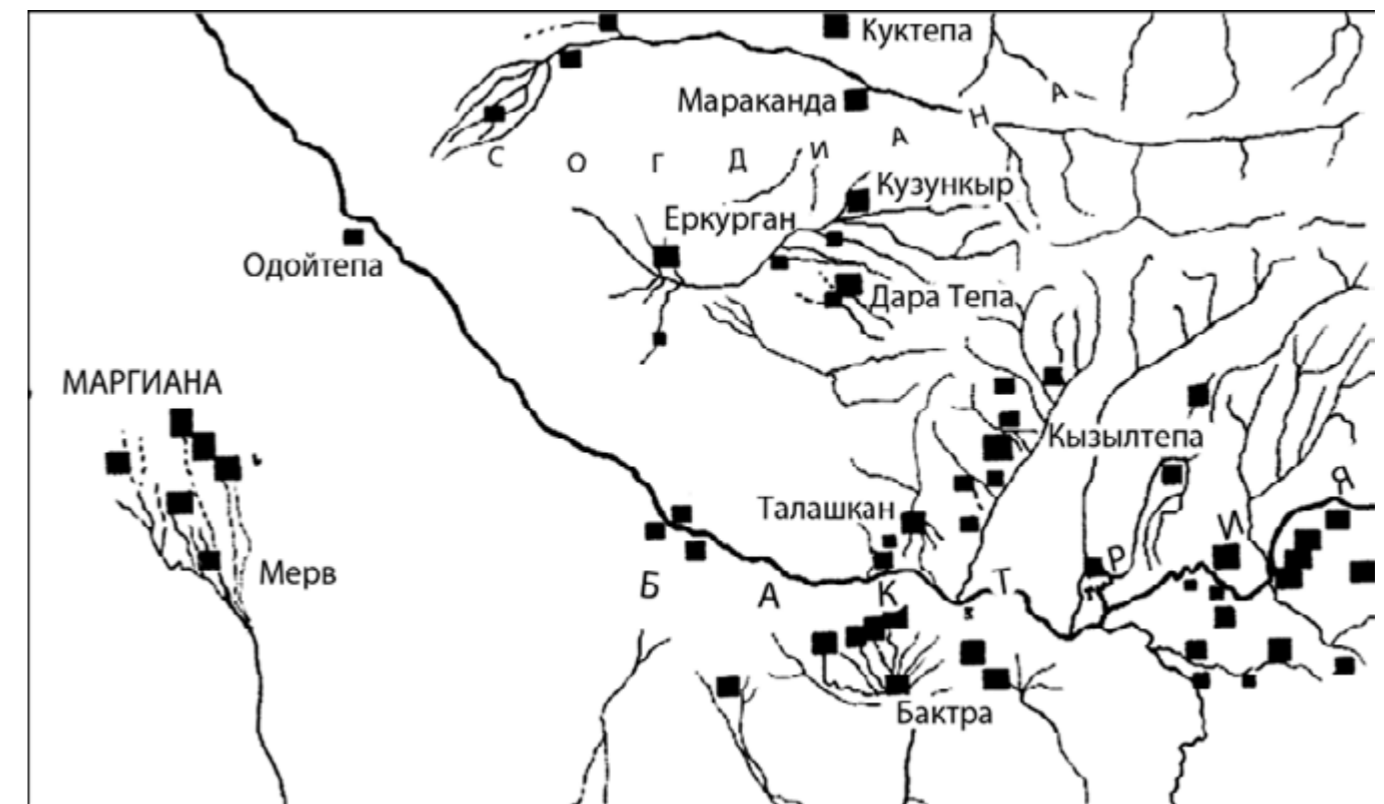
17 Kaniuth, Herles, Shejko 2009; Kaniuth 2010. S. 64–71.

18 Кругликова 2005. С. 309–438.

19 Аскаров 1978. С. 9–12.

20 Пугаченкова, Ртвеладзе 1990. С. 15.

21 Подробно об этом см. в гл. III, в разделе «От Окса – к Каспию. Дорога Александра Македонского в город Маргиану. Реки Ох и Окс» данной книги.

Archaeological sites of the Achaemenid period in Bactria and Sogdiana (A.S. Sagdullaev)

Археологические памятники Бактрии и Согды ахеменидского времени (по А.С. Сагдуллаеву)

низовьях Балхаба, Ширин-Тагао и Сар-и Пуль, основав здесь многочисленные поселения²², причем расстояние от Маргианы до этих оазисов по Келифскому Узбою составляет немногим более 300 км. Другая группа племен, дойдя до выхода Келифского Узбая из Амударьи, перешла реку и по долине Кугитангарьи, где, в частности, у Мунчактепа в 1989 г. нами было обнаружено большое поселение периода Намазга VI²³, перешла в Пашхуртскую долину через проход Кампыр-дагана в Кугитанге²⁴. К северо-востоку от современного кишлака Пашхурт ими было основано поселение Тилля-булак, раскопки которого показали, что нижний его слой синхронен Сапаллитепе. От Тилля-булака через перевал в хребте Така-Сакырт дорога прямо выходит к Сапаллитепе и Джар-Кутану, куда также можно пройти по ущелью р. Гоз (Уланбулаксай), расположенным несколько ниже Пашхурта. Эта дорога была пройдена и описана Н.А. Маевым еще в 1876 г.²⁵ Продолжением этой реки является Уланбулаксай, на котором расположен Сапаллитепа и который некогда у переправы Чушка-Гузар впадал в Амударью²⁶. Не исключено, что этой дорогой, а не через переправы на Амударье, проник-

22 Сарияниди 1977. С. 22–31; Кругликова 2005. С. 318–343, рис. 13.

23 Ртвеладзе, Соловьев 2004. С. 3.

24 Этот проход, длиной более 3 км и шириной в несколько десятков метров, весьма напоминает знаменитый проход Бузгла-хана (Железные Ворота). Через Кампыр-дагана проходила важная дорога от Келифа на Оксе к Железным Воротам.

25 Маев 1879б. С. 310.

26 Эта дорога была пройдена нами с археологической целью в 1969 и 1977 гг. В начале дороги, в ущелье р. Гоз, было обнаружено большое поселение, предварительно датированное ранним Средневековьем, а на различных участках дороги – фрагменты более древней керамики. См.: Ар-шавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982. С. 117. Не случайно в центре этой долины существовало

ли в равнины Сурхандарьи племени, мигрировавшие из Маргианы. В таком случае Тилля-булак является древнейшим памятником оседло-земледельческой культуры в Северной Бактрии.

Как показывает топография размещения памятников, дорога по Келифскому Узбою из Бактрии в Маргиану и наоборот была освоена еще в эпоху неолита. Цепочка неолитических поселений тянется от Келифа Афганского в Северо-Западном Афганистане и далее вдоль Келифского Узбоя в Юго-Восточном Туркменистане почти непрерывной полосой²⁷.

Таким образом, можно полагать, что часть пути, соединявшая долину Инда и древнеземледельческие цивилизации юга Средней Азии эпохи бронзы, из Южной Бактрии в Маргиану проходила по Келифскому Узбою. Этим же путем прошел Александр Македонский при своем походе в Маргиану (позднее он описан в грекоримских источниках), по нему же доставлялись сюда из Индии изделия из слоновой кости и другие предметы индийского импорта.

В VI в. до н. э. было создано огромное Ахеменидское царство, простиравшееся от Эллады до Индии. Бактрия, так же как и остальные области Средней Азии, была завоевана между 539 и 530 гг. до н. э.²⁸, а Северо-Западная Индия (Гандхара) – при Дарии I в 517–516 гг. до н. э.²⁹ С этого времени данные области были объединены в отдельные сатрапии, во главе которых стояли назначенные ахеменидскими царями сатрапы. Не случайно в армии ахеменидских царей служили и бактрийцы и индийцы, и саки и хорезмийцы, а одну из ударных сил ахеменидской армии составляли боевые слоны.

Если уже в Вавилоне, отдаленном от Индии тысячу километров, для осуществления быстрых связей с Ахеменидским государством существовали индийские колонии с весьма многочисленным населением³⁰, то будет резонно предположить, что индийцы в это время проживали и в Бактрии, равно как бактрийцы в Северо-Западной Индии. Эти области были расположены по соседству и разделялись между собой только Гиндукушем, через перевалы которого (Салар, Хавак, Шибер) пролегалли дороги, соединявшие эти области, хотя, повторяю, прямых свидетельств этому пока не имеется, а из археологических данных можно указать лишь на находки на городищах и поселениях Бактрии ахеменидского времени раковин каури, имеющих индийское происхождение.

РАКОВИНЫ КАУРИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБМЕНА НА РАННЕЙ СТАДИИ ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ

Одним из самых надежных свидетельств наличия определенных форм обмена на ранней стадии функционирования Великого индийского пути являются раковины каури, принадлежавшие фарфоровой ужомке морского брюхоногого моллюска из семейства ципреидов (*Cypraeidae*), – раковины ципрея монета (*Cypraea moneta*) и частично ципрея аннулюс (*Cypraea annulus*). Этот моллюск обитает в тропических частях Индийского и Тихого океанов, но основным местом его добычи являлись прибрежные воды Индийского океана у Мальдивских островов и у Шри-Ланки (Цейлона),

боль- шое городище Дабил-Курган, обживавшееся с эпохи Ахеменидов до позднего Средневековья включительно.

27 Кругликова 2005. С. 323–326, рис. 8а; Ершов 1951. С. 86–89.

28 Ставиский 1963. С. 190.

29 Дандамаев 2009.

30 Там же.

откуда они и доставлялись в различные страны Азии, Африки и Европы³¹.

С древности раковины каури широко применялись как украшения по причине красоты и изящества форм, как культовый предмет – оберег-амулет, а также выполняли другие функции. Их роль в культовых обрядах народов Средней Азии достаточно подробно охарактеризована мной в специальной статье³². Вместе с тем одна из основных функций раковин каури – быть средством обмена, выполняя роль т. н. *раковинных денег*, что зафиксировано на многочисленных примерах как для эпохи Средневековья, так и для более позднего времени. Из них приведем свидетельства двух авторитетных источников – Абу Райхана Бируни (кон. X – нач. XI в.) и Марко Поло (XIII в.).

Согласно Бируни, *вад* (араб. раковина каури) у индийцев применяется вместо денег и в азартных играх³³. В области Юньнань (на юге Китая), по сообщению Марко Поло, «вместо денег в ходу белые морские раковины, те самые, что вешают собакам на шею. Восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному сайе или двум венецианским грошам»³⁴. Определенное число раковин каури, применяемых как средство обмена, в таком случае нанизывалось на шнурок или укладывалось в мешочек.

Признанием огромной роли раковинных денег в истории денежного обращения является помещение скульптурного изображения раковины каури на фасаде Национального банка в одном из государств Африки. Не исключено, что и в древней Средней Азии, когда здесь еще не функционировали металлические деньги, в качестве средства обмена применялись раковины каури.

В этом отношении весьма любопытная картина выявляется при анализе распределения находок раковин каури по периодам на археологических памятниках Средней Азии. Так, для доахеменидского и ахеменидского периодов раковины каури найдены исключительно в культурных слоях городищ и поселений³⁵, тогда как в первые века н. э. и в раннее Средневековье эти находки в основном сделаны при раскопках погребальных памятников.

Наиболее ранние находки раковин каури, относящиеся к X–VII вв. до н. э., обнаружены в культурном слое комплекса Яз I³⁶, на городище Кишман (Кушмейхан) в Маргиане в слоях Яз III³⁷. Раковина каури найдена на поселении Изат-кули, расположенном в долине р. Атрек у юго-западного побережья Каспийского моря. По времени она относится к периоду архаического Дахистана, датированного первой третью I тыс. до н. э.³⁸ Археологически это культура эпохи поздней бронзы – раннего железа.

На городище Кызылтапа в Южном Узбекистане, по сообщению А. С. Сагдуллаева, в стратиграфических слоях VI–V вв. до н. э. обнаружено пять раковин каури. Три такие же раковины найдены при наших раскопках на поселении Талашкентепа I, относящемся к VI – началу IV в. до н. э.³⁹ Характерно, что все найденные каури не имеют отверстия для ношения, т. е. они не использовались в качестве украшений. Пока трудно определить роль каури в эллинистическое время, т. к. могильники этого периода не исследованы. Они найдены в слоях только на двух эллинистического вре-

31 БСЭ. Т. 11. 1973. С. 541.

32 Ртвеладзе 1993. С. 62–64 (там же см. литературу вопроса).

33 Бируни 1963. С. 127, 448, примеч. 107.

34 Книга Марко Поло 1955. С. 137.

35 Массон В. 1959. С. 215.

36 Массон М. 1966. С. 96.

37 Массон В. 1956. С. 401–402, рис. 16.

38 Там же. С. 438.

39 Ртвеладзе 1993. С. 63.

мени городищах – Ай-Ханум и Кампыртепа.

Таким образом, на основании приведенных данных можно предположить, что в ранние периоды, начало – середина I тыс. до н. э., когда в Средней Азии отсутствовали металлические деньги, раковины каури использовались в качестве средства обращения. В кушанское же время, когда металлические деньги как средство обращения становятся обыденным явлением в различных историко-культурных областях Средней Азии и используются даже в мелкой розничной торговле, раковины каури в значительной степени применяются как украшения и культовые предметы.

Топография их находок показывает, что раковины каури дошли до древней области Дахистан, расположенной на юго-восточном побережье Каспийского моря. Причем проникли они сюда через территорию Бактрии – в Маргиану, а затем в Дахистан, намечая возможность функционирования Великого индийского пути, по ставшей, по-видимому, уже традиционной трассе – по Амударье, затем от нее через Келифский Узбой в Маргиану и далее к Каспийскому морю.

Разумеется, невозможно говорить об этом с полной уверенностью: каури могли проникать так далеко «из рук в руки», через посредников, но исключать наличие индийских торговцев на этом пути в данное время также было бы преждевременно. Помимо сухопутных дорог, которые уже достаточно ясно обозначили путь из долины Инда к Каспийскому морю, большое значение в это время приобретает водный участок этого пути по Оксу и, вероятно, далее по Узбою к тому же морю.

ОКСИЙСКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ. РАННЯЯ СТАДИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

В письменных источниках, в исторических сочинениях, в сказаниях и легендах народов Средней Азии сохранились сведения о большой роли судоходства в древности и Средневековье на Амударье и Сырдарье, которые, несомненно, были более широкими, глубоководными и полноводными реками, чем сейчас.

В ту пору все Среднеазиатское Двуречье покрывали большие и малые реки и озера, создававшие почти непрерывную цепь сообщения по воде с применением различных плавучих средств.

В гимне Авесты, посвященном богине воды и плодородия Ардвиге, чьими эпитетами являлись Сура – «сильная» и Анахита – «чистая, незапятнанная» (Ардвиге – Сура Анахита), сказано:

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша,
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардвиге,
Всей тысячью потоков
И тысячью озер⁴⁰.

40 Авеста в русских переводах... 1998. С. 174.

(Перевод И.М. Стеблина-Каменского)

Исследователи уже в XIX в. считали возможным сопоставить это описание с дельтой Амударьи (древнего Окса), отождествить море Ворукаша с Аральским морем, а богиню Ардвиге возвести в божество Амударьи. Это предположение во многом остается в силе и сейчас, хотя существуют и другие мнения по поводу локализации этих мест.

В этой связи не лишне напомнить, что в 1558 г. английский посол Дженкинсон, совершивший поездку в Хорезм, упомянул р. Ардок, главный проток Амударьи⁴¹, название которой имеет определенную этимологическую связь с названием р. Ардвиге и божеством с этим же именем, упоминаемым в Авесте. То же самое подтверждают и археологические данные – дошедшие до нас рисунки различного рода судов на памятниках древнего и средневекового периодов, найденные в Среднеазиатском Двуречье. Божественным покровителем этой реки, но скорее в ее верховьях, был великий бактрийский бог Оахшо, чье изображение в виде величавой мужской фигуры в длинном одеянии, с трезубцем в правой и большой рыбиной в левой руке помещено на золотых монетах кушанского царя Хувишки. От имени этого божества происходило таджикское название Амударьи – Вахш. Великому речному божеству в древности сооружали храмы (один из них найден на городище Тахти-Сангин), устанавливали статуи и алтари, посвящали votivные предметы⁴².

Компонент Вахша, Окс, входил в состав теоморфных имен многих бактрийцев, самый знаменитый из которых – тесть Александра Оксарт-Вахшувар. После смерти своего зятя он первым в истории Средней Азии выпустил от своего имени золотые монеты с арамейскими легендами, передающими бактрийское звучание его имени – Вахшувар, что означает, по В.А. Лившицу, «избранный или охраняемый богом Вахшем».

Имя это до сих пор сохранилось на юге Узбекистана в названии небольшого кишлака Вахшувар, расположенного в предгорьях Байсунтау (в Денауском районе Сурхандарьинской области), где, возможно, находилось родовое святилище этого знатного бактрийского вельможи⁴³.

Сведения различного рода письменных источников, в которых упоминаются бактрийцы и хорезмийцы, позволяют считать, что уже в VI–V вв. до н. э. они совершали морские плавания. Это хорезмийцы Драгаман, служивший в 464 г. до н. э. в военном гарнизоне на острове Элефантина в низовьях Нила⁴⁴, и Артаикт, бывший начальником города Сеста на европейском берегу Дарданелл (Геродот, VII, 78)⁴⁵. На острове Делос найдена надпись, в которой упоминается бактриец Оронт, восставший против царя Артаксеркса и завладевший Пергамом⁴⁶. Не исключено, что уже в это время сформировалась морская трасса Великого индийского пути и указанные выше лица попали в Средиземноморье через Черное море.

Согласно сведениям Геродота, во время похода Ксеркса в 480 г. до н. э. на Грецию в персидском флоте, насчитывавшем 1207 боевых кораблей, находились представители многих покоренных

41 История Узбекистана в источниках... 1988. С. 27.

42 Пичикян 1991. С. 58–96; Литвинский, Пичикян 2000; Литвинский 2010б.

43 Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов 1982. С. 68–69. Здесь расположено большое городище Сартепа, нижний слой которого относится к началу I тыс. до н. э. и ахеменидскому времени. См.: Ртвеладзе 1981. С. 285–286.

44 Дандамаев, Луконин 1980. С. 300–301.

45 Бартольд 1965а. С. 99.

46 Там же. С. 100.

Ахеменидами народов. Кроме них на кораблях имелось еще по 30 человек – персы, ливийцы и саки, которые составляли небольшую охрану суден.

В связи с этими сведениями Геродота М.А. Дандамаев привлек вавилонский клинописный документ из Урука 524 г. до н.э., который, в частности, содержит следующие сведения: «1 пан, 1 сут (около 50 литров) муки получали Ушукая и Татикая, киммерийцы, служившие на кораблях». М.А. Дандамаев указал, что в вавилонских текстах, с их стремлением к архаизации, киммерийцами (*гимирри*) называются саки по имени первого кочевого народа, вторгшегося в Месопотамию в конце VIII в. до н.э. В своей статье, впервые опубликованной в «Iranica Antiqua» в 1982 г., а сейчас вышедшей вновь с небольшими изменениями, М.А. Дандамаев пришел к выводу, что саки могли служить на флоте или что среди них были матросы, в связи с чем сама статья носит название «Сакские матросы»⁴⁷.

Другое раннее сообщение о наличии судов на Оксе относится уже к иной историко-культурной области – Бактрии, расположенной по обеим сторонам той же Амударьи, конца ахеменидской эпохи и начала похода Александра Македонского – 329 г. до н.э. Согласно Арриану, Бесс, узнав о приближении греко-македонских войск, вместе со своими воинами перешел р. Окс. Суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки (Арриан, III, 27, 8).

Отмечу, что навыки судоходства и службы на флоте саки могли приобрести и на своей родине, в Средней Азии. Определенные косвенные свидетельства этого содержатся у Геродота. Так, во время похода против массагетов для переправы через Амударью Кир приказал построить понтонные мосты, а на судах, которые составляли мосты, воздвигнуть башни (Геродот, I, 205). Сомнительно, чтобы за короткий срок были построены все суда для понтонных мостов, а их требовалось большое количество, учитывая огромную ширину Амударьи в ее низовьях в то время. Если уже в верховьях она составляла, по данным Арриана, 6 стадий (ок. 1,2 км), то здесь ее ширина достигала не менее 2 км. Вероятнее всего, эти суда были реквизированы у местного хорезмийского и сакского населения, а сама переправа войск Кира проходила в районе Ходжейли, где и в позднее Средневековье был большой речной порт.

В пятом столбце Бехистунской надписи упоминается поход другого ахеменидского царя – Дария I, совершенный между мартом 520 г. и мартом 518 г. до н.э.: «Говорит Дарий – царь. Затем я отправился с войсками в сторону саков, преследуя саков, которые носят остроконечные шапки (*ти-грахауда*). Эти саки ушли от меня. Когда я достиг моря, я через него со всем войском переправился. Затем я убил многих саков»⁴⁸. Если в этой надписи имелось в виду Аральское море, единственное море, существовавшее в этом направлении, вблизи которого обитали саки, то для переправы через

⁴⁷ Дандамаев 1982. Р. 101–103; Дандамаев 2009. С. 319–320.

⁴⁸ Ставиский 1963. С. 197–198.

Sailing boat (petroglyph). Beshtobe. Karakalpakstan. III millennium BC

Парусное судно (наскальное изображение). Бештобе. Каракалпакстан. III тыс. до н.э.

него требовалось огромное число судоходных средств, каковое ахеменидское войско могло заимствовать только у местных жителей. Если за море была принята Амударья из-за ее огромной ширины, то же самое требовалось и для переправы через нее. В любом случае эти косвенные сведения могут быть привлечены для доказательства большой роли речного судоходства на Амударье в VI–V вв. до н.э., а следовательно, навыков управления судами и службы на них местного населения.

Из этих весьма кратких сведений, относящихся к периоду более чем в несколько столетий, очевидно, что на Амударье (= Оксе) было, по-видимому, широко развито судоходство и что в разных ее местах, возможно, находились речные порты с большим количеством судов, использовавшихся как для переправы через реку, так и для плавания по ней: один – в Хорезме, предположительно у Ходжейли, второй – в Бактрии, вероятно, у переправ Шуроб или Чушка-Гузар, третий – в Келифе. И поскольку существовало судоходство, постольку на этих судах и лодках был обслуживающий персонал – матросы, среди которых, видимо, были бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы и саки. К сожалению, пока мало известно о типах древних суден, использованных в плаваниях по этой реке. По всей вероятности, среди них были как гребные, так и парусные суда.

Наиболее раннее изображение корабля в Средней Азии имеется в наскальных рисунках, на скалах Бештобе, в 20 км от Нукуса. Здесь на поверхности скалы вырезано изображение плоскодонного судна с одной мачтой, четырехугольным парусом, высоким закругленным носом и несколько пониженной по отношению к нему кормой. По обе стороны паруса изображены держащиеся за него две схематические человеческие фигурки⁴⁹. Любопытно, что также две, но более реалистичные фигуры с двух сторон мачты, поднимающие парус, изображены на костяной пластине из Спарты (нач. I тыс. до н.э.)⁵⁰. Рисунок судна из Бештобе, по мнению С.П. Толстова, датируется периодом от III до начала I тыс. до н.э., что соответствует эпохе бронзы. Он отмечает, что данное судно по своей конструкции резко отличается от современных амударьинских каюков и напоминает изображения судов на памятниках архаического Египта⁵¹. Этот тип простейшего однопарусного судна был широко распространен в Египте, Месопотамии и Восточном Средиземноморье. Сошлюсь, к примеру, на древнейшее в мире изображение парусной ладьи на керамическом сосуде, относящемся к додинастическому Египту, т.е. к V–IV тыс. до н.э. Это близкий тип простейшего парусного судна с высокой

Sailing ship representation on a ceramic vessel. Egypt. IV millennium BC

Изображение парусного судна на керамическом сосуде. Египет. IV тыс. до н.э.

⁴⁹ Толстов 1948а. С. 75.

⁵⁰ Римшнейдер 1977. С. 21.

⁵¹ Толстов 1948а. С. 76.

кормой, носом и четырехугольным парусом, но помещенным не в центре, а ближе к носу судна⁵².

Для плавания по Аральскому морю и Амударье древние хорезмийцы создали одномачтовые парусные суда, используемые ими, помимо иных целей, и для рыбной ловли. Наглядный пример применения судна по этому назначению демонстрирует та же костяная пластина начала I тыс. до н.э. из Спарты, где изображены рыболовы, удящие непосредственно с судна⁵³. Напомню, что рыболовство всегда играло громадную роль в жизни населения Хорезма, неолитическая культура которого – кельгиминарская, распространенная здесь в V – середине II тыс. до н.э., – определяется учеными как культура рыболовов и охотников⁵⁴.

Не исключено, что данный тип парусного судна возник в Хорезме под влиянием древнейших цивилизаций Передней Азии, с которыми Хорезм, как показали С.П. Толстов и Л.С. Толстова, имел тесные этнокультурные связи⁵⁵.

Можно привести и еще более разительные аналоги: это финикийские суда и, в особенности, торговое судно VIII в. до н.э., изображенное на барельефе дворца Саргона II. Оно, так же как судно, изображенное на скале Бештобе, одномачтовое, с одной же мачтой, которая закреплена двумя тросами, прикрепленными одним концом к носу, а другим – к корме. Причем носовая часть финикийского корабля заканчивается крутым форштевнем в виде конской головы, а кормовая, более заниженная, – изображением хвоста лошади⁵⁶. Наличие закругленного крутого форштевня на изображении судна из Бештобе позволяет предположить, что и его носовая часть также была оформлена в виде головы какого-то животного, а кормовая часть – в виде его хвоста.

МОРСКОЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ КАСПИЙ. ДОРОГИ НА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

По мнению В.В. Тарна, и особенно К.В. Тревер, Каспийское море было преградой для создания единой трассы Великого индийского пути, прежде всего из-за непригодности его берега для устройства пристаней, в подтверждение чего К.В. Тревер приводит ряд свидетельств античных письменных источников⁵⁷. Однако анализ сведений тех же источников показывает, что плавания по Каспийскому морю и через него могли осуществляться уже в ахеменидское время, а может быть и раньше. Прежде всего это косвенные свидетельства, содержащиеся в «Истории» Геродота и в известном рассказе Арриана о хорезмийском царе Фарасмане и древнегрузинском племени колхов. Обратимся к ним.

Греки были знакомы с Каспийским морем задолго до Александра, по-видимому, со времен Гомера и походов аргонавтов. Но первым его достаточно подробно описал Геродот, который указал, что это отдельное море, не сливающееся с другими морями. Длина моря, по его данным, 15 дней *весельного плавания* (выделено мной. – Э.Р.) (Геродот, I, 202–204). По мнению Р.Р. Мукашевой, описание географических особенностей Каспийского моря Геродотом показывает, что он обладал об-

52 Кинк 1964. С. 27, 81.

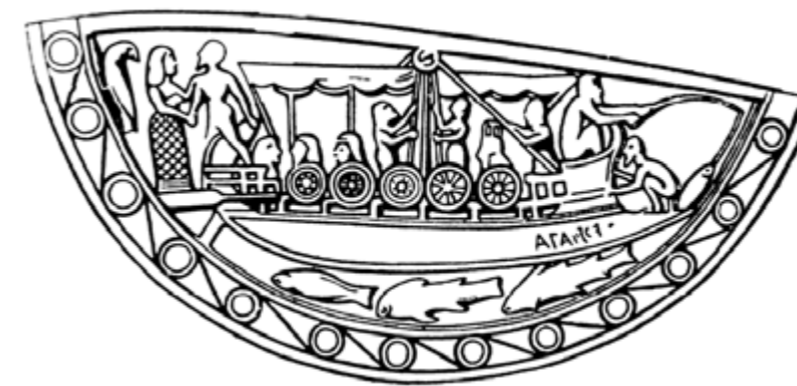
53 Римшнейдер 1977. С. 21.

54 Виноградов А. 1968.

55 Толстов 1948а. С. 71–77; Толстова 1984. С. 166–178.

56 Снисаренко 1990. С. 150.

57 Тревер 1959.

One-masted sailing ship. Sparta

Одномачтовое судно. Спарта

по Каспийскому морю плавали суда, управляемые веслами.

Свою знаменитую «Историю» Геродот написал в V в. до н.э. Следовательно, к этому времени, возможно, если не постоянно, то эпизодически осваивался морской участок Каспия жителями как Средней Азии, так и Южного Кавказа.

Весьма интересные сведения содержатся в арамейских документах V в. до н.э., обнаруженных в Мемфисе (Египет), который являлся основной верфью, где строился персидский военный флот. В одном из документов среди строителей кораблей упоминаются каспии⁵⁹. Как известно, основной территорией расселения этого племени было юго-западное побережье Каспийского моря, которое от них и получило свое название. В связи с находкой этого папируса Р. Меликов полагает, что каспии были не только кораблестроителями, но и опытными мореходами⁶⁰. К выводу о том, что каспии умели строить корабли при Ахеменидах, еще ранее, на основании тех же документов, пришел И. Алиев⁶¹. По всей вероятности, прежде чем попасть в Египет на базу персидского флота, каспии уже были опытными кораблестроителями и мореходами, чему они обучились у себя на родине.

Помимо этих двух сообщений, определенные сведения можно почерпнуть из известного рассказа Арриана о посещении хорезмийским царем Фарасманом Александра Македонского в Мараканде в 328 г. до н.э.

ХОРЕЗМСКИЙ ЦАРЬ ФАРАСМАН И ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ КОЛХОВ. ДОРОГА ИЗ ХОРЕЗМА К КАСПИЙСКОМУ МОРЮ ПО Р. УЗБОЙ

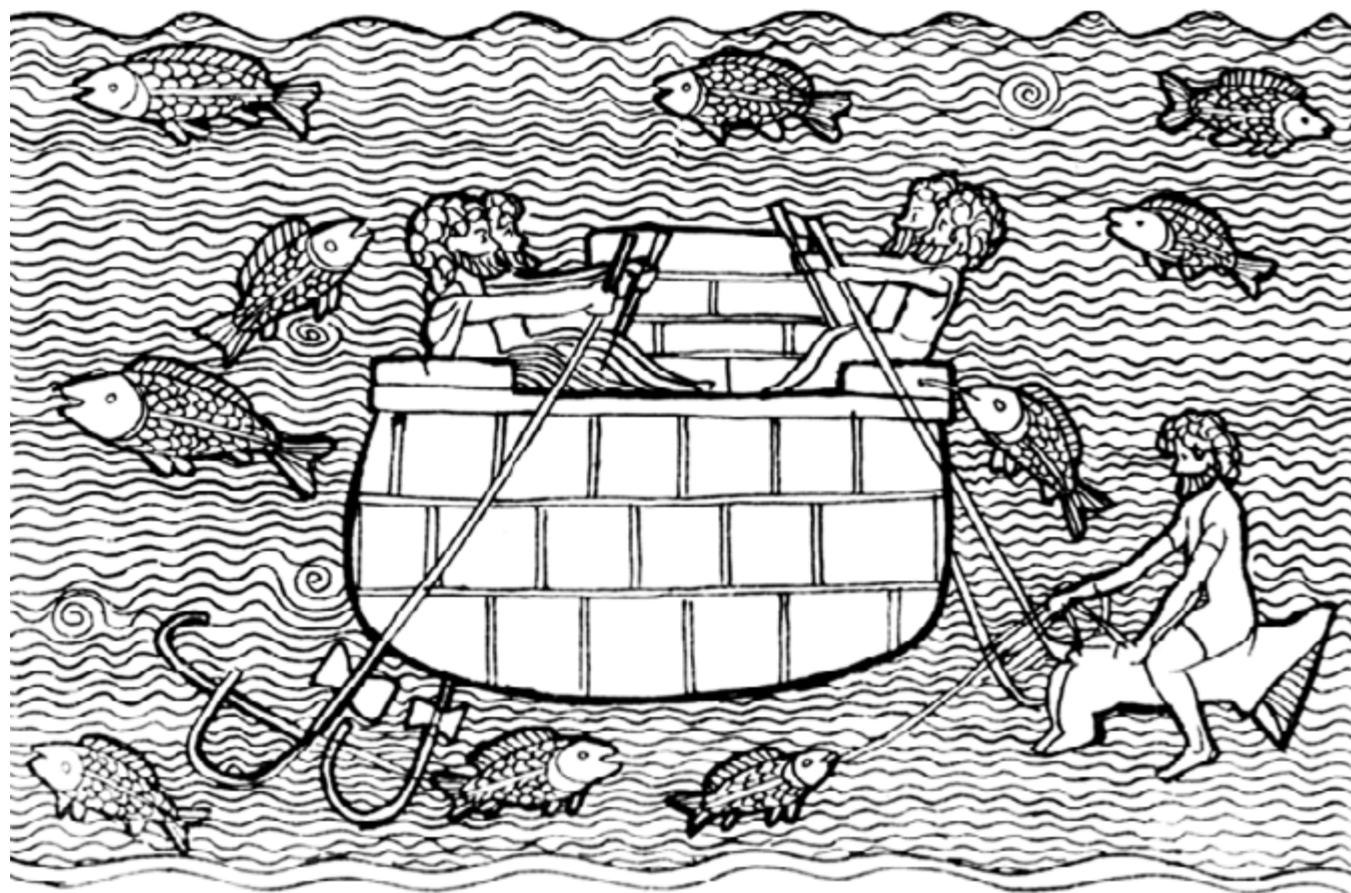
В исторической науке хорошо известен эпизод, связанный с хорезмийским царем Фарасманом (или, в другом переводе, Фратоферном), Александром Македонским и колхами – древнегрузинским племенем, населявшим Западную Грузию – «златообильную Колхиду».

58 Мукашева 1972.

59 Aimé-Giron 1931. P. 58–62.

60 Меликов 2009. С. 72.

61 Алиев И. 1989. С. 10.

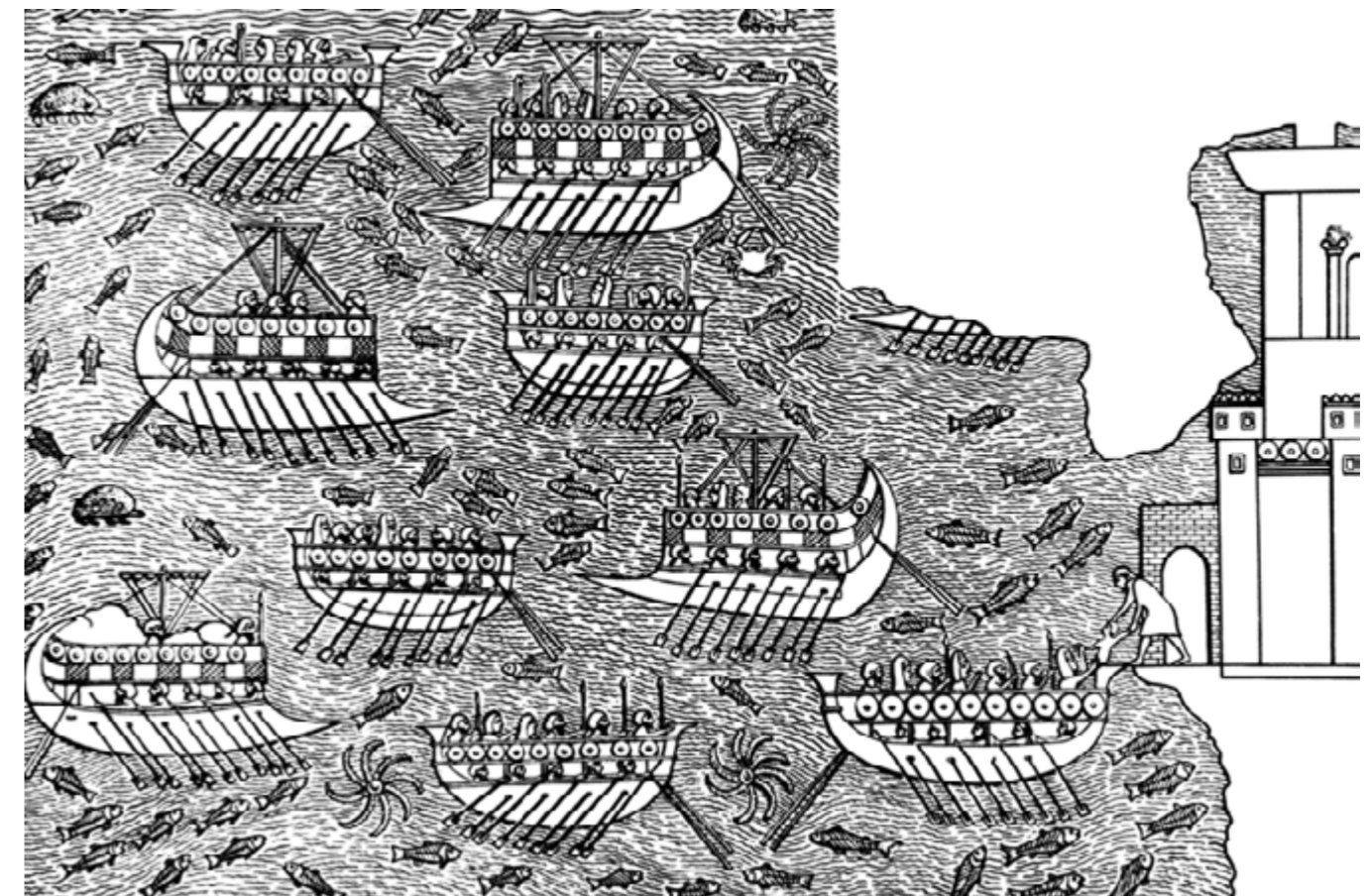
Гребное судно Ассирии. Дворец Саргона II

Согласно Арриану, «в то же время (т.е. в 328 г. до н.э. – Э.Р.) пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска». Александр поблагодарил Фарасмана, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно (Арриан, IV, 15). Это сообщение Арриана, как писал С.П. Толстов, давно заинтересовало ученых. А. Гутшмид и В.В. Бартольд считали, что оно свидетельствует о распространении власти Хорезма на юго-восточную часть Восточной Европы. Так, В.В. Бартольд писал, что Хорезм в эту эпоху, как и в эпоху монгольского владычества, составлял одно целое с юго-востоком нынешней Европы⁶².

Идею В.В. Бартольда в еще большей степени развил С.П. Толстов, который считал, что Фарасман распространил свою власть на страны, лежащие по берегам Волги, и видел в мощном движении сарматских племен в IV в. до н.э. «направляющую руку хорезмийских царей»⁶³. Однако это лишь априорные догадки, не подтвержденные сведениями письменных источников. Прежде всего такая

62 Бартольд 1965б. С. 28.

63 Толстов 1948б. С. 108–109.

Финикийские гребные суда. Конец VII в. до н.э.

политическая ситуация никак не объясняет соседство Хорезма с колхами, т.к. Волгу и Колхиду разделяет огромное расстояние, приходящееся на степи, предгорья и Кавказский хребет, занятое с востока до предгорьев Кавказа сарматскими племенами⁶⁴, а с запада – синдами и меотами, о политическом подчинении Хорезму которых не может быть и речи⁶⁵. На наш взгляд, данное сообщение Арриана может свидетельствовать о другом.

Согласно преданию, переданному Плинием, албаны происходят от Ясона (Язона) (Плиний, IV, 13 (§ 38–39)) – легендарного предводителя похода аргонавтов в Колхиду за «золотым руном», которое он похитил с помощью Медеи – дочери царя колхов Ээта. Еще ранее Страбон писал, что Ясон во время своего путешествия к колхам проник вплоть до Каспийского моря и посетил Иберию, Албанию, большую часть Армении и Мидии, в которой находилось святилище Ясона, что, как пишет Страбон, доказывает его пребывание в этой стране. По его словам, Медея вместе с Ясоном властвовали в Мидии, получившей свое название от имени сына Медеи Меда, который «наследовал власть и отдал стране свое имя» (Страбон, XI, 13, 10).

Страбон, кстати, первым из античных авторов упоминает албанов, место проживания которых

64 Виноградов В. 1963.

65 История народов Северного Кавказа... 1988. С. 72–84.

он определил между Кавказским хребтом и р. Курой, в низовьях этой реки, на побережье Каспийского моря. Ту же географию расселения албанов дает и Плиний.

Конечно, предания как таковые не являются надежным историческим источником, однако предания, переданные античными авторами, жившими не в столь отдаленное время от исследуемых событий, тем более подкрепленные данными топонимического характера, возможно, отражают какие-то достоверные события, в данном случае о продвижении греков вместе с колхами к Каспийскому морю, которое находилось на расстоянии пяти дней пути от Колхиды (Страбон, XI, VII, 3).

Если уже бактрийцы и индийцы жили в городе Фасисе у Черного моря, как сообщает Псевдо-Скимн, преодолев путь в несколько тысяч километров, то что стоило колхам пройти во много раз меньшее расстояние и выйти к Каспийскому морю? В этом, как мне представляется, нет ничего удивительного.

В словах хорезмского царя Фарасмана при обращении к Александру Македонскому о том, что его страна граничит с колхами, по всей вероятности, отражена политическая ситуация того времени, т. е. второй половины IV в. до н. э. Хорезм тогда был сильным и независимым государством, еще до похода Александра Великого освободившимся от ахеменидского господства (по мнению А.С. Балахванцева, в конце V в. до н. э.⁶⁶), границы которого или сфера влияния доходили на западе до Каспийского моря. Под контролем Хорезма, вероятно, находился и водный путь по Узбою от Амударьи до Каспия.

Согласно исследованиям грузинских историков, Колхидское государство в VI–IV вв. до н. э. было самым могущественным на Южном Кавказе. В его состав входила вся территория современной Западной и Юго-Западной Грузии, а на востоке его граница простиралась вплоть до Сурамского хребта, разделяющего Восточную (Иберию) и Западную (Колхиду) Грузию, территорию расселения древнегрузинских племен колхов и саспейров⁶⁷. Не случайно Геродот (V в. до н. э.) называет только три племени – колхов, саспейров и мидян, проживающих на территории между Каспийским и Черным морями.

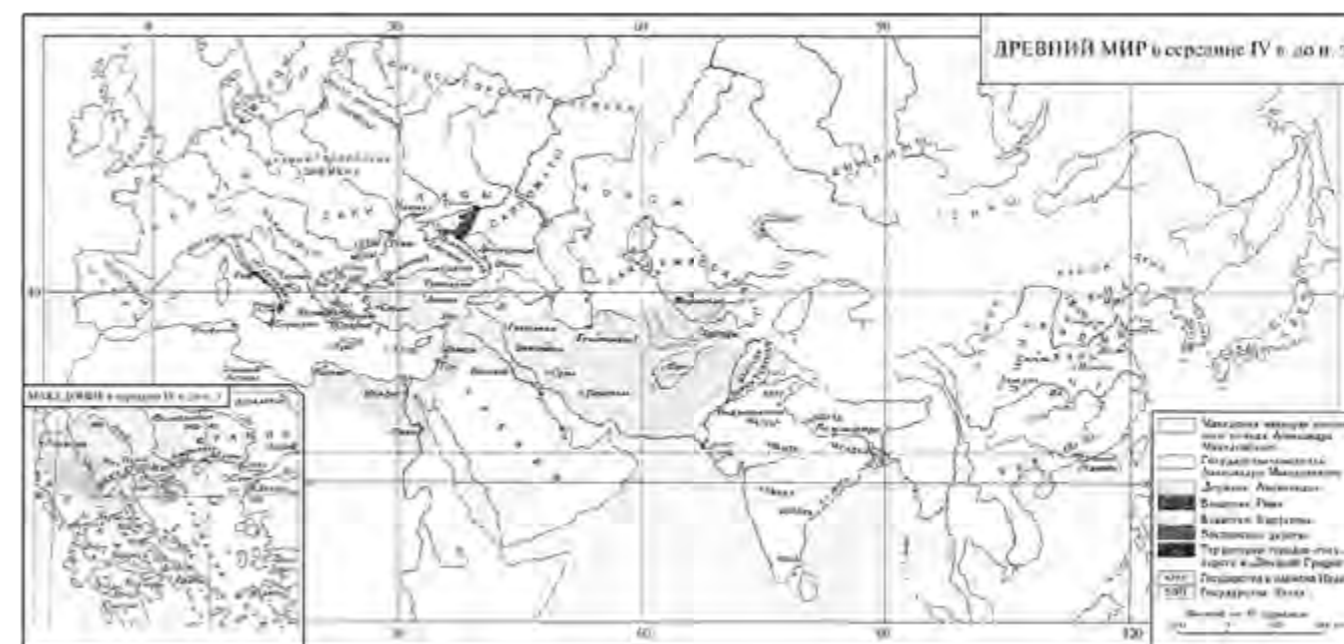
Весьма интересно сообщение Геродота о том, что «из Колхиды недалеко пройти в Мидию» (Геродот, I, 104), которая в то время занимала территорию вплоть до Каспийского моря. Это доказывает то, что уже в V в. до н. э., а может быть и ранее (если верить преданиям о походе Ясона (VIII–VII вв. до н. э.)), существовал путь, соединявший Черное и Каспийское моря. Тогда же функционировал и водный путь по Узбою от Амударьи (Хорезм) до Каспийского моря.

Современные исследователи данного вопроса предполагают, что сообщение между Амударьей и Каспием осуществлялось по Узбою, который в ту пору и вплоть до X в. н. э. был в значительной степени обводнен, впадал в Каспийское море и был пригоден для судоходства. В частности, Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и туркменским археологом Х. Юсуповым был установлен факт обживания обоих берегов Узбоя в I тыс. до н. э. – первых веках н. э. и обнаружена здесь парфянская крепость Игды-кала. Она была сооружена на далекой северной окраине Парфянского государства, как считает Х. Юсупов, для контроля водного пути по Узбою⁶⁸. В последнее

66 Балахванцев 2006. С. 376.

67 Лордкипанидзе 1989. С. 219–256; 1978.

68 Юсупов 1984 С. 77–97.

время при раскопках на поселениях Ичан-депе и Калалыгыр выявлена керамика из кавказских ремесленных центров, что также подтверждает факт существования водного торгового пути из Центральной Азии по Оксу через Каспий и далее, по Куре и Фасису, в Черное море⁶⁹.

Все сказанное, по-моему, доказывает, что хорезмский царь Фарасман, приглашая Александра Великого совершить поход против колхов и к Эвксинскому морю, хорошо знал и предлагал более легкий и удобный путь через Каспий и по Южному Кавказу к Черному морю⁷⁰, нежели сложный и кружной путь из Хорезма через степи, вокруг Каспийского моря к Северному Кавказу и далее через Кавказский хребет в Колхиду. Эти данные также являются доказательством того, что уже в середине I тыс. до н. э. существовал великий водный путь из Средней Азии на Южный Кавказ, к Черномуморию и далее.

Таким образом, на основании анализа археологических данных и сведений письменных источников можно с достаточной степенью вероятности говорить о том, что уже в ахеменидское время были освоены все отдельные части и участки Великого индийского пути, которые, возможно, сформировались в общий транзитноторговый путь от Индии до Средиземноморья. Причем, первую его часть (от Индии до Окса и Маргианы) освоили жители Индостана, а вторую (от Окса через Каспийское море, Южный Кавказ и Черное море в страны Средиземноморья) – бактрийцы и хорезмийцы.

69 Vainberg 1996. P. 67–81.

70 Весьма значимо в этом отношении мнение А.С. Балахванцева, который считает, что «слова Фарасмана, наряду с археологическими источниками, свидетельствуют о существовании уже во второй половине IV в. до н. э. Каспийского водного пути, связывавшего Хорезм с Колхидой по Оксу – Узбою, Куре и Фасису (Риони)». См.: Балахванцев 2005. С. 36.

ГЛАВА III

ДОРОГИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО КАК
ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ

ГЛАВА III

ДОРОГИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО КАК ЧАСТЬ
ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ

Ко времени походов Александра Македонского на Восток, в Среднюю Азию и Индию (330–327 гг. до н.э.) многие участки Великого индийского пути, от долины р. Инд до Каспийского моря и через страны Южного Кавказа к Черному морю, были уже освоены. Между населенными пунктами и историко-культурными областями, лежавшими вдоль дорог этих территорий, происходил интенсивный обмен товарами и культурными достижениями, хотя говорить о создании единого пути в это время, по-видимому, не приходится. Не исключено, однако, что уже в ахеменидское время все эти области, входившие на правах сатрапий в состав Ахеменидского государства, могли быть связаны единой магистралью. Известно, что по территории этого государства проходили дороги достаточно большой протяженности. В частности, Геродотом описана т.н. «Царская дорога», шедшая из Эфеса на западном берегу Малой Азии через Месопотамию, Персеполь, Пасаргады, длина которой составляла около 2400 км, а дневной переход по ней исчислялся в 25–30 км. Особенно важным является переданное Геродотом сведение о том, что «большая часть Азии стала известна при Дарии I (521–486 гг. до н.э.)... Царь хотел узнать, где Инд впадает в море... Дарий послал для этого людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и Скилак Кариандиец» (Геродот, IV, 44).

Ко времени Александра Македонского относятся самые ранние в письменных источниках описания отдельных участков этих дорог, связывавших, в частности, долину Инда и Бактрию, Бактрию и Маргиану. Войска Александра Македонского шли уже по хорошо проторенным в предшествующие времена дорогам.

Остановимся на характеристике этих дорог с учетом сведений древних письменных источни-

Image of Alexander the Great (gold stater)

Александр Македонский (изображение на статере)

ков и современных археологических данных.

ДОРОГА ИЗ ДОЛИНЫ ИНДА В БАКТРИЮ

Как я показал выше, дорога из долины Инда в Бактрию формируется уже в эпоху бронзы, но, собственно, наиболее раннее ее описание, содержащееся в письменных источниках, относится ко времени похода Александра Македонского в 327 г. до н.э.

Хотя направление его маршрута дано из Бактрии в долину р. Инд, нельзя сомневаться в том, что и из долины этой реки в Бактрию шли тем же путем. Поэтому, учитывая принцип построения, принятый в нашей книге для характеристики Великого индийского пути, – с востока на запад, в данном разделе мы также будем придерживаться этого принципа. Тем самым здесь нарушена хронология похода Александра Македонского ради соблюдения данного географического принципа.

Александр вышел в поход на Индию, закончив свою двухлетнюю военную кампанию в Средней Азии в конце весны 327 г. до н.э. Отправной точкой его похода была столица Бактрии – город Бактра, конечной – долина Инда, место впадения р. Кофен в Инд, где Гестеионом был уже наведен мост, где стояли два тридцативесельных корабля и множество судов поменьше (Арриан, IV, 22, 3; V, 3, 5). Промежуточными пунктами похода являлись Кавказ (Гиндукуш), через который он прошел за десять дней, Александрия Кавказская в земле парапамисадов, город Никея. От этого города он повернул к р. Кофен.

Таким образом, в первой части похода в Индию Александр Македонский до Александрии Кавказской шел той же дорогой, что и во время своего первого похода в Бактрию в 329 г. до н.э. – от Александрии Кавказской через Гиндукуш и город Драпсаку к городу Бактра.

Александрия Кавказская была построена Александром у подножия Гиндукуша в долине Гурбанда. Перевал, через который он перешел, соответствует перевалу Опиан или Хупиан, упомянутому Бабуром, а город Драпсака = Адраспа – средневековому Андарабу, находившемуся у слияния рр. Сурхаб и Андараб.

Согласно данным средневековых источников, от Андараба (Адраспы) в Балх (Бактра) вела прямая дорога через Пул-и Хумри, Рабатак, Айбак, Хульм (Ташкуртан), которую проходили за пять дней¹. Исходя из сопоставления древних и средневековых источников, можно полагать, что эта дорога была главной, наиболее короткой и удобной, соединявшей Западную Бактрию (г. Бактра) с Кабулистаном, а далее, по долине Кофена (Кабулдарья), с долиной Инда.

Река Гурбанд, в долине которой локализуется Александрия Кавказская, впадает в Панджшир, который, в свою очередь, вливается в Кабулдарью (Кофен).

По Арриану, Александр Македонский, прежде чем повернуть к Кофену (Кабулдарье), дошел до города Никея. По поводу локализации Никеи существуют различные мнения, высказанные в основном учеными конца XIX – начала XX в. и приведенные в монографии Г.А. Кошеленко².

Позиции следующие. Никея располагалась на месте Кабула (А. Каннингхэм), или Беграма (Г.Г. Вильсон, Дж.В. Мак-Криндл, Ж. Акэн), или Джелалабада, что было отвергнуто Э.Дж. Рапсом. Он предположил, что Никея находилась где-то между Чарикаром (по его мнению, Александрия Кавказская) и Кофеном.

¹ Бартольд 1963. С. 117

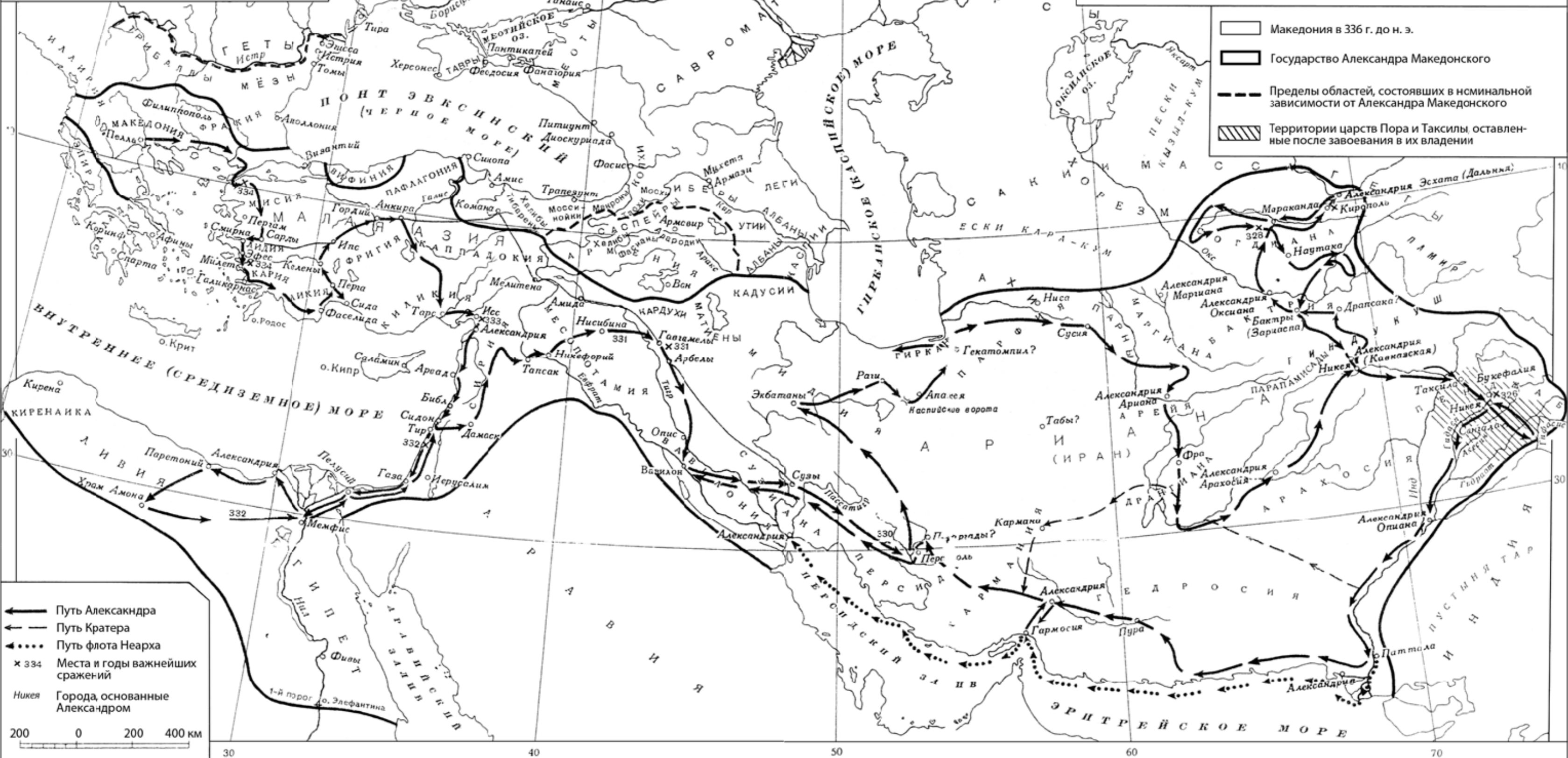
² Кошеленко 1979. С. 147–148.

Македония к 359 г. до н. э.
 Завоевания Македонии
 в середине IV в. до н. э.
 352 Годы завоеваний

338 Места и годы
 важнейших сражений

Государство Александра Македонского

Македония в 336 г. до н. э.
 Государство Александра Македонского
 Пределы областей, состоявших в номинальной зависимости от Александра Македонского
 Территории царств Пера и Таксилы, оставленные после завоевания в их владении

— Путь Александра
 — Путь Кратера
 Путь флота Неарха
 x 334 Места и годы важнейших сражений
 Никея Города, основанные Александром

200 0 200 400 км

The Empire of Alexander the Great
 Государство Александра Македонского

дрия Кавказская) и Кабулдарьей³. Существуют и другие точки зрения. Наиболее приемлемой среди всех, по мнению Г.А. Кошеленко, является позиция А. Фуше, посвятившего Никее специальную статью и локализовавшего город неподалеку от впадения р. Лагман в р. Кабул, почти точно на полпути от Александрии Кавказской к Пушкалавати⁴, однако, как нам представляется, недостаточно точно следующего тексту Арриана. У Арриана сказано, что город Никея находился до поворота дороги от Александрии Кавказской к р. Кофен (Кабулдарье): «Придя в город Никея и принеся жертву Афине, он затем повернул к Кофену» (IV, 22, 6). Александр шел от Александрии Кавказской, находившейся у перевала Опиан или Гупиан в долине р. Гурбанда, впадающей в р. Панджшир, которая от места впадения Гурбанда поворачивает на юг и течет к Кабулдарье (Кофену). Исходя из этих данных, можно полагать, что Никея находилась в месте этого поворота р. Панджшир, возможно, у впадения в нее р. Гурбанд. Далее, спустившись в долину р. Кофен (Кабулдарьи), Александр пошел вниз по течению этой реки вплоть до ее впадения в р. Инд.

Описанная выше дорога, которой Александр Македонский пришел в Индию, и была основным караванным путем, связывавшим долину Инда с Бактрией и соответственно Бактрию с Индией.

Далее, согласно тому же Арриану, Александр Македонский отправился от Инда в Таксилу – самый большой город между Индом и Гидаспом (V, 5), расположенный в 60 км от Инда. Видимо, именно Таксила, как политический и культурный центр Северо-Западной Индии⁵, была тем самым узловым центром, откуда Великий индийский путь расходился в разные направления – на юго-восток в низовья Ганга и далее в Южный Китай и на северо-запад к Оксу, а затем к Каспию

3 The Cambridge History of India, I: Ancient India. By Edward James Rapson. 1922. P. 348.

4 Кошеленко 1979. С. 147.

5 О Таксиле см.: Marshall 1951; Fussman 1993. P. 83–100.

Map of Alexander's march from Bactria to Margiana
Поход Александра Македонского из Бактрии в Маргиану

(по двум дорогам – через Келифский Узбой в Маргиану и далее к Каспию или по Оксу в Хорезм, а затем по Узбою в то же Каспийское море).

Расстояние между Индией и р. Бактр оценивалось Плинием, опиравшимся на данные Страбона, в семь дней пути. По Солину, этот промежуток равнялся восьми дням. Вероятнее всего, расстояние это отсчитывалось не от Гандхары, т.к. на преодоление пути между Гандхарой и Бактрией требовалось вдвое больше дней, а от долины р. Кофен (Кабулдарьи), рассматриваемой античными авторами как часть Индии.

АЛЕКСАНДРИЯ КАВКАЗСКАЯ, АДРАСПА И АОРН

Ранней весной 329 г. до н.э. Александр Македонский, перейдя «Кавказский хребет», как греки именовали Гиндукуш, вторгся на территорию Бактрии. Отправным местом его похода в Бактрию была основанная им у подножия Гиндукуша Александрия Кавказская, где он поселил 7000 старейших македонцев и воинов, непригодных к военной службе (Курций Руф, VII, 4, 22 - 23). Согласно Арриану, «принеся там жертву богам, каким у него положено, он перевалил через гору Кавказ» (III, 28, 4). Локализация Александрии Кавказской и перевала до сих пор вызывает разногласия у ученых. Александрию Кавказскую помещали в Бамиане, в Беграме и в Парване⁶, а рядом исследователей была высказана гипотеза о тождестве Александрии Кавказской с Александрией в Опиане, упомянутой Стефаном Византийским⁷, и о локализации ее в районе Чарикара, где отмечено древнее городище Опиан (или Упиан).

К. Риттер «Кабулистан и Кафиристан» самым тщательным образом рассмотрел, опираясь на данные средневековых источников и маршруты английских разведчиков, в основном А. Борнса и Т. Вуда, все перевалы через Гиндукуш от Шибера до Хавака. Он пришел к выводу, что данный перевал находился в восточной части Гиндукуша между Салангом и Хаваком, а Александрия Кавказская – в Бамиане⁸. В.В. Григорьев считал, что Александр двигался одним из перевалов в Гиндукуша и далее по дороге к Андараб, который он сопоставлял с Драпсакой Арриана (III, 28) и Адраспой Страбона (XV, II, 10)⁹ – первым бактрийским городом, встреченным Александром Македонским на пути после перевала через Гиндукуш.

Однако в Андараб (= Драпсака = Адраспа) можно было также пройти из долины р. Гурбанд через перевал Опиан или Гупиан, и именно дорогой через этот перевал воспользовался Бабур, отступавший с севера со своими войсками по долине Кундуздарьи от преследования Шейбани-хана в Кабулистан¹⁰.

Здесь особого внимания заслуживает само название этого перевала Гупиан (Упиан), которое имеет очевидную близость с названием Александрии в Опиане Стефана Византийского. По-видимому, в долине Гурбанда, у подножия Гиндукуша, там, где начиналась дорога к перевалу, и был построен Александром город, получивший название Александрия Кавказская, а у Стефана Визан-

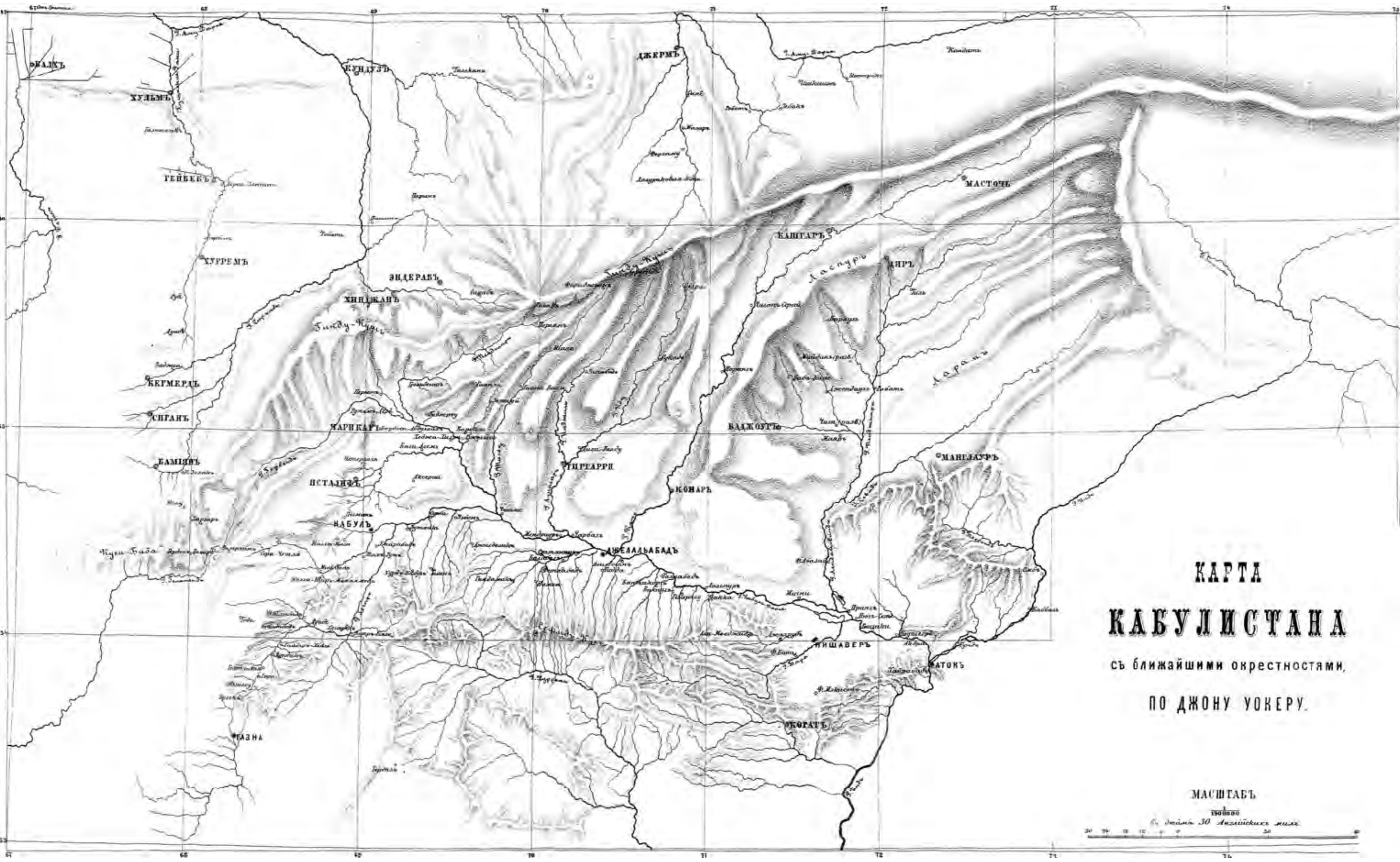
6 Кошеленко 1979. С. 144–145.

7 Там же. С. 143; Массон В., Ромодин 1964. С. 86; Tarn 1985. P. 96; Holt 1989. P. 20, 24.

8 Риттер 1867. С. 77–101.

9 Там же. С. 733–736.

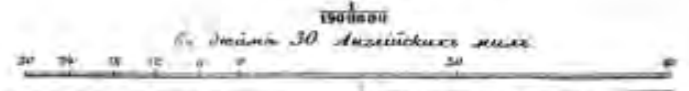
10 Бабур-наме. Ташкент, 1959. С. 140.

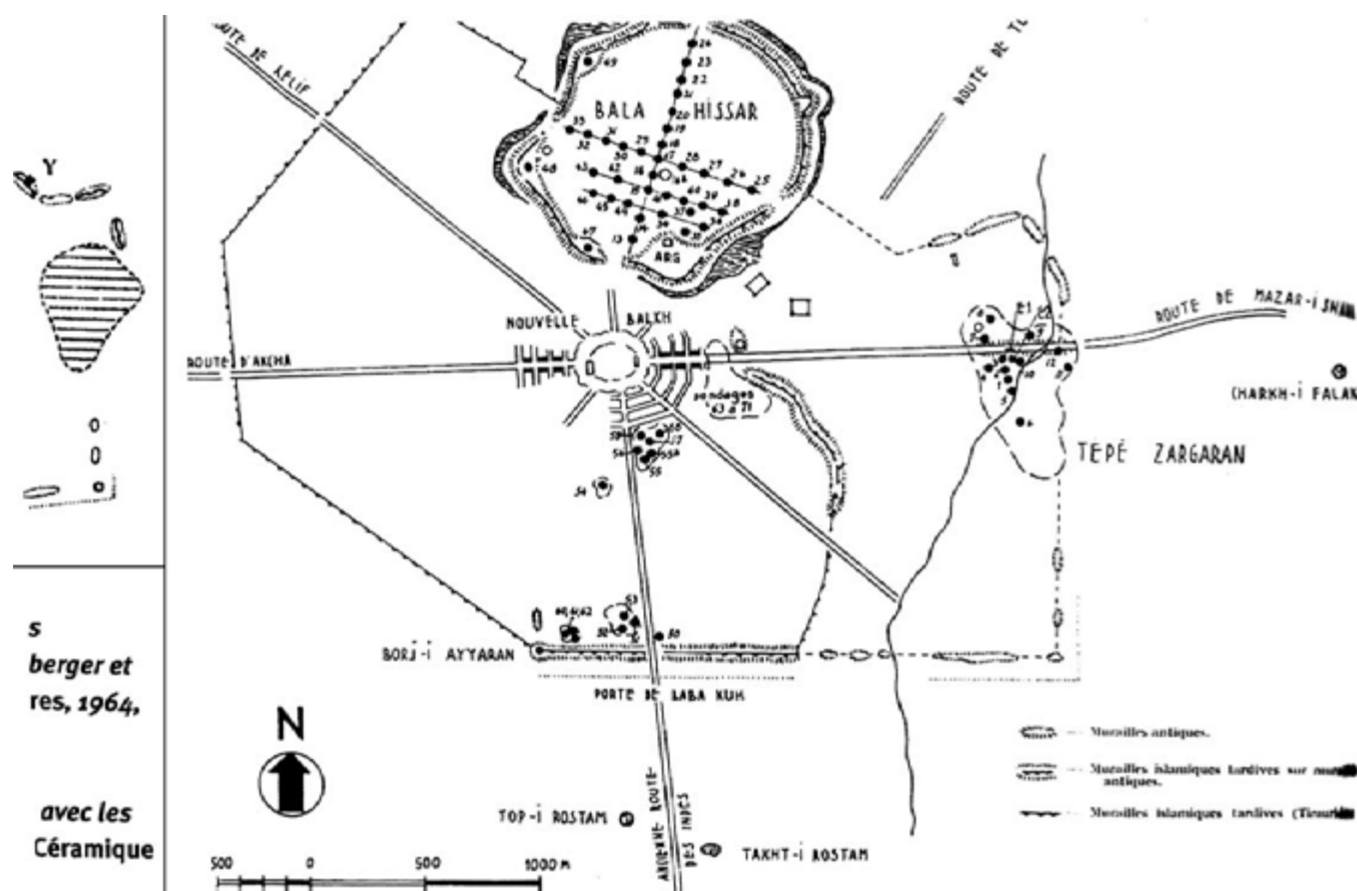

**КАРТА
КАБУЛИСТАНА**

съ ближайшими окрестностями,
по Джону Уокеру.

МАСШТАБЪ

Bactra – Balkh. Plan of the city

Бактра – Балх. План города

тийского – Александрия Опианская. Не исключено, что Опианом называлась вся область долины Гурбанда, а в основе этого названия, образованного по типу Бамиан, Чаганиан, лежит бактрийское слово αβο – «вода», «река» с суффиксом *ān*.

Что касается Адраспы (= Драпсака), то, вероятнее всего, она находилась при слиянии рр. Сурхаб (Сайган) и Андараб. Согласно средневековым источникам, владения Андараба пользовались значительной самостоятельностью при Саманидах, а сам город был третьим по величине в Тохаристане после Талукана и Варвализа и даже чеканил свою монету. Из Андараба за пять дней можно было достигнуть Балха удобной дорогой, которая шла через Пул-и Хумри, Рабатак и Айбак к Хульму (Ташкурган), а затем в Балх (Бактру). Видимо, эта дорога существовала и в древности, и именно ею воспользовался Александр Македонский как наиболее удобной от Гиндукуша до Бактры.

По свидетельству Арриана, «Александр прибыл в Драпсаку, дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактру; это самые большие города в бактрийской земле. Взял он их с ходу; в Аорне, в кремле оставил гарнизон под начальством Архелая, Андроклова сына, одного из «друзей»... Сам он пошел к реке Окс» (III, 29, 1).

Таким образом, для городища, претендующего на отождествление с Аорном, необходимо наличие следующих характеристик. Во-первых, крупные размеры. Оно должно быть самым большим

среди других археологических памятников Бактрии ахеменидского времени (VI–IV вв. до н.э.), за исключением Балха.

Во-вторых, наличие цитадели, видимо, тоже большой, поскольку в ней разместился целый гарнизон. Весьма существенны и другие обстоятельства. Так как Аорн и Бактра в тексте Арриана упомянуты вместе, а Драпсака отдельно, то Аорн, по всей вероятности, располагался или вблизи Бактры (Балха), или, по крайней мере, в одном географическом районе. Кроме того, после описания Аорна, без упоминания какихлибо иных географических пунктов, сразу же говорится, что Александр пошел к Оксу. Это, по моему мнению, должно означать, что Аорн находился на дороге, ведущей к одной из переправ через Окс (Амударью).

Рассмотрим теперь, насколько точно высказанные прежде гипотезы о местоположении Аорна отвечают вышеприведенным обстоятельствам.

Ф. Шварц полагал, что Аорн был расположен в долине р. Хульм на месте Ташкургана¹¹. Позже аналогичного мнения придерживались И. Керст¹² и В. Тарн¹³. Аргументы, приводимые этими исследователями в пользу данной гипотезы, не подкреплены никакими археологическими данными, которые свидетельствовали бы о существовании на месте Ташкургана большого города ахеменидского времени. Вокруг Ташкургана расположены городище Шахр-и Бану и другие памятники, относящиеся к кушанскому времени. Однако, даже если в процессе их дальнейших исследований будет выявлено наличие культурных слоев ахеменидского времени, это никак не может служить аргументом для определения местоположения здесь Аорна, т.к. сами эти поселения по своим размерам небольшие.

С. Ахмед, посвятивший специальную статью географии Бактрии по греческим источникам, пришел к выводу, что точную локализацию Аорна установить нельзя, однако, по его мнению, он мог находиться у современного Дербента в Афганистане¹⁴. Иную точку зрения высказал Г. Гумбах. Отмечая, что у Арриана в истории походов Александра Македонского фигурируют три города – Бактра, Драпсака и Аорн, а у Страбона в описании событий греко-бактрийского времени те же три города, но третий из них имеет иное название – Евкратидея, и опираясь на сведения Птолемея о наличии якобы в районе Евкратидеи народности варны, он указывает, что оба эти названия, Аорн и варны, – одного происхождения, восходящие к авестийскому Варэна, и считает Аорн тождественным Евкратидее. Он также полагает, что Евкратидея (= Аорн) располагалась на месте средневекового Варвализа (совр. Кундуз), т.к. у Птолемея Евкратидея помещена в нижнем течении р. Даргоида (Кундуздари), а в «Худуд-ал-Алам» эта река названа Даргаманом¹⁵.

С мнением Г. Гумбаха о тождестве Аорна и Евкратидеи полностью согласен Б.Я. Ставиский. Однако он ошибочно приписывает Г. Гумбаху локализацию Евкратидеи (= Аорна) в районе Баглана¹⁶ – в данном месте Г. Гумбах помещает Бактру (Дарапсу)¹⁷. Предложенная им гипотеза инте-

11 Schwarz 1906. S. 28.

12 Kaerst 1927. S. 432.

13 Tarn 1933. P. 391.

14 Carl 1959. P. 59–81; Ahmed 1968. P. 32.

15 Гумбах 1975. С. 74.

16 Ставиский 1977. С. 91–92.

17 Гумбах 1975. С. 75.

ресна, но все же не может до конца решить проблему, поскольку, как и точки зрения, высказанные прежде, страдает существенным недостатком – отсутствием археологических данных. Расположенное на восточной окраине Кундуза городище Бала-Хисар в основе восходит, по видимому, к античному времени, поскольку более ранних культурных слоев здесь пока не обнаружено¹⁸.

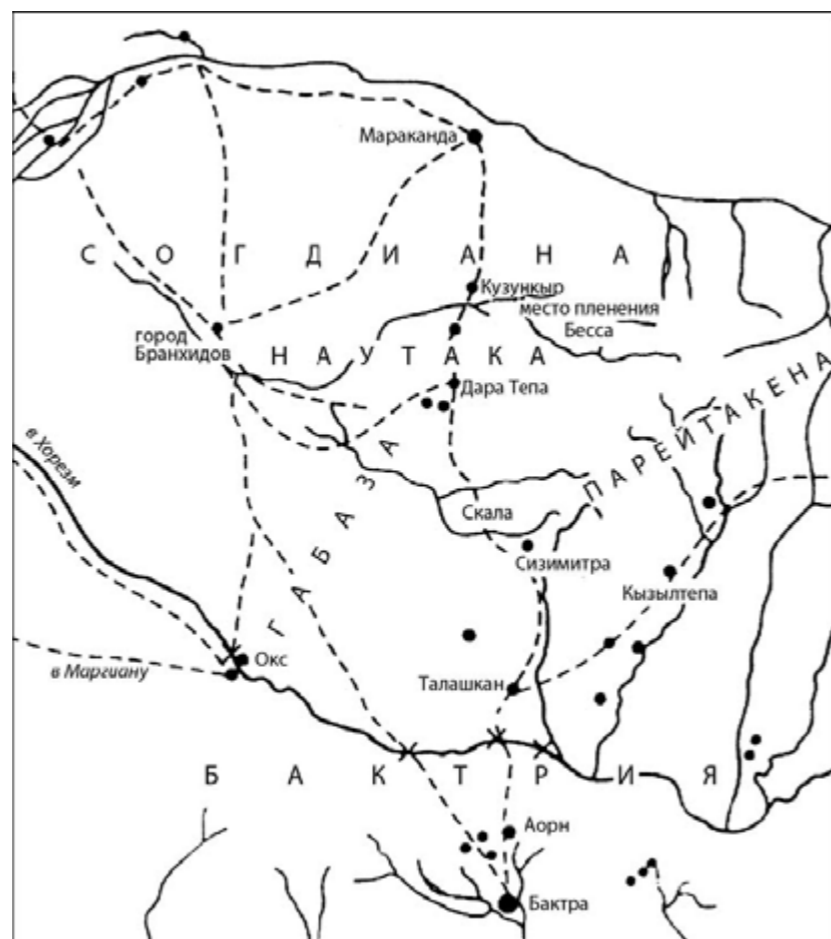
По данным Птолемея нельзя точно установить местонахождение Евкратидеи в нижнем течении Даргоида. Разница в географическом местоположении Даргоида (116°/59°) и Евкратидеи (115°/42°) довольно существенная и составляет около одного градуса (Птолемей, II, 2–21).

Совсем не обязательно считать, что Аорн в греко-бактрийское время был переименован в Евкратидею: это никак не вытекает из сопоставлений сведений Арриана и Страбона. Страбон пишет: «Их (т. е. греко-бактрийских царей. – Э.Р.) города были: Бактра, называемая также Зариаспой, через которую протекает одноименная река, впадающая в Окс, Дарарса и некоторые другие. Среди последних была также Евкратидея, названная по имени бывшего ее правителя» (XI, II, 2). Иными словами, в Бактрии имелся еще ряд городов, и среди неназванных мог быть Аорн. Но не менее вероятно и другое предположение: ко времени возникновения Греко-Бактрийского царства Аорн потерял свое бывшее значение крупнейшего бактрийского города и, возможно, полностью прекратил свое существование. По-видимому, совсем не случайно его не упоминают ни Страбон, ни Птолемей, хотя последний приводит название ряда больших городов Бактрии (Птолемей, II, 6–7). Факт запустения многих поселений и городищ Северной Бактрии ахеменидского времени после походов Александра, в том числе и самого большого – Кызылтепа, сейчас установлен достаточно надежно¹⁹.

Сходный процесс, по всей вероятности, происходил и в Южной Бактрии, где многие поселения VI–IV вв. до н. э. в последующее время больше не обживаются. И наконец, еще одно замечание.

18 Fischer 1961. P. 12–16; 1958. P. 231–253.

19 Ртвеладзе 1975. С. 261–265.

Northern Bactria and Southern Sogd in the time of Alexander
Северная Бактрия и Южный Согд в эпоху Александра Македонского

Г. Гумбах, доказывая этимологическую связь названий города Аорна и племени варнов, живших, согласно Птолемею, в Бактрии, забывает, что имелся еще один Аорн, расположенный на берегу Инда, совсем в иной области, а это заставляет с сомнением отнести к его доводам. Уже К. Риттер считал Аорн греческим топонимом и переводил его как «нептичий», т. е. «куда птицы не залетают», а Ловенталь пытался связать его с названием местности Варанас или Варанаса, находившейся на западном берегу р. Инд, к чему весьма скептически относился В.В. Григорьев²⁰. Наиболее верное толкование этого названия, по нашему мнению, было предложено Г.Г. Вильсоном. Он считал, что Аорн – эллинизированная форма санскритского слова «авара» или «аварана», означающего «ограда», «палисад» и встречающегося в названиях ряда городов до сих пор: Пешаур – Пешавар, Баджаур и т. д.²¹

Таким образом, приведенные выше данные не позволяют согласиться с Г. Гумбахом в отождествлении Аорна с Евкратидеей и локализацией их на месте Кундуза.

Полученные в последнее время археологические данные при сопоставлении их со сведениями Арриана об Аорне дают возможность высказать иную гипотезу. Маршрутные обследования Южной Бактрии, проведенные Советско-Афганской археологической экспедицией, выявили десятки городищ и поселений VI–IV вв. до н. э. Наиболее интересно городище Алтын-Дильбертепа²², открытое З.А. Хакимовым в 35 км к северу от Балха (= Бактры) на древнейшем караванном пути, ведущем из этого города к переправам Чушка-Гузар и Шуроб на Оксе и далее в Северную Бактрию и Согд. Это округлое в плане огромное городище, диаметром около 800 м, обнесенное оборонительной стеной с башнями. В центре его находилась прямоугольная в плане цитадель, площадью около 3 га, со сложной фортификационной системой, включавшей в себя два ряда стен с башнями.

Громадные размеры городища, наличие могучей цитадели и развитой фортификационной системы, обширной пригородной зоны свидетельствуют о том, что Алтын-Дильбертепа в период вхождения в состав Ахеменидского государства был не рядовым городком, а крупным городским центром Бактрии. Согласно же Арриану, «Аорн и Бактра – самые большие города в бактрийской земле». Поскольку других городищ этого времени, равных по площади Алтын-Дильбертепа, быть может, за исключением Балха (= Бактры), здесь нет, то вполне допустимо считать, что это городище было бактрийским городом Аорном. Местонахождение его в одном районе с г. Бактра на пути к переправам через Окс служит дополнительным аргументом в пользу высказанного выше предположения.

ОТ ОКСА – К КАСПИЮ. ДОРОГА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ГОРОД МАРГИАНУ. РЕКИ ОХ И ОКС

Немаловажное значение для реконструкции направления одного из главных участков Великого индийского пути имеет анализ маршрута похода войск Александра Македонского весной 328 г. до н. э., совершенного после возвращения из Согдианы в город Маргиану. Согласно сведениям Квинта

20 Риттер 1867. С. 49, 762, примеч. 28.

21 Wilson 1841. P. 192.

22 Кругликова, Сариниди 1976. С. 9–12.

Курция Руфа, он двигался по направлению Бактра – долина Окса – рр. Ох и Окс – город Маргиана. Обе эти реки упомянуты вместе, без какого-либо интервала, отведенного на другие события, что уже предполагает, что эти реки находились рядом друг с другом.

Направление этого похода, а следовательно и локализация города Маргианы, вызвали среди ученых, особенно в последнее время, несколько диаметрально противоположных точек зрения. Так, некоторые из них считают, что слово «Маргиана» появилось в тексте Квинта Курция Руфа по ошибке переписчиков вместо «Маракандь» (И. Дройзен, И.В. Пьянков и другие) или «Марганию» (Ф. Грене, К. Рапэн, Л.М. Сверчков). Причем Ф. Грене и К. Рапэн помещают город «Марганию» на месте городища Старый Термез, а Л.М. Сверчков локализует его на поселении Бандыхан II. Другие же ученые полагают, что город Маргиана – это городище Старый Мерв в области Маргианы (Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов и другие).

Соответственно меняется и направление маршрута Александра Македонского. Ф. Грене и К. Рапэн заставляют его двигаться к Старому Термезу (древней Тармите) долгим круглым путем – сначала к Пянджу (якобы р. Ох), затем к Вахшу (р. Окс), где он усмирил восстание непокорного бактрийского населения, а затем вдоль правого берега Амударьи к Тармите²³. Л.М. Сверчков повторяет мнение французских ученых относительно первой части похода Александра Македонского, но расходится с ними касательно второй. По его мнению, Александр Македонский после Вахша (Окса) спустился через перевал в Бабагаге в долину Сурхандарьи, а далее пришел в местность Бандыхан, с одним из городищ которого – Бандыхан II – он отождествляет город «Марганию»²⁴. Согласно Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибову и А.Н. Бадеру, Александр Македонский из Бактры пошел к Оксу (Амударье), затем к Оху (Келифскому Узбою) и, следуя вдоль него, пришел в город Маргиану (Старый Мерв)²⁵.

Рассмотрим аргументы ряда этих авторов, в частности, в отношении первой части похода, совершенного якобы в область рр. Пянджа и Вахша. Главным аргументом в пользу этого направления для Ф. Грене и К. Рапэна является отождествление Пянджа с Охом, а Вахша с Оксом.

Однако название Ох использовалось античными авторами по отношению к ряду рек Средней Азии: Ох (= Атрек или Узбой) на периферии Гиркании²⁶ и Ох в Западной Бактрии, который Д.Д. Букинич, Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер отождествляли с Келифским Узбоем²⁷. По М. Ольбрыхту, р. Ох, обозначавшая западную границу Бактрии, – это р. Аби-Кайсар, вероятно, некогда впадавшая в Келифский Узбой²⁸. Не исключено, что Охом называлась также р. Вахандарья, по мнению Ф. Грене и К. Рапэна, и даже р. Кундуз, согласно И.В. Пьянкову²⁹. Судя по приведенным данным, название Ох в древности было нередким для рек юга Средней Азии, как, к примеру, в более позднее время многие из них назывались Карадарья и Акдарья. Не согласуется с локализацией Оха, предложенной Ф. Грене и К. Рапэном, и количество дней, затраченных Александром Македон-

²³ Grenet, Rapin 2001. P. 80–81.

²⁴ Сверчков 2005. С. 74–83.

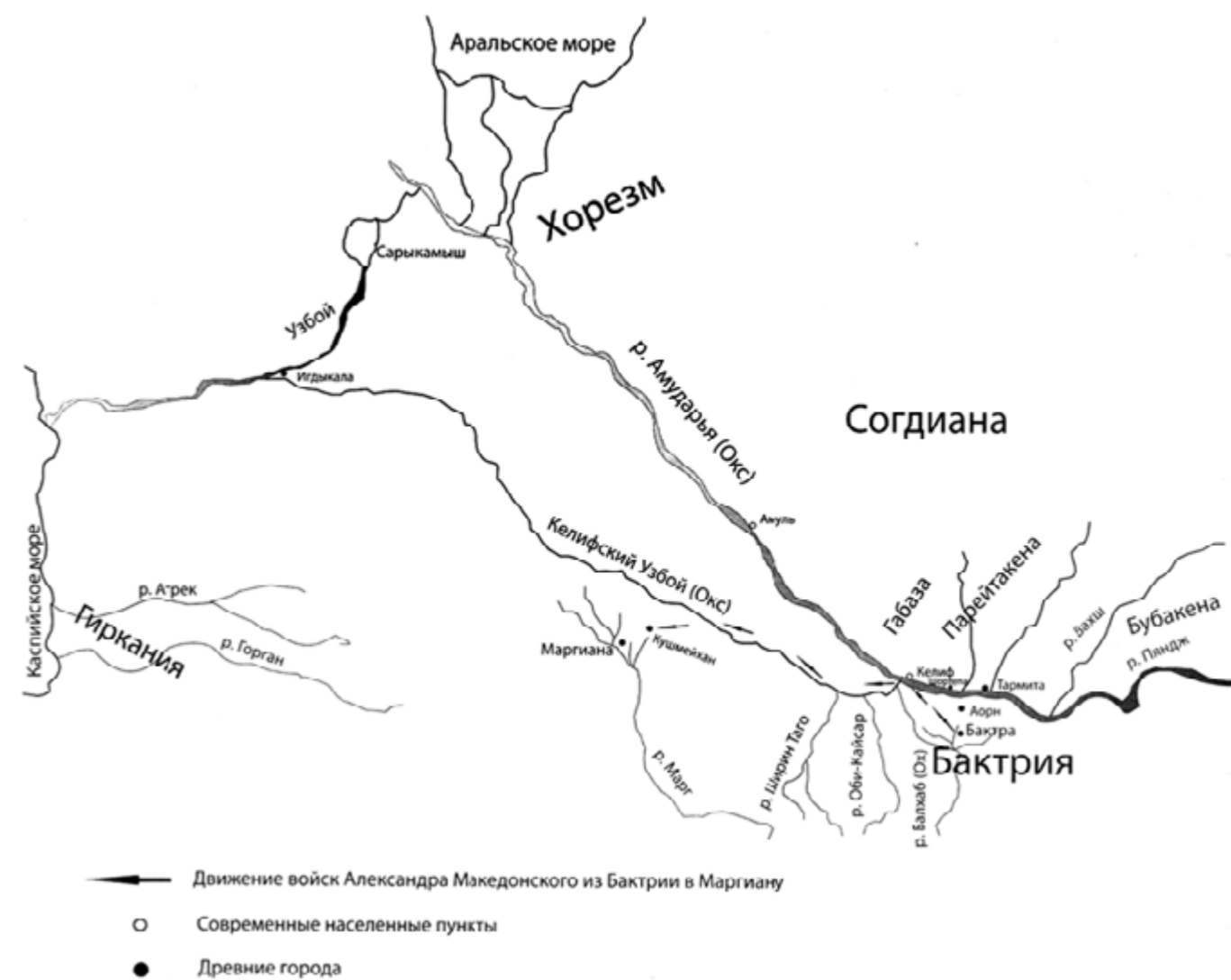
²⁵ Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000. С. 9–11; Кошеленко, Гаибов 2006. С. 23–27.

²⁶ Ольбрыхт 2009. С. 87–88.

²⁷ Букинич 1926; Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000. С. 8–9.

²⁸ Ольбрыхт 2009. С. 90.

²⁹ Пьянков 2004. С. 101.

From the Oxus to the Caspian: Alexander's march to Margiana (author's drawing)

От Окса – до Каспия: поход Александра Македонского в Маргиану (сост. Э.В. Ртвеладзе)

ским на поход в этот район.

Согласно Квинту Курцию Руфу, по выходе из города Бактра Александр Македонский на четвертый день достиг р. Окс. Если двигаться из Бактры к Оксу, в северо-восточном направлении, к низовьям рр. Вахш и Пяндж, то дойти сюда войску за три дня на четвертый фактически маловероятно, если не двигаться сверхускоренным маршем. Расстояние от Бактры до этого района даже по прямой (через горы, овраги, реки) составляет около 150 км (т.е. надо было идти по 35–40 километров в день), а по проторенной дороге – немногим более 200 км (следовательно, армия Александра должна была проходить более чем 50 км в день... Сумасшедший темп!).

Отмечу здесь, что только на пятый день пути армия Александра Македонского достигла Окса в первый свой поход весной 329 г. до н.э. Она также отправилась из Бактры через Аорн (Дильер-

тепа) и пустыню Артадатана (как она названа в арамейском документе А2³⁰) проторенной еще в ахеменидское время дорогой и вышла к переправе Чушка-Гузар или Шуроб, у которой, кстати, располагалась ахеменидская крепость Шортепа, охранявшая переправу,³¹ Келифу или Кара-Камару. Расстояние до первой переправы от Бактры (Балха) немногим более 60 км, до второй – на несколько километров больше. Дистанция в 72 км отделяет Бактру (Балх) от переправы Келиф на Оксе и примерно столько же от другой, расположенной к востоку, – переправы Кара-Камар.

Дороги, ведущие к этим переправам на Оксе, вполне можно пройти, преодолевая в день 20–25 км, за три дня на четвертый. По одной из этих дорог и шла армия Александра Македонского для того, чтобы выйти к Оксу, но поскольку конечной целью похода был город Маргиана, то, вероятнее всего, она подошла к этой реке у переправы Келиф.

Не согласуются с предложенной локализацией и археологические данные. Судя по ним, не только низовья Вахша и Пянджа, но и весь Южный Таджикистан был заселен весьма слабо. А.С. Сагдуллаев, обобщивший эти данные, выделяет здесь шесть районов расселения: Верхний Кафирниганский, где зафиксированы два поселения, Нижний Кафирниганский – два поселения, Вахшский – одно поселение, Явансу – два и Байтудаштский – семь поселений³². Все они представляют собой усадьбы или небольшие поселения с рассредоточенной застройкой. Несколько большее количество поселений ахеменидского времени открыто французскими археологами на левом берегу Амударьи в нижнем течении Кундуздары, Кокчи и в районе Талукана³³.

Исходя из последовательности похода Александра Македонского и наличия в этой области археологических памятников, вся эта территория была отождествлена мной с областью Бубакена, покоренной Полиперхонтом на заключительном этапе его похода в Среднюю Азию в 327 г. до н. э.³⁴ (Курций Руф, VIII, V, 2). Характерно, что все другие исследователи также, при некотором расхождении в точной локализации, помещают Бубакену в Южном Таджикистане или Северо-Восточном Афганистане, а именно в Бадахшане (И. Дройзен, В.В. Григорьев), в Каратегине и горной части Куляба (Б.А. Литвинский), в Хуттале (И.В. Пьянков)³⁵.

Что же касается локализации Маргианы («Маргании») в Старом Термезе и размещения здесь шести крепостей, отождествленных Ф. Грене и К. Рапэном с Малым и Большим Чингизтепа, Дуньетепа, Калой и Каратепа, то она уже вызвала обоснованную критику со стороны П. Лериша³⁶ и не соответствует ни археологическим данным, ни сведениям Квинта Курция Руфа.

Во-первых, все вышеупомянутые тепа расположены непосредственно на самом городище Старый Термез. Если же следовать выводу Ф. Грене и К. Рапэна о локализации «Маргании» на этом городище, то две крепости, построенные Александром Македонским на юге от него, окажутся в русле Амударьи, т. к. эта река огибает городище с юга, или в пустыне, подступающей к Амударье с афганской стороны.

30 Shaked 2004. P. 31.

31 Ртвеладзе 2001а. С. 126–127; 2002а. С. 53–57; Мокробоходов 2006. С. 13–20.

32 Сагдуллаев 1989. С. 10–11.

33 Bernard, Francfort 1978; Gardin, Gentelle 1979.

34 Ртвеладзе 2002а. С. 143–145.

35 Там же (литература вопроса).

36 Leriche 2002. P. 411–415. О результатах археологических исследований последних лет на городище Старый Термез см.: Leriche, Pidaev 2007. P. 179–211, 181; Leriche 2010. P. 153–190.

Во-вторых, на всех холмах отсутствуют археологические слои обживания времени похода Александра Македонского, несмотря на многолетние археологические исследования. Самые ранние слои Термез I, датированные Ш. Пидавым концом IV – началом III в. до н. э., выявлены им только на кале (цитадели) Старого Термеза³⁷, являвшейся первоначальным ядром города Тармиты.

Л.М. Сверчков, соглашаясь с Ф. Грене и К. Рапэном относительно направления маршрута первой части похода Александра Македонского в низовья Вахша и Пянджа, расходится с ними по поводу направления второй части похода и, следовательно, локализации «Маргании», как он предпочитает называть этот город. Он полагает, что после переправы через Окс (= Вахш) в Кобадияне армия Александра Македонского, перейдя перевал в горном хребте Бабатаг, спустилась в долину Сурхандарьи в районе кишлака Ходжа, а затем вверх по Бандыхансаю пришла к городищу Бандыхан II, в котором Л.М. Сверчков видит наиболее вероятного претендента на локализацию города «Маргании». Двигаясь далее, Александр Македонский якобы построил две крепости на правом берегу Байсунся (Бандыханса) – Курганзол и, возможно, Поенкурбан, а отсюда дошел до известных Железных Ворот у кишлака Дербент.

Данный маршрут, по его мнению, от порта Шерхан на юго-востоке до Железных Ворот на северо-западе представляет собой прямую линию, «лишенную каких-либо невнятных и петлеобразных отклонений, как в случае с Термезом и тем более Мервом». Окончательно же его вывод сводится к тому, что Квинт Курций Руф писал вовсе не о парфянской Маргиане в Мервском оазисе (sic! При чем тут парфянская Маргиана, когда речь у Квинта Курция Руфа идет о походе Александра Македонского!).

Оставим в стороне само направление маршрута армии Александра Македонского от Бактры к Амударье и далее через Кобадиян и горный хребет Бабатаг к Бандыханскому оазису и далее к Железным Воротам. Отметим только одно: зачем Александру Македонскому двигаться этим весьма долгим и кружным путем, равным более 500 км, чтобы достигнуть «Марганию» (по мнению Л.М. Сверчкова, это городище Бандыхан II), когда от Бактры до этого городища всего лишь немногим более 150 км (выделено мной. – Э. Р.)?! И нет никаких сложных препятствий вроде перехода через бесплодный и совершенно лишенный водных источников, особенно с западной стороны, горный хребет Бабатаг. Насколько мне известно, здесь не было постоянных торговых путей, большие армии здесь не проходили. По сложным дорогам и тропинкам в свое время проходили в долину Кафирнигана небольшие отряды басмачей Ибрагимбека и перегоняли скот локайцы.

Остановлюсь на главном аргументе Л.М. Сверчкова, что город «Маргания» – это городище Бандыхан II³⁸.

Отмечу прежде всего что поселение Бандыхан II по своим показателям не соответствует понятию «urb» (город), употребленному Квинтом Курцием Руфом по отношению к городу Маргиана («Маргания»). Общая площадь этого поселения, открытого и исследованного нами в 1972 г. до его разрушения в конце 70-х гг. XX в., составляла 14–15 гектаров. Оно включало: крепость (120×110 м), на северном фасае которой были расположены две башни, окруженные рвом; небольшой подковообразный участок застройки (180×50 м) с восточной стороны крепости; неукрепленное поселение

37 Пидав 1987. С. 88–90; 2000; Ртвеладзе 2002а. С. 40–42.

38 Сверчков 2005. С. 77–78.

(400×300 м), расположенное к северу от крепости с редкой застройкой (в настоящее время оно полностью уничтожено), отделенное каналом, оставшимся от более древнего (нач. I тыс. до н. э.) поселения Бандыхан I. При закладке стратиграфических шурфов в восточной части поселения, а также шурфа и раскопа на северном фасае крепости было установлено, что глубина культурного слоя здесь достигает 2–2,5 м, а керамический материал, полученный отсюда, позволил датировать поселение Бандыхан II ранним этапом периода Яз II, датированным В.М. Массоном 650–450 гг. до н. э.³⁹

Наличие мощного слоя пожара в крепости, где, в частности, был найден сосуд с обугленными до черноты зернами ячменя, явные следы разрушения стены и башен и датировка памятника позволили предположить, что поселение Бандыхан II, наряду с другими поселениями Бактрии, было разрушено при завоевании Бактрии ахеменидским царем Киром, произошедшем между 539–530 гг. до н. э.⁴⁰

В последующее время при исследовании данного поселения Узбекско-Германской научной экспедицией было установлено, что крепость поселения Бандыхан II частично обживалась в период Яз III, причем стены крепости были возведены, по их мнению, на песке⁴¹, но это не меняет сути проблемы. Ни по характеру застройки, ни по основному времени обживания поселение Бандыхан II никоим образом не может быть отнесено к городу Маргиана, упоминаемому Квинтом Курцием Руфом в событиях 328 г. до н. э.

Замечу, что в северо-западном углу поселения Бандыхан II расположен небольшой холм Киндыктепа (40×30 м, при высоте 4 м), датированный нами уже в первые годы работ в Бандыхане V–IV вв. до н. э.⁴² Последующими раскопками здесь выявлено монументальное здание, стены которого сохранились до 3 м в высоту и время функционирования которого Л.М. Сверчков и Н. Бороффка определяют концом V – началом IV в. до н. э., т. е. позднеахеменидским периодом. Основанием для этого послужил комплекс керамики, полученной при раскопках Киндыктепа. Но к датировке сооружения на Киндыктепа можно подойти и с иной стороны. В строительстве стен этого здания употреблен подпрямоугольный сырцовый кирпич размерами 50/52×28/30×10/12 см⁴³ и 46×30×10, 42×28×10 см⁴⁴. В настоящее время выявлено, что в послеахеменидскую пору массивный прямоугольный кирпич (66×34×10, 62×31×10, 58×29×10 см и т. д.), характерный для VI–V вв. до н. э., сменился подпрямоугольным кирпичом меньших размеров и толщины (50×40×10, 45/46×35/36×10/12 см).

Так, кирпич габаритами 45/46×35/36×10/12 см применен при строительстве стен первого периода на Курганзоле, датированном Л.М. Сверчковым концом IV в. до н. э.⁴⁵ Кирпич размерами 50×40×9 см и 45×35×12 см уложен в стенах помещения в самом нижнем слое восточного фасаа цитадели Кампыртепа аналогичного времени⁴⁶. Из кирпича 48/52×33/38×12/14 см выстроены здание с печами и другие помещения в нижнем слое цитадели Кампыртепа и на западном склоне

39 Ртвеладзе 1976. С. 97–99; 2007. С. 81–89.

40 Сагдуллаев 2009. С. 89–90.

41 Сверчков, Бороффка 2007. С. 121.

42 Ртвеладзе 1976. С. 99–100; Сагдуллаев 2005. С. 306–307.

43 Сверчков, Бороффка 2007. С. 123.

44 Сагдуллаев 2005. С. 307.

45 Сверчков 2007. С. 35.

46 Ртвеладзе 2006. С. 5 (а также новые раскопки Дж. Ильясова).

поселения⁴⁷. Из кирпичей близких размеров возведены и стены здания Киндыктепа. Все это дает основание для датировки его послеахеменидским временем – концом IV в. до н. э. Что же касается керамики, полученной при раскопках здания на Киндыктепа, то наряду с цилиндроконическими сосудами среди нее встречаются формы, характерные для нижнего слоя Кампыртепа, к примеру горшковидные сосуды с подтреугольным венчиком из слоя 5, пол 1, и венчики хумов.

Это может говорить об одном: цилиндроконические сосуды классической формы бытуют, по-видимому, на протяжении всего IV в. до н. э., а затем, как и стандарт кирпича, изменяются и плавно переходят в цилиндроконические кубки эллинистического времени.

Таким образом, если бы Александр Македонский посетил Бандыхан, то он застал бы здесь не город, а лишь частично обживавшееся поселение Бандыхан II и, возможно, поселение Газимуллатапа, открытое и исследованное мной на левом берегу Ургульсая и датированное VI–IV вв. до н. э.⁴⁸, а Л.М. Сверчковым и Н. Бороффкой – ранним этапом Яз III, т. е. V в. до н. э.⁴⁹ Из всего вышесказанного следует, что ни по каким показателям, особенно археологического характера, не подтверждается предположение Л.М. Сверчкова о якобы имевшем место маршруте Александра от переправы через Амударью и через Бабатаг к Железным Воротам и о локализации города с искаженным переписчиками текста названием «Маргания» на месте поселения Бандыхан II. К тому же крепость Курганзол, сопоставленная им с одной из крепостей, построенных Александром Македонским, находится к северо-западу, а не к востоку или к югу, как указывается у Квинта Курция Руфа.

Отмечу также, что мной на основании тщательного и всестороннего анализа как сведений письменных источников, так и археологических данных в предгорьях Байсунтау локализована страна Парейтакена⁵⁰. Эта локализация пока еще никем не опровергнута.

В то же время Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов и А.Н. Бадер связывают маршрут похода Александра Македонского с Келифским Узбоем, расположенным в ЮгоВосточном Туркменистане.

По мнению многих географов и геологов, Келифский Узбой в древности являлся одним из основных рукавов Амударьи, протекавшим параллельно ей на небольшом расстоянии вплоть до восточной окраины Мервского оазиса, у ж/с Уч-Аджи и Репетек, в сторону Унгуза и далее в Каспийское море через Узбой⁵¹.

Участники Самарской ученой экспедиции, которой принадлежит честь открытия Келифского Узбоя, или Шора (как его называли туркмены), в 1881 г., собрали немало преданий и реальных сведений о том, что некогда Келифский Узбой был древним руслом Амударьи, впадал в Узбой, а затем в Красноводский залив Каспийского моря, около колодца Игды, где уже в XX в. туркменский археолог Х. Юсупов обнаружил и исследовал парфянскую крепость Игды-кала.

Туркмены-эрсари рассказывали членам экспедиции, что на дне Келифского Узбоя (Шора) на пространстве между Келифом, Игды и Красноводском имеется более 40 колодцев с пресной водой,

47 Недавние раскопки С.Б. Болелова, Н. Двуреченской и автора. Материалы не опубликованы. Квадратный кирпич, как установлено раскопками на Кампыртепа, появляется где-то ближе к середине III в. до н. э.

48 Ртвеладзе 2007. С. 89–90; 1987. С. 60–65, рис. 2–5.

49 Сверчков, Бороффка 2007. С. 128.

50 Ртвеладзе 2002а. С. 129–136.

51 О Келифском Узбое существует большое число научных работ. Наиболее ранняя из них: Заметка о Келифском Узбое // ИИРГО. Т. 22. 1886. С. 440–447; ниже она цитируется по ее переизданию от-дельной брошюрой (СПб., 1887). Эта статья по моей просьбе была прислана В.П. Никоноровым, за что приношу ему искреннюю благодарность.

причем весь туркменский народ был убежден, что Шор прежде служил ложем Амударьи, по которому она лилась в Русское (Каспийское) море, и что когда-то река была заперта кем-то плотиной у Келифа. Они также утверждали, что если весной до начала половодья расчистить занесенную илом и песком голову Шора против Келифа, то летом «поднявшаяся река (Амударья. – Э. Р.) непременно устремится в свое старое русло».

Безымянный автор статьи о Келифском Узбое на основании опросных данных и первых научных обследований пришел к предположению, что «от бухарского замка Келиф до русской крепости Красноводск (ныне Туркменбаши. – Э. Р.) через колодцы Кулач, Рапашак, Яроджи, Мирза-Чирле, Куртыш, Игды-Айдын, почти прямо с востока на запад, между параллелями 37-й и 40-й, пересекает Туркменскую пустыню древнее сухое русло Амударьи»⁵².

Речное (амударьинское) происхождение Келифского Узбоя доказал В.А. Обручев, обследовавший его в 1888 г. В частности, на его месте он увидел цепочку впадин – «больших и малых, главных и побочных... с тем же серым шелковистым песком на дне, совершенно подобным находящемуся в русле Амударьи. Здесь нередко встречалась окатанная галька, а пресная вода почти неизменно обнаруживалась на незначительной глубине»⁵³.

Не менее знаменитый, чем В.А. Обручев, географ А.И. Воейков писал, что «исследования в последние годы показали, что воды Мургаба не в состоянии были создать большой оазис и что к Мерву была проведена вода реки Амударьи или ее рукава Келифского Узбоя»⁵⁴.

Согласно заключению одного из лучших знатоков водных систем Средней Азии Д.Д. Букинича, Келифский Узбой был в древности одним из ответвлений основного русла Амударьи⁵⁵. Об этом же писали многие авторы, в частности князь В.И. Масальский в своем знаменитом «Туркестанском крае»: «Ложбины эти, протягивающиеся на сотни верст (сотни километров. – Э. Р.) и имеющие вид речных долин, обыкновенно считаются древними руслами Амударьи, которая некогда, по преданию, впадала в Каспийское море. К известнейшим из этих русел относятся Узбой, Унгуз и *Келифский Узбой* (выделено мной. – Э. Р.)»⁵⁶. Характеризуя геологическую историю Туркменистана с конца третичного периода до XX в., В.И. Масальский, опирающийся на мнения геологов, отмечает как весьма возможное, что «некоторые рукава Амударьи, например ее келифское русло, впадали также в Каракумский залив (залив единого Арало-Каспийского бассейна)»⁵⁷. Как уже отмечали Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер, «на старых картах видны низины, соединяющие Амударью с Келифским Узбоем»⁵⁸.

Действительно, эта картина хорошо прослеживается на картах, снятых русскими военными топографами конца XIX – начала XX в., к примеру на карте данного района, составленной под редакцией полковника Родионова в 1900 г. На этих же картах показано, что русло Келифского Узбоя соединяется с одним из русел Балхаба, доходившим несколько далее города Акча в северо-восточ-

52 Заметка о Келифском Узбое 1887. С. 4, 6.

53 Обручев 1890. С. 80–100.

54 Воейков 1908. С. 132.

55 Букинич 1926.

56 Масальский 1913. С. 23.

57 Там же. С. 155.

58 Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000. С. 9.

ном направлении почти до афгано-туркменистанской границы.

Согласно подробным геолого-гидрологическим исследованиям в районе Келифского Узбоя, по которому с самого начала у Амударьи и на протяжении 700 км проложен Каракумский канал, «питание грунтового потока [здесь] осуществляется с востока из долины Амударьи и с юга подземным стоком из Паропамиза», а под шорами (солончаковыми впадинами) Келифского Узбоя грунтовые (пресные) воды залегают на глубине 0,5 м. По сведениям геологов, цепочка реликтовых русел, входящих в аллювиально-дельтовую равнину Балха, примыкающую с запада к долине Амударьи, совпадает с линией шоров Келифского Узбоя. Они отмечают, что в настоящее время р. Балх полностью иссякает в пределах Афганистана, а последний прорыв ее вод на территорию Юго-Востоchnого Туркменистана имел место в 1907 г.⁵⁹

Можно полагать, что Келифский Узбой в древности являлся не просто временным, а постоянно действующим рукавом Окса (Амударьи), а также пополнялся водой за счет впадающего в него Балхаба и других рек Северо-Западного Афганистана. Еще Страбон отмечал, что р. Бактра, так же как и р. Ох, что то же самое, впадает в Окс (XI, XI, 2; XI, VII, 3). В первой же половине VIII в. существовал единый водный путь, по которому из города Балха (Бактры) можно было приплыть в Термез. Об этом свидетельствует ат-Табари, данные которого прежде фактически не были использованы. Согласно его рассказу, в 117 г. х. /735 г. военачальник Асад б. Абдаллах «подступил к Балху и снарядил суда (выделено мной. – Э. Р.). От него (т. е. от Балха. – Э. Р.) он отправился к Термезу...»⁶⁰ (Табари, 1584).

О том, что Балхаб впадал в Келифский Узбой, наполняя его русло пресной водой, свидетельствуют многие русские и европейские источники конца XIX – начала XX в. В.И. Масальский пишет, что «в это время в результате общего увлажнения климата в Средней Азии, сопровождавшегося обильными осадками, одна из рек Северного Афганистана, по-видимому р. Балх, не доходившая на расстоянии нескольких десятков верст до русской границы, уже три-четыре года как в виде мощного потока прошла в наши пределы и наполнила сухие русла, принадлежащие к системе Келифского Узбоя»⁶¹. О возможной связи р. Банд-и Амир (Балхаба) с Келифским Узбоем говорится и в книге Л.В. Адамеца, составленной на основе английских источников конца XIX в., и в статье М. Ольбрыхта⁶².

Таким образом, соединив эти оба свидетельства, 735 г. и начала XX в., можно реконструировать водный путь из Балха в Термез: р. Балхаб впадала в Келифский Узбой, который, в свою очередь, соединялся с Амударьей, причем воды было столь много, что в 735 г. Асад б. Абдаллах, снарядив суда, мог приплыть из Балха в Термез. Показательны в этом отношении слова В.И. Масальского о том, что р. Балхаб мощным потоком вливается в Келифский Узбой уже на протяжении трех-четырех лет.

Наконец, имеются, хотя пока и немногочисленные, археологические данные, свидетельствующие об обживании берегов Келифского Узбоя в различные исторические периоды. В 1948 г. в Исто-

59 Каракумский канал и изменение... 1978. С. 85–86. О том, что дельты Балхаба, Аби-Кайсара и других рек заканчивались в Юго-Восточных Каракумах см.: Богданов 1960.

60 История ат-Табари 1987. С. 238.

61 Масальский 1913. С. 196–199.

62 Adamec 1979. P. 120; Olbrycht 2010. S. 114. Указанием на эти работы я обязан М.Я. Ольбрыхту, которому приношу свою искреннюю благодарность.

рический музей Туркменского филиала АН СССР геологом В.В. Шумовым была доставлена коллекция археологических находок в количестве 220 предметов, собранная им в различных местах Келифского Узбоя. Согласно заключению археолога С.А. Ершова, найденные предметы относятся к пяти историческим периодам: 1) эпоха раннего неолита (микролитические кремневые орудия, найденные у шора Час-как); 2) конец IV – начало III тыс. до н.э. (фрагменты лепной керамики, близкой по фактуре к керамике Анау I (эпоха энеолита), собранной у колодцев Тыканчи и Шай-Ахмед); 3) эпоха бронзы, II тыс. до н.э. (наиболее многочисленная группа объектов, найденных между шорами Час-как и Карамет-нияз и в Обручевской степи. Включает одиночные кремневые скребки и фрагменты лепной керамики, некоторые из них по краю венчика украшены процарапанным орнаментом из косых линий. Согласно выводу С.А. Ершова, данная керамика аналогична керамике Тазабагьябской культуры Хорезма эпохи бронзы); 4) VII–VIII вв. н.э. и 5) X–XIII вв. н.э. (фрагменты неполивной и поливной керамики, изготовленной на гончарном круге. Данная коллекция собрана на котловинах у колодцев Караджа-Кельте, Эгри, Джапар и с развалин крепости Есен-Денгли. С.А. Ершов также упоминает и о незначительном количестве керамики XV–XVII вв. Он полагает, что именно в эти периоды Келифский Узбой был обводнен⁶³). К этому следует добавить мнение М.Е. Массона об обводнении Келифского Узбоя в античное время⁶⁴, основанное на находках керамики этого периода вдоль его русла.

Выше я показал, что Келифский Узбой был рукавом Амударьи (= Окса) и оба берега его обжились в различные исторические периоды от эпохи неолита до позднего Средневековья включительно. Одно из основных русел Балхаба вплоть до начала XX в. в периоды увлажнения климата в Средней Азии впадало в Келифский Узбой и «мощным потоком», как писал князь В.И. Масальский, устремлялось по нему. Учитывая ширину Келифского Узбоя – 1,5 км, можно представить, сколь огромной была эта река, по которой могли свободно плавать даже большие речные суда, а вдоль нее проходить торговые караваны и двигаться целые армии, поскольку они всегда были обеспечены пресной водой, если даже при сухом русле Келифского Узбоя еще в конце XIX – начале XX в. при рытье колодцев уже на незначительной глубине обнаруживалась пресная вода.

Восторженную характеристику Келифскому Узбою дал индийский принц Рамчандр-Баладжи Партуа, племянник Нана-Саиба, предводителя последнего восстания индийцев против англичан в 1881 г., первый из участников Самарской ученой экспедиции, увидевший и описавший Келифский Узбой. Отъехав от Амударьи на 70 верст (ок. 75 км), он поднялся на высокий холм и был поражен «необычным зрелищем: внизу, среди необозримой пустыни, лежало глубокое сухое русло *громдного потока* (выделено мной. – Э.Р.). Величавый вид мертвой реки... производит потрясающее впечатление». Проехав по руслу несколько верст и убедившись в том, что Шор (Келифский Узбой. – Э.Р.) является руслом Амударьи, а не дном озера, Рамчандр вернулся в лагерь экспедиции возле Кабаклы, счастливый тем, что первым из чужеземцев увидел своими глазами самое древнее из русел Амударьи. Первым из русских, посетивших Келифский Узбой, был полковник Янушев, обследовавший его на протяжении более 20 верст (более 21 км) напротив крепости Бурдалык, рас-

63 Ершов 1951. С. 86–89.

64 Массон М. 1955. С. 9.

положенной у одноименной переправы⁶⁵.

Таким образом, на основании всех вышеприведенных данных можно реконструировать маршрут Александра Македонского от города Бактры до города Маргианы, точно следуя его описанию, данному Квинтом Курцием Руфом.

Выйдя из города Бактра, он на четвертый день достиг долины Окса в районе между Шортепа (на левом берегу Амударьи у переправы Чупшка-Гузар) и Келифом (60–70 км). Расстояние от города Бактры до Окса по этому маршруту равно около 70 км – вполне обычное для прохода армии за три дня на четвертый. Отсюда армия Александра двинулась далее вдоль Окса до Оха (р. Бактра = Балхаб) и перешла эти реки, вероятнее всего (учитывая, что Ох и Окс упомянуты в тексте Курция Руфа вместе), у впадения Оха (Балхаба) в Келифский Узбой, который был принят за Окс, благодаря тому, что в то время он представлял собой широкую (до 1,5 км) и полноводную реку. Затем армия Александра двинулась по правому берегу Келифского Узбоя, достигла Мервского оазиса и с востока вступила в город Маргиану (Эрк-кала с прилегающим участком Гяур-калы).

После завоевания города Маргианы, Александр к востоку и югу от него построил шесть крепостей – две на юге и четыре на востоке. Одну из них уже можно локализовать. Это городище Старый Кишман (Кушмейхан), расположенное в 28 км от Старого Мерва на севере восточной окраины Мервского оазиса. Согласно исследованиям Д. Дурдыева, первый период обживания Старого Кишмана относится к ахеменидскому времени⁶⁶. Проведенные здесь в 1959 г. археологические исследования XVIII отрядом ЮТАКЭ с закладкой разреза на стене позволили М.Е. Массону сделать вывод о том, что находки с городища Старый Кишман «отражают время существования империи поздних Ахеменидов, пору завоевания *Средней Азии Александром Македонским*»⁶⁷ (выделено мной. – Э.Р.). В античную эпоху городище Старый Кишман еще более разрастается.

Стена Антиоха I (281–261 гг. до н.э.) была построена вокруг оазиса Маргианы. Проведенные ЮТАКЭ в 1946 (С.А. Вязигин)⁶⁸ и 1960 гг. (Л.Н. Мережин)⁶⁹ обследования сохранившихся участков этой стены выявили, что она проходила несколько севернее городища Койне-Кишман (Кушмейхан), затем резко поворачивала на юг и с восточной стороны огибала городище. С этой стороны, по данным М.Е. Массона, вал стены находился всего лишь в 10 м от остатков башни стены городища⁷⁰. Остатки стены Антиоха Сотера, далее, прослежены прямо в южном направлении вплоть до ж/д, соединявшей Байрам-Али с Чарджоу. Вдоль этой стены в южном направлении от Койне-Кишмана расположен ряд археологических памятников на расстоянии от 5 до 20 км друг от друга. Среди них Абайджож-депе, Одинга-депе, Акча-депе, Геочигран. Эти памятники, по данным археологических обследований, датируются сасанидским временем, а два последних – даже парфянским. К югу от ж/д также на этой линии находятся еще два памятника № 479 и 480, также датирующиеся парфянским временем⁷¹. Однако на этих и других поселениях, расположенных на городище Ста-

65 Заметка о Келифском Узбое 1887. С. 6.

66 Дурдыев 1959. С. 150.

67 Массон М. 1966. С. 95.

68 Вязигин 1949. С. 260–275.

69 Мережин 1978. С. 11–15.

70 Массон М. 1966. С. 95.

71 Gubaev, Koshelenko, Tosi 1998.

рый Мерв (город Маргиана), археолого-стратиграфических исследований фактически не проводилось. Не исключено, что в нижних слоях этих городищ скрываются слои более раннего времени, быть может, трех из крепостей, упомянутых Квинтом Курцием Руфом, поскольку четвертая из них, вероятнее всего, – Старый Кишман (Кушмейхан).

Мне представляется, что Антиох I при строительстве оазисной стены вокруг Маргианы и провел ее с востока на юг, с учетом ранее возведенных Александром Македонским крепостей – вдоль них. Тем самым эти крепости защищали определенные участки стены от вторжений кочевых народов, обозначая северо-восточную границу селевкидских, а затем парфянских владений.

Разумеется, в данной работе я опирался не только на свои исследования, которые проводились в Северной Бактрии, Согдиане и Маргиане, где я прошел почти все дороги, пройденные Александром Македонским в Средней Азии, но и на труды многих ученых, в особенности Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибова, А.Н. Бадера, которые в своих статьях достаточно полно обосновали и защитили маршрут Александра Македонского в город Маргиану, а не в некую мифическую «Марганию», название которой попало в текст Квинта Курция Руфа явно по ошибке переписчиков⁷².

ЧЕРЕЗ КАСПИЙСКОЕ МОРЕ НА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Выше я уже показал, что плавания по Каспийскому морю были возможны уже в ахеменидское время и, быть может, ранее⁷³. Александр Македонский был, повидимому, осведомлен об этом, поскольку им были предприняты соответствующие мероприятия по осуществлению своего замысла о создании единого пути, который соединил бы Индию через Среднюю Азию с греческим миром и дополнил уже существовавший путь через Малую Азию и Иран. Уже хорошо осведомленный о среднеазиатских и индийских дорогах, Александр Македонский отнюдь не случайно обратил внимание на создание флота для плавания по Каспийскому морю как важной части этого пути.

Согласно Арриану, Александр готовил специальную экспедицию для изучения Каспия, руководство которой он хотел поручить Гераклиду, сыну Аргея. Для этого Гераклиду вместе с кораблестроителями поручалось рубить деревья в горах Гиркании – области, примыкающей с юго-востока к Каспийскому морю, и строить из них военные корабли по греческому образцу (Арриан, VII, 16, 1–2).

72 Кошеленко, Гаилов 2006. С. 23–27.

73 Об этом см. выше в разделе «Морской путь через Каспий. Дороги на Южный Кавказ».

ГЛАВА IV

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭПОХУ
ЭЛЛИНИЗМА (КОНЕЦ IV – НАЧАЛО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ II В. ДО Н. Э.)

ГЛАВА IV

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА
(КОНЕЦ IV – НАЧАЛО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II В. ДО Н. Э.)

THE ROUTE TO THE EUXINE PONTUS

The Bactrians and Indians in Colchis

As has already been discussed, there is a very important piece of information in Pseudo-Scymnus, which has never been cited by scholars as evidence of the existence of the Great Indian Road. The first scholar to take note of it was P. Leriche, with reference to whom I have also used it for proving my claim that this road network had had a real existence. P. Leriche kindly informed me that the relevant information by Pseudo-Scymnus is contained in the *Géographes Grecs* published in Paris in 2000, edited by D. Marcotte, which comprises Pseudo-Scymnus' work *The Circumnavigation of the Earth*. The latter includes, in particular, a description of the territory from the Strait of Gibraltar till the eastern coast of the Black Sea. Pseudo-Scymnus dedicated his work to either Nicomedes II (149–127 BC) or to Nicomedes III of Bithynia (127–94 BC). It can thus be dated, as D. Marcotte concludes, in the period between 133–10/107 BC.

Here is what Pseudo-Scymnus writes: "The Bactrians used to travel, in particular to the west, because at Phasis (a city in Colchis, western Georgia. – *E. R.*) on the river Phasis (the Rioni river. – *E. R.*) there was a Greek city of Milesian origin, where men of sixty nations come together, speaking different languages: men of barbarian origin from India and Bactria would meet there' (*Ad Nicomedem regem*, 934 [F 20])¹.

This Pseudo-Scymnus' account leaves no doubt about an apparently trading presence of the Bactrians and Indians in Phasis, the principal city of Colchis, as early as even before the mid-2nd century BC, which, in turn, testifies, contrary to the skepticism of some scholars, that the great transcontinental thoroughfare from India through Bactria to the eastern coast of the Black Sea did exist in actuality and had been used intensively prior, at any rate, to the second half of the 2nd century BC.

This is further verified by the finds of the Graeco-Bactrian coins in the South Caucasus recorded already by E.A. Pakhomov. Most of them are those reported from the Kura valley, Kabala and Tbilisi.

1 Leriche 2007, 122.

The South Caucasus

Kabala – the capital city of Caucasian Albania. A hoard which included five Graeco-Bactrian coins (one tetradrachm of Diodotus and four tetradrachms of Eucratides) was found here in 1952.²

Tbilisi. A hoard of six Graeco-Bactrian coins was found by accident while building a girls' high school in 1874. An analysis of the circumstances connected with the find and close examination of fifteen Graeco-Bactrian coins from the collection of the Simon Janashia Museum of Georgia, led A.S. Balakhvantsev to conclude that the hoard comprised four tetradrachms of Euthydemus I, one commemorative tetradrachm of Agathocles, which was minted in the name of Antiochus II, and one tetradrachm of Eucratides.³ The holdings of the Museum also contain nine Graeco-Bactrian coins⁴ which could well have been found also in Transcaucasia.

Also notable in this connection is the private collection of a resident of Essentuki, I.D. Malyujenko, in which alongside a large amount of Hellenistic coins there are also Graeco-Bactrian coins, which he acquired from the locals of Azerbaijan and Georgia before the Russian Revolution, and which I examined in the 1960s.

Many explanations have been put forward to explain the presence of Graeco-Bactrian coins in Transcaucasia. S.A. Dadasheva, for example, supposed that they had found their way into Kabala through Media and indicated a military alliance between Eucratides and Timarchus, the Seleucid satrap in Media (whose coins are similar to those of Eucratides), against the common enemy, the Parthian king Mithridates I. She also made a conjecture that Eucratides supported his ally financially, and that this eventually created the conditions for Timarchus to start minting his own coins imitating those of Eucratides.⁵

A.S. Balakhvantsev, however, considered that the Graeco-Bactrian coins could have made their way into Transcaucasia by way of the route using the Caspian Sea, and not along the northern area and around the Caspian and Ciscaucasia, where none such coins have been found, that is, not through Media.⁶

The appearance of Graeco-Bactrian coins so distant from their place of manufacture, in Transcaucasia in particular, was very likely bound up with the considerable actual value of the coins, which was due to a high level of silver they contained. They may have been used, in distant lands, not as money, but as trade-pieces or as a medium of exchange. From the South Caucasus, perhaps even from Phasis, the Graeco-Bactrian coins entered the Northern Black Sea region by way of the Black Sea. For instance, a Eucratides' tetradrachm with the reverse type of standing Apollo has been discovered in the settlement of Velyka Oleksandrivka in the Kherson Oblast in the lower reaches of the Dniester⁷. To date, this is the only reliable and trustworthy example of Graeco-Bactrian coins to be found so far in the Northern Black Sea area, while in regard to two other coins

2 Дадашева 1976, 106–109.

3 Балаханцев 2005, 36.

4 Bernard 1985, 55–71.

5 Дадашева 1976, 108–109.

6 Балаханцев 2005, 36.

7 Mielczarek 1997, 131.

– a gold coin of Euthydemus from Tyras in the lower Dniester and a coin of Eucratides in the collection of the Odessa Archaeological Museum⁸, the available information on the circumstances in which they were found is not sufficiently precise.

Thus the topography of the finds of Graeco-Bactrian coins in all the wide expanse of territory stretching from Bactria till the South Caucasus and the Northern Black Sea region point clearly to the actual existence and operation of the Great Indian Road in the 3rd–2nd century BC. The same is confirmed by the Pseudo-Scymnus' testimony quoted above.

⁸ Ibid.

ГЛАВА IV

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА
(КОНЕЦ IV – НАЧАЛО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II В. ДО Н. Э.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В последней четверти IV в. до н. э., когда огромная территория Евразии от Эллады до долины Инда оказалась под властью Александра Македонского, возникли всесторонние условия для создания единой транзитно-торговой дороги из Индии через Среднюю Азию и Южный Кавказ в страны эллинского мира. Однако в ту пору не удалось, по-видимому, осуществить это грандиозное мероприятие, хотя многие части и участки этой дороги функционировали еще в предшествующее время.

Впоследствии, после смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э., единая прежде держава в результате войны диадохов распалась на несколько государств, находившихся под властью этнически родственных греко-македонских династий, владевших землями, по которым проходил Великий индийский путь.

Огромной территорией уже в конце IV в. до н. э. от Средиземного моря и восточной части Малой Азии до Северо-Западной Индии, включая южные области Средней Азии, владели Селевкиды¹.

Южное побережье Понта Эвксинского, вдоль которого проходила из Колхиды морская трасса Великого индийского пути, было поделено между бывшим телохранителем Александра Македонского Лисимахом и Понтийским царством, основанным Митридатом VI Евпатором – династом из иранской династии Ахеменидов. После битвы диадохов при Ипсе в 301 г. до н. э. к владениям Лисимаха были присоединены Греция и Македония. Лисимах также владел Геллеспонтской Фригией², т. е. в его руках находился контроль над многими торговыми путями, шедшими в Грецию и Македонию через Черное море с севера – из Северного Причерноморья и с востока – из Южного Кавказа.

Расширение владений Лисимаха привело к войне между ним и Селевкидами, в сражении с которыми в 281 г. до н. э. он погибает³. Любопытно отметить, что золотой статер Лисимаха был найден на городище Старый Термез⁴ – это единственная монета диадохов, не считая монет Селевка I, найденная в Средней Азии. Через год после смерти Лисимаха погиб Селевк I (в 280 г. до н. э.), в

1 Бикерман 1985.

2 Ранович 1950. С. 92–95.

3 Там же.

4 Эта монета находится в коллекции Ю. Ермешкова (Санкт-Петербург), в 80-х гг. XX в. служившего на погранзащите в г. Термезе.

The Seleucid Empire

Селевкидская империя

283 г. до н. э. умер Птолемей, и из бывших сподвижников диадохов Александра Македонского не осталось в живых никого.

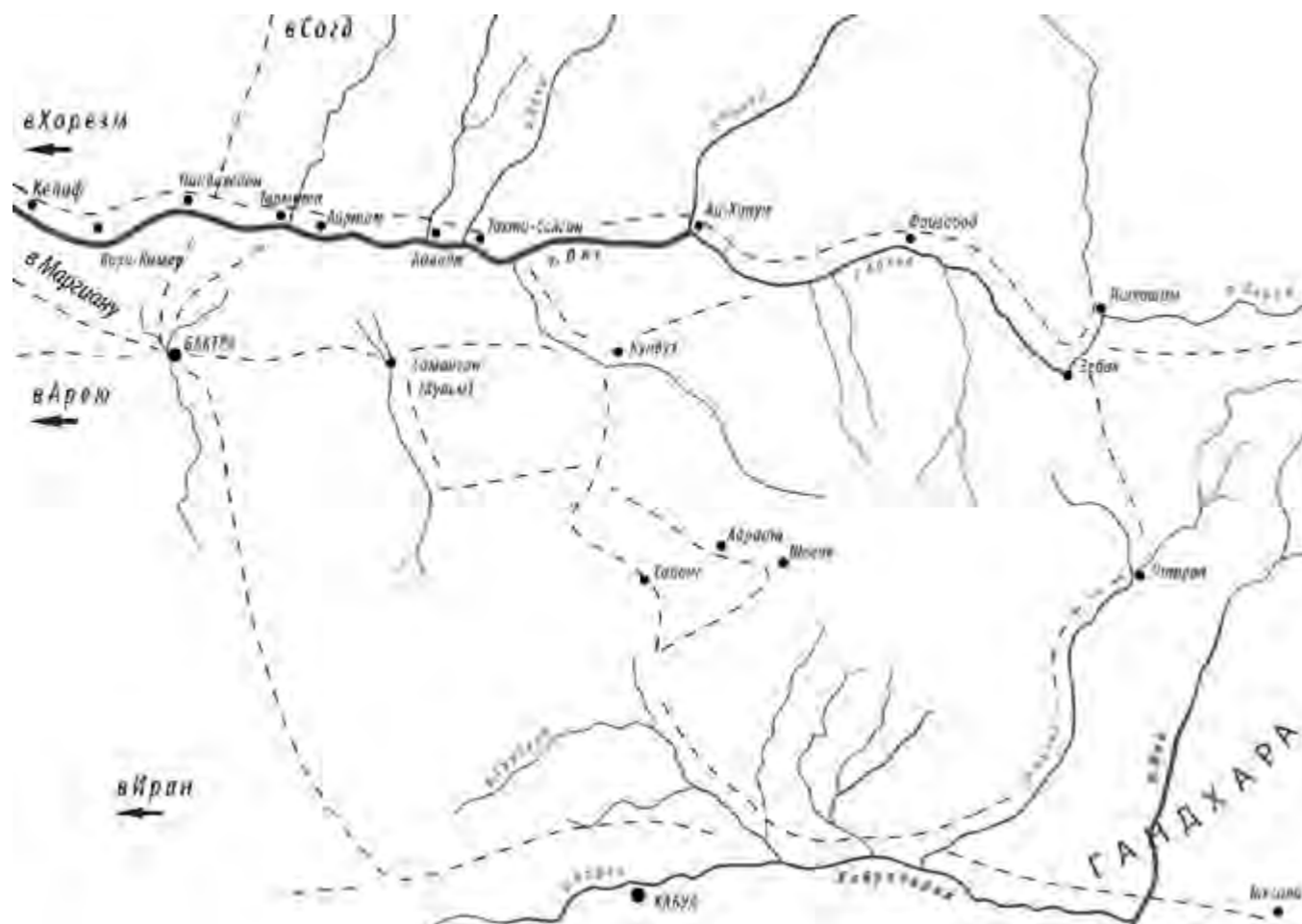
Контроль над западной частью Великого индийского пути вдоль южного побережья Черного моря осуществлялся на западе греко-македонскими царями Вифинии, а на востоке – Понтийским царством. Такое положение сохранялось на протяжении почти всей эллинистической эпохи.

Иной была ситуация на южнокавказской части Великого индийского пути, между Черным и Каспийским морями. Политическое господство греко-македонян на эту территорию не распространялось, да и походы Александра Македонского прошли мимо Южного Кавказа, хотя влияние эллинской культуры в Колхиде и Иберии было весьма ощутимо⁵.

Западная и центральная части Южного Кавказа входили в состав Колхидского и Иберийского царств, особого могущества достигшего при царе Фарнавазе и его преемниках (III в. до н. э.), завладевших восточной частью Колхиды и западной частью Албании. Интересно отметить, что Иберийское царство при царе Фарнавазе и его преемниках Саурмаге I и Мириане I поддерживало добрососедские отношения с Селевкидами и пользовалось их покровительством, особенно Антиоха I (281–261 гг. до н. э.), который, согласно обычаям эллинистических монархов, «назвал Фарнаваза сыном своим и одарил его венцом»⁶. По-видимому, Селевкиды актом дружественных отношений с Иберийским царством хотели не только обезопасить северные границы своих владений, как счи-

5 Лордкипанидзе 1989. С. 326–327.

6 Там же.

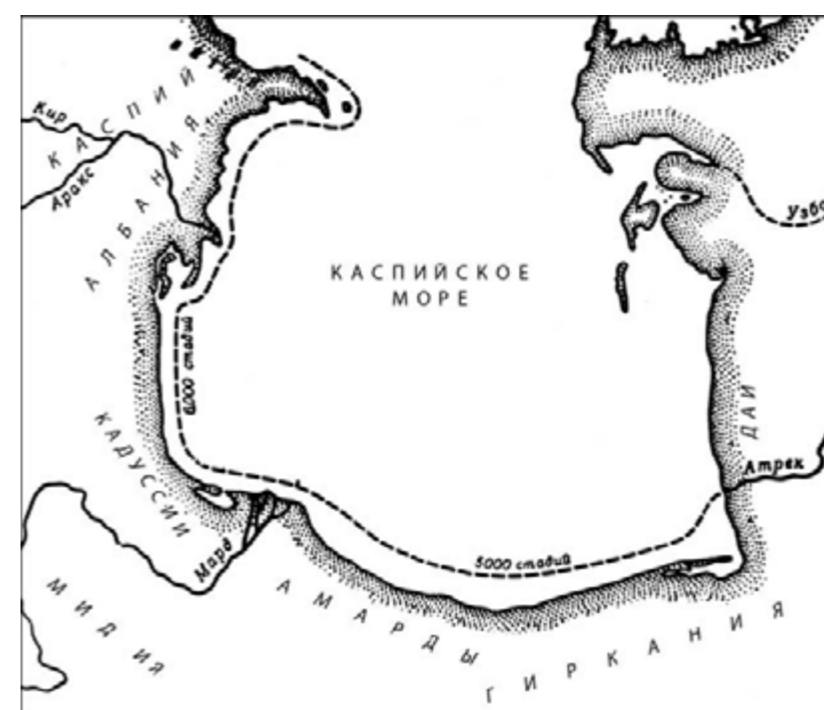
The Great Indian Road in Hellenistic period
Великий индийский путь в эпоху эллинизма

тает О.Д. Лордкипанидзе⁷, но и контролировать важнейший участок Великого индийского пути, проходившего по долине р. Куры. На этой территории от побережья Каспийского моря, которым владели каспии, и до границ с Иберийским царством в среднем течении Куры, где расселялись албаны, не было еще государственного образования. Албанское царство было создано лишь в I в. до н.э., а в эпоху эллинизма эта территория, возможно, испытывала сильное влияние вначале Селевкидов, а затем Парфянского царства⁸. Не случайно в этот период Селевкиды проводили активные разведки морской трассы Великого индийского пути через Каспийское море, осуществляемые сатрапом прикаспийских областей Патроклом в 283–282 гг. до н.э. Другой селевкидский полководец, Демодам, между 295–280 гг. до н.э. совершил поход в центральные районы Трансоксианы, по-видимому, для того, чтобы взять под контроль данные территории и обезопасить греко-македонские владения от набегов кочевников, а проходивший по югу Средней Азии Великий индийский путь.

В одном ряду с этим стоят и другие мероприятия Антиоха I, в частности по сооружению вокруг

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Тревер 1959. С. 58–59.

Patrocle's voyage upon the Caspian Sea (L. Elnitskii)

Маршрут плавания Патрокла по Каспийскому морю (по Л. Ельницкому)

этой крепости археологические исследования, относит время существования Игдыкала к I–II вв. н.э., но это не означает, что крепость не могла функционировать в еще более раннее время, т.к. объем этих исследований был незначительным.

С южной стороны от Окса, по дороге из Бактры в Маргиану, в эллинистическое время были также возведены мощные крепости, контролировавшие эту дорогу, – Дильберджин, Емшитеп и другие.

В середине III в. до н.э. положение резко изменилось: Северо-Западная Индия (Гандхара) и юго-восточная часть современного Афганистана (Арахозия) вошли в состав великой индийской династии Маурьев, которая, особенно при царе Ашоке (273–239 гг. до н.э.), вела активную политику продвижения своей власти на запад и северо-запад⁹, что подтверждается находками здесь знаменитой надписи Ашоки¹⁰.

Почти одновременно, в середине III в. до н.э., на территории Селевкидского государства возникли два новых самостоятельных государства – Парфянское царство на юге современного Туркменистана и северо-востоке Ирана и Греко-Бактрийское царство, под властью которого оказались территории Южного Узбекистана и Таджикистана, а также Северного Афганистана – древняя область Бактрии и частично Согдиана. Таким образом, вся восточная часть великой торгово-транзитной дороги оказалась под контролем трех государств – династии Маурьев, Греко-Бактрийского и

⁹ Массон В., Ромодин 1964. С. 95.

¹⁰ Schlumberger, Robert, Dupont-Sommer, Benveniste 1958. P. 1–48. Начало воцарения Ашоки некоторые ученые относят или к 268 или к 262 г. до н.э.

Мерва оборонительной стены, возведению Антиохии Тармиты и строительству мощной крепости на месте Кампыртепа. Все эти пункты находились на трассе Великого индийского пути: одни из них (Тармита и Кампыртепа) контролировали водный участок пути по Оксу, другие – Мерв и созданные еще Александром Великим крепости в Маргиане (Кушмейхан и другие) – контролировали маргианский участок этой великой дороги.

Не исключено, что в это же время в пункте соединения Келифского Узбоя и Узбоя, на месте Игдыкала, занимавшей важнейшее стратегическое положение, могли быть созданы какие-то крепостные сооружения. Х. Юсупов, проводивший на этой крепости археологические исследования, относит время существования Игдыкала к I–II вв. н.э., но это не означает, что крепость не могла функционировать в еще более раннее время, т.к. объем этих исследований был незначительным.

П О Н Т Е В К С И Н С К И Й

ВИЗАНТИЙ

НИКОМЕДИЯ

НИКЕЯ

Пруса

АМИС

КОМАНА

ОИЛИОН

КИЗИК

АНКИРА

Дорилей

ПЕССИНУНТ

ПЕРГАМ

МАЗАКА (Кесария)

МАЛАЯ АРМЕНИЯ

СМИРНА

СИННАДА

МЕЛИТЕНА

Блаундо

Евмения

ИКОНИЙ

ЭФЕС

Гиераполь

Аполлония

ЛАОДИКЕЯ

Селевкия

Лабранда

КОММАГЕНА

Милет

ОМиласа

Сагалассо

ПИСИДИЯ

ИСАВРИЯ

КИЛИКИЯ

ГАЛИКАРНАСС

КОМАНА

ТАРС

ЛИКИЯ

ПАМФИЛИЯ

КИЛИКИЯ

Селевкия

АНТИОХИЯ

СИРИЯ

ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ

КИПР САЛАМИН

Asia Minor (E.S. Golubtsova)
Малая Азия (по Е.С. Голубцовой)

Парфянского царств.

В этой связи большой интерес представляет характер взаимоотношений между Греко-Бактрийским и Парфянским царствами, захватившими всю территорию юга Средней Азии¹¹, по которой проходил Великий индийский путь. Эти взаимоотношения были далеко не однозначны, а периоды мирного сосуществования чередовались с военными столкновениями и захватом чужих тер-

Antiochus I. Tetradrachm
Антиох I. Тетрадрахма

риторий¹².

Время создания Греко-Бактрийского царства определяется исследователями поразному: 256, 250 или 246–245 гг. до н.э. Примерно в те же годы было создано и Парфянское царство¹³. Но если в Бактрии власть в свои руки сразу же захватил селевкидский наместник в этой области, ставший первым греко-бактрийским царем, Диодот I, то в Парфии события носили несколько иной характер. Первоначально от государства Селевкидов отложился сатрап Парфии грек Андрагор, по другим источникам имя сатрапа – Ферекл (Арриан) или Агафокл (Синекл). Однако более вероятно, что это был именно Андрагор, поскольку известны монеты с его именем, выпускавшиеся в Парфии примерно в этот же период¹⁴. Спустя некоторое время он был свергнут вождем кочевых племен даев или парнов, обитавших в долине Оха. В 247 г. до н.э. в городе Асаак в провинции Астаусена царем парнов был провозглашен Аршак¹⁵.

К этому же времени относятся и первые военные столкновения между Греко-Бактрийским и Парфянским царствами. Сведения об этом содержатся у Помпея Трога: «...но от него (Селевка Никатора. – Э. Р.), правнука Селевка, они [парфяне] впервые отложились во время первой Пунической войны, в консульство Л. Манилия Вульсона и М. Атилия Регула. Это произошло безнаказанно вследствие усобиц между братьями Селевком и Антиохом. Тогда же отложился и Диодот, наместник тысячи бактрийских городов, и повелся называть себя царем: следуя этому примеру, народы всего Востока отпали от македонян. В это же время жил Аршак, человек неизвестного происхожде-

11 Riteladze 1995. P. 181–190; Olbrycht 2000. P. 177–189.

12 Характер военных, политических и культурных отношений между Аршакидами и Средней Азией подробно исследованы М. Ольбрыхтом. См.: Olbrycht 2000. P. 177–189.

13 Воробьева 1963. С. 291; Массон В., Ромодин 1964. С. 102–103; Narain 1957. P. 13–14.

14 Зеймаль Е. 1979. С. 81–82; Wolski 1950. P. 111–114; Дьяконов И., Зеймаль Е. 1988. С. 4–19; Зеймаль Е. 1988. С. 26–28.

15 Дьяконов М. 1961. С. 181.

ния, но бесспорной доблести... узнав о разгроме Селевка галлами в Азии, он ворвался в Парфию... победил Андрагора и отнял у него власть. Вскоре после этого он занял и Гирканское царство. Господствуя, таким образом, над двумя государствами, он собрал большое войско, страшась как Селевка, так и Диодота Бактрийского. Но после смерти Диодота он заключил союз с его сыном, также Диодотом, а скоро победил Селевка» (Юстин, XXI, 4, 3–10; 5, 1).

Как видим, взаимоотношения между Греко-Бактрийским и Парфянским царствами вначале были достаточно напряженными, коль скоро Аршак опасался нападения со стороны Диодота. Это было обусловлено определенной военной слабостью парфян, которым приходилось вести постоянные войны с греками: «Сначала и он сам [Аршак] и его наследники были слабы, потому что вели постоянные войны с народом, у которого отнята была эта страна» (Страбон, XI, 9, 2).

В.В. Тарн, в частности, полагал, что, опасаясь дальнейшего усиления военной мощи Парфянского государства, Диодот I заключил военный союз с Селевком II, якобы закрепленный браком Диодота I с одной из сестер Селевка II около 246 г. до н.э.¹⁶ Однако А. Нарайан доказал несостоятельность подобного утверждения, поскольку в письменных источниках отсутствуют данные о подобном брачном союзе¹⁷. Считается также, что Диодот I или непосредственно участвовал в походе Селевка II (238–237 гг. до н.э.) против Аршака (Тиридата), или принимал участие в его подготовке¹⁸.

Уже при Диодоте II Аршак, как об этом свидетельствует Юстин (XI, 4, 3–10; 5, 1), заключил мирный союз между Парфянским и Греко-Бактрийским царствами. Диодот II скончался, вероятно, в 235 г. до н.э.¹⁹, хотя приводятся и другие даты его смерти – 248 или 253 г. до н.э. С этого времени и вплоть до правления Митридата I между этими государствами, по-видимому, существовали мирные отношения.

Письменные источники, как и другие данные, не дают каких-либо сведений о том, что при преемниках Диодота II Евтидеме I (230–200 гг. до н.э.), Деметрии (200–185 гг. до н.э.), Панталеоне (185–175 гг. до н.э.), Агафокле (180–165 гг. до н.э.) происходили какие-либо военные столкновения между Греко-Бактрийским и Парфянским царствами. По всей вероятности, в это время, особенно при Деметрии, экспансия Греко-Бактрийского царства была направлена на юго-восток, в Индию. При сыне Евтидема I Деметрии была завоевана не только Гандхара, но и вся долина Инда вплоть до моря.

Таким образом, в начале II в. до н.э. под контролем Греко-Бактрийского царства, достигшего в это время наивысшего могущества, оказалась почти вся индийско-среднеазиатская часть Великого индийского пути – как сухопутные трассы Гандхара, Бактрия, Маргиана, так и водный участок пути по Оксу. Не исключено, что правители этого царства продолжали контролировать и весь путь до Каспийского моря. В зону влияния Парфянского царства в это время на севере входили собственно Парфиина, занимавшая территорию вдоль Копетдага, и Астауэна, расположенная к востоку от нее, а также Гиркания, занимавшая юго-восточную часть Прикаспия, и, видимо, та область на северо-востоке Ирана, которая в сасанидское время получила название Хорасан²⁰.

16 Tarn 1985. P. 74.

17 Narain 1957. P. 18.

18 Воробьева 1963. С. 297–298.

19 Narain 1957. P. 18.

20 Дибвойз 2008. С. 34–35.

Мирные отношения между Греко-Бактрийским и Парфянским царствами, повидимому, сохранялись вплоть до правления Митридата I (171/170–139/138 гг. до н. э.) и Евкратиды (171–155 гг. до н. э.).

По данным Страбона, «завладев этой областью (т.е. Бактрией. – Э.Р.), греки разделили ее на сатрапии: из них сатрапии Аспиона и Турива парфяне отняли у Евкратиды» (XI, XI, 2). Тот же Страбон сообщает, что парфяне, победив Евкратиду, «присвоили себе часть Бактрианы» (XI, 9, 2). Юстин указывает на непосредственную причину поражения греко-бактрийцев в войне с Митридатом I. Он пишет: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии и Евкратид в Бактрии, оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывные войны, потеряли не только царство, но и свободу; измученные войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, ареями, они в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел многочисленные войны с величайшей храбростью, так как, уже обессиленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду войск царя индийцев Деметрия, он постоянными вылазками с отрядом в 300 воинов победил 600 тыс. врагов» (Юстин, XXI, 6, 1–5).

Таким образом, основная причина поражения Евкратиды в войне с Митридатом I – это непрерывные войны, которые пришлось вести ему с подчиненными прежде Греко-Бактрии народами и другим претендентом на престол в этом царстве – Деметрием II, царем греческих владений в Индии.

По-видимому, в это время от Греко-Бактрийского царства отпадают ряд территорий и, безусловно, Согд, на территории которого складываются два владения, что подтверждают, в частности, нумизматические данные. Одно из них включало Бухару, где выпускались серебряные подражания тетрадрахам Евтидема с искаженной греческой надписью. Другое владение охватывало Самаркандский Согд, где чеканились серебряные подражания драхам Антиоха I²¹. Ослабленное внутренними войнами Греко-Бактрийское царство не могло оказать серьезного сопротивления всевозрастающей военной мощи Парфии, превратившейся при Митридате I за счет захвата Мидии и Месопотамии в огромное царство.

Г. Альтхайм считал, что война Митридата I с Греко-Бактрийским царством происходила между 140 и 138 гг. до н. э.²², но наиболее вероятно, что она состоялась в 160–150 гг. до н. э.

Подтверждением сведений письменных источников о захвате части территории Бактрии парфянами при Митридате I является эмиссия монет на одном из прежних греко-бактрийских монетных дворов. Здесь выпускались разнообразные монеты, в том числе тетрадрахмы: бюст царя вправо / Деметра с рогом изобилия и Ника; халки: бюст царя вправо / шапки Диоскуров или слон, идущий вправо; тетрадрахмы: бюст царя вправо / скачущие Диоскуры; халки: тип тот же. Все эти монеты имеют одну и ту же легенду – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ. По мнению Г.А. Кошеленко, деятельность этого монетного двора была непродолжительной, до принятия Митридатом I титула «Великий царь Аршак», каковое имело место в 147 г. до н. э.²³

Весьма сложен вопрос о том, какую часть Бактрии парфяне захватили при Митридате I. Стра-

21 Зеймаль Е. 1978. С. 193; 1983б. С. 68–75.

22 Jenkins 1951. P. 16–17; Кошеленко 1972. С. 97.

23 Кошеленко 1972. С. 97–98.

бон указывает, что это были сатрапии Аспион и Турива, местоположения которых до сих пор не установлены. А. Каннингхем и А.К. Нарайан полагали, что они находились в Маргиане²⁴. Предположение В.В. Тарна о том, что Турива соответствует области Тапурия, по мнению М.Е. Массона и В.М. Массона, маловероятно²⁵. Представляется, однако, что название одной из этих сатрапий, Турива, можно связать с названием средневекового города Фарийаб, располагавшегося на северозападе Тохаристана в долине р. Ширин-Тагао, почти на стыке с Маргианой²⁶.

В Средневековье Фарийаб составлял также отдельную область, соседнюю с Гузганом²⁷. Сейчас это современная провинция Фарьяб, расположенная на северозападе Афганистана с главными городами Мейтмене (древняя Йахудия) и Андхой (древний Андхунд). Здесь же зафиксирован топоним Тарийаб. На наш взгляд, связь этих названий: Турива – Тарийаб – Фарийаб не вызывает сомнений. Они состоят из двух компонентов, в последнем из которых очевидно слово αφο (бактр. «вода», «река»), зафиксированное в ряде бактрийских надписей.

Поскольку сатрапии Аспион и Турива упомянуты в тексте Страбона рядом, то сатрапия Аспион также должна была находиться в Северо-Западном Афганистане. Именно в этой области (Мазар-и Шериф, Тиллятепа, Старый Термез) концентрируются находки наиболее ранних парфянских монет, а именно Митридата II (124/123–88/87 гг. до н. э.), которому снова, по-видимому, пришлось возвращать эти владения у завоевавших их юечжей – тохаров. Согласно К.А. Абдуллаеву, сатрапия Аспион, которую он сопоставляет со средневековой областью и городом Касби, располагалась на юге Кашкадарьинской области современного Узбекистана, а сатрапия Турива – в Бухарском оазисе²⁸. Однако столь раннее продвижение парфян в Согдиану пока не подтверждается археологическими и нумизматическими данными; если даже Маргиана, лежавшая на пути в Согдиану через амударьинские переправы, была, по мнению ученых, завоевана только при Митридате II²⁹, то вряд ли возможен захват ими территорий за Амударьей.

Таким образом, вплоть до падения последнего эллинистического государства в Средней Азии, Греко-Бактрийского царства, и наступления парфян на восток политическая ситуация на огромной территории от Индии до Эллады, по которой проходила великая трансконтинентальная дорога, была следующей.

Большая часть этой территории от Северо-Западной Индии (Гандхара) до Маргианы включительно³⁰ находилась под властью греко-бактрийских царей. Не исключено, что часть дороги по Келифскому Узбою до Каспия также контролировалась ими или кочевыми дахскими племенами, а крепость Игды-кала в месте соединения Келифского Узбоя и Узбоя была построена греко-бактрийскими, а не парфянскими правителями. Другой участок этой дороги, от Маргианы через Апаварктикенту и Парфиену в Гирканию к Каспийскому морю, контролировался парфянами.

24 Narain 1957. P. 17.

25 Массон М. 1951. С. 147; Массон В., Ромодин 1964. С. 175

26 Бартольд 1963. С. 130.

27 Камалиддинов 1996. С. 41.

28 Абдуллаев 1997. С. 6–7. О границах владений греко-бактрийских царей в Средней Азии см.: Ртвеладзе 2009а. С. 155–163.

29 Об этом подробно см. в гл. V.

30 Массон М. 1970. С. 12–22.

Дорога на Южном Кавказе, на каспийско-понтийском отрезке, находилась в ведении албанов-каспиев, влиятельного Иберийского царства и правителей Колхиды, что, судя по археологическим данным, не препятствовало оживленным торговым отношениям между ними.

Морской путь вдоль южного побережья Черного моря после падения государства Лисимаха находился под контролем Понтийского царства и греческих правителей Вифинии.

После 223 г. до н.э. Селевкиды утрачивают контроль над Малой Азией к северу от Тавра и, по-видимому, влияние их ослабевает и на Южном Кавказе³¹.

Таким образом, в эллинистическую эпоху великая торгово-транзитная дорога, соединявшая Индию, Причерноморье и Элладу, проходила по территории, подвластной различным государствам. Влияла ли эта ситуация на состояние торговли на этом пути в данное время, и каковы были его направления, особенно в Средней Азии – по Келифскому Узбою, по Оксу в Хорезм и затем по Узбою к Каспийскому морю? В этом отношении большой интерес представляет анализ археологических и нумизматических данных вкуче со сведениями греко-римских источников о существовании пути из Индии на запад, которые не раз подвергались сомнению.

СУХОПУТНЫЕ И ВОДНЫЕ ДОРОГИ ВЕЛИКОГО ИНДИЙСКОГО ПУТИ

Путь из Индии к Оксу

В сочинении Плиния со ссылкой на Марка Теренция Варрона впервые указывается, что во время экспедиции Помпея к Каспийскому морю по Южному Кавказу в 66 г. до н.э. «из Индии можно в семь дней прийти в Бактрию к р. Бактра, впадающей в Окс». У римского историка Солина (первая половина III в. н.э.) то же расстояние измеряется в восемь дней. Однако если у Плиния расстояние из Индии указано только до р. Бактра, то у Солина еще дальше – до места ее впадения в Окс³², а это еще один день пути, т.к. Бактра (Балхаб) впадала, по нашему мнению, в Келифский Узбой.

Как свидетельствуют средневековые дорожники, расстояние от Андараба у северного подножия Гиндукуша через Айбак и Хульм до города Балха, расположенного на р. Балхаб (Бактра), караваны проходили за пять дней³³. Не менее двух-трех дней требовал переход через Гиндукуш начиная от слияния р. Панджшир с Кабулдарьей (р. Кофен). Путь по долине р. Кофен до ее впадения в р. Инд, занимал еще несколько дней. Таким образом, если бы Варрон и Солин давали расстояние в семь или восемь дней пути от собственно Индии (Гандхары), то это были бы неверные по сути своей измерения. Следовательно, можно полагать, что расстояние из Индии до р. Бактра они давали от Кабулистана, который воспринимался ими как Индия.

Однако, возможно, добраться из Индии в Бактрию можно было и иным путем – водно-сухопутным: от Гандхары по долинам р. Кофен (Кабулдарья) и впадающей в нее справа Кунардары до Читрала, затем через горы до Зебака и Файзабада в долине р. Кокча и оттуда водным путем до места впадения Кокчи в Окс. Далее можно было продвигаться вниз по р. Окс до впадения р. Бактра в Окс ниже Келифа на

31 Бикерман 1985. С. 12.

32 Латышев 1949. С. 245.

33 Бартольд 1963. С. 117.

различного типа речных плавсредствах. Этот вариант пути был несколько длиннее, но следует учесть, что большая часть его проходила по воде, где скорость передвижения возрастала в несколько раз.

Ниже мы попытаемся обосновать возможность функционирования этого варианта пути из Индии в Бактрию в эллинистическое время, используя археологические и нумизматические данные. Примечательно, что путь этот считался традиционным: еще в XIX – начале XX в. здесь пролегал один из основных путей из Пешавара в Бухару.

Дорога из Гандхары через Бадахшан в долину Окса и Оксийский водный путь

Для эллинистического времени только Страбон сообщает о том, что р. Окс (Амударья) использовалась для доставки индийских товаров в Гирканское (Каспийское) море. Однако о том, по какому направлению и откуда доставлялись эти товары, он не говорит. Шли ли эти товары по Оксу от Бактрии в Хорезм, а затем по Узбою в Каспийское море, как предполагает ряд ученых, или же они доставлялись, как считаю я, по бактрийскому участку Окса до Келифа, а затем по Келифскому Узбою до места его слияния с Узбоем, а затем в Каспийское море?

В этом отношении конкретные сведения обеспечиваются археологическими и нумизматическими данными, прежде почти не привлекавшимися для доказательства функционирования Великого индийского пути.

Так, на городищах и поселениях, расположенных на бактрийском участке долины Окса от Ай-Ханум до Кампыртепа, найдено 155 греко-бактрийских монет, не считая клада из Хиштепа из 628 монет. На среднем течении Амударьи от Келифа до Хорезма ни одной аналогичной монеты не найдено. В Хорезме обнаружены всего лишь три греко-бактрийские монеты за все годы многолетних исследований. В то же время в Маргиане на городище Старый Мерв, важном торговом пункте на пути к Каспийскому морю, найдено 20 греко-бактрийских монет.

На бактрийском участке Окса имеются и объекты индийского происхождения этого времени, тогда как в Хорезме они отсутствуют.

Уже в начале XX в. в своей знаменитой книге «Туркестанский край», изданной в 1913 г., В.И. Масальский, опираясь на сведения, полученные русскими путешественниками, разведчиками и топографами, подробно описал важнейшую сухопутную дорогу, проходившую по правому берегу Амударьи на бактрийском участке Великого индийского пути от Келифа до Бадахшана включительно³⁴. Он привел точное расстояние между населенными пунктами и переправами через эту реку, по-видимому, используя данные русских топографов, которые уже в конце XIX – начале XX в. составили довольно подробные карты Восточной Бухары. К сожалению, материалы этих карт весьма слабо применяются в археологических и исторических исследованиях, а они весьма полезны и значимы. Так, уже в 1876 г. в первой русской экспедиции в Восточную Бухару, Гиссарской, возглавляемой полковником Н.А. Маевым, участвовали астроном Франц фон Шварц и топограф Федоров, проводившие подробные астрономические наблюдения и топографическую съемку местностей³⁵. Почти одновременно с ними штабс-капитан А.А. Быков проводил исследования водного пути по

34 Масальский 1913. С. 73–78.

35 Маев 1879а. С. 47–255. О работах Шварца см.: Германов 2008. С. 146–153.

Амударье от верховьев этой реки до Хорезма включительно (об этом подробно см. в гл. VI)³⁶. Еще раньше в том же 1876 г. майор Чернявский прошел маршрут от Карши до Келифа, указав точное расстояние между сардобами и колодцами³⁷, а в 30-х гг. XX в. М.Е. Массон подробно описал встречающиеся вдоль этой дороги сардобы³⁸.

Итогом топографических исследований была изданная в 1880 г., по-видимому, первая русская карта Восточной Бухары и Северного Афганистана, т. е. территории древней Бактрии³⁹. В том числе отмечен бактрийский участок водного пути по Оксу с правильным направлением впадающих в эту реку с обеих сторон притоков, с указанием населенных пунктов и переправ. Эта карта в отношении данного участка, в особенности северных притоков, значительно точнее всех ранних английских карт, в том числе Джона Уокера, помещенной в книге К. Риттера (перевод В.В. Григорьева)⁴⁰. Еще большей точностью отличаются карта этого участка с прилегающими районами, составленная в 1886 г., и особенно карты, составленные под редакцией полковника Родионова.

В 1895 г. была составлена и издана подробнейшая карта Восточной Бухары, на которую нанесены даже археологические объекты, в том числе знаменитое ныне городище Дальверзинтепа вблизи Шурчи, точные очертания которого были закартографированы военными топографами Четыркиным и Кирхгофом⁴¹. Немалый вклад был внесен и английскими исследователями, в частности капитаном Пикоком и Мэйтландом (P.J. Maitland), который в 1885–1886 гг. детально изучил некоторые переправы через Амударью – Чушка-Гузар, Кара-Камар, Келиф, Ходжа-Салар, используя при этом (но более подробно) данные штабс-капитана А.А. Быкова, которого он почему-то называет адмиралом⁴².

Я привожу здесь эти картографические и описательные сведения, конечно же, далеко не полностью, т. к. они во многом равнозначны прежним: дороги шли по тем же маршрутам, а переправы через Амударью сохранялись на тех же местах, на коих существовали в древности и Средневековье. То есть эти дороги и водные пути использовались на протяжении многих веков, фактически не меняясь.

Находившиеся при переправах населенные пункты являлись своего рода речными портами, в которых концентрировались различные суда и обитали лодочники, занимавшиеся перевозом грузов и людей через реку или вдоль реки от одного порта к другому. Следовательно, археологические исследования этих городищ и поселений и установление в хронологическом порядке времени их основания позволяют определить динамику освоения водного пути по Оксу, в том числе и на бактрийском его участке.

Рассмотрим этот участок дороги по Оксу и вдоль него в свете имеющихся сейчас археологических данных в сочетании со сведениями В.И. Масальского о сухопутной дороге и А.А. Быкова

36 Быков 1879.

37 Там же. С. 73–74.

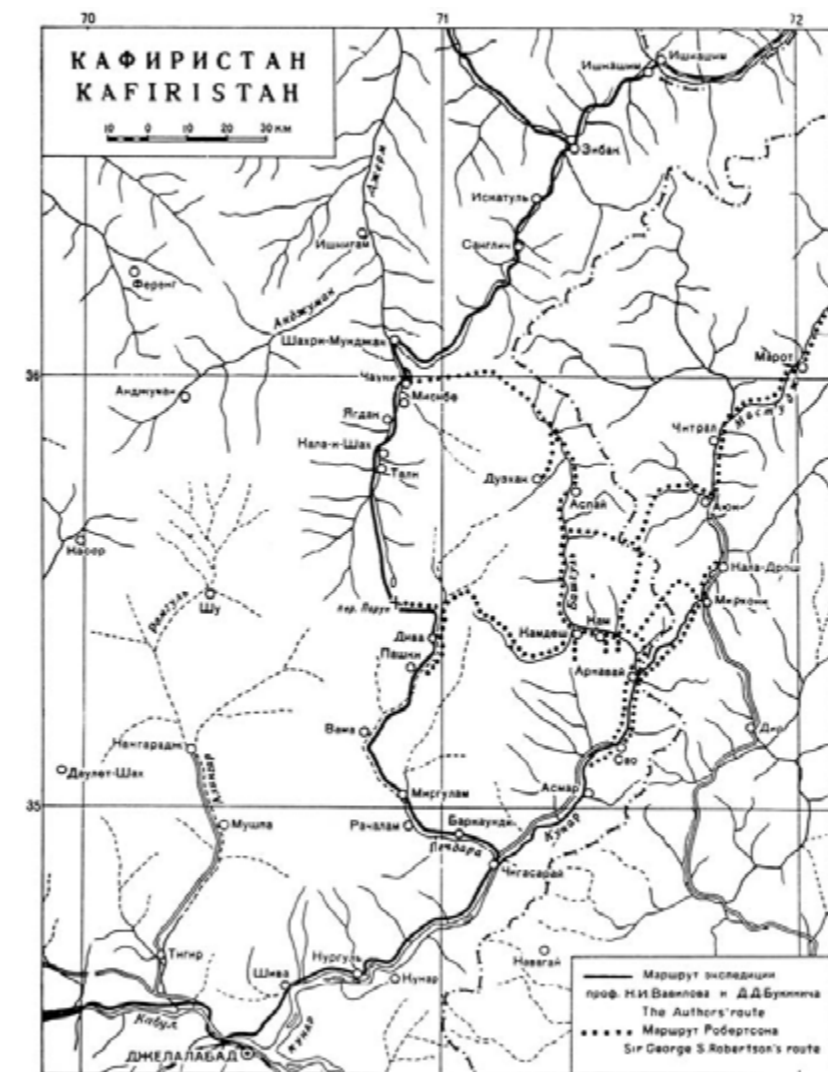
38 Массон М. 1935а.

39 Копией этой карты я обязан архитектору А. Зияеву, нашедшему ее в архивах Ташкента, которому приношу искреннюю благодарность.

40 Риттер 1867 (см. карту Кабулистана с ближайшими окрестностями Джона Уокера).

41 Литография этой карты 1924 г. была приобретена мной в 1966 г. на алайском базаре, когда, срочно переселяясь из разрушенных после землетрясения домов, жители продавали все мало-мальски ценное.

42 Adames 1979. P. 343–355.

The route from Gandhara to Badakhshan (source: N.I. Vavilov & D.D. Bukinich)

Дороги из Гандхары в Бадахшан (по Н.И. Вавилову и Д.Д. Букинчу)

(верста = 1,067 км)⁴⁶. Примерно столько же километров занимал водный путь по Амударье. К этому следует добавить 40 км пути от Кокульской переправы до Ай-Ханум. Все расстояние, следовательно, было равным 340–350 км. Сухопутным путем, при дневном переходе в 30–36 км, это расстояние можно было пройти за 10 дней. Количество же дней, затрачиваемых на преодоление этого расстояния водным путем, требовалось в несколько раз меньшее, быть может 3–4 дня, с учетом остановок в крупных портах на Амударье. Еще меньше времени требовалось для того, чтобы добраться из Ай-Ханум до Кампыртепа, расстояние от которого до Келифа немногим более 60 км.

По В.И. Масальскому, у Кокуля находится весьма посещаемая переправа через Пяндж (200 са-

43 Масальский 1913. С. 738.

44 О местоположении переправы Сарай см.: Литвинский, Соловьев 1985. С. 151–158.

45 Ставиский 1977. С. 93.

46 Масальский 1913. С. 731, 738.

о водном пути от Келифа до переправы Сарай на р. Пяндж, откуда, по мнению В.И. Масальского, начиналось судоходство по Пянджу⁴³, а следовательно, и Амударьинский водный путь.

Переправа Сарай находилась на месте современного города Пяндж, откуда уже по реке шли суда⁴⁴, тогда как от расположенной выше нее переправы Кокуль (в 40 км), находившейся почти напротив городища Ай-Ханум, через Амударью переправлялись на бурдюках. Б.Я. Ставиский не исключает возможность ее существования и возникновения поселения у переправы в греко-бактрийское время. По его мнению, по левобережью р. Кокчи, где располагался эллинистический город Ай-Ханум, через Амударью в ее правобережье проходил торговый путь⁴⁵.

Согласно В.И. Масальскому, расстояние от переправы Сарай до Келифа было равно (201 верста до Термеза, от Термеза до Келифа – 100 верст) 301 версте, т. е. 321 км

женей ширины, т. е. более 400 м), лежащая на дороге, идущей из Бадахшана в Северную Индию (Пешавар), а через Сарай – в Бухару⁴⁷. Немного выше переправы Кокуль слева в Амударью впадает Кокча, которая на достаточно большом расстоянии судоходна: в 1893 г. в Кокчу заходили русские паровые суда, а в следующем году адмирал Батулин на весельном судне проплыл по ней вплоть до столицы Бадахшана – города Файзабад. В 1898 г. этот путь был повторен уже на пароходе⁴⁸.

Таким образом, очевидно, что р. Кокча, впадающая в Амударью, где, кстати, расположен эллинистический город Ай-Ханум, была судоходна вплоть до Файзабада, т. е. до середины всей своей длины. Далее р. Кокча протекает через неширокий и сравнительно невысокий (до 2500 м) горный хребет Кухиходжа Мухаммад, причем ее истоки лежат вблизи реки, впадающей в Кунардарью у Читрала. Всего лишь 40 км отделяют от Зебака – конечного пункта в долине Кокчи.

Как показывают данные, приведенные путешественниками и учеными, в позднее Средневековье из долины Кокчи в Северо-Западную Индию существовала оживленная, широко использовавшаяся вплоть до начала XX в. торговая трасса, связывавшая долину Инда с долиной Амударьи. Она шла из Пешавара до Джелалабада, затем вверх по течению р. Кунар вплоть до Читрала, после поворачивала на северозапад и через перевал Дара доходила до Зебака, затем вдоль Кокчи вступала в Файзабад – столицу Бадахшана, а потом шла к переправам Кокуль и Сарай, расположенным с севера почти напротив места впадения Кокчи в Амударью.

Часть этого пути от Файзабада до Зебака прошли в 1924 г. Н.И. Вавилов и Д.Д. Букинич во время своего знаменитого путешествия в Афганистан⁴⁹. Они отмечают, что дорога от Файзабада до Джурма, а затем до Зебака довольно несложная, занимающая расстояние в 63–68 км, или 15 часов конной езды, идет вдоль р. Кокчи, которая до Джурма довольно полноводная и даже достигает осенью 8–10 сажень ширины (т. е. от 16 до 21 м). От Зебака они повернули на юг и вышли к р. Кунар в районе Чагасарая, недалеко от впадения Кунара в Кабулдарью. Вместе с тем они указывают, что из Зебака следует торговый путь: «По этому пути из Пешавара через Читрал идут караваны в Бадахшан», где дорога из Файзабада по Кокче выводит к Амударье.

По данным Н.И. Вавилова и Д.Д. Букинича, дорога от Зебака шла вдоль Джурма, левого притока р. Кокчи, до Санглича, у военного поста она разветвлялась: «Одна ветвь шла на Читрал, другая – на Муджан. По Читральской ветви шло значительное движение торговых караванов из Индии (Пешавара) и Асмара».

Путь от Зебака до военного поста в Санглич через Искетуль составлял всего 48 км, причем расстояние от Искетуля до Зебака, по их данным, занимало всего 4–4,5 часа езды, а дорога через перевал Дара была весьма удобной и широкой, так что могли расходиться два встречных каравана. Подъем же на перевал был настолько удобен, что можно было подниматься на лошадях рысью. Таким образом, учитывая эту скорость, всю дорогу от Зебака до военного поста в Сангличе можно было пройти за 7–8 часов. От Санглича дорога поворачивала на Читрал и занимала примерно то же расстояние – около 50 км. По данным индийского купца, опрошенного Н.И. Вавиловым и Д.Д. Букиничем, она шла в направлении Дарадал – Баро – Котал – Дженгели – Черичашма – Шу-

47 Там же. С. 739.

48 Там же. С. 739.

49 Вавилов, Букинич 1959. С. 374–381.

роб – Читрал⁵⁰. Следовательно, всю дорогу от Читрала до Зебака можно было преодолеть за один день на лошади и за два дня караваном.

От Файзабада до Зебака, по данным тех же исследователей, дорога составляла 63–68 км. На ее преодоление требовалось 15 часов езды с вьюками. Таким образом, весь путь от Читрала до Файзабада можно было преодолеть за 43–44 часа вьючной езды, т. е. за два дня езды на лошади с вьюком. Прибавим к этому время, уходившее на отдых и остановки, и получится, что за три дня вполне можно было добраться от Читрала до Файзабада. Еще день-два требовалось на переход от Читрала до места впадения р. Кунар в Кабулдарью, где, собственно говоря, и начиналась Индия – область Гандхары.

Как было показано выше, от Файзабада до места впадения р. Кокчи в Амударью можно было добраться водным путем, а затем вниз по течению этой реки до Хорезма. Следовательно, помимо пути, который вел из Индии (Гандхары) в Бактрию, в долину Амударьи через Кабулистан и перевалы Центрального Гиндукуша – Саланг и Шибер, существовал и другой большой путь, шедший из Индии по долине Кофена (Кабулдарьи) и далее по р. Кунар в Читрал, а отсюда через Зебак в Бадахшан и по долине р. Кокчи выходящий к Амударье. По всей вероятности, он широко использовался уже в эллинистическую эпоху, поскольку в месте впадения р. Кокчи в Амударью существовал построенный в конце IV – начале III в. до н. э. большой город Ай-Ханум.

Не исключено, что именно этот кратчайший путь из Северо-Западной Индии (Гандхара и Нангархар) имел в виду Диодор Сицилийский, который писал: «Так как на Инде не ожидалось найти строевого материала, то надо было доставлять суда из Бактрии» (II, 2, 7, 6). Напомню, что на р. Окс издавна было развито строительство разнообразных типов судов, причем в качестве строевого леса использовались тал, тополь (патта), карагач⁵¹. Возможно, из Бактрии в долину Инда доставлялись не сами суда, учитывая сложные участки дороги, через которые тащить суда волоком было бы весьма затруднительно, а их составные части, которые можно было легко собрать в целые суда для плавания по Инду. Согласно русским источникам конца XIX – начала XX в., р. Кокча от впадения ее в Окс и вплоть до Файзабада была судоходна, такой же она была и в древности, а на преодоление сухопутных участков дороги требовалось значительно меньше времени и усилий, чем если бы эти суда или их части переправлялись через перевалы Центрального Гиндукуша. Если же Диодор Сицилийский имел в виду доставку строевого леса от Окса (Амударьи) вплоть до Джурма и Зебака, то он мог прибывать водным путем, также вниз по р. Кунар сначала до р. Кофен (Кабулдарьи), а затем и до самого Инда. На этом пути оставался лишь один сухопутный участок дороги – от Зебака до Читрала, равный 40–50 км.

Собственно, это была древнейшая дорога из долины Инда в долину Окса, поскольку данный путь, проходивший, в частности, через Бадахшан, где располагались основные месторождения лазурита, использовали переселенцы из Хараппы, стремившиеся найти и получить контроль над добычей лазурита и основавшие в долине Амударьи, неподалеку от впадения в нее р. Кокчи, торговую факторию – поселение III–II тыс. до н. э. Шор-тугай. В эллинистическое время, по мнению

50 Там же. С. 331–332.

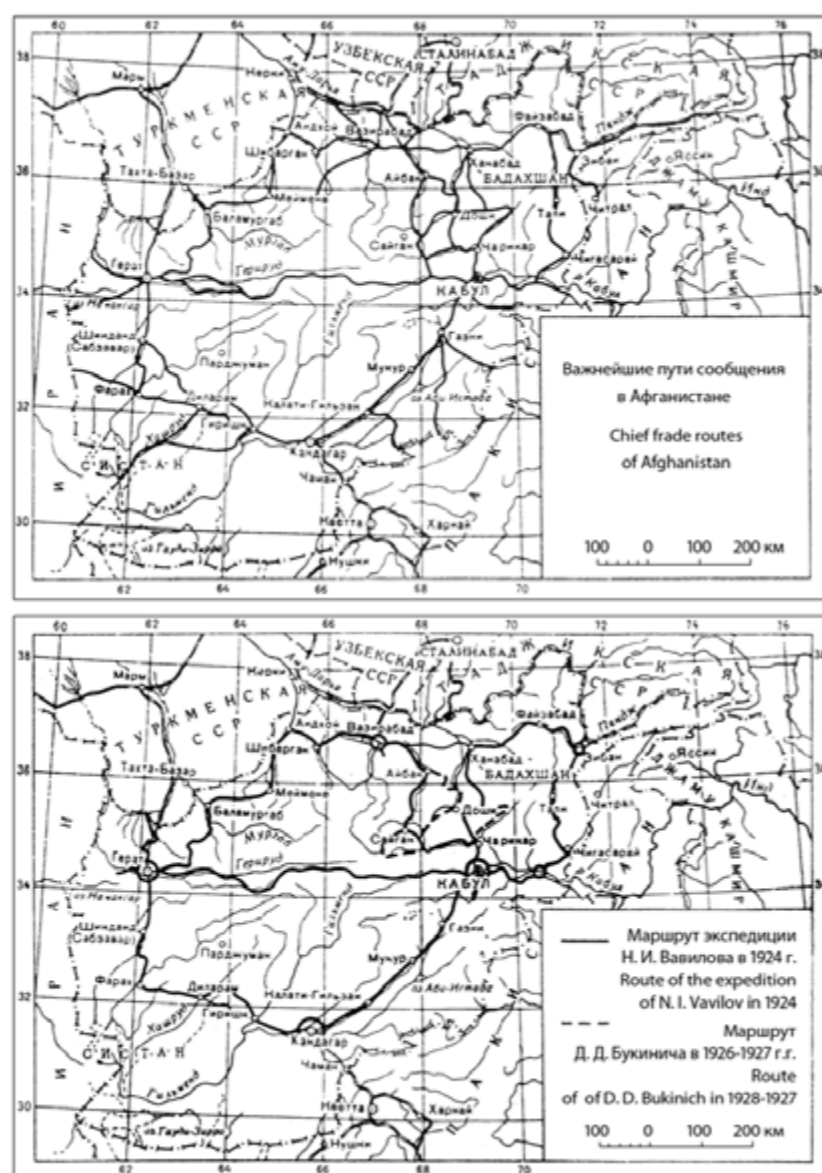
51 Об этом см. в гл. VI.

К. Рапэн, месторождения лазурита находились под контролем Ай-Ханум⁵².

Другая древняя дорога из верховьев Пянджа в Северо-Западную Индию проходила через перевал Барогиль в Гильгит по долине Свата и использовалась саками Памира уже в VI-V вв. до н. э.⁵³ Но участки этой дороги по Пянджу и вдоль него были чрезвычайно труднопроходимы и пролегали зачастую по оврагам⁵⁴.

По всем этим причинам основным путем из Северо-Западной Индии в долину Окса и в обратном направлении была вышеописанная дорога. Она, к сожалению, в археологическом отношении исследована недостаточно, но сам факт нахождения в месте впадения р. Кокчи эллинистического города Ай-Ханум, откуда по сухопутной дороге и водным путем отправлялись далее в Бактрию индийские товары, красноречивее любых сомнений.

Как известно, при раскопках Ай-Ханум было найдено немало предметов и монет индийского происхождения⁵⁵, которые поступали в Ай-Ханум по описанной выше дороге, т. к. из Северо-Западной Индии (Гандхары) до Ай-Ханум это был наиболее короткий и удобный путь. Важнейшим пунктом на этой дороге был Зебак, где путь из Северо-Западной Индии соединялся с другим важнейшим трактом, ведущим через Ваханский коридор (от Зебака до Ишкамиша всего 22 км) на восток – в древние культурные оазисы Восточного Туркестана и далее в Китай, а на запад – в Бактрию, Парфию и далее.

Chief trade routes in Afghanistan (source: N.I. Vavilov & D.D. Bukinich)

Важнейшие дороги в Афганистане (по Н.И. Вавилову и Д.Д. Букиничу)

52 Рапэн 1987. С. 117–118.

53 Литвинский 1972.

54 Масальский 1913. С. 716 сл.

55 Рапэн 1987. С. 116–118; Rapin 1992. P. 183–240; Audouin, Bernard 1973. P. 238–289.

Как известно, недалеко от Зебака и Читрала, в местности Шотиал в Гильгите, были найдены наскальные надписи на многих языках, в том числе на бактрийском и парфянском⁵⁶. Парфянская надпись, в частности, свидетельствует о посещении этого района парфянскими, вероятно, купцами⁵⁷, прибывшими сюда или по сухопутному пути, или водной трассой по р. Окс, на берегах которой располагалось немало населенных пунктов эллинистического времени.

В этой связи значительный интерес представляют собой находки предметов индийского происхождения на городищах и поселениях эллинистического времени, расположенных в долине Окса от Ай-Ханум до Келифа.

Этот город был основным центром, куда из Гандхары первоначально по вышеописанной дороге поступали индийские товары и монеты, а отсюда они распространялись в города и поселения, расположенные ниже по течению Окса, к примеру в Тармиту (Термез) и Кампыртепа (Пандахейон). По всей вероятности, торговля между этими городами-портами осуществлялась не только индийскими и другими иноземными товарами, но и местными бактрийскими товарами.

В эллинистическое время в верхнем течении Окса от Ай-Ханум, где начинался водный путь по этой реке, и вплоть до Келифа крупнейшими переправами были переправы у Ай-Ханум, в Айвадже, неподалеку от которого находились городище Тахти-Сангин и храм Окса, Термезская переправа, переправа у Кампыртепа (Пандахейона) и Келиф. К этим переправам выходили важнейшие торговые пути с севера, из Средней Азии, и с юга, из Индии. Здесь же были, по всей вероятности, перевалочные пункты торговых караванов, а также речные порты, где караваны могли переправляться с одного берега на другой. Остановимся несколько подробнее на одной из таких переправ, т. н. «греческой» переправе.

Кампыртепа (Пандахейон) – «греческая» переправа на Оксе

В сочинении персидского автора XV в. Хафиз-и Аbru дается перечень переправ через Амударью от Термеза до Келифа с краткой характеристикой. Среди них описывается переправа с греческим названием. Вот что гласит пассаж об этой переправе: ««Бурдагуй» – место на берегу Джейхуна около Термеза. Говорят, оно существовало задолго до Термеза и было основано тоже Александром. И это «Бурдагуй» есть греческое название, которое дано было ему тоже при Александре в значении «гостеприимный дом». В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуе». Переправа (*гузаргох*) султанов, которые переезжали через эту реку, была здесь. Древние падишахи покровительствовали жителям этого места за то, что они стерегли переправу через реку и освобождали их от налога (*тархан*). По этой причине население было многочисленно и хозяева (*ходжагон*) богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там. Так, поскольку местные жители узнали об их щедрости, путешественники, проезжавшие те места, стали объектом конкуренции между жителями «Бурдагуя». Каждый из них стремился принять [путешественников] в своем доме. Между жителями Термеза и «Бурдагуя» большую часть времени шла борьба. В окрестностях «Бурдагуя» имеется много лесов (*джангал*), и в них водятся тигры (*шер*). В этой же области

56 Sims-Williams 2000.

57 Литвинский 1988. С. 21–29.

имеется другая переправа, называемая Келиф. Она считается принадлежащей Хорасану...» (перевод В.В. Бартольда).

Упомянутая персидским историком XV в. Хафиз-и Абру переправа درداغوی на Амударье, название которой, согласно автору, имело греческое происхождение и соответствовало персидскому محمان حانه в значении «гостеприимный дом», вызвала определенный интерес ученых. Впервые сведения о ней на русском языке были опубликованы В.В. Бартольдом⁵⁸. Исходя из персидского написания и имеющихся данных, он транскрибировал название этой переправы как «Бурдагуй» и высказал предположение, что оно, вероятно, соответствует греческому слову πανδοχειον.

Спустя почти 70 лет вопросом о «Бурдагуйе» заинтересовался В.Ф. Минорский, опубликовавший специальную статью, посвященную этимологии названия, истории и локализации «Бурдагуя»⁵⁹. Несколько позднее его статья была переведена на русский язык О.Д. Чехович, но без каких-либо комментариев⁶⁰. Проведя детальный филологический анализ названия, В.Ф. Минорский высказал достаточно убедительное предположение, что в основе درداغوی Хафиз-и Абру лежит искаженное греческое слово πανδοχειον («гостиница») без конечного ου – πανδοχει, вошедшее во многие восточные языки. Предположение В.Ф. Минорского было подтверждено авторитетным заключением проф. В.Б. Хеннинга, который, отметив несомненные искажения при передаче первоначального греческого слова в устной речи, указал, что в каком-то согдийском диалекте греческое слово пандоки, возможно, превратилось в пардавки или даже пардагви⁶¹.

Таким образом, сведения Хафиз-и Абру, подтвержденные убедительными доказательствами современных исследователей, приобретают значение источника первостепенной важности, указывающего на существование на правом берегу Амударьи населенного пункта с греческим названием. В этой связи вопрос о точной локализации «Пандоки / Пардагви» приобретает немаловажное значение для истории правобережной Бактрии. В.В. Бартольд, впервые прокомментировавший

Nude goddess statuette. Ivory. Old Termez. 3rd–2nd century BC

Статуэтка обнаженной богини. Слоновая кость. Старый Термез. III–II вв. до н. э.

Nude goddess statuette. Ivory. Kampyrtepa. 3rd–2nd century BC

Статуэтка обнаженной богини. Слоновая кость. Кампыртепа. III–II вв. до н. э.

⁵⁸ Бартольд 1973. С. 93; 1965в. С. 504.

⁵⁹ Minorsky 1967. P. 45–53.

⁶⁰ Минорский 1972. С. 120–126.

⁶¹ Там же. С. 48–50.

сведения Хафиз-и Абру, не занимался локализацией этого пункта. Несколько позже М.Е. Массон, основываясь на том, что перечисление переправ через Амударью на участке в пределах современного Южного Узбекистана и Юго-Восточной Туркмении следует в направлении с востока на запад (вначале Термез, затем «Бурдагуй», а после него Келиф), указал, что «Бурдагуй» следует искать между Термезом и Келифом, в районе переправы Чушка-Гузар⁶². Вместе с тем В.Ф. Минорский считал необязательным нахождение греческой переправы ниже Старого Термеза и допускал, что рассказ о «Пардагви» мог быть просто добавлен к описанию Термеза. Используя в качестве доказательства второй и довольно неубедительный довод о том, что, согласно источнику, «Пардагви» находился в «лесах»⁶³, где водятся тигры, он предположил, что место, лежащее к западу от впадения Сурхана в Окс, первоначально носило древнегреческое название πανδοχειον, но позднее было присоединено к владениям Термеза с утратой греческого названия⁶⁴. Правда, утверждения В.Ф. Минорского далеко не категоричны, а, напротив, весьма осторожны, что лишний раз подтверждает, например, заключительная фраза его статьи («...if further discoveries of archaeologists support our hypothesis»).

На подобную локализацию «Пардагви» (несмотря на то, что она прямо противоречит источнику, указывающему на местонахождение этого пункта к западу от Термеза по направлению к Келифу), как нам представляется, определенно повлияло отсутствие каких-либо сведений в литературе об археологических памятниках в районе между Термезом и Келифом. По-видимому, В.Ф. Минорский не был осведомлен о других (кроме термезской и келифской) переправах через Окс в данном районе. Между тем штабс-капитан А.А. Быков, еще в 70-х гг. XIX в. проводивший рекогносцировки вдоль Амударьи, в районе между Термезом и Келифом отметил три переправы: Шуроб, Чушка-Гузар и Кара-Камар, в его время уже почти не функционировавшие и находившиеся в заброшенном состоянии⁶⁵.

Ближе всего к Старому Термезу расположены переправы Шуроб и Чушка-Гузар: первая почти в 30 км к западу у одноименного кишлака, а вторая – неподалеку от первой в местности Сасык-куль. Переправа Кара-Камар находится на границе Узбекистана и Туркменистана, недалеко от Келифа, и тем самым уже по месту своего расположения как бы сразу выпадает из круга претендующих на отождествление с «Пардагви». Однако, несмотря на то что эти переправы известны в научной литературе уже давно и ряд исследователей, в частности В.В. Григорьев и В.И. Масальский, даже полагали, что через переправу Чушка-Гузар прошли войска Александра Македонского во время похода в Согдиану⁶⁶, никаких археологических обоснований древности их существования не было.

Мной еще в 1973 г. было высказано предположение о местонахождении «греческой» переправы вблизи Кампыртепа, основанное на предварительных маршрутных исследованиях⁶⁷. Впоследствии, благодаря широкомасштабным раскопкам на городище Кампыртепа, эта гипотеза не толь-

⁶² Массон М. 1940. С. 105, примеч. 18.

⁶³ Перевод термина *джангал* как «лес» представляется неверным, т. к. это не лес в обычном понимании, а тугай, состоящие в основном из зарослей камыша, кустарника и низкорослых деревьев. Тугайная растительность была распространена не только в месте впадения Сурхана, но вдоль всей поймы Амударьи вплоть до Кара-Камара, так что видеть в этом доказательство нахождения «Пардагви» у устья Сурхана кажется мне несостоятельным.

⁶⁴ Минорский 1972. С. 52–53.

⁶⁵ Быков 1879. С. 1.

⁶⁶ Григорьев 1881. С. 41; Масальский 1913. С. 730 сл.

⁶⁷ Ртвеладзе 1977. С. 182–186.

ко получила полное подтверждение, но и была воспринята многими зарубежными учеными.

В частности, рядом с Кампыртепа была выявлена и изучена крепость V–IV вв. до н. э. Шортепа, в ахеменидское время служившая для охраны важнейшей переправы через Окс на дороге из Бактры в Мараканду – столицу другой ахеменидской сатрапии – Согд⁶⁸. Подобные сторожевые посты, согласно Геродоту, описавшему «Царскую дорогу» из Эфеса до Суз, сооружались на границах между областями, в горных проходах и у речных переправ (V, 52). Согласно античным источникам, из последнего похода в Согдиану Александр «двинулся в Бактрийскую землю, прошел мимо какой-то крепости и переправился через реку Окс»⁶⁹. Этой крепостью могла быть только Шортепа, т. к. никаких других крепостей ахеменидского времени на месте переправ через Окс от Ай-Ханум до Келифа до сих пор больше не обнаружено.

По одной версии Хафиз-и Абру, основание «Пардагви» приписывается Александру Македонскому; по второй – «Пардагви» возник задолго до Термеза, а следовательно, и до Александра, поскольку основание Термеза в источнике также связывается с этим именем.

Сопоставление археологических данных и сведений письменных источников показывает, что из имеющихся в районе от Термеза до Келифа городищ и переправ комплекс городищ Шуроб-Курган, Кампыртепа и Шортепа у переправы Шуроб более всего соответствует географическим ориентирам и описанию «Пардагви». Эти данные позволяют нам локализовать «Пардагви» у средневековой переправы Шуроб, а не в устье Сурхана, как это предложил В.Ф. Минорский.

При исследовании текста источника, повествующего о «Пардагви», обращает на себя внимание один момент, решение которого может прояснить время начала функционирования этой переправы и уточнить маршруты переселения оседло-земледельческих племен эпохи бронзы в Северную Бактрию. Ряд исследователей уже доказал, что переселение шло из Северного Афганистана, причем В.И. Сарияниди прямо пишет, что какие-то группы племен переправились через Амударью и заселили районы предгорьев Сурхандарьи⁷⁰. Однако точное место переправ оставалось неясным, хотя исследование топографических особенностей расположения переправ на участке Амударьи между Термезом и Келифом показывает, что наиболее вероятные маршруты этих племен проходили через Шуроб и Чушка-Гузар. Дело в том, что дорога через Келифскую переправу выводит в Юго-Восточную Туркмению, а затем в Кашкадарью, причем в Средневековье эта дорога от Келифа до Карши, проходившая по пустынной и безводной местности, была отмечена рядом сардоба⁷¹.

Термезская переправа и дороги, отходящие от нее, также лежат в стороне от месторасположения поселений эпохи бронзы и раннего железа. В то же время такие поселения этой эпохи, как Джар-Кутан, Сапаллитепа и Кучуктепа, находятся всего лишь в 15–30 км к северу от переправ Шуроб и Чушка-Гузар. Характерно, что А.А. Быков, описывая старые пути и переправы, идущие от Ширабада в Северный Афганистан, упоминает дорогу через кишлаки Харшилек, Давлет-Рабат, Алтынтепа, Аргунь в Балх и Мазар-и Шериф⁷². Судя по расположению вдоль дороги памятников эпохи бронзы и эпохи Ахеменидов со стороны как Афганистана, так и Узбекистана, это был древ-

68 Ртвеладзе 2001б. С. 5–6; Мокробородов 2006. С. 13–21.

69 Пьянков 1982.

70 Аскарлов 1973. С. 125; Сарияниди 1972. С. 22.

71 Массон М. 1935а. С. 33–34 (карта).

72 Быков 1879. С. 25.

нейший караванный путь из оседло-земледельческих оазисов Бактрии через Окс в глубинные районы правобережной Бактрии. Этот вывод можно подтвердить примерами.

От переправы Шуроб дорога выходила к кишлаку Бешкутан, где отмечено поселение ахеменидского времени, а в 1,5 км к востоку от него расположено известное Сапаллитепа⁷³. Далее дорога шла мимо кишлака Талашкан, у которого находилось поселение VI–IV вв. до н. э. Талашкантепа I⁷⁴, и выходила к поселению эпохи бронзы Джар-Кутан⁷⁵ у Ширабада. Здесь она поворачивала на северо-восток и шла вдоль Байсун-тау. Следующим пунктом, отмечающим ее направление, является крупный комплекс городищ эпохи поздней бронзы и раннего железа, зафиксированный нами в 1973 г. у кишлака Бандыхан⁷⁶.

Затем древний путь пересекал холмистые предгорья и выходил в район кишлака Миршаде, где зафиксировано около десятка поселений эпохи поздней бронзы, раннего железа и эпохи Ахеменидов⁷⁷. Дальнейшее направление дороги установить еще трудно, но, судя по некоторым данным, она проходила около городища Денау (здесь имеются остатки могильника эпохи бронзы) и заканчивалась, возможно, в районе Шахринау (Таджикистан), откуда поворачивала уже в другую сторону.

Имеющиеся фактические данные, таким образом, подтверждают первую версию Хафиз-и Абру о возникновении «Пардагви» задолго до времени Александра Македонского, в которой, повидимому, нашли отражение отголоски старых представлений о «Пардагви» как о древнейшей переправе через Окс на участке между Термезом и Келифом. Несомненно, что древнее бактрийское население еще в эпоху первобытнообщинного строя и задолго до Александра освоило переправы Шуроб и Чушка-Гузар.

Вместе с тем и вторая версия Хафиз-и Абру об основании «Пардагви» (Пандахейона) Александром Македонским стала находить подтверждение в археологических материалах, найденных на Кампыртепа. Более того, есть основания полагать, что, вероятнее всего, здесь же находилась упомянутая Птолемеем (VI, 12) Александрия Оксианская⁷⁸, а не на Ай-Ханум или на городище Старый Термез.

Сейчас культурные слои конца IV в. до н. э. выявлены в разных местах на восточном склоне цитадели Кампыртепа. В частности, в юго-восточном углу цитадели они представлены полуземлянками, принадлежавшими первым строителям крепости (раскопки С.Б. Болелова и Э.В. Ртвеладзе), помещениями из прямоугольного сырцового кирпича (раскопки А. Восковского, Дж. Ильясова, К.А. Шейко). Выявлены также особенности фортификации самого раннего периода, синхронного времени, подробно охарактеризованные ниже.

Эти данные и послужили основанием для высказанного мной предположения о нахождении на месте Кампыртепа Александрии Оксианской⁷⁹. Судя по ним, в последней трети IV в. до н. э. это был уже значительный населенный пункт, состоявший из акрополя и прилегающих к нему участков жилой застройки. В то же время слоев этого времени на Ай-Ханум археологически не

73 Аскарлов 1973. С. 125.

74 Ртвеладзе 1973. С. 469.

75 Аскарлов 1975. С. 496 сл.

76 Ртвеладзе 1974а. С. 489 сл.; 1975. С. 264.

77 Пугаченкова 1972. С. 47–49; Беляева, Хахимов 1973. С. 35–51; Ртвеладзе 1975. С. 263 сл.

78 Различные точки зрения на локализацию Александрии Оксианской см.: Пидаев 1992. С. 46–50.

79 Rtveldadze 2009b. S. 169–177.

обнаружено, а на городище Старого Термеза слой этого времени обнаружен только в двух шурфах на цитадели⁸⁰.

В эллинистическое время Кампыртепа превратился в значительный город, состоявший из укрепленного мощными стенами акрополя, «верхнего города» к востоку от него, отделенного от акрополя ровом и занятого, возможно, ремесленным производством и жилыми зданиями, расположенными на склоне (раскопки Н. Двуреченской). За ним, к востоку и северо-востоку, находились керамические печи. В пойме Амударьи располагался «нижний город», от которого сейчас почти ничего не осталось.

Об интенсивности обживания Кампыртепа в эллинистическое время свидетельствует мощность культурного слоя в юго-восточном углу акрополя, достигающего, по последним данным, восьмиметровой толщины. Достаточно разнообразны и археологические находки, относящиеся к эллинистическому времени. Среди них особого внимания заслуживают греческие надписи и отдельные буквы греческого алфавита на керамике.

Греческие надписи, граффито, всего шесть, выполнены на фрагментах небольших сосудов и стенке хума. Все они подъемные, найдены в районе цитадели.

Первое граффито процарапано до обжига на внешней стороне тонкостенного сосуда, покрытого светло-желтым ангобом. Оно состоит из трех знаков – ΔΠ|, т. е. 15 драхм (Δ[έκα] π[έντε] δραχμῶν)⁸¹. Длина надписи – 3 см, высота знаков – 1 см.

Второе граффито процарапано после обжига на внутренней поверхности тонкостенного сосуда, покрытого светло-желтым ангобом. Оно также состоит из трех знаков – ΧΧΠ, т. е. 7 хоев (Χοῦς, Χοῦς, Πέντε) (хой – греческая мера жидкости, равная 3,28 литра). Длина надписи – 3,5 см, высота знаков – 1,2 см. Аналогии подобной надписи, как указал нам В. Яйленко, имеются в статье М. Лэнга⁸².

Эти два небольших по содержанию греческих граффито имеют большое значение для характеристики определенных сторон экономических отношений в Северной Бактрии, т. к. до сих пор здесь, как, впрочем, и во всей Средней Азии, не имелось находок греческих надписей, содержащих названия денежных единиц и мер жидкостей.

В Ай-Ханум, как известно, было найдено несколько сосудов, покрытых надписями-этикетками, в которых, наряду с названием индийских клейменных монет, в греческой транскрипции *kārṣāpaña*, упоминаются греческие драхмы. По мнению К. Рапэна, эти сосуды предназначались для хранения денежных поступлений от налогоплательщиков чиновникам, в обязанности которых входило производство данного сбора, для последующей передачи их в царскую казну, где они и хранились⁸³.

Другой тип финансовых документов из эллинистического мира – это остраки птолемеевской эпохи, происходящие из Египта и представляющие собой квитанции, выдаваемые банкирами и ситологами при получении фискального сбора⁸⁴.

Весьма затруднительно, из-за краткости содержания и уникальности, определить, какого рода финансовый документ представляет собой греческое граффито из Кампыртепа. Вместе с тем очевидно, что оно не являлось такого же рода документом, как ай-ханумские надписи, поскольку в

80 Пиддаев 1987. С. 88–89; 1998. С. 48–53; Ргвеладзе 2002а. С. 39–43.

81 Чтение и перевод этих надписей принадлежат В.П. Яйленко, которому я приношу искреннюю благодарность.

82 Lang 1956. P. 10. № 45 (ΧΧΠ = 7 хоев); P. 11. № 52 (ΠΧΧΧ = 8 хоев).

83 Rapin 1983. P. 315–372; Рапэн 1987. С. 108–120.

84 Rapin 1983. P. 352–353; Рапэн 1987. С. 115.

Altar. Room near the eastern fortress wall of the acropolis. Kampyrtepa. 2nd century BC

Алтарь-камин. Помещение у восточной крепостной стены акрополя. Кампыртепа. II в. до н. э.

последних, как правило, упоминается несколько имен должностных лиц, ведавших финансовыми операциями, тогда как кампыртепинское граффито анонимное. К тому же оно нанесено на фрагмент сосуда, а не на целый сосуд. По всей вероятности, данное граффито является остраком – квитанцией типа остраков птолемеевского Египта. Поскольку употребление такого рода финансовых документов не было известно для Греко-Бактрийского царства, то кампыртепинские граффито вносят важный штрих в характеристику определенных сторон существовавших в нем финансовых институтов.

Возможно также, что здесь мы имеем дело с частной записью владельца 15 драхм, поставившего ее для учета своих денег. Не исключено, впрочем, что кампыртепинское граффито передает запись не в денежных единицах, а в весовых. Если учесть, что вес аттической драхмы равен 4,36 г серебра, то в надписи могло быть указано, что некто передал кому-то или имел при себе 65,40 г серебра.

Но и в том, и в другом случае это граффито уникально, причем особо подчеркну, что оно дает наиболее ранний пример употребления в Средней Азии названия эллинистической меры веса или денежной единицы.

К такого же рода уникальным документам относится и второе граффито с обозначением 7 хоев. Семь хоев – это 22,96 литра, однако данная надпись нанесена на сосуд, едва ли вмещающий один литр. Очевидно, что и здесь представлен своего рода острак-квintация, служивший, вероятно, для учета поступления какой-то жидкости, вероятнее всего вина. Таким образом, данное граффито свидетельствует об употреблении на территории Греко-Бактрийского царства греческой меры жидкости, что прежде не было известно.

Третье граффито процарапано после обжига на стенке красноангобированного хума. От надписи сохранилось четыре буквы: «каппа», «лямбда», «эпсилон», четвертая буква неясна – КΛΕ. Длина надписи – 7,5 см, высота букв – 1,5–2 см.

По мнению В. Яйленко, данные буквы могли принадлежать какому-то личному имени. Вместе с тем он не исключает возможность того обстоятельства, что здесь сохранился фрагмент слова κλεῖθῶν (гlossa Гесихия из Александрии – автора лексикографического словаря IV или V в. н. э., в котором объяснены редко встречающиеся слова), обозначающего «прорицание», «молва», «слава».

Четвертое граффито процарапано на фрагменте венчика тонкостенного, лощеного сосуда со светло-коричневым ангобом. Оно состоит из двух вертикально расположенных греческих букв: «эта» и «дельта» – ηδ. Сосуд найден в шурфе-1, заложенном у внешней стороны крепостной стены цитадели Кампыртепа, почти у ее подошвы (конец XXIII яруса), с материалами III–II вв. до н. э.

Пятое граффито изображено на фрагменте тонкостенного сосуда с темно-коричневым ангобом

Amphora. Кампыртепа. 3rd–2nd century BC
 Амфора. Кампыртепа. III–II вв. до н. э.

Fragment of a ceramic vessel decorated with the tree of life motif and the relief head of a goddess

Фрагмент сосуда с древом жизни и наклепной головой божества

Greek inscriptions on potsherds. Кампыртепа. 3rd–2nd century BC

Греческие надписи на фрагментах сосудов. Кампыртепа. III–II вв. до н. э.

по светлому фону, на котором до обжига была процарапана буква «омега» (?) или тамга. Найдено там же, где и четвертое граффито.

Шестое граффито обнаружено на фрагменте донца тонкостенного сосуда, покрытого с внешней стороны светлым, а с внутренней – темно-коричневым ангобом. На поверхности сосуда внутри до обжига были процарапаны две буквы – χι. Найдено с внешней стороны восточного фаса крепостной стены цитадели Кампыртепа, в слое III–II вв. до н. э.

“Upper” town of Кампыртепа, the lower layers of which date back to the Hellenistic period

«Верхний» город Кампыртепа, нижние слои которого относятся к эллинистическому времени

Помимо надписей, на городище Кампыртепа найдено в общей сложности более 30 селевкидских и греко-бактрийских монет. Наиболее ранними из них являются два селевкидских халка, описание которых привожу ниже.

1. Халк Антиоха I (281–261 гг. до н. э.).

Л. ст. Голова Аполлона в фас в лавровом венке.

Об. ст. Крылатая Ника, стоящая вправо перед трофеем. Цитадель. Подъемная.

В – 3,86 г; Д – 2,0 см; легенда стерта.

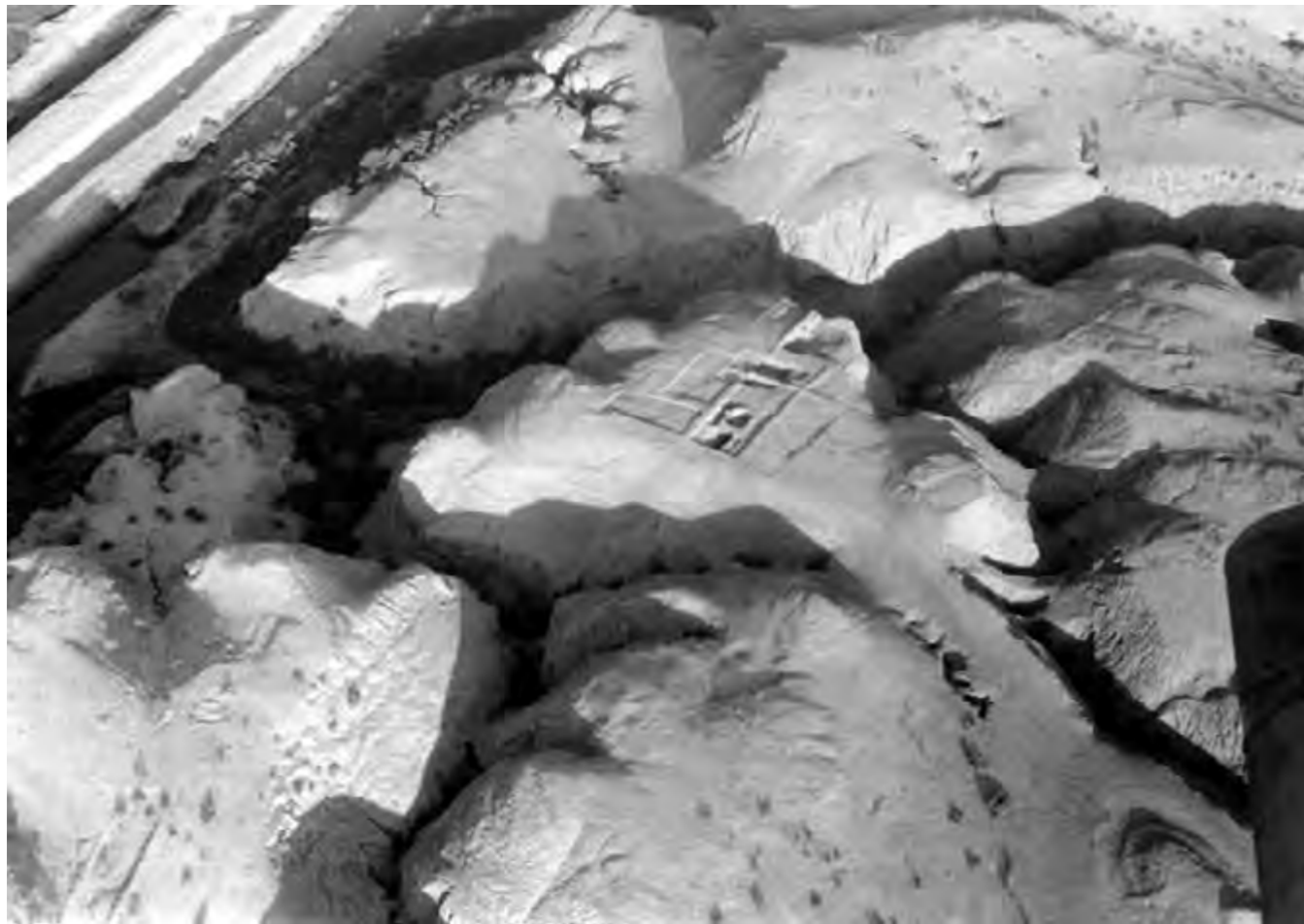
2. Дихалк Антиоха I (281–261 гг. до н. э.).

Л. ст. Голова Геракла в львиной шкуре вправо.

Об. ст. Бык-зеву, идущий вправо. Над ним – остатки легенды. Цитадель, помещение № 42, в завале стены, из кладки.

В – 8,1 г; Д – 2,2 см; гурт скошенный, легенда стерта.

Обе найденные монеты принадлежат к хорошо известным типам селевкидских монет Антиоха I. Три монеты типа «Аполлон/Ника» из коллекции Б.Н. Кастальского и А.Е. Маджи хранятся в Душанбинском и Ташкентском музеях. Е.В. Зеймаль предположительно относит их к бактрийской

Pottery workshop of the 3rd century BC. Eastern suburban zone of Kampyrtepa
Керамическая мастерская III в. до н. э. Восточный пригород Кампыртепа

эмиграции Антиоха I⁸⁵.

Десять монет аналогичного типа обнаружены на городище Ай-Ханум. Три из них, отличающиеся от других рядом деталей и монограммой, согласно Г. Ля-Риде, относятся к чекану Селевкии на Тигре⁸⁶.

Халк из Кампыртепа типологически более сходен с другими монетами этого типа, относимыми к выпускам Селевкии на Тигре или Бактры⁸⁷.

Монета типа «Геракл/бык-зебу» найдена также на городище Тахти-Сангин, две подобные монеты обнаружены на Дильберджинтепа в Северном Афганистане⁸⁸, 36 таких же монет зафиксировано в Ай-Ханум⁸⁹.

Обе данные монеты можно привлечь если не как прямое, то как косвенное подтверждение высказанного мной предположения об основании поселения на месте Кампыртепа в раннеэлли-

85 Зеймаль Е. 1983б. С. 67.

86 Bernard 1985. P. 41

87 Ibid. P. 42–43; pl. 2, 17–23.

88 Зеймаль Е. 1983б. С. 67, примеч. 20.

89 McNicoll 1997. P. 89, fig. 17, 29.

нистическое время, хотя найдены они вне синхронного им археологического слоя. Монета типа «Аполлон/Ника» обнаружена под обрывом цитадели, обращенным к Амударье, а халк типа «Геракл/бык-зебу» – в помещении № 42, в сырцовом кирпиче упавшей стены помещения, над слоем обживания, датированным монетами Кадфиза II и Канишки. Не исключено, что эта монета оказалась в нем при выборе глины для формовки кирпичей из нижележащих слоев. На наличие здесь ранних слоев указывает и достаточно большое количество греко-бактрийских монет, среди которых халки Диодота (250–230 гг. до н. э.), Евтидема (230–200 гг. до н. э.), дихалки и оболы Деметрия (200–185 гг. до н. э.), драхма и оболы Евкратида (171–155 гг. до н. э.), драхма и халки Гелиокла (155–140 гг. до н. э.).

Ниже, в разделе «Ай-Ханум и Кампыртепа», указаны и другие предметы, найденные на Кампыртепа эллинистического времени. Собственно говоря, изучение слоев этого времени в большом масштабе началось лишь в последние годы, и, надо надеяться, приведет к новым открытиям. Вместе с тем очевидно, что весь комплекс находок указывает на проживание здесь эллинско-македонского населения и на возможное основание им этого поселения при переправе первоначально как мощной крепости. Отмечу, что по особенностям топографии размещения и внешнему плану акрополя Кампыртепа напоминает Селевкию на Тигре, а башни у ворот этого акрополя аналогичны двум близко расположенным башням у ворот акрополя *Seleucia Pieria*⁹⁰, построенных вровень с внутренними гранями стен ворот.

Исключительно интересна еще одна аналогия. План эллинистического города *Perge at Murtana* в Малой Азии с центральной улицей, начинающейся за пределами города, затем ведущей к воротам и разделяющей город на две части, весьма напоминает планировку акрополя Кампыртепа. Здесь центральная улица начинается почти у рва и также проходит через ворота и делит акрополь на две части. Однако входная часть на Кампыртепа, длиной 14 м, оформлена в виде сводчатой, ступенчатой галереи.

Наиболее масштабные раскопки на городищах и поселениях эллинистического времени проводились на Ай-Ханум и проводятся сейчас на городище Кампыртепа. На городище Тахти-Сангин раскопки проводились исключительно на храме Окса, а на самом городище слои эллинистического времени почти не исследованы⁹¹. Городище у переправы Айвадж археологически не исследовано. Слои эллинистического времени на городище Старый Термез археологическими раскопками затронуты в незначительной степени, в основном шурфами, заложенными на цитадели городища⁹². На границе между Верхней и Средней Амударьей на обоих берегах Окса располагались знаменитая переправа Келиф и большой город, где, к сожалению, археологические раскопки не проводились.

Все населенные пункты и переправы на Оксе были связаны между собой водным путем по Оксу. Поэтому весьма показательными были бы сравнение состава монетной массы и предметов материальной культуры индийского происхождения как объектов денежной торговли и обмена, а также сопоставление между собой Ай-Ханум и Кампыртепа (Пандахейона), которые лучше, чем

90 McNicoll 1997. P. 89, fig. 17, 29.

91 Литвинский, Пичикян 2000 (здесь же — о результатах раскопок А.М. Мандельштама и М.М. Дьяконова).

92 Пиддаев 1987. С. 88–89; 1998. С. 46–59.

другие населенные пункты, в силу наибольшего исследования слоев III–II вв. до н.э., демонстрируют эти связи.

Ай-Ханум и Кампыртепа

Достаточно подробное исследование бактрийского участка Амударьи опубликовано П. Бернардом и А.-П. Франкфортом в 1978 г.⁹³, однако к этому времени, за исключением Ай-Ханум, какие-либо археологические данные о наличии в Верхней и Средней Амударье других городищ и поселений эллинистического времени отсутствовали. Сейчас они не только выявлены, но, к примеру, для Кампыртепа установлены как общая периодизация, так и его структура в эллинистическое время, а также особенности и периоды строительства фортификации акрополя Кампыртепа, что, кстати, отсутствует для Ай-Ханум.

Более того, на Кампыртепа получены выразительные археологические данные для характеристики керамического производства⁹⁴ и других областей материальной культуры, позволяющие установить достаточно тесные связи между двумя крупнейшими портами на Оксе в эллинистическое время – Ай-Ханум и Кампыртепа (Александрия Оксианская – Пандахейон).

Эти связи осуществлялись речным путем по Оксу в большей мере, нежели сухопутными дорогами. Выше мы уже упоминали, что на преодоление пути по суше от Термеза до р. Кокчи требовалось 6–7 дней, т.е. он составлял немногим более 200 км. От Термеза до Кампыртепа расстояние вдоль правого берега Амударьи равнялось около 30 км. Следовательно, весь путь занимал 240–250 км, и водным путем его можно было преодолеть за несколько дней.

Состав монетной массы в греко-бактрийское время в Ай-Ханум и Кампыртепа, за крайним исключением, аналогичен. Сходного характера и керамика из этих двух городищ – рыбные блюда с клювовидным венчиком, сосуды с Ти Г-образным венчиками, двуручные амфоровидные кувшины, кратеры и другие виды сосудов. Совершенно идентичны и грузила – пирамидальные и овальные. Одни из них применялись как грузила для рыбных сетей (обожженные), а другие, вероятно, в ткацком производстве. Судя по опубликованным материалам, подобного рода грузила, разных, кстати, размера и веса, на Кампыртепа найдено значительно больше (сотни экземпляров), чем в

⁹³ Bernard, Francfort 1978.

⁹⁴ Болелов 2001. С. 15–31.

Dura-Europos. Plan of the town

Дура-Европос. План города

Ай-Ханум⁹⁵. Причем находки грузил на Кампыртепа отмечены уже в самых нижних культурных слоях, относящихся к концу IV – началу III в. до н.э.

На городищах и поселениях Средней Азии ахеменидского времени находки грузил пока не зафиксированы, что, по всей вероятности, говорит о том, что грузила были привезены на юг Средней Азии греко-македонскими переселенцами.

Керамика и грузила – области массового производства ремесленных мастерских или домашнего промысла. Но на этих городищах обнаружены предметы и более редкие по количеству находок. К примеру, здесь найдены совершенно одинаковые железные ключи, изогнутые под прямым углом на концах, бронзовые и железные гвозди с выпуклыми шляпками, иногда позолоченные, как из Кампыртепа⁹⁶. Аналогичны обнаруженные в Ай-Ханум⁹⁷ и на Кампыртепа бронзовые фигурки орлов⁹⁸.

Сходны и другие предметы: костяные пуговицы, украшенные циркульным орнаментом, пряслица, гребни, некоторые виды украшений⁹⁹, в частности подвески в виде семилучевой звезды, и другие. Любопытно, что обнаруженная на Ай-Ханум бронзовая чашка для весов аналогична двум таким же, найденным на Кампыртепа¹⁰⁰.

К сожалению, за исключением керамики и монет, археологические материалы, полученные на городище Старый Термез, пока не опубликованы. Но даже то, чем сейчас располагает наука, свидетельствует о том, что древняя Тармита была связана с Ай-Ханум и Кампыртепа прямым водным путем, по которому осуществлялся обмен ремесленной и сельскохозяйственной продукцией не только местного, но и индийского происхождения. В этой связи показательны найденные на бактрийском участке Окса объекты индийского происхождения, в том числе эпиграфического характера.

СЛЕДЫ РАННЕГО ПРЕБЫВАНИЯ ИНДИЙЦЕВ НА БЕРЕГАХ ОКСА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Серебряные клейменные монеты Индии

Так называемые клейменные монеты (punch marked) овальной или прямоугольной формы с нанесенными на них миниатюрными клеймами с различного рода изображениями чеканились с V по II в. до н.э. при царях династий Нанд и Маурья. Находки их зафиксированы на большой территории исторической Индии. Особенно широко они распространены на северо-западе страны, в Таксиле, где, вероятнее всего, и чеканились эти монеты. Найдены они и за пределами исторической Индии, в Северо-Восточном Афганистане¹⁰¹ и в долине Амударьи.

В частности, при раскопках Ай-Ханум найдено 28 древнеиндийских серебряных монет – каршпа-

⁹⁵ Шагалина 2002. С. 109–117.

⁹⁶ Guillaume, Rougeulle 1987. Pl. 8, 10; Древности Южного Узбекистана 1991. С. 207.

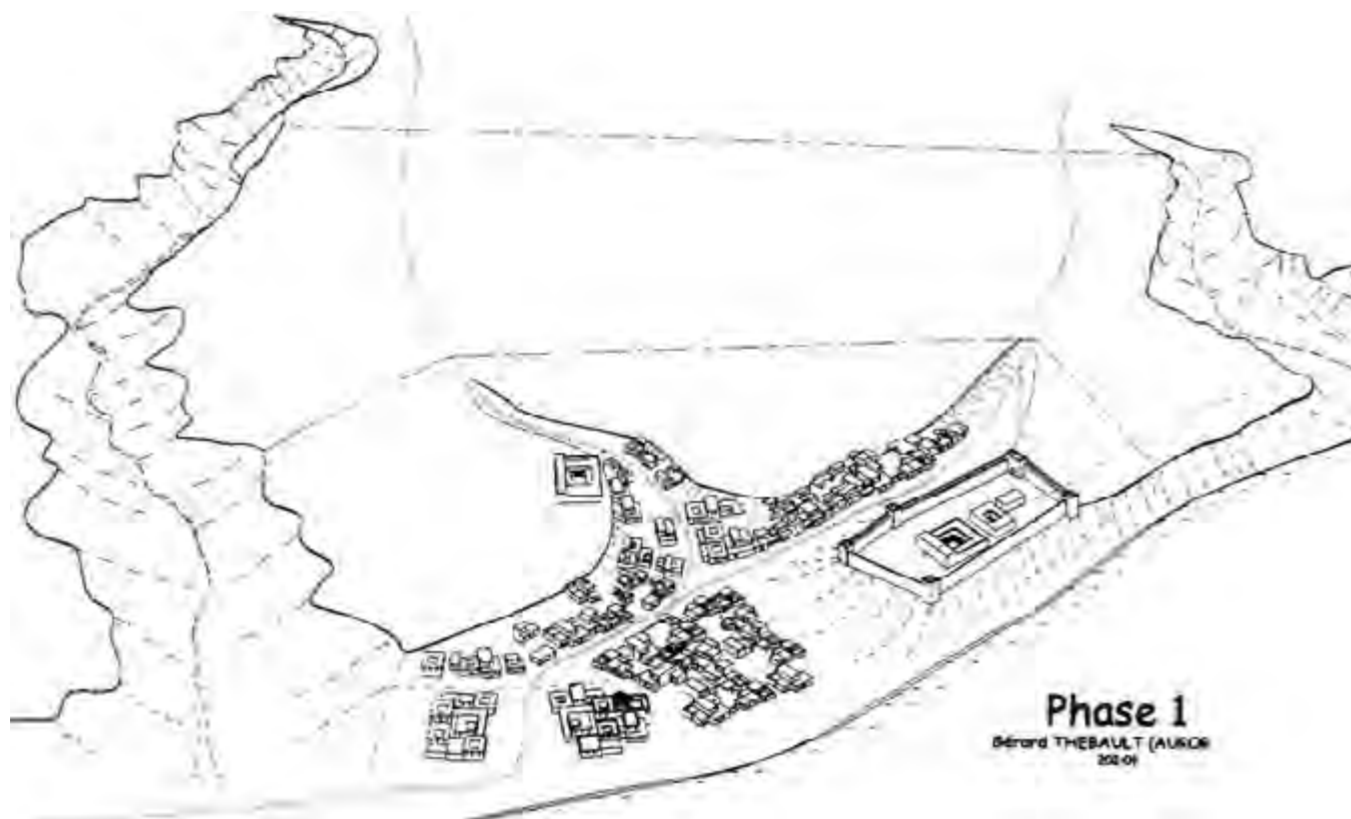
⁹⁷ Guillaume, Rougeulle 1987. Pl. 19, No 17, 18.

⁹⁸ Авганова 2002. С. 37–40.

⁹⁹ Guillaume, Rougeulle 1987. Pl. 19, No 17, 18; Pl. 5; Лунева 2002а. С. 77–90; 2002б. С. 91–100.

¹⁰⁰ Guillaume, Rougeulle 1987. Pl. 16, No 22.

¹⁰¹ Зеймаль Е. 1983а. С. 58.

Seleucia on the Tigris. Plan of the town

Селевкия на Тигре. План города

нов чекана Таксилы¹⁰². Клад, включающий в себя 40 серебряных древнеиндийских клейменных монет, обнаружен в храме Окса на городище ТахтиСангин. Он находился вместе с оболком Евкратида в ботросе № 6 в полу Белого зала¹⁰³. Две аналогичные монеты имелись в коллекции майора Ю. Ермешкова, собранной им во время пограничной службы в Старом Термезе и на других поселениях, расположенных в правой прибрежной зоне Амударьи от Айваджа до Келифа. В 1988 г. они были выявлены мной при осмотре этой огромной коллекции, дальнейшая судьба которой неизвестна.

Топография находок этих монет показывает, что они попадали в долину Амударьи из Гандхары по дороге, шедшей вдоль Кундуздарьи или Кокчи в долину Окса.

Находки греко-бактрийских монет с индийскими символами и надписями в долине Окса

Весьма важным источником информации по нашей теме являются находки в Северной Бактрии, в долине Окса, греко-бактрийских монет с изображениями индийского происхождения (различные символы, животные) и надписями на кхароштли. Они свидетельствуют о том, что эти монеты, будучи чеканены, вероятнее всего, в Северо-Западной Индии, в Гандхаре, становятся привычным средством обращения среди населения Северной Бактрии, благодаря чему жители поселений и городов этого региона знакомятся как с индийской символикой, так и с индийской

102 Bernard 1985. P. 72–78.

103 Зеймаль Е. 1983а. С. 58–68

письменностью. Указанные изображения и тексты встречаются на монетах Деметрия I (200–185 гг. до н. э.) – шлем в виде головы слона с бивнями, надписи на кхароштли; Антимаха (190–180 гг. до н. э.) – надписи на кхароштли; Панталеопа (185–175 гг. до н. э.) – традиционная индийская форма прямоугольных монет, зебувидный бык, надписи на кхароштли; Агафокла (180–165 гг. до н. э.) – изображения ступы, быка-зебу; Гелиокла (155–140 гг. до н. э.)¹⁰⁴.

Впервые изображения индийского происхождения и надписи на кхароштли появляются на монетах греко-бактрийского царя Деметрия I, что связано с завоеванием этим царем, по-видимому, не только Северо-Западной Индии (Гандхары), но и всей долины Инда вплоть до Индийского океана¹⁰⁵. С этого же времени возрастает и роль древней Тармиты (Термеза), название которой одно время связывали с именем этого царя и которая наряду с Кампыртепа (Александрия Оксианская) становится главным эллинистическим центром Северной Бактрии. Именно через Тармиту на север, в Согдиану и далее в Центральную Азию через Железные Ворота шел наиболее короткий и удобный путь. Рост Тармиты связан и с тем, что она, так же как и Кампыртепа, контролировала важнейшую дорогу на запад – Великий индийский путь¹⁰⁶.

Из перечисленных выше греко-бактрийских монет с индийскими символами и надписями на кхароштли в Северной Бактрии чаще всего встречаются драхмы Деметрия с изображением царя в шлеме в виде головы слона с бивнями. Они найдены в Халчаяне, Дальверзинтепа, обнаружены также дихалки этого царя (с изображениями головы слона и кадудея) на Кампыртепа, Турсунзаде, на канале Занг. Зафиксированы также монеты Панталеопа и Агафокла¹⁰⁷.

Дихалк Антимаха с изображением Афины на аверсе и слона на реверсе, значительно лучшей сохранности, нежели опубликованные О. Бопераччи¹⁰⁸, найден Ю. Ермешковым на участке между Каратепе и Амударьей, являвшемся, по-видимому, речным портом Тармиты.

Предметы индийского происхождения на берегах Окса

На бактрийском участке Оксийского водного пути, помимо вышеописанных объектов, найдены и другие предметы индийского происхождения, в частности из слоновой кости. Так, в сокровищнице Ай-Ханум обнаружен перламутровый круглый диск, по-видимому, крышка или оборотная сторона зеркала с выгравированными изображениями царского экипажа, деревьев и экзотических животных. К. Рапэн убедительно доказал его индийское происхождение.

Огромное количество изделий из слоновой кости найдено в храме Окса на городище Тахти-Сангин. Они подробно описаны, атрибутированы и интерпретированы Б.А. Литвинским, поэтому их повторение излишне. Отмечу только, что среди них ритон, ножны, в том числе с горельефным изображением Александра Македонского, бутероль, статуэтки, рукояти мечей, гребни, фрагменты мебели, булавки, медальоны, игральные кости, украшения и т.д. Некоторые из этих предметов бесспорно эллинистического времени, другие относятся к кушанскому периоду. Б.А. Литвинский полагает, что из Индии в Бактрию и другие страны завозились как готовые изделия из слоновой

104 Vorearachchi 1991; Whitehead 1970.

105 Массон В. 1961. С. 39–45.

106 Ртвеладзе 2001г. С. 9–11 (на рус., англ. и узб. яз.).

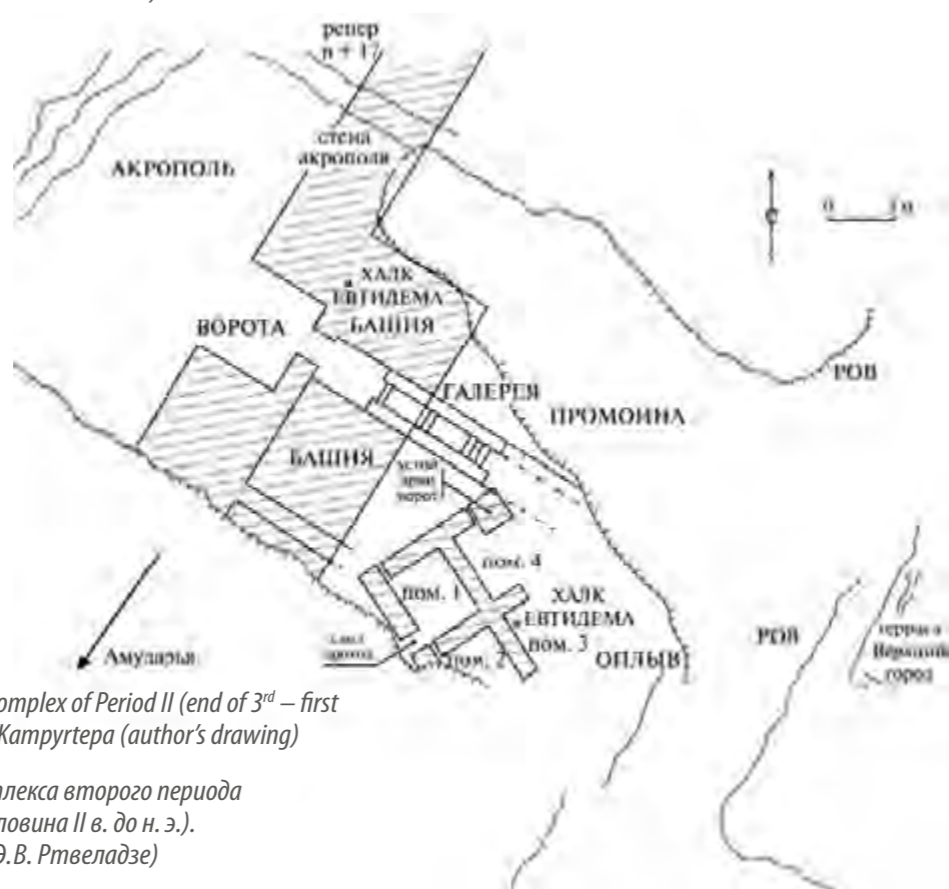
107 Ртвеладзе 2002б. С. 99–101.

108 Vorearachchi 1991. P. 185. Pl. 10; 1998. Pl. 16. N. 293–294

Plan of the main gate complex of Period I (end of 4th – first half of 3rd century BC). Kampyrtapa (author's drawing)

План воротного комплекса первого периода (конец IV – первая половина III в. до н. э.). Кампыртепа. (сост. Э.В. Ртвеладзе)

Plan of the main gate complex of Period II (end of 3rd – first half of 2nd century BC). Kampyrtapa (author's drawing)

План воротного комплекса второго периода (конец III – первая половина II в. до н. э.). Кампыртепа. (сост. Э.В. Ртвеладзе)

Ai Khanum. Plan of the town

Ай-Ханум. План города

Sling balls. Clay. Кампыртепа. 3rd–2nd century BC
Глиняные ядра для пращи. Кампыртепа. III–II вв. до н. э.

Fragment of a pseudo-Megarian bowl.
Кампыртепа. 2nd century BC

Фрагмент псевдо-мегарского сосуда.
Кампыртепа. II в. до н. э.

Potsherds decorated with vine leaves and grapes
Фрагменты керамики с орнаментом: виноградные гроздья и листья

кости (в Индии существовали специальные корпорации резчиков по слоновой кости), так и сама слоновая кость¹⁰⁹. Опираясь на ряд соображений, он утверждает, что высокохудожественные изделия из слоновой кости изготавливались в Бактрии уже в ахеменидское время, а в эллинистический период их количество значительно возрастает.

Однако здесь имеются два обстоятельства, которые я хотел бы высказать. 1. Все эти предметы индийского происхождения, впрочем, как и другие, не единовременны и могли поступать в храм в качестве votives со времени основания храма до кушанского времени включительно. 2. Эти вещи поступили в храм Окса из различных городов и поселений Бактрии (и не только из Бактрии, а вероятнее всего, и из других стран, в том числе из Индии, Парфии и Восточного Средиземноморья). В целом эти предметы лишь констатируют наличие в бактрийском храме множества изделий из слоновой кости, многие из которых, как доказал Б.А. Литвинский, изготовлены в самой Бактрии.

¹⁰⁹ Литвинский 2010б. С. 358–393, 364.

На других городищах и поселениях, расположенных в долине Окса, изделий из слоновой кости или других вещей индийского происхождения пока не обнаружено, за исключением Кампыртепа. Здесь в юго-восточном углу акрополя при раскопках С.Б. Болелова в позднегреко-бактрийском слое был найден стиль из хорошо отполированной слоновой кости с заovalенным навершием в виде лопаточки и хорошо заостренным концом. На поверхности стержня изделия вырезана греческая буква «мю», возможно, один из инициалов владельца этого предмета, который можно трактовать не как запонку, а как предмет для письма – *стило*. Еще одно изделие из слоновой кости, прекрасно отполированная пуговица с циркульным орнаментом, было найдено в слое первой половины II в. до н. э. у ворот акрополя¹¹⁰.

Далее на запад по маршрутам Великого индийского пути объекты из слоновой кости обнаружены в Парфии, на городище Старая Ниса – это фрагменты мечей¹¹¹ и знаменитые ритоны, которые, как считается, изготовлены в Бактрии¹¹². Изделия из слоновой кости пока не обнаружены в Хорезме. Отсутствуют они и на Южном Кавказе. Однако здесь следует обратить внимание на одно любопытное сообщение Клавдия Элиана (кон. II – нач. III в. н. э.) о том, что каспии из внутренностей осетровых рыб изготавливали замечательный клей, который «так скрепляет все, что им ни склеят, что, если даже мочить его десять дней, он не распустится и даже не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи» (Элиан, XVII, 32)¹¹³.

Этот фрагмент можно понять двояко: или каспии сами изготавливали изделия из слоновой кости, или они экспортировали осетровый клей, возможно, в Парфию или в Бактрию, где его применяли для склеивания изделий из слоновой кости. Некоторые изделия из Тахти-Сангина и ритоны из слоновой кости в Старой Нисе составлены из нескольких частей, по-видимому, скрепленных клеем. Не исключено в этой связи, что при этом употреблялся клей каспиев.

Каспии, весьма древнее племя, упомянутое еще Геродотом (V в. до н. э.), обитали вдоль юго-западного побережья Каспийского моря вплоть до устья р. Куры. Даже в эллинистическое время это название, по мнению К.В. Тревер, уже постепенно выходит из употребления, тем более для времени Элиана, когда территорию, заселенную прежде каспиями, занимают албаны¹¹⁴. Ко времени Страбона (I в. н. э.) каспии считались исчезнувшим народом. Он писал: «В стране албанов имеется и [страна] Каспиана, названная, как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувшего» (Страбон, XI, 4, 5).

Поэтому в вышеприведенном сообщении Элиана отражена какая-то стародавняя традиция, возможно, восходящая к эллинистическому и даже более раннему времени. Каспиана напрямую через Каспийское море была связана с Гирканией, лежавшей на противоположном юго-восточном побережье этого моря, а та, в свою очередь, сухопутными путями с Парфиеной, Маргианой, Бактрией и Индией. Поэтому данное сообщение Клавдия Элиана можно рассматривать как весомый аргумент в пользу нашего положения о движении товаров по Великому индийскому пути из Средней Азии на Южный Кавказ через Каспийское море.

¹¹⁰ Эти предметы найдены при раскопках С.Б. Болелова и Э.В. Ртвеладзе и еще не опубликованы.

¹¹¹ Пугаченкова 1969. С. 161–170.

¹¹² Массон М., Пугаченкова 1959.

¹¹³ Цит. по: Алиев К. 1987. С. 95.

¹¹⁴ Тревер 1959. С. 50–52.

Отдельные знаки и надписи письмом кхароштли на кирпиче и керамике

Наиболее ранними археологическими свидетельствами связей Индии и Северной Бактрии являются две находки, открытые на городище Кампыртепа. Одна из них – это знак, прочерченный на подпрямоугольном сырцовом кирпиче размерами 45×35×12 см из стены помещения, построенного на восточном склоне цитадели Кампыртепа, относящегося к самому раннему периоду обживания. Об этом свидетельствуют как характерный состав керамики из этого, а равно и из других помещений, так и размеры сырцового кирпича. Как сейчас надежно установлено, подпрямоугольный кирпич размерами 50×40×10, 45/46×35/36×10/12 см сменяет массивный прямоугольный кирпич (66×34×10, 62×31×10, 58×29×10 см и т.д.)¹¹⁵ ахеменидского времени VI–IV вв. до н.э., по-видимому, вскоре после завоевания Александра Македонского и установления в Бактрии власти Селевкидов (кон. IV в. до н.э. = 329/327–310/306 гг. до н.э.). Таких же размеров подпрямоугольный кирпич зафиксирован для первого периода обживания эллинистической крепости Курганзол, датированного Л.М. Сверчковым концом IV в. до н.э.¹¹⁶ Подпрямоугольный сырцовый кирпич габаритами 50×40×9 см применен в стенах помещений в самом нижнем культурном слое восточного фаса цитадели Кампыртепа¹¹⁷. Из сырцового кирпича 48/52×33/38×12/14 см были возведены стены помещения с керамическими печами, датированными С.Б. Болеловым по характерной керамике концом IV – началом III в. до н.э.¹¹⁸ Из подпрямоугольного кирпича аналогичных размеров была построена и первоначальная стена акрополя Кампыртепа. Таким образом, твердо установлено, что при начальном строительстве стен помещений и фортификационных сооружений, относящихся к концу IV – началу III в. до н.э., здесь повсеместно употреблялся подпрямоугольный кирпич. Когда произошла замена его на квадратный кирпич, сейчас можно установить с точностью до нескольких десятилетий. Стены помещений, хорошо датированных монетами Евтидема (230–200 гг. до н.э.), уже возведены из квадратного сырцового кирпича 40×40×10/12, 38×38×10/12 см, т.е., вероятнее всего, эта замена произошла в период, близкий к середине III в. до н.э.

Вышеупомянутый знак по характерным особенностям начертания, по-видимому, представляет собой одну из букв алфавита кхароштли «phi», только с округлой, а не прямоугольной левой частью¹¹⁹.

Другая находка была сделана в XXVII ярусе разреза 1, заложенного в юго-восточном углу акрополя. Это фрагмент верхней части кувшина, покрытого светложелтоватым ангобом, с подтреугольным венчиком. На поверхности сосуда до обжига была процарапана буква, не имеющая аналогий в алфавитах греческой и бактрийской письменности, распространенных на Кампыртепа. По особенностям начертания она более всего схожа с «ра» алфавита кхароштли¹²⁰.

115 Ртвеладзе, Запаров 1976. С. 21; Ртвеладзе, Пидаев 1993. С. 133–147; Сагдуллаев 1987. Такой же кирпич характерен для доахеменидской и ахеменидской Маргианы: См.: Массон В. 1959. С. 59.

116 Сверчков 2007. С. 35.

117 Ртвеладзе 2006. С. 5.

118 См.: Болелов С.Б. Отчет о раскопках в юго-восточной части цитадели Кампыртепа (КТЦОВ) в 2009 г. С. 4 (не опубликован).

119 См. алфавит кхароштли, представленный на монетах, в кн.: Voreagachchi 1998.

120 Ibid.

Слой, в котором был найден этот фрагмент, залегает на 2 м ниже основания крепостной стены акрополя, возведенной в конце III в. до н.э., и по времени синхронен слою в помещении с печами, датированном первой половиной III в. до н.э.

Таким образом, на Кампыртепа, в слоях одного и того же периода, конца IV – первой половины III в. до н.э., обнаружены уже два знака, по всей вероятности, представляющие собой буквы алфавита кхароштли, причем буква «ра», выявленная на фрагменте сосуда, могла быть не отдельной буквой, а последней буквой в какой-то надписи, нанесенной на сосуд. Сомнений в их принадлежности к алфавиту кхароштли не должно быть, поскольку эти буквы не имеют аналогов в алфавите ни бактрийской, ни древнегреческой письменности, по авторитетному заключению проф. П. Бернара, которому мной был показан знак на фрагменте сосуда.

В то же время наличие букв алфавита кхароштли в слоях, датированных концом IV – первой половиной III в. до н.э., позволяет поставить вопрос о более раннем, чем предполагалось, пребывании индийского населения как здесь, на Кампыртепа, так и в целом на берегах Окса в Бактрии.

По-видимому, уже в процессе самого начала основания эллинами крепости Кампыртепа у одной из важнейших переправ на Оксе в нем принимало участие и индийское население. Это могли быть торговцы, стремившиеся к созданию в этом выгодном месте своих факторий на, по-видимому, уже функционировавшем Оксийском водном пути в частности и Великом индийском пути в целом.

О том, что индийское население было традиционным населением Кампыртепа (Пандахеиона), свидетельствуют надписи на кхароштли, нанесенные на арку ворот акрополя, передающие имя или имена некоего Dama, Dame и Darma¹²¹, найденные в слоях, которые по археолого-стратиграфическим данным датируются первой половиной – серединой II в. до н.э. Это пока единственные надписи на арке ворот, обнаруженные в Бактрии. Причем, в отличие от всех других многочисленных индийских надписей на брахми и кхароштли кушанского времени¹²², за исключением надписей на кхароштли на золотых брусках из Дальверзинтепа¹²³, – эти надписи светского, а не религиозного содержания.

Надписи на кхароштли на арке ворот акрополя Кампыртепа

Надписи на кхароштли нанесены на модульные жженые кирпичи размерами 76/77×16/16,5×6/6,5 см, составляющие, как сейчас точно установлено, входную арку ворот акрополя Кампыртепа, возведенную в третий период функционирования всего воротного комплекса. В общей сложности обнаружено около 50 фрагментов и целых кирпичей с надписями и без, сохранившихся в длину от 2–5 см до размера целых кирпичей – 76–77 см. Они найдены на лестничных площадках, ступенях и в стене галереи, в ступеньке порога, а также непосредственно в помещении ворот крепостной стены акрополя.

Из них – четырнадцать целых и фрагментов кирпичей, на которых имеются надписи. На одиннадцати из них надпись состоит из одного слова, согласно Ж. Фюссману, переданного в трех вариантах: Da-ma-sya (на большинстве из них), Dar-ma-sya и в двух случаях Da-me-sya. По его мнению,

121 Rtveldadze 2008. P. 127–136.

122 Вертоградова 1995; Воробьева-Десятовская 1983. С. 22–96.

123 Воробьева-Десятовская 1976. С. 72–80; Пугаченкова 1976. С. 64–71.

Darma и Dame – два разных имени; с оговоркой о том, что при условии наличия свидетельства, указывающего, что это одно и то же имя, Dame (= *darmika < *darmina) можно считать возможным написанием имени Darma. Однако таких свидетельств у нас, к сожалению, не имеется.

Еще две, но более пространственные надписи на модульных кирпичиках обнаружены в разных местах. Одна из них найдена в галерее на глубине 40 см XXXII яруса у края ступени лестничной площадки. Сохранившаяся длина кирпича – 39 см, ширина – 16–16,5 см, толщина – 6,5 см. Надпись на нем выполнена письмом кхароштки сравнительно мелкими буквами. Согласно Ж. Фюссману, она читается как «Dar-ma-sya ku-va-ka-ra-ka-sya» и соответственно переводится им как «of/from Darma, the well-maker», т. е. «(от) Дармы, который выкопал колодец»¹²⁴.

Аналогичного содержания надпись «Darmasya kuvakarakasya» была найдена в северо-восточном углу помещения ворот на уровне XXII–XXIII ярусов, на высоте закладки данного помещения в третий период. Этот кирпич с надписью лежал в большой куче кирпича, по-видимому, от разрушенной арки входа ворот. Вместе с ним были найдены еще два кирпича, только с именем Da-ma-sya, фрагменты модульных кирпичей без надписи и фрагменты плиточного кирпича. В отличие от надписи на модульном кирпиче, найденном в галерее, эта надпись выполнена более крупными буквами, которая к тому же занимает большее расстояние в длину.

Исходя из этих данных, можно полагать, что были две арки с надписями: одна большая – в воротах крепости, с надписью крупными буквами, вторая – меньших размеров, с надписью более мелкими буквами. Она, возможно, оформляла вход в галерею. Еще на одном фрагменте сохранилось пять не прочитанных акшар. Он был найден в кладке северной стены входной арки.

Очевидно, что Dama, Darma или Dame принадлежало весьма знатным лицам – правителю государства, наместнику области или начальнику города, поскольку его имя (или имена) помещено на входной арке ворот акрополя – важнейшей части города. Причем Ж. Фюссман полагает (опираясь на тот факт, что kuva-kara – хорошие среднеиндийские слова), что Darma и Dame были скорее всего индийцами или сильно индианизированными местными. Однако в недавней публикации Ж. Фюссман высказал предположение, что имя Dama восходит к среднеперсидскому имени, содержащему компонент dām «creature» – Dām-ōhrmazd¹²⁵.

Эти надписи представляют собой, по-видимому, только часть большого текста, в котором были указаны титулатура и деяния лица (лиц), совершенные в городке крепости Кампыртепа, но, к сожалению, значительное число модульных кирпичей использовано при ремонте стен галереи и их извлечение отсюда связано с полным разрушением этих стен.

Однако уже из содержания сохранившихся надписей можно сделать некоторые выводы.

Одним из деяний этого лица (Dama, Darma, Dame) являлось сооружение в акрополе колодца для воды, по-видимому, на случай осады его врагом, причем учитывалась близость Амударьи, подпочвенные воды которой залегают здесь на сравнительно небольшой глубине. Весьма интересно, что этот колодец (?) уже обнаружен. Он находится на расстоянии 8 м прямо от ворот в западном направлении в глубь акрополя. Колодец вырыт с глубины, почти соответствующей основанию

Jar fragment with a letter of the Kharoshthi alphabet. Кампыртепа. 3rd–2nd century BC

Фрагмент керамики со знаком алфавита кхароштки. III–II вв. до н. э.

крепостных стен и ворот третьего периода – середина – начало второй половины II в. до н. э., и, так же как и они, был заброшен мусорными слоями, датирующимися кушанским временем – I–II вв. н. э. Этот колодец прорезал культурный слой и стену юго-восточного угла двора с печами, возможно, металлургического характера, относящимися, по данным С.Б. Болелова, к концу IV–III в. до н. э., судя по наличию характерной керамики (т. н. рыбных блюд, сосудов с Ти Г-образными венчиками) и прямоугольного кирпича. Диаметр колодца – 1,2 м, прослеженная глубина – 3 м.

Как известно, сооружение колодцев или других водных сооружений наряду с другими деяниями зачастую вменялось в заслугу знатным лицам, а не тем, кто их непосредственно выкапывал, что и отражено в соответствующих источниках. Приведу примеры этого, территориально (в пределах Бактрии) и хронологически близкие. Так, в Большой Сурхкотальской надписи указано, что храм-святилище Канишке-победителю в Сурх-Котале, посвященный Богу-царю Канишке, после его сооружения остался без воды (букв.: «стал безводным») и опустел¹²⁶.

(4) До тех пор пока наместник (каралагго) Ноконзо, сын Фрихвадэва, любимец царя, сына Бога... благодетеля... чистого помыслами по отношению ко всем одушевленным, пришел сюда к этому святилищу в месяце нисан тридцать первого года.

(5) Тогда храм был обнесен стеной (?), выкопан этот колодец и проведена из него вода, уложены камни... (?) так, чтобы в храме для людей (?) не было недостатка в воде.

(7) И над колодцем был сделан водоподъемник (?) и установлен резервуар (?) так, что благодаря этому водоподъемнику (?) весь храм бы благоденствовал.

(8, версия М) И этот колодец и эта лестница... (?) построены Бурзмихром, сыном Козгашки, [Х]астилогандзигом, рабом наместника Ноконзока, по приказу господина (перевод И.М. Стеблина-Каменского).

(8, версия В) И этот колодец построен Бурзмихром, сыном Козгашки, [Х]астил[о]гандзигом, рабом наместника Ноконзока, по приказу господина.

Здесь же И.М. Стеблин-Каменский замечает, что в слове (h)astilogans/zeigo [Hastiloganzig?], вероятно, следует видеть (нисбу) или топоним. При этом он ссылается на мнение В. Хеннинга¹²⁷ и И. Гершевича¹²⁸, которое, в свою очередь, развил я, предположив в своей статье, что этот топоним можно сопоставить с одним из селений Газнаг-Газнигак в окрестностях Самангана¹²⁹. К тому же бактрийское выражение «albārgo ōstado», переведенное как «установлен резервуар», не совсем правильно понято исследователями этой надписи. Я, откровенно говоря, нигде не видел, чтобы над

126 Стеблин-Каменский 1981. С. 334.

127 Henning 1965. S. 80.

128 Gershevitch 1966. P. 107–108, n. 41.

129 Ртвеладзе 1984а. С. 81–84.

124 Изложенные здесь соображения Ж. Фюссмана по поводу содержания и интерпретации надписей на кхароштки содержатся в его письмах ко мне в 2008–2009 гг. Публикуются с его любезного разрешения.

125 Pidaev, Annaev, Fussman 2011. P. 130.

колодцем устанавливали резервуар. Обычно колодец закрывают специальной крышкой или, как в средневековых сардобах, над ним воздвигается купол для предохранения воды от загрязнения. Кстати, такого рода сардоба, перекрытые сводом балхи, обнаружены на городище Дильберджин, датирующемся кушанским временем¹³⁰. По-видимому, и соответствующее место в Сурхкотальской надписи в строке № 7 должно переводиться как: «и над колодцем был сделан водоподъемник (?) и установлен (сооружен) купол (свод или навес)...».

Рассмотрим теперь социальный статус соорудившего этот колодец Dama (Darma, Dame), обращаясь к той же Сурхкотальской надписи. Строителем этого колодца в Сурх-Котале назван некий Бурзмихр, сын Козгашки из Астилоганзейга, который, судя по тексту, был рабом каралагто Ноконзока. Сказано, что он соорудил этот колодец по приказу господина (т. е. Ноконзока. – Э. Р.). Однако надпись в Кампыртепа оформляла арку ворот акрополя, где никак не могло быть проставлено имя раба. Следовательно, остается признать, что Dama (Darma, Dame) был человеком, занимавшим высокий пост в социальной иерархии.

Важнейшее значение имеет датировка надписи. Ж. Фюссман в письме ко мне указал: «...письмо, насколько я могу судить по прорисовке и некоторым акшарам, не являющимся точным свидетельством датировки, может датироваться началом или серединой правления Канишки и даже много позже (до Васудевы и его последователей)». Не ранее I в. н. э. датирует его и Х. Фальк, также по палеографическим особенностям¹³¹.

Однако с такой датировкой невозможно согласиться прежде всего по археологостратиграфическим данным, полученным при многолетних раскопках на этом памятнике. Учитывая важное значение данных надписей, приведу их в обобщенной характеристике без излишней детализации.

АРХЕОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОРОТНОГО КОМПЛЕКСА АКРОПОЛЯ КАМПЫРТЕПА

Акрополь городища Кампыртепа расположен в его южной части на первой надпойменной террасе Амударьи. С трех сторон (северной, западной, восточной) он обведен широким рвом, отделяющим его от основной части городища. С южной, обращенной к Амударье, стороны еще в период правления царя Канишки почти половина акрополя была разрушена в результате изменения русла Амударьи, по-видимому, из-за мощного землетрясения и последовавшего за ним сильного наводнения. Сейчас размеры акрополя по оси север-юг достигают 80–90 м, а по оси запад-восток – 100–110 м, с учетом воротного комплекса до 130 м.

Крепостные стены, обводившие акрополь, по-видимому, со всех сторон, сейчас сохранились только с восточной (точнее, юго-восточной) стороны, поскольку с северной и западной они были полностью разрушены и к ним были пристроены или поверх них были возведены сооружения иного назначения. Это произошло при кушанах или еще ранее, в юечжийский период, когда акрополь утратил свои военно-оборонительные функции. Высота акрополя с южной стороны, обращенной к Амударье, – 18–20 м.

¹³⁰ Кругликова, Пугаченкова 1977. С. 48–61.

¹³¹ Письмо Х. Фалька Дж. Ильясову.

К юго-восточному углу сохранившейся части акрополя (а в древности, по-видимому, в центре) примыкает продолговатый, пониженный по сравнению с остальной частью акрополя участок застройки, длиной около 20 м, шириной 10–12 м и даже 5–6 м в юго-восточной части, с сильно разрушенными сторонами. Северо-восточная часть разрушена большой промоиной, образовавшейся в результате дождевых потоков с верха акрополя; юго-западная сторона, обращенная к пойме Амударьи, разрушена наряду с остальной частью акрополя еще в древности; юго-восточная сторона выходила ко рву.

В 2001 г. по южному краю данного участка был заложен разрез (Раз-1) с захватом крепостной стены акрополя длиной около 40 м, а с северо-восточной – другой разрез (Раз-2), впоследствии соединенные в единый по всей площади участка раскоп. В результате проведенных здесь археологических раскопок и стратиграфических исследований был вскрыт уникальный воротный комплекс, установлена его периодизация, определена в целом абсолютная датировка для каждого из периодов, время функционирования и разрушения воротного комплекса. Были также изучены сами ворота, участки с внутренней стороны акрополя, примыкающие к воротам и крепостной стене акрополя, а также уникальное сооружение, условно названное галереей. Все это позволяет датировать надписи на кхароштки, найденные в галерее и воротах, несколько иным временем, чем это делали Ж. Фюссман и Х. Фальк.

Общая периодизация воротного комплекса

I период (кон. IV – кон. III в. до н. э.). В начале этого периода в твердом материковом грунте были вырыты полуземлянки (одна из них шириной 3 м 30 см, глубиной 1 м 30 см), в которых жили первые строители акрополя. Одновременно с землянками началось строительство воротного комплекса и, вероятно, других сооружений акрополя.

Воротный комплекс, возведенный в этот период, представляет собой прямоугольное в плане фундаментальное сооружение, вытянутое по оси северо-запад – юго-восток. Его длина примерно 22–23 м; с юго-восточной стороны контуры его не были выявлены из-за сильного разрушения стен, но, по всей вероятности, он заканчивался непосредственно у рва, ограничивающего с этой стороны акрополь.

Ширина комплекса в пределах сохранившихся стен – 12 м, причем если с северо-восточной стороны удалось зафиксировать внешнюю грань стены комплекса (внутреннюю пока не удалось выявить из-за мощных надстроек кушанского времени), то у юго-западной стены, наоборот, была выявлена внутренняя грань, тогда как внешняя грань ее не сохранилась. Сохранившаяся ее ширина – 2 м 30 см; такая же ширина стен, по-видимому, была и с северо-западной стороны. Боковые стены комплекса возведены на подрубленных ступенях материкового останца, ограниченного с северо-западной стороны глубоким оврагом-промоиной, образовавшимся еще в древности и заброшенным впоследствии мусорными и горелыми слоями, идущими с большим наклоном по направлению с северо-запада на юго-восток.

Внешние стены возведены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 53×40×9 см, 46×30×9 см, 40×32×10 см, характерного, как сейчас становится очевидным, для конца IV – первой половины III в. до н. э.

Сами ворота, с проходом в центре, шириной 120 см, имели в плане П-образную форму с внутренним коридором шириной 90–100 см, четко выявленным в юго-восточной половине, тогда как в северо-восточной он скрыт под мощной толщей застройки из кирпича 32×32×12 см, характерного для I–II вв. н. э.

По центру ворот проходит ступенчатая галерея шириной 1 м 10 см, идущая по направлению к воротам. Она проложена от входа в длину на расстояние около 8 м (до прохода осталось пройти 1,5–1,6 м). Структура галереи следующая. Первоначально с уровня 25 см XXX яруса (уровень материка) в плотном материковом грунте была вырыта траншея шириной 2 м, обложенная с обеих сторон половинками и четвертушками жженого кирпича шириной 50 см. Затем с этой поверхности (25 см XXX яруса) материка были возведены с обеих сторон стены шириной 80 см, между которыми были проложены ступени с лестничными площадками.

Первый марш состоит из четырех ступеней высотой 30–35 см при ширине 30–35 см, затем следует первая лестничная площадка длиной 1 м 70 см. От нее начинается второй марш, состоящий из трех ступеней аналогичной высоты и ширины, сменяющийся второй лестничной площадкой длиной 2 м. После нее следует третий марш ступеней (выявлены пока две). Общая высота галереи в конце составляла примерно 3 м 60 см, хотя вначале, у входа, она была несколько ниже.

При всем том остается неясным вопрос о характере перекрытия галереи – плоская кровля или свод. Невыясненным остается и дальнейшее направление галереи – проходила ли она под воротами внутрь цитадели или сворачивала перед ними и шла по северному коридору и оттуда – внутрь акрополя. Очевидно то, что галерея не заканчивалась перед проходом ворот, ибо до сих пор не вскрытым остался участок в 1,5–1,6 м, – слишком короткое расстояние для возведения ступеней, ведущих к воротам. Перепад высот между уровнем прохода ворот и полом галереи около 6 м.

Вдоль южной стены комплекса в 2,5 м от П-образных ворот располагались подквадратные (3,8×3,8 м), вероятно караульные, помещения, несколько заглубленные в материк. Возможно, что такого же рода помещения находились и с северо-западной стороны, образуя тем самым узкий и длинный проход к галерее-входу. Этот проход, судя по длине помещения № 2, начинался в районе рва, где, вероятно, находился главный вход в воротный комплекс. Однако здесь пока не обнаружено никаких стен, поскольку все пространство завалено глыбами очень плотной структуры (пахса?) и позднейшими сбросовыми отложениями.

Однако стена рва была здесь найдена в разрезе. Она представляет собой подруб материка, начавшегося с уровня самого раннего пола помещения № 2, датированного на основании керамического комплекса и находки халка Евтидема (230–200 гг. до н. э.) концом IV – первой половиной III в. до н. э. Этот халк был обнаружен на уровне последнего этапа первого периода обживания помещения № 2, тогда как самый ранний пол, на уровне материка, приходится на начало XXXIII яруса, т. е. мощность культурного слоя ниже уровня нахождения халка Евтидема составляет еще 1 м 50 см. С этого уровня пола был совершен подруб материка, образовавшего стенку рва, которая прослежена до уровня XXXVI–XXXVII ярусов, т. е. высота стен рва – около 2 м. Далее вглубь стена рва не прослежена из-за выступающей воды, которая поступает сюда из проходящего с южной стороны от Кампыртепа канала. Аналогичным образом вода поступала в ров и в древности.

Встает также вопрос о том, где проходила крепостная стена, ограждавшая акрополь с юго-вос-

точной стороны, поскольку от самих ворот никакой отходящей от них стены не наблюдается.

Не исключено, что у акрополя с этой стороны имелись два ряда стен. Одна из них проходила непосредственно у рва. Эта стена была выявлена при раскопках А. Восковского в юго-восточной стороне акрополя. Она шла по направлению к воротам по краю рва, а ее сохранившаяся длина равнялась 11 м при толщине 2 м. К этой стене с запада была пристроена другая стена, образующая угол какого-то большого здания, а на подрубленных в материке террасах располагались жилища. Кроме того, сам воротный комплекс был возведен на возвышенном материковом останце. Перепад высот от уровня начала рва, приходящегося на начало XXXIII яруса, и уровня основания ворот с коридором (XXIV – начало XXV яруса) составляет около 4 м. Вторая же стена могла проходить по самому верху акрополя. Однако это только предположение, и более вероятно, что крепостная стена у акрополя была одна.

II период (кон. III в. до н. э. – сер. или нач. II в. до н. э.). В этот период происходят кардинальные изменения фортификационной системы акрополя Кампыртепа.

Вдоль всего юго-восточного фаса акрополя возводится мощная крепостная стена из кирпича 38×38×12 см, толщиной 4 м, опоясывающая, по-видимому, все стороны акрополя, но хорошо прослеживаемая на всю длину только с этой стороны. На месте прежних ворот возводятся новые П-образной формы ворота (4×4 м) внутри крепостной стены с проходом, шириной 1,1 м, в юго-восточной стене, причем новые ворота, выступающие от стены на 0,9 м, перекрывают часть коридора с хумами, а стена первого периода оказывается в футляре.

Стена второго периода основана на уровне XXII–XXIII ярусов на ошлакованном слое, представляющем собой выбросы из печей, вскрытых в помещении, примыкающем к стене, причем на последнем этапе его существования, тогда как ранний этап приходится ниже основания стены. Одновременно закладываются половинками и четвертушками часть ворот первого периода и коридор, в результате образуется квадратная в плане (4,5×4,5 м) башня; с юго-восточной и частично с юго-западной сторон она была покрыта глино-саманной штукатуркой, орнаментированной вертикальными линиями.

Вероятно, такая же башня находилась с другой стороны ворот, но ее очертания пока неясны, поскольку она перекрыта более поздним сооружением из кирпича размерами 32×32×12 см.

Караульные помещения № 1 и 2 были надстроены стенами из кирпича 38×38×10 см, 40×40×10 см коричневого оттенка, в отличие от более раннего прямоугольного кирпича светлого оттенка. В юго-восточном углу помещения № 1 был зафиксирован проход во внешней стене, шириной 1 м, перекрытый сводом, высотой, судя по сохранившимся остаткам его основания, не более 1 м. Галерея сохраняется в прежнем виде, только открытое прежде пространство между помещением № 1 и входом в галерею полностью закрывается поперечной стеной из аналогичных размеров сырцового кирпича.

Датировка этого периода достаточно хорошо определяется благодаря нумизматическим и керамическим данным, а также стратиграфическим наблюдениям.

На уровне середины XXIX яруса под стеной помещения № 2, возведенного из такого же кирпича, был найден халк Евтидема хорошей сохранности, по-видимому, вышедший из обращения вскоре после его чеканки. Аналогичный халк Евтидема, но более плохой сохранности, был найден у внешнего края крепостной стены на уровне конца XXIX яруса, выше основания крепостной сте-

South-east gate complex of the acropolis of Kampyrtepa. View from the east (author's photo)
Воротный комплекс акрополя Кампыртепа. Вид с востока. Фото Э.В. Ртвеладзе

South-east gate complex of the acropolis of Kampyrtepa. View from the north (author's photo)
Воротный комплекс акрополя Кампыртепа. Вид с севера. Фото Э.В. Ртвеладзе

Восточный фас и воротный комплекс Кампыртепа. За ним пойма Амударьи. Фото Цугисато Омуро (Япония)

ны на 1,5 м.

Помимо них в нижнем культурном слое помещений № 1 и 2, толщиной около 1 м, были обнаружены типичные для конца III – начала II в. до н. э. формы сосудов с клювовидными, Г и Т-образными венчиками и стенки сосудов, украшенных орнаментом в виде виноградных листьев. Время бытования керамики с таким орнаментом, судя по стратиграфическим данным, полученным на Кампыртепа, относится ко второй половине III в. до н. э. – первой половине II в. до н. э.

Наконец, изнутри акрополя верхний слой в помещении с печами примыкает к крепостной стене, тогда как на выбросах из этих печей первого этапа была основана крепостная стена. Первый этап С.Б. Болеловым, на основании характерного керамического материала и радиоуглеродных дат, полученных в лаборатории университета города Барселоны, датирован концом IV в. до н. э. – первой половиной III в. до н. э., а второй этап отнесен им ко второй половине III в. до н. э.

Таким образом, можно утверждать, что крепостная стена акрополя Кампыртепа второго периода была возведена во второй половине III в. до н. э., вероятнее всего при Евтидеме (230–200 гг. до н. э.), что, по-видимому, связано с известными историческими событиями – вторжением сакских племен в Бактрию, изложенным в известном письме Евтидема к селевкидскому царю Антиоху III и получившим название «Угроза Евтидема»¹³². Эти события датированы 206–207 гг. до н. э. Кроме

¹³² Литвинский 1972. С. 187–195.

этих данных мы имеем находку типично сакского трехперого втульчатого бронзового наконечника стрелы, как бы вонзившегося в северо-восточную стену галереи, а также комплекс лепных керамических изделий, найденных на юговосточном склоне акрополя и имеющих прямые аналогии в сакской керамике Центрального Казахстана. По мнению А.А. Восковского и Л.М. Сверчкова, эти находки «явно связаны с фактом сакского присутствия в Кампыртепа»¹³³.

Следовательно, можно полагать, что саки в это время дошли до Окса и штурмовали акрополь Кампыртепа, являвшийся важнейшей крепостью на пути к столице Греко-Бактрийского царства – городу Бактра, находившемуся всего в 60 км к югу от Кампыртепа.

III период (сер. – нач. второй пол. II в. до н.э.). В этот период происходит ряд изменений в структуре стены для усиления ее мощи. В частности, помещение ворот с уровня пола с обеих сторон было заложено на высоту 2,5 м двумя рядами пахсовых блоков размерами 120×65 и 100×50 см – с южной стороны почти вровень с проходом, а с северной стороны на 50 см от стены, в результате чего получилось узкое и длинное помещение (4×1,5 м). В проходе ворот была сооружена арка из модульных обожженных кирпичей 76×16/17×6,5 см, на которые еще до обжига была нанесена надпись, выполненная письмом кхароштки, и на одном из них читается Da-ma-sya (Da-me-sya) ku-va-ka-ra-ka-sya (Ж. Фюссман).

Спустя некоторое время ряды пахсовых блоков в воротах и южная часть крепостной стены вдобавок были надстроены кирпичом 35/36×35/36×10/12 см. В результате этих перестроек мощь крепостных стен увеличилась, что, судя по датировке этого периода, было связано с завоеванием юечжей – тохаров в Северной Бактрии.

IV период (нач. второй пол. II в. до н.э. – нач. I в. н.э.). В самом начале этого периода происходит разрушение крепостной стены, ворот и входной арки ворот. Так, в северо-восточном углу помещения ворот находилось большое скопление фрагментов жженого кирпича как плиточного, так и модульного от арки ворот. Эта куча следует наклонно от северо-восточного угла до прохода. Размеры ее – 1,30×1,40 м, высота около 1 м. Среди кирпичей – три модульных кирпича с надписями на кхароштки: два с надписью Da-ma-sya, третий с надписью Da-ma-sya ku-va-ka-ra-ka-sya – самой большой из прежде найденных надписей. Длина ее 41 см, высота букв от 4 до 8 см.

Судя по хаотичному расположению кирпичей, их просто сгребли в кучу при очистке помещения. По-видимому, прежде, после разрушения арки ворот, они валялись по всей площади помещения. Эта куча кирпичей лежала на уровне засыпки, состоявшем из слоя мягкой глины желтоватого цвета. Под слоем засыпки вплоть до 5–10 см XXIII яруса зафиксирован плотный культурный слой с мелкими угольками и редким количеством керамики и костей животных. В этом слое также были обнаружены шесть фрагментов модульных кирпичей арки, без надписей, лежавших в культурном слое и на хорошо прослеживаемом утрамбованном полу помещения ворот. Этот пол находится на уровне 5 см XXIII яруса и совпадает с уровнем основания крепостной стены второго периода.

После времени разрушения следует новый период обживания – как в целом всего акрополя, так и самого помещения ворот и поверхности крепостной стены. Так, при ее расчистке археолог С.А. Савчук к северу от ворот обнаружил большое скопление керамики, обломки металлических изделий и серебряное подражание оболам Евкратиды. Судя по хорошо сохранившимся изображениям шапок

133 Сверчков, Восковский 2006. С. 24–25, рис. 12–14.

Диоскуров и пальмовых ветвей, это подражание должно быть отнесено к числу ранних его типов.

Согласно мнению А.М. Манделъштама, они датируются последней четвертью II в. до н.э. – началом I в. н.э.¹³⁴ Близкой датировки ранних типов подражаний оболам Евкратиды придерживается и Е.В. Зеймаль¹³⁵.

Следовательно, если крепостная стена обживалась уже в конце II – начале I в. до н.э., то ее разрушение произошло еще ранее. Причем *terminus ante quem* для этих событий является середина II в. до н.э., а *terminus post quem* – I в. до н.э., судя по вышеуказанной находке раннего типа подражаний оболам Евкратиды, которые могли обращаться в течение всего этого века.

Разрушение крепостных стен и прекращение их функционирования – это важные явления в жизни города, которые должны быть увязаны с определенными историческими событиями. Таких событий было два.

Первое из них – это нашествие сакосарматских (асиане, пасиане, сакаравлы) и юечжийских (тохары) племен, которое шло, вероятно, двумя потоками и привело к гибели Греко-Бактрийского царства. Ко времени посещения Бактрии Чжан-Цзянем в 128 г. до н.э. она уже была завоевана этими племенами¹³⁶, возможно, между 140–130 гг. до н.э. или несколько ранее¹³⁷.

Второе важнейшее событие – это война парфянского царя Митридата II (124/123– 88/87 гг. до н.э.) с завоевавшими Греко-Бактрийское царство племенами, в результате которой парфяне, согласно сообщениям Страбона и Юстина, отняли у них часть Бактрианы (об этом см. подробно в гл. V). Не случайно монеты Митридата II являются первыми парфянскими монетами, найденными на территории Бактрии в долине Окса – Мазар-и Шериф, Старый Термез, Тиллятепа. Не исключено, что частью Бактрианы, отнятой у юечжей, является как раз долина Окса в пределах расположения Кампыртепа. Но и в этом случае датировка обнаруженных здесь надписей на кхароштки лежит в пределах второй половины II в. до н.э., хотя, согласно археологостратиграфическим сведениям, я считаю более вероятным, что крепостные стены Кампыртепа были разрушены при нашествии юечжей и сако-сарматских племен.

Возвращаясь к датировке надписей на кхароштки по палеографическим данным, хочу отметить, что поздняя их датировка вообще исключена, т.к. городище Кампыртепа прекратило свое существование при Канишке и больше никогда не обживалось.

Согласно видному исследованию письма кхароштки А.Х. Дани, в этом письме только упрощались и фактически не развивались формы знаков, а В.В. Вертоградова пишет о сложностях при абсолютной датировке надписей, выполненных письмом кхароштки¹³⁸. При этом, как представляется, следует учитывать материал, на котором писали, и способ нанесения надписей: одно дело писать на гладкой поверхности сосуда чернилами или тушью, а другое – по сырой глине стилем, на кирпичах, на которых мастера могли использовать различные формы написания букв.

Спустя некоторое время восстанавливается разрушенная в начале IV периода галерея. Разрушенные участки стен галереи закладываются жженым кирпичом и фрагментами дуг арок, в том

134 Манделъштам 1966а. С. 85–91.

135 Зеймаль Е. 1984. С. 186.

136 Бичурин 1950. С. 151, 183–184; Массон В., Ромодин 1964. С. 133–134; Ставиский 1977. С. 105; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990. С. 46.

137 Разные точки зрения по этому вопросу см.: Массон В., Ромодин 1964. С. 134, примеч. 6.

138 Вертоградова 1995. С. 26.

числе с надписями на кхароштки, а с уровня материка возводится кладка стен такой же ширины и конструкции. Для этого новой траншеей прорезаются мусорные и зольные слои, накопившиеся во второй период. С уровня, соответствующего 10 см XXVIII яруса, возводится крытый вход в галерею, от которого вниз прокладывается лестница со ступенями, доходящая до пола галереи первого периода.

Датировка данного периода функционирования галереи может быть осуществлена по находкам перед входом в галерею сероглиняной керамики, которая относится к I в. до н. э. – началу I в. н. э., т. е. юечжийско-кушанскому времени.

V (кушанский) период (нач. I в. н. э. – первая четверть II в. н. э.). В этот период, приходящийся на самые верхние слои, происходит дальнейшее обживание пространства вдоль крепостной стены, к которой были пристроены помещения с хумами. Обживаются и бывшие караульные помещения, и все пространство перед стеной, а в ряде мест, в частности перед галереей, была вырыта мусорная яма, на дне которой найдены две монеты Сотера Мегаса; галерея превращается в сбросовую яму, куда скидывали кости животных, золу, органические остатки.

Ворота со стороны акрополя были частично разрушены огромной ямой, куда сбрасывали мусор из помещений, цитадели кушанского времени. Наглядное представление об этом дает стратиграфия помещения ворот.

С середины XVII яруса и до 10 см XX яруса в помещении ворот под слоем рухнувшего свода прослежен сравнительно плотный культурный слой с включением в него обломков сырцовых кирпичей и фрагментов керамики первой половины II в. н. э.

На этом этапе проход был перегорожен стеной из пахсы и сырцового кирпича 32×32×10/11 см шириной 0,9 м. Эта стена покоится на уровне 10 см XX яруса и по уровню совпадает с уровнем основания стен большого здания, выстроенного с внешней стороны крепостной стены из аналогичного по размерам кирпича. Данное здание по ряду особенностей трактуется мной как буддийское святилище, сооруженное при Канишке, по-видимому, в первой половине II в. н. э. (подробно см. в гл. VI). Заложный проход, таким образом, составлял часть западной стены обходного коридора этого здания.

В помещении ворот с уровня начала XIX яруса и до уровня середины XX яруса отмечен рыхлый культурный слой с угольками и золой, насыщенный большим количеством костей животных, фрагментов керамики I–II вв. н. э., обломков зернотерок. Этот слой покоится на тонкой, до 5 см, прослойке, представляющей собой чистую землю, которой засыпали предшествующий слой.

От данной прослойки и до начала XXII яруса идет очень рыхлый культурный слой с большим количеством керамики, в основном фрагментов хумов, хумчи и больших тагара с профилированным венчиком, костей животных, в том числе лошадей и крупного рогатого скота, и рогов.

В этот же период галерея утрачивает прежние функции. Какое-то время при кушанах, захвативших Кампыртепа при Сотере Мегасе, галерея в прежнем виде еще сохранялась, т. к. на полу лестничных площадок и ступеньках лестницы скопился характерный слой обживания с зольными прослойками, костями и рогами животных, керамикой, типичной для раннекушанского времени. Затем стены галереи, особенно в месте прежнего ремонта, были обрушены или по причине природного катаклизма (землетрясение, следы которого обнаружены и в других местах), или кем-либо

намеренно. В результате этого внутри галереи образовался почти сплошной завал из разрушенных стен, в котором было найдено большинство фрагментов дуг (модулей) арок с надписями на кхароштки.

В последующее время накопившийся над галереей и предвратными сооружениями культурный слой был утрамбован и выровнен. Этот новый уровень соответствует 10 см XXV яруса.

Далее на этом уровне происходит интенсивное обживание территории. Судя по находкам монет Кадфиза II и Канишки на данном уровне, этот этап обживания можно отнести ко времени правления указанных царей. При Канишке образовавшийся на этом уровне культурный слой был также выровнен, и на нем было возведено буддийское святилище. Однако оно, как и все городище в целом, прекращает свое существование еще в правление этого царя в результате разлива Амударьи (Окса). После времени Канишки городище уже никогда не обживалось, и только при Хувишке две башни в крепостной стене использовались для погребений.

Таким образом, установленная периодизация функционирования галереи позволяет датировать найденные здесь надписи на кхароштки серединой II в. до н. э.

Находки греко-бактрийских монет в долине Окса

Ай-Ханум. Городище находится на левом берегу Амударьи при впадении в нее р. Кокчи. При раскопках Французской археологической миссии в Афганистане, руководимой Д. Шлюмберже и П. Бернармом, здесь найдено 105 греко-бактрийских монет¹³⁹: Диодот I–II – 26 экз., Евтидем I – 49 экз., Деметрий I – 5 экз., Евтидем II – 5 экз., Антимах – 3 экз., Деметрий II – 1 экз., Агафокл – 3 экз., Аполлодот – 2 экз., Евкратид – 11 экз.

Хиштепа. Находится неподалеку от впадения Кундуздарьи в Амударью. Здесь при случайных работах был обнаружен клад, включающий в себя 628 серебряных селевкидских, греко-бактрийских и индо-греческих монет¹⁴⁰. Из них: Диодот II – 5 экз., Евтидем – 17 экз., Деметрий – 58 экз., Антимах I – 14 экз., Агафокл – 3 экз., Евкратид – 274 экз., Платон – 12 экз., Гелиокл – 221 экз.

Тахти-Сангин. На данном городище, расположенном на правом берегу Амударьи, почти напротив Ай-Ханум, при раскопках храма Окса было найдено 27 греко-бактрийских монет¹⁴¹: Диодот – 4 экз., Евтидем I – 15 экз., Евтидем II – 3 экз., Агафокл – 1 экз., Аполлодот – 3 экз., Гермей – 1 экз.

Хатын-Рабат. Городище расположено на правом берегу Амударьи в 40 км к востоку от Термеза. По данным Д. Логофета, здесь якобы были найдены греко-бактрийские монеты. Однако при последующих исследованиях, проведенных Узбекистанской искусствоведческой экспедицией, а также Институтом археологии АН Республики Узбекистан в конце 60–70-х гг. XX в., данных монет здесь обнаружено не было.

Место впадения Сурхандарьи в Амударью. В 2 км выше от места впадения Сурхандарьи в Амударью, на правом берегу Сурхандарьи при земляных работах была найдена серебряная драхма Антимаха¹⁴².

139 Bernard 1985. P. 55–71.

140 Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz // MDAFA 20. Paris, 1965; Массон В. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики // ЭВ XX. Л., 1971. С. 29.

141 Zeymal 1997. P. 89–110.

142 Ртвеладзе, Пиддаев 1981. С. 46.

Старый Термез. Опубликованы сведения о находке 15 греко-бактрийских монет с данного городища (Диодот – 1 экз., Евтидем – 8 экз., Деметрий – 1 экз., Евкратид – 1 экз., Антимах – 2 экз., Агафокл – 1 экз., Гелиокл – 1 экз.)¹⁴³. Мной в частных коллекциях, собрании Музея археологии в Термезе и среди находок зарегистрировано 30 греко-бактрийских монет.

Кампыртепа (Пандахейон). Расположено на правом берегу Амударьи в 30 км к западу от Термеза. При раскопках Тохаристанской археологической экспедицией в культурных слоях и в подьеме найдено 27 греко-бактрийских монет. Большинство из них – бронзовые¹⁴⁴: Диодот – 3 экз., Евтидем – 9 экз., Деметрий – 4 экз., Евкратид – 9 экз., Агафокл – 1 экз., Гелиокл – 1 экз.

Тахмачтепа (юго-западная окраина Бухары). Обнаруженный здесь клад, по одним данным, состоял из 50, по другим – из 52 греко-бактрийских тетрадрахм. Бухара издревле связана с Фарабом-Амулем через Пайкенд торговым трактом. Это обстоятельство не исключает, что греко-бактрийские монеты попали в районы Бухары не сухопутной дорогой через Согд, а по Амударьинскому водному пути непосредственно из Бактрии. В составе клада имеются тетрадрахмы следующих греко-бактрийских царей: Диодот – 5 экз., Евтидем – 43 экз., Агафокл – 2 экз.¹⁴⁵

ДОРОГА ОТ ОКСА К КАСПИЙСКОМУ МОРЮ

Два Окса и Оха

Страбон в своей «Географии» рассказывает о движении индийских товаров по р. Окс: «Через Гирканию протекают реки Ох и Окс до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Нисею, но, по словам некоторых, Ох впадает в Окс. Аристокл даже объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, за исключением индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; отсюда их переправляют морем в Албанию и через Кир и следующие за ней местности доставляют в Эвксинский Понт» (перевод Г.А. Стратановского)¹⁴⁶.

Из этих слов Страбона очевидно, что он недостаточно хорошо знал географию юга Средней Азии, т.к. ни он, ни его предшественники здесь не были. Особенно это касается рр. Окс и Ох, которые Страбон считает одной и той же рекой, хотя и пишет, что одни из его осведомителей считают, что Ох протекает южнее Окса через Нисею и впадает в море в пределах Гиркании, по словам же других осведомителей, Ох, протекая сначала отдельно, все же сливается потом в одно русло с Оксом, имея во многих местах по 6 или 7 стадий ширины, т.е. около 1 км или почти 1,5 км, если учесть различные меры стадий (Страбон, XI, 5).

Очевидно, однако, что осведомители Страбона рассказывали ему о *двух реках, носивших одно и то же название*¹⁴⁷. Одна из них это, вероятнее всего, р. Атрек с впадающей в нее р. Сумбар, протекающая через область Нисею, а затем впадающая в Каспийское море в Гиркании, северная часть которой позднее называлась Дахистан.

143 Там же. С. 45; Ртвеладзе 2002б. С. 86–107; Массон М. 1933а; Абдуллаев 2006. С. 108–109.

144 Ртвеладзе 2002б. С. 86–107.

145 Там же. С. 88–92; Курбанов, Ниязова 1989.

146 Страбон 1964. С. 482.

147 Взгляды современных ученых на проблему Оха подробно рассмотрены в статьях: Ольбрыхт 2009; Рапэн 2009.

Fragments of the arch with Kharoshthi inscriptions. Kampyrtepa.
Second half of 2nd century BC

Надписи письмом кхароштли на входной арке ворот
акрополя. Кампыртепа. Вторая половина II в. до н. э.

Серный Рудник и средневековый колодец Бала-Ишем впадал в основной Узбой неподалеку от парфянской крепости Игды-кала, исследованной Х. Юсуповым¹⁴⁸.

Не исключено, что именно это русло Амударьи (Окса) имели в виду Страбон и его предшественники и именно по нему доставлялись индийские товары в Гирканское (Каспийское) море.

148 Юсупов 1984. С. 77–97.

Как уже было сказано, все это русло Келифского Узбоя вплоть до Красноводска на Каспийском море было насыщено колодцами с пресной водой еще в конце XIX в. Согласно данным участников Самарской экспедиции «туркмены называли более 40 колодцев на дне Шора (Келифского Узбоя. – Э.Р.) между Келифом, Игды и Красноводском, в их числе были колодцы Кулач и Рипашак, вырытые у пересечения сухого русла с караванными дорогами из Бурдалыка и Чарджоу в Мерв и Юлатань». Более того, безымянный автор заметки о Келифском Узбое пишет, как я уже говорил, что весь туркменский народ убежден, что «Шор был прежде ложем Амударьи, по которому она лилась в Русское (Каспийское. – Э.Р.) море»¹⁴⁹. На основе имевшихся тогда материалов этот автор пришел к выводу, что «древнее течение Амударьи в Каспийское море по Узбою через Игды было, наверное, значительно прямей и короче, нежели ток ее по Даралыку через Саракамыш»¹⁵⁰.

Водный путь по Оксу через Хорезм и далее по Узбою через Саракамыш в Каспийское море, безусловно, функционировал, но одновременно существовал и более короткий водный путь – по древнему руслу Окса, по Келифскому Узбою, затем по основному Узбою в Каспийское море. В этом случае не надо было бы преодолевать сложные препятствия вроде водопадов по Узбою, о которых писал Геродот.

Определенный интерес в этом отношении представляют находки греко-бактрийских монет на торговом пути от Окса (Амуля) в Маргиану (Мерв), а затем через Герируд (Теджен) в Парфиену (Ниса) и далее в долину Атрека к Каспию. Часть этой дороги, из Мерва в Амуть, подробно исследовал М.Е. Массон, который не исключал ее функционирования в античный период. Другая часть этой дороги, из Парфиены в Маргиану, описана в дорожнике Исидором Харакским и другими античными авторами¹⁵¹. Греко-бактрийских монет особенно много найдено в Старом Мерве (на городище Гяур-кала), по последним данным Н.М. Смирновой¹⁵², – 20 экз. Из них: Диодот – 4 экз., Евтидем I – 4 экз., Деметрий – 2 экз., Евтидем II – 2 экз., Евкратид – 1 экз. Все эти монеты, за исключением серебряного обола Евкратида, – бронзовые.

Тетрадрахма Евкратида найдена на поселении Гарры-Кяриз в кладе, состоявшем в основном из парфянских монет Фраата¹⁵³. Коммеморативная тетрадрахма этого же правителя обнаружена в Ашхабаде¹⁵⁴. Две тетрадрахмы Евтидема найдены на городище Ниса¹⁵⁵.

Кампыртепа является последним пунктом обнаружения греко-бактрийских монет в бактрийской части долины Амударьи. Далее, от Бактрии до Хорезма, на многочисленных поселениях и городищах, расположенных в долине среднего течения Амударьи, они пока не обнаружены.

В Хорезме находки греко-бактрийских монет зафиксированы только в трех пунктах: Хива – тетрадрахма Евтидема, Якке-Парсан – халк Евтидема, Джанбаскала – тетрадрахма Евкратида¹⁵⁶.

Таким образом, при сопоставлении численности монетных находок становится очевидно, что

149 Заметка о Келифском Узбое 1887. С. 7.

150 Там же.

151 Scoff 1914.

152 Смирнова 1999. С. 246.

153 Пилипко 1975. С. 75–76.

154 Смирнова 1999. С. 252.

155 Массон М. 1953б. С. 150.

156 Ртвеладзе 2002б. С. 97, 100–101.

наибольшее их количество найдено в Бактрии на городищах и поселениях, расположенных вдоль Амударьи (Окса). Затем следует Маргиана – 20 экз., Парфия – 4 экз. и Хорезм – 3 экз. Такое распределение находок греко-бактрийских монет не случайно. Оно, вероятнее всего, говорит о том, что основной поток греко-бактрийских монет шел в Маргиану по торговому пути, проложенному вдоль Келифского Узбоя и вдоль правого берега Окса (Амударьи), где, как мы отметили выше, Кампыртепа (древний Пандахеион) является последним пунктом находок этих монет, или по дороге, шедшей непосредственно из Бактры вдоль р. Бактра (Ох, Балхаб) к месту ее впадения в Келифский Узбой и вдоль него в Маргиану.

Столь мизерное количество находок греко-бактрийских монет более чем за 70 лет археологических исследований в Хорезме (всего 3 экз.), вероятнее всего, можно объяснить тем, что водный путь по Оксу, по которому доставлялись индийские товары, по Страбону, шел в это время в обход Хорезма, по Келифскому Узбою вплоть до его впадения в основной Узбой и далее в Каспийское море. Показательно, что на Южном Кавказе найдено больше греко-бактрийских монет (в том числе клад), чем в Хорезме, количество находок в котором сопоставимо с таковым в Северном Причерноморье.

ДОРОГА К ПОНТУ ЭВКСИНСКОМУ

Бактрийцы и индийцы в Колхиде

Весьма важные сведения, которые прежде не привлекались учеными для доказательства функционирования Великого индийского пути в эллинистическое время, содержатся у Псевдо-Скимна. Впервые на них обратил внимание П. Лериш¹⁵⁷, а со ссылкой на него и автор этих строк, привлекая эти сведения для доказательства существования Великого индийского пути¹⁵⁸. П. Лериш любезно сообщил мне, что сведения Псевдо-Скимна содержатся в работе «География греков», вышедшей в Париже в 2000 г. под редакцией Д. Маркотта и включающей в себя труд ПсевдоСкимна «Описание земли»¹⁵⁹. Часть его содержит описание территории от Гибралтара до восточной части Черного моря. Свое сочинение Псевдо-Скимн посвятил правителям Вифинии Никомеду II (149–127 гг. до н. э.) или Никомеду III (127–94 гг. до н. э.). По заключению Д. Маркотта, данные сведения Псевдо-Скимна могут быть датированы периодом 133–110/107 гг. до н. э.

Согласно Псевдо-Скимну, особенно активно бактрийцы путешествовали на запад, поскольку Фасис (город в Колхиде, Западная Грузия. – Э.Р.) на р. Фасис (р. Риони. – Э.Р.) – «греческий город милетского происхождения, где проживали вместе люди шестидесяти национальностей, говорящие на различных языках: люди варварского происхождения из Индии и Бактрии встречались здесь» (Ad Nicomedem regem, 934 [F 20])¹⁶⁰. Эти сведения указывают на то, что в Фасисе, главном городе Колхиды, уже до второй половины – середины II в. до н. э. существовала, по-видимому, торговая фактория бактрийцев и индийцев, а это, в свою очередь, доказывает, вопреки сомнению ряда

157 Leriche 2007. P. 122.

158 Ртвеладзе 2010а.

159 Marcotte 2000.

160 Leriche 2007. P. 122, n. 1.

ученых, не только реальное существование, но и функционирование великой трансконтинентальной дороги, шедшей из Индии через Бактрию к восточному побережью Черного моря, во всяком случае, ранее второй половины II в. до н. э.

Подтверждают этот вывод и находки греко-бактрийских монет на Южном Кавказе, отмеченные уже Е. А. Пахомовым. Наибольшее их число зафиксировано как раз в долине р. Куры, в Кабале и Тбилиси.

Южный Кавказ

Кабала – столица Кавказской Албании. В 1952 г. здесь был обнаружен клад, в состав которого входили пять греко-бактрийских монет – тетрадрахм: Диодота – 1 экз., Евкратида – 4 экз.¹⁶¹

Тбилиси. В 1874 г. в Тбилиси при строительстве здания женской гимназии был найден клад, состоявший из шести греко-бактрийских монет. А. С. Балахванцев, проанализировав обстоятельства его обнаружения, а также 15 греко-бактрийских монет из коллекции Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, пришел к выводу, что тот клад включал четыре тетрадрахмы Евтидема I, одну коммеморативную тетрадрахму Агафокла, выпущенную в честь Антиоха II, и одну тетрадрахму Евкратида¹⁶². В собрании того же музея хранятся еще девять греко-бактрийских монет¹⁶³, которые также могли быть найдены на Южном Кавказе.

Отмечу, что в коллекции жителя Эссентуки И. Д. Малюженко, содержавшей значительное число эллинистических монет, имелись и греко-бактрийские экземпляры, приобретенные им до революции у местных жителей Азербайджана и Грузии, которые были осмотрены мной в 60-х гг. XX в.

Причину появления греко-бактрийских монет, в частности, на Южном Кавказе ученые объясняют по-разному. Так, С. А. Дадашева полагает, что найденные в Кабале греко-бактрийские монеты поступали сюда через Мидию и отражают установившийся в то время военный союз между Евкратидом и наместником Селевкидов в Мидии Тимархом (монеты которого похожи на монеты Евкратида), объединившимися в борьбе против общего врага – парфянского царя Митридата I. Она предполагает, что этот союз поддерживался денежными субсидиями со стороны Евкратида, что и вызвало затем появление монетного чекана Тимарха, подражавшего монетам Евкратида¹⁶⁴.

Согласно же мнению А. С. Балахванцева, греко-бактрийские монеты могли проникать на Южный Кавказ по Каспийскому водному пути, а не через Северный Прикаспий и Предкавказье, где полностью отсутствуют находки этих монет, а следовательно и не через Мидию¹⁶⁵.

161 Дадашева 1976. С. 106–109.

162 Балахванцев 2005. С. 36.

163 Bernard 1985. P. 55–71.

164 Дадашева 1976. С. 108–109.

165 Балахванцев 2005. С. 36.

Euthydemus (230–200 BC) tetradrachms from the Bukhara Hoard

Тетрадрахмы Евтидема (230–200 гг. до н. э.) из Бухарского клада

Проникновение греко-бактрийских монет далеко от места их чеканки, на Южный Кавказ, весьма возможно, было связано со значительной фактической стоимостью этих монет, благодаря высокому содержанию в них серебра. Они могли применяться в дальних странах не как средства обращения, а как товар, к примеру, в обмен на другие товары. Из Южного Кавказа, возможно даже из Фасиса, греко-бактрийские монеты попали в Северное Причерноморье по Черному морю. Так, тетрадрахма Евкратида со стоящим Аполлоном обнаружена в селении Великая Александровка, расположенном в Херсонской области, в низовьях Днепра¹⁶⁶. Это пока единственная достоверная находка греко-бактрийских монет в Северном Причерноморье, тогда как в отношении двух других находок, золотой монеты Евтидема из города Тир в низовьях Днестра и монеты Евкратида из коллекции Одесского археологического музея¹⁶⁷, имеющиеся сведения об обстоятельствах их обнаружения недостаточно точные.

Таким образом, топография находок греко-бактрийских монет от Бактрии до Южного Кавказа и Северного Причерноморья указывает на реальное функционирование Великого индийского пути в III–II вв. до н. э. То же самое подтверждают и данные, приводимые Псевдо-Скимном.

166 Mielczarek 1997. P. 131.

167 Ibid.

ГЛАВА V

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II В. ДО Н. Э.
– НАЧАЛЕ I В. Н. Э.

ГЛАВА V

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II В. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ I В. Н.Э.MARCUS TERENTIUS VARRO'S ROUTE FROM INDIA
TO BACTRIA AND THE CASPIAN SEA

Pliny the Elder cites a report by Marcus Terentius Varro (116–27 BC) about the existence of a trade route from India to the point where the river Bactrus (Balkhab) joined the river Oxus, and from there downstream to the Caspian Sea. When he speaks of the point where the Bactrus joined the Oxus, he is referring, in my opinion, to the Kelif Uzboi.

His words are as follows: “Varro also adds that exploration at the time of Pompey’s campaign discovered that it was possible to get from India to Bactria in seven days along the river Bactrus, a tributary of the river Oxus, and [...] from this river across the Caspian Sea to the river Cyrus [...]” (Pliny. NH. VI, 52).

The Roman historian Solinus, writing in the first half of the 3rd century AD, describes the route more precisely: “I would not to omit to mention that during that same period the same [Alexander the Great] Magnus was able to travel in eight days from India to Bactria as far as the river Dalierus, *where it flows into the Oxus* [my italics. – E. R.], then on to the Caspian Sea” (Solinus. XIX, 4). With the exception of Theodor Mommsen, who was sceptical¹, all scholars have agreed in identifying the river Dalierus as the Bactrus.

From the confluence of the river Bactrus with the Kelif Uzboi, the route turned west towards the Caspian.

Kiessling,² and in particular Tarn,³ expressed doubts about the authenticity of Pliny’s report based on now lost writings of Marcus Terentius Varro. However, Lordkipanidze showed that Tarn’s arguments were unconvincing and that there was no reason to doubt the existence of a trade route from India to the Euxine.⁴

1 On T. Mommsen’s point of view, see Chapter I.

2 Kiessling 1914. Col. 405, 407.

3 Tarn 1985, 488–490. See also Chapter I.

4 Lordkipanidze 1957, 377–384.

On the basis of archaeological evidence, Lordkipanidze suggested that some stretches of this route in Transcaucasus, which at first was only of local use, survived until the pre-Hellenistic period⁵. I would point out, however, that as early as the Bronze Age there existed routes which were not only of local use but joined regions very distant from each other – more than 1,000 km apart – and ran from India to the Caspian Sea.

In my opinion, Varro’s report concerning a trade route from India can be linked to a well-known account by Strabo of the Sarmatian tribe of the Aorsi, which occupied much of the coast of the Caspian, on the northern, north-western and north-eastern sides. “[...] and consequently – writes Strabo, – they could import on camels the Indian and Babylonian merchandise, receiving it in their turn from the Armenians and Medes” (Strabo. XI, 5, 8, transl. by H.L. Jones).

Strabo’s account has often been discussed in scholarly studies.⁶ Their main concern has been to establish the route along which Indian goods were carried by the Armenians and Medes – the route through Colchis to the Maeotian Lake or the one along the western shore of the Caspian Sea via the Derbent Pass and Caucasian Albania. The second route is more likely, as several scholars have shown,⁷ and Strabo’s account of the transportation of Indian goods reflects the reality of his time (from the 1st century BC to the early 1st century AD).

For the purposes of the present book, however, there is a more important question: how and along which routes were Indian goods carried to the Armenians and Medes, who lived on the southern and south-western coasts of the Caspian Sea, or slightly to the west of it?

It seems to me that the answer to this question lies in direct links with the routes of the Great Indian Road from the Oxus to the Caspian Sea and beyond, but also in the travels of Isidorus of Charax, who described the route from Hyrcania to Margiana and its capital.

By putting together all these reports, it is possible to reconstruct the entire route of the movement of Indian goods from India. They were carried from India (Gandhara) along the road which followed the river Cophes (Kabul river), and through the passes of the Hindu Kush to the river Surkhab (Kunduz river), where the road forked. At this point some merchants went along the river Surkhab as far as its confluence with the Oxus, and then sailed on river boats down the Oxus to its confluence with the river Bactrus (Balkhab); or along the river Kunar as far as Chitral, and from there via Zebak to Badakhshan, and then along the Kokcha river and down the Oxus as far as its confluence with the Bactrus. Others may have preferred to travel by land from Adraspa (Andarab) to Samangan (Khulm), then to the river Bactrus, and then down the river to its confluence with the Kelif Uzboi (the now dry tributary of the Oxus). From here the caravans went downstream to the town of Margiana or Antiochia Margiana (the ancient settlement of Old Merv). From here the road turned south-west towards the region of Apavarktikenā, through the towns of Ragav (in the area of Dushak) and Apavarktika (probably the ancient settlement of Koine-Kaakhka), then ran west towards the region of Parthyena, in the foothills of the Kopet Dag, through Sirok (near the modern kishlak of Gyaur) and Gatar, identified by Marushenko as the ancient settlement of Anau. From

5 Lordkipanidze 1957, 377–384.

6 Гаджиев 2009, 27–33.

7 See, for example, Давудов 2009, 41–57.

there the road went to Nisa (the ancient settlements of Old and New Nisa), on the outskirts of the village of Bagir,⁸ then along the Kopet Dag or the valley of the river Atrek to the region of Dagestan (the lower Atrek and the south-western coast of the Caspian Sea). As late as the nineteenth-century roads explored by Russian explorers linked the south-eastern coast of the Caspian Sea (Hyrcania, Dagestan) with Merv (Margiana).⁹ From there the road ran to the region of Hyrcania, situated south of Dagestan, in the valley of the Gurgan river, and along the south-western coast of the Caspian Sea, where this region bordered on Media, and Media bordered on Armenia.¹⁰ Along the entire south-western coast of the Caspian Sea as far as the mouth of the river Kura and beyond lived the ancient tribe of the Caspii (from whom the sea took its name).

A passage in Aelian (XVII, 32) provides some important evidence in support of my theory of the route along which Indian merchandise was transported. He states that the Caspii made a hardened glue from the internal organs of sturgeons, and that they used this glue for sticking together articles made of ivory. From his account it is clear that the Caspii imported ivory, which they used to make beautiful objects. But where could they have imported it from? The most likely answer is that it was transported along the Great Indian Road from India to Bactria and from there through Margiana and Parthyena to Hyrcania. From there it could have been transported either by boat across the Caspian Sea, or by land along the southern shore of the Caspian, or along the road that ran from Hyrcania through the Caspian Gates to Ecbatana (a road along which Alexander the Great travelled in the opposite direction), which was linked to the Caspian by a caravan route. According to Aelian, the Caspii transported dried and salted sturgeon on camels to Ecbatana.

This report by Aelian, who wrote at the turn of the 2nd–3rd centuries AD, undoubtedly reflects the reality of a much earlier time, because Strabo (who died c. 23 AD; his account was written no earlier than 18 AD) already describes the Caspii as a vanished people (XI, 4, 5).

At that time the water route along the Oxus was also used. This is clearly indicated by accounts in the Chinese sources, *Shiji* and *The Book of Han*. These accounts, which date from the late 2nd century BC or the early 1st century AD, will be discussed in detail below. They state that dealers and merchants lived along the river Guishui (= Amudarya = Oxus), and that they carried their goods several thousand li both by land and water. This means, since one li is about 0.5 or 0.6 km, that the merchants carried their goods over a distance of 1,000–3,000 km.

A distance of several thousand li (and several thousand kilometres) cannot be contained within the boundaries of Central Asia. For example, the distance from the Oxus, in the area of Kelif, to the point where the Atrek flows into the Caspian Sea is little more than 1,000 km as the crow flies, and the distances from other places are even shorter; the length of the Oxus from this point to the Aral Sea is about 800–900 km. The total distance of the route along the Oxus from Kelif to Sarakamysh Lake, and from there down the Uzboi is about 1,400 km.

It is clear that these Chinese accounts refer to an international, not a local trade route, and that when they speak of water routes they mean travel not only along rivers but across seas, probably the

8 Массон М. 1951в, 27–29.

9 Петрусевич 1880, 152–153; Атагарьев 1986.

10 Дьяконов И. 2008, 338 (map).

Caspian and the Black Sea, because the distance from the Bactrian stretch of the Oxus to other seas is even greater and does not fit the definition of several thousand kilometres.

The Chinese accounts also state that there were many traders in towns and settlements along the valley of the Oxus. They are probably referring to Bactria, and to Bactrian, Indian and Parthian merchants.

Evidence of the considerable extent of monetary trading in the valley of the Oxus is provided by imitations of Graeco-Bactrian coins, which were issued from the late 2nd century BC to the early 1st century AD inclusive. Significant quantities of them (especially imitations of coins of Heliocles) have been found in the ancient settlements of Northern Bactria: two have been found in Airtam, one in Khatyn Rabat, more than ten in Old Termez, and nine in Kampyrtepe.¹¹ No examples have yet been found further along the Oxus valley, but some have been found in Margiana. In particular, an imitation tetradrachma of Heliocles has been found in Old Kishman (Kushmeikhan), 30 km north-east of Old Merv, on the ancient caravan route that led to the Oxus valley.¹² Another similar coin was found in 1965 in the Christian monastery of Kharoba-Koshuk, during research by a group from the YUTAKE, in which I took part. An imitation coin of Heliocles was also found by L.L. Bukinich in 1961 in the bricks joint of the north wall of the Buddhist monastery at Gyaur-kala in Old Merv.

Imitations of Graeco-Bactrian coins have also been found in Transcaucasus and north of the Black Sea. For example, a silver imitation of the tetradrachm of Euthydemus, early series, 2nd–1st century BC, issued in the Bukhara Sogd, has been found at Pasanauri, Georgia, in the valley of the river Aragvi, which flows into the Kura.¹³ A similar coin has been found in Ukraine, on the island of Khortytsia, in the lower reaches of the river Dnieper. According to archival evidence, a bronze imitation of coins of Euthydemus was found in ancient Olbia in the second half of the 19th century. It is square in shape with a representation of the Dioscuri on horseback and inscriptions in Kharosthi and Greek. The coin is now preserved in the collection of the National Museum of Warsaw.¹⁴

Coins of Sanabar, the ruler of Margiana, seemed to have reached the southern Caucasus along the same route; some have been found in Georgia, in the valley of the river Kura.¹⁵

Although these finds of coins from the 1st century BC and the 1st century AD that have so far been made on the Great Indian Road are few and far between, if we join up the points where the finds were made (the Oxus valley, Margiana, the Southern Caucasus and the northern shore of the Black Sea), it is clear that they all lie on a single trade route that was operating at that time. The locations of the finds are almost identical to those of similar finds for the much earlier Hellenistic period.

PARTHIAN IN THE OXUS VALLEY. STRUGGLE FOR THE GREAT INDIAN ROAD

It is impossible to appreciate how the Great Indian Road functioned without understanding the

11 Ртвеладзе 2002б, 117–131.

12 Массон М. 1966, 96.

13 Казаменова 1961, 120, 122, табл. 3, 26.

14 Mielczarek 1997, 121–132.

15 Абрамишвили 1974, 113.

political situation and the cultural interactions of the peoples who lived along it from the Indus Valley to the Caspian Sea in the period following the disintegration of the Graeco-Bactrian Kingdom and the foundation of the Kushan state.

In that period the most powerful groups were the Parthians and the Great Yuezhi, the immediate successors of the Graeco-Bactrians, through whose territories the main land routes and the waterway along the Oxus either crossed or passed nearby. Closely linked to the Oxus route was a number of nomadic tribes, chiefly the Parni and Dahae,¹⁶ who inhabited the vast region extending from the Caspian Sea to the Oxus and controlled the route that ran across the Kara-kum Desert along the Kelif Uzboi and the Uzboi proper.

Moreover, by the end of the 2nd century BC, diplomatic and commercial relations had been established between Han China and the Parthian Kingdom, which inaugurated another transcontinental route – the Silk Road.

Already under Mithridates I, who was most responsible for the growth of Parthia as a dominant power with his conquests in the West, the Parthians pressed ahead to the East, to Bactria, and between 160 and 150 BC seized the Graeco-Bactrian satrapies of Aspiones and Touriva situated, in all probability, in the north-western part of present-day Afghanistan, and, as a result, they, probably, came up to the Oxus. One cannot help but to regard Mithridates' war in Bactria as the first attempt by the Parthians to take control of one of the key stretches of the Great Indian Route along the Oxus.

Following the death of Mithridates I, however, the Parthians must have lost control of this territory as various nomadic tribes advanced and settled in Bactria. These tribes invaded in two waves: one from the region of the Aral Sea through present-day Turkmenistan (the Saka-Sarmatians) and another from Eastern Turkestan through modern Uzbekistan and Tajikistan (the Yuezhi [Tochari]). These migrations, predominantly military in nature, brought down the Graeco-Bactrian Kingdom and threatened the Parthian state, especially on its north-eastern and eastern borders.

In the course of these incursions in c. 128 BC, the Parthian king Phraates II (138–128 BC) perished, leaving it to his son and successor, Artabanus I (128–124 BC), to combat these tribes. According to Justin (Just. XLII, 2, 2), he too was killed by the Tochari in c. 124 BC.

Tochari, along with the tribes of the Asii, Pasiani, and Sacaraucae, were mentioned by Strabo as having overthrown the Graeco-Bactrian Kingdom (Strabo. XI, 8, 2). Their name figures also in the list of the tribes who were dwelling at that time in Bactria, preserved in the *Geography* of Ptolemy, who derived his information from Marinus of Tyre (1st century BC). In this list the tribes are named in their order from north-west to south-east, starting from the Oxus river: “The *Salaterae* and the *Zariaspa* inhabit northern Bactria along the Oxus river; toward the south below the *Salaterae* are the *Chomari*; below whom are the *Comi*, then the *Acinacae*, then the *Tambyzi*; below *Zariaspa* are the *Tochari* a great race” (Ptol. *Geogr.* VI, 11). The position of the Tochari, judging by the extent of their remoteness southward from the Oxus river, which was quite considerable, and taking into account that they are mentioned after six tribes, each occupying a definite territory, would appear to be in south-western Bactria, the regions in the foothills of the Band-i Turkestan mountain range and the western spurs of the Hindu Kush. Accordingly, the war between the Parthians and the Tochari, in

¹⁶Olbrycht 2000, 182–186.

which the Parthian king Artaban I was put to death, took place in the territory of south-western Bactria.

Subsequently, or even perhaps during the war, the relationship between the Parthians and those tribes that had settled in Bactria and composed the Great Yuezhi changed radically as a result of the Parthian victory.

According to Strabo, the Parthians, “after having driven out the Scythians, took a part of Bactriana” (Strabo. XI, 9, 2 C 515). Some scholars maintain that this occurred during the reign of Mithridates II (124/123–88/87 BC). Justin (XLII, 2, 5) notes that Mithridates II “was successful on several occasions in wars against the Scythians which thus avenged the wrong done to his ancestors”.

It is noteworthy that the earliest Parthian coins found on the territory of Bactria date from this period. These are drachms of Mithridates II, discovered in Mazar-i Sherif, Old Termez and Tillyatepa¹⁷. In this regard, the finds become central to identifying what part of Bactria the Parthians had seized from the Yuezhi. M. Olbrycht holds that the Parthians under Mithridates II occupied not only western Bactria but the entire territory along the middle course of the Amu-Darya.¹⁸

There is a group of Parthian coins whose reverse bears along with the inscription of ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ – “campaign” the names of several regions – ΑΡΕΙΑ, ΜΑΡΓΙΑΝΗ, ΤΡΑΞΙΑΝΗ, ΝΙΣΑΙΑ, ΡΑΓΑΙΑ.¹⁹ According to one opinion, they were issued as the result of the successful campaign of the Parthians in the East, that is, in Bactria.²⁰ According to another, these coins mark the progress of the Royal Court across the provinces of the Parthian kingdom.²¹ This derives from the fact that along with Margiana and Areia these coins feature the names of the provinces of Nisaia and Ragaia, which had long been subordinate to the Parthian kingdom. A compromise between these two views, however, can be reached: some coins in this series might well record the actual conquest of the Parthians in the East or the formal entry of such regions as Areia, Margiana, and Traxiana into the Parthian kingdom, while others simply record the progress of the Royal Court across the provinces of Nisaia and Ragaia. A.K. Markov argued that the coins in this series were issued by Phraates II (138–128 BC).²² W. Ross and J. de Morgan thought that they had been minted under Artabanus II (10–38 BC).²³ E. Newell, dating these coins to the time of Gotarzes I (ca. 90–80 BC), nevertheless admitted that the issuer was Mithridates II's co-ruler in the East.²⁴

Of the three eastern provinces featured on the coins of this series – Areia, Margiana, Traxiana – the location of the first two is beyond doubt. Areia is the region situated in the upper reaches of the Tedjen (Hari Rud) and the upper reaches of the Murghab, while Margiana occupies the lower reaches and the middle course of the Murghab.²⁵ The location of Traxiana remains controversial.

¹⁷Сарианиди, Кошеленко 1982, 307–308, рис. 1. 1. I examined the coin from Old Termez in the collection of Major Yu. Ermeshkov in 1989.

¹⁸Olbrycht 2000, 183.

¹⁹Марков 1892, 279–281.

²⁰Массон В., Ромодин 1964, 119, прим. 50.

²¹Пилишко 1986, 80.

²²Марков 1892, 279–281.

²³Morgan 1923, 155.

²⁴Newell 1938, 480–481. V.M. Masson agreed on this with E. Newell. See Массон В., Ромодин 1964, 119, прим. 50.

²⁵On the location of Areia and Margiana see: Массон М. 1970, 14–19; Хлопин 1983, 180–195.

A.K. Markov supposed that Traxiana was the city of Ταροῦνα in Karmania.²⁶ W.W. Tarn argued that following the conquest of the Parthian satrapies of Astauena and Apavarktikenā as well as part of Parthyene by Euthydemus they came to be known as the Bactrian satrapies of Traxiana and Tapuria.²⁷ In his view, Traxiana was situated in the Kashaf Rud valley in northern Iran with the city of Tōs as its capital, which is *a priori* to Strabo's text in which he refers to Aspiones and Touriva instead of Traxiana and Tapuria (Strabo. XI. 11. 2 C 517). The opinion expressed by V.M. Masson seems most preferable, for he believed that Traxiana must have been located near Areia and Margiana.²⁸ It cannot be excluded that it was situated on the borders of these regions in Bactria or in the Oxus (Amudarya) valley.

It is significant that the name Traxiana contains ΑΞΙΑΝΗ, which to a certain extent sounds similar to the name of the river Oxus. The name of Traxiana, denoting a province, is founded grammatically on the same principal as Bactriana, Margiana, and Sogdiana. Where was it situated? In determining the possible location of this region and in general the sphere of Parthian influence in Bactria, Parthian coins found in this region are of great importance. As was shown above, the earliest Parthian coins that brought to Bactria were silver drachms minted by Mithridates II which are found in the Oxus river valley, or its immediate environs. If they are rejected as evidence of this region's political subordination to the Parthians under Mithridates II, then they most certainly attest to trade relations established, perhaps, along the Oxus. In this respect, two Chinese sources, *Shiji* and *Qian Hanshu* (*The History of the Former Han Dynasty*), are of paramount importance.

The *Shiji*, compiled by the historian Sima Qian, is based on a report for Emperor Wu-di (140–87 BC) by the famous Chinese traveler and envoy Zhang Qian, who visited Bactria sometime between 140 and 130 BC. It states that “along the river Guishui live traders and merchants who take their goods to their neighbours by land and water – reaching places as far as a few thousand *li* away”.²⁹ The description of trade along the river Guishui, which is identified by all researchers as the Oxus (Amudarya), forms part of a section on Anxi (Parthia) and not Bactria, and is suggestive that this area of the river fell under Parthian influence. While the *Shiji* does not directly mention that this section of the Amudarya was controlled by the Parthians, the *Qian Hanshu*, compiled by the historian Ban Gu (32–92 AD) with the assistance of his father and sister, does. The bulk of this work was written between 58 and 84 and was completed by c. 100 AD.³⁰ It notes that “[Anxi] lies along the river Guishui. Merchants use land routes and waterways to conduct trade with neighboring countries”.³¹

Judging by the reference to the river Guishui, the account was taken from Zhang Qian's report, because it repeats almost verbatim a similar description of the trade that was conducted along this river, with the exception that Anxi is situated along the river. Where exactly? No Parthian coins dating from the end of the 2nd to the beginning of the 1st century BC have ever been found in the lower reaches of the Amudarya in Chorasmia. They have only been found in western Bactria, the Bactrian

26 Марков 1892, 281.

27 Тарн 1985, 88–89.

28 Массон В., Ромодин 1964, 119, прим. 50.

29 Бичурин 1950, 151.

30 Вельгус 1978, 91.

31 Бичурин 1950, 183.

section of the Oxus valley, or nearby. The reference to Anxi lying along the river Guishui must signify that possibly in the second half of the 2nd century BC the Parthians were already in possession (or controlled) of that portion of the Oxus valley which extended from Chardzhou (Southern Turkmenistan) to Kelif. It was here that the overland section of the Great Indian Road from the Oxus to Margiana began and continued on to the Caspian Sea.³² This may explain what the Chinese chronicles mean when they state that merchants living along the Guishui transport their goods by land and by water as far as a few thousand *li*.

Following in chronological sequence (of the Parthian coins found in this part of the Oxus valley) we next have some drachms of Sinatrukes (77–70 BC) reported from Mirzabek-kala³³ and Old Termez³⁴, and a chalkous of Orodes II (56–37 BC) from Kampyrtepa.³⁵ However, a major influx of Parthian coins into the Oxus valley, including copper and silver coins which was followed by imitations of them as well as countermarks, occurred during the reign of Phraates IV (38–3/2 BC).

In turn, D.V. Biryukov and A.N. Gorin have each published an article focusing on the Parthian coin finds from Kampyrtepa, though only six have been discussed, not all.³⁶ In fact, however, twelve Parthian coins and their imitations have been found in Kampyrtepa through the years of excavations. Three of them have been precisely identified as being Parthian on the basis of their details, weight, and diameter. Nevertheless, they are not mentioned in the articles by D.V. Biryukov and A.N. Gorin. One coin of Orodes II (identified by E.V. Zeimal) and one imitation of a Phraates IV coin are also not included in their articles and are now unfortunately lost. One more imitation coin of Phraates IV was found in 1982 on the floor in the corner north-eastern tower of the fortress wall of the ancient settlement and on the same level as a coin of Soter Megas was obtained.

Thus two or three of all these coins have proven to be genuine Parthian chalkoi of Orodes II and Phraates IV; the rest are classified as imitations of Phraates IV's coins. It is also possible that those coins that are classified as imitations may well prove to be the products of a provincial mint, since they differ from Phraates IV's chalkoi in minor detail.

Kampyrtepa remains so far the only settlement in Bactria where Parthian copper coins have been found, which is in itself quite significant. They seem to reflect political dependence of this part of the Oxus valley on the Parthian kingdom in the second half of the 1st century BC – early 1st century AD.

It should also be noted that Phraates IV's drachms have been found at Mirzabek-kala³⁷ and in the Tillyatepa burial ground³⁸, while an obol of his of the Margiana type (according to B.Ya. Stavisky) was found at Eagle Mound (Hodzha-Gulsuar)³⁹. In addition, 69 silver imitation drachms of Phraates IV were unearthed in the Temple of the Oxus at the ancient site of Takht-i Sangin in Botros no. 3.⁴⁰

32 Ртвеладзе 1999а; 2010г, 5.

33 Пилипко 1985, catalogue no. 32.

34 Ртвеладзе 2010г, 13. I examined the coin from Old Termez in the collection of Major Yu. Ermeshkov in 1989.

35 Some Parthian coins have been found in Dilberdjün. See Вайнберг, Кругликова 1976, каталог № 30, 109.

36 Бирюков 2010, 34–49; Gorin 2010, 107–127.

37 Пилипко 1985, catalogue no. 33.

38 Сарияниди, Кошеленко 1982, 307–309.

39 Ставиский 2001, 54.

40 Зеймаль 1983а, 129–141.

The last stage of Parthian expansion into the East in Bactria occurred in the mid-1st century AD. In this respect, the information provided by the Roman historian Tacitus of the struggle for the Parthian throne waged by Vardanes (ca. 39–45/47 AD) against Gotarzes II (ca. 43–50 AD) is of great interest. According to Tacitus, Gotarzes, after receiving support from the Dahae and Hyrcanians, undertook military operations in response to which Vardanes was forced to quit his siege of Seleuceia on the Tigris and to relocate his camp to the “fields of Bactria”, seemingly, to that part of western Bactria which was in the hands of the Parthians. In this confrontation, Vardanes proved to be the stronger and consolidated his position in the Parthian kingdom, forcing Gotarzes to retreat to Hyrcania.

Subsequently, Gotarzes, encouraged by the nobility, resumed military operations against Vardanes. The latter went to the river Erindes and defeated Gotarzes’ army. Then, after a series of successful battles, Vardanes conquered the nations inhabiting the area between the rivers Erindes and Sindes, the latter separating the Dahae from the Areians. This ended the campaigns as the Parthians were reluctant to wage war far from home. Somewhere in this region Vardanes erected monuments bearing inscriptions which purported that no Arsacid before him had ever levied tribute on these tribes (Tacitus. *Annals*. XI, 8–10).

Tacitus’ information is extremely important for determining the location of the region between the rivers Erindes and Sindes as well as for identifying these rivers, since they can be used to determine the eastern borders of the Parthian Kingdom in the middle of the 1st century AD.

The identity of the river Erindes must be, as I surmise, the Hari Rud – Tedjen which flows across Afghanistan and parts of Turkmenistan.⁴¹ But the identification of the river Sindes presents greater difficulties. It seems that this problem can only be resolved if we turn to medieval literary sources, which often preserve the names of ancient toponyms and hydronyms. In this respect, it is very interesting that there are several settlements and towns in the basin of the Murghab that bear the name Sinj, which sounds quite similar to that of “Sindes”.

Thus, according to Samani, Sinj is a village located 7 parasangs from Merv.⁴² According to Istakhri, the settlement of Sinj was a one-day’s march from Merv between the roads leading to Serakhs and Marvarrud,⁴³ which does not contradict the evidence provided by Samani, for 7 parasangs represent a one-day’s march – marhalla (*Viae regnorum*, 1870, 263, 283).

The village of Sinj is also mentioned by Baladhuri, who claimed that of all settlements of Merv it was the only one that resisted the Muslims.⁴⁴ It is well-known that the region of Merv was conquered by the Arabs in the middle to early second half of the 7th century, thereby testifying to the existence of this name at that time. According to Samani, in the region of Merv there was a settlement called Sinj al-Abbadi.⁴⁵ Yakut mentions a village called Sinj Abbad situated 4 parasangs from Merv.⁴⁶ It should likewise be noted that the eastern gates of the shahristan (walled city) of ancient

41 See for example Массон В., Ромодин 1964, 8, прим. 5.

42 Sam’ānī 1987. Vol. 7: 115.

43 al-Istakhri 1870, 263, 283.

44 Baladhuri 1901, 412.

45 Sam’ānī 1987. Vol. 8: 336.

46 Yāqūt 1866 1877.

Merv (Gyaur-kala) were called the Sinjan gates. The same writer knows the city (“balad”) of Sinj in Garchistan – a mountainous region in the upper reaches of the Murghab.⁴⁷ According to Ibn al-Athiri, another town with the same name existed in Ghur, a mountainous region east of Herat.⁴⁸

Thus in the Murghab basin, from its source up to Merv, there used to be several settlements bearing the name “Sinj”, which originates from the more ancient name of “Sindh”, which is spelled as “Sinj” in Arabic. Based on this evidence, we can surmise that in antiquity either the entire Murghab River or its headwaters were called Sindh or Sindes.

However, F. Grenet objects to the identification of the river Erindes with the Tedjen, and the river Sindes/Sindh with the Murghab. He identifies the Erindes mentioned by Tacitus with the river Charinda listed by Ptolemy (Ptol. *Geogr.* VI, 2, 2) and the Hirand in the geographical treatise of the 10th century *Hudud al-Alam*, which is understood as the river Gorgan. He also argues that the Sindes/Sindh is an ancient name of the river Tedjen that flows through the Herat plain (ancient Areia), basing on the opinions of Gutschmid and Markwart and pointing to the isolated example of a toponym called Sindh in the region of Abiverd.⁴⁹ But this city is situated rather far from the river Tedjen. Claiming the implausibility of identifying the river Sindes/Sindh with the Murghab, Grenet put forward the argument that Mukaddasi specifies the form ‘Sink’ instead of ‘Sindj’, and that the *Hudud al-Alam* mentions ‘Sing’, which cannot be derived from ‘Sind’. Yet it should be noted that the form ‘Sinj’ appears in all the Arabic literature cited above. Moreover, the term ‘Sinj’ is recorded all along the course of the Murghab from its headwaters to its lower reaches.

We should note that no matter how good these etymological endeavors may be, they remain largely subjective and frequently result in a mess, especially with regard to the localization of the ancient, medieval, and modern names of geographic toponyms. A more realistic method is to analyze all the available evidence, which, unfortunately, F. Grenet failed to do. Above all, there are a number of essential grammatical remarks that should be pointed out. Tacitus says that the battle between Vardanes and Gotarzes II was fought “between the Erindes and the Sindes.” The preposition ‘between’ (*medius*) in a geographical sense was commonly used to denote the location of towns, rivers, seas, and the like, or in the middle of something, or within broader spatial boundaries affected by some activities. In this case, given that the Erindes (according to F. Grenet, the Gorgan) flows in a latitudinal direction and the Sindes/Sindh (according to F. Grenet, the Tedjen) runs in a north-south direction, F. Grenet places the battle fought between Vardanes and Gotarzes II in a small area between the headwaters of the Gorgan and the Tedjen situated precisely within the confines of Aparvartikena and Astauena that at this time were part of Parthia proper.⁵⁰ Incidentally, it was in the town of Asaak near Kuchan in the upper reaches of the Atrak that the first Parthian king Arsaces was crowned.⁵¹ Does this location agree with the evidence provided by Tacitus? Let us arrange the data into individual segments:

1. Vardanes, having lifted his siege of Seleuceia on the Tigris, arrived at the “fields of Bactria”

47 Ibid. Bd. 3: 163.

48 Ibn al-Athiri 1851, 62.

49 Грене 2000, 132, прим. 10.

50 On their location see: Массон М. 1955, 10, 24.

51 Дьяконов М. 1961, 181; Дибвойз 2008, 35.

where he defeated Gotarzes.

2. Gotarzes retreated to Hyrcania, and, after receiving reinforcements from the Dahae, resumed his military operations against Vardanes.

3. Vardanes converged on the river Erindes, where he again defeated Gotarzes.

4. In a series of successful campaigns Vardanes conquered “the peoples inhabiting the region between the rivers Erindes and the Sindes; the latter is known to have separated “the Dahae from the Areians”.

5. At this point, Vardanes’ campaign ended, for the Parthian army refused to wage any further wars *so far away from home* (my italics – E. R.).

6. It is also here that Vardanes erected a monument with inscriptions that proclaimed that no Arsacid before him had ever exacted tribute from these peoples.

Points 5 and 6 are of greatest significance here. If one follows the suggestion put forward by F. Grenet, then – to put it mildly – we are faced with total absurdity: the Parthians refused to wage wars far away from home, whereas F. Grenet’s location implies the provinces of Apavartikena and Astauena which had always been part of Parthia. In addition, it would presuppose that Vardanes erected a monument in the region, which had been in the Parthian kingdom from its inception, whereas the inscriptions specify that no Arsacid had ever levied tribute on these vanquished peoples.

It is clear that the war between Vardanes and Gotarzes II was waged far away from the Parthian homeland (located in the foothills of the Kopet Dagh in southern Turkmenistan and northern Iran), possibly somewhere in western Afghanistan where the rivers Tedjen=Erindes and Murghab=Sindes in their upper reaches flow parallel to one other. This region corresponds to the contemporary Afghan provinces of Firuzkuh and Ghur located hundreds of miles from the indigenous lands of the Parthians; that is, ‘far away from home’ where the Parthians had never been before.

We have already demonstrated that the Parthian expansion of the 2nd–1st century BC was directed towards western Bactria and the Oxus valley in order to capture the water and land routes of the Great Indian Road. G.A. Koshelenko and V.I. Sarianidi hold that not only western Bactria but all of western Afghanistan, including the oasis of Herat, formed part of the Parthian kingdom from the 1st century BC to the beginning of the 1st century AD. This argument is based not only on Parthian coin finds, including the area of Herat,⁵² but also on the analysis of the information gleaned from Isidoros of Charax (early 1st century AD) about “The Royal Road” passing through the eastern provinces of the Parthian kingdom: Margiana, Areia, Anauon, Zarangiana, Sakastan, and Arochosia.⁵³

As to the river Sindes mentioned by Tacitus forming part of the boundary between the Dahae and the Areians, its identification can be made on the basis of determining the whereabouts of the Dahae and Areians. The Dahae mostly lived in the territory of southern Turkmenistan between the Caspian Sea and the Murghab,⁵⁴ while the name of Areia designates both the people who lived at the

52 Hackin 1935, 287–292; Mac Dowall, Taddei 1978, 210.

53 Сарианиди, Кошеленко 1982, 309.

54 Массон М. 1955, 19–21.

headwaters of the Tedjen⁵⁵ and the name of the indigenous peoples of Bactria – Bactrians. According to the edict of the Kushan king Kanishka recorded in the Rabatak inscription, there was at this time something of a linguistic reform taking place in which the Greek language was in the process of being replaced by the Aryan language.⁵⁶ It follows from this that the name of the Bactrians (i.e., the natives of Bactria) was the “Areians.” Thus everything is logically resolved – the Dahae inhabited the territory extending to the river Murghab (=Sindes/Sindh), while to the east of them lived Areians (=Bactrians).

Of the extensive Parthian-Bactrian connections and the probable advance of the Parthians into the Bactrian region of the Oxus valley, we have presented not only a vast amount of historical and numismatic evidence as discussed above, but we may now turn to archaeological artifacts discovered specifically at Kampyrtepa, Takht-i Sangin, and Khalchayan which are related in one way or another to Parthia.

ARCHAEOLOGICAL FINDS OF PARTHIAN ORIGIN IN THE OXUS VALLEY

Among all the finds made, of special importance is a sculptured head from Khalchayan, which differs from other sculptures found there by its peculiar hairstyle and its long, pointed wavy beard. G.A. Pugachenkova interpreted it as the head of a Parthian prince and noted that it is reminiscent of the Parthian king Phraates IV (38–3/2 BC).⁵⁷

In a later publication, G.A. Pugachenkova argued that this head may well represent “a ruler whose territory may have encompassed a section of the Amudarya which was inhabited by the early Kushans (for example, an Indo-Parthian in the Punjab).”⁵⁸

I believe that on the whole G.A. Pugachenkova is right, erring only in identifying the place: it is not an Indo-Parthian ruler in the Punjab, but a Parthian ruler from the Amudarya region in western Bactria. Still it should be noted that she was writing about it when there was no other evidence – either archaeological or numismatic – of a Parthian presence in northern Bactria. There is now an abundant amount of evidence indicating that the sphere of Parthian influence (if not of direct subordination) encompassed a large portion of the Oxus valley possibly extending as far east as far as Termez, a state of affairs which was most pronounced during the time of Phraates IV whose coins and their imitations are abundant in this area.

By rejecting the Indo-Parthian hypothesis put forward by G.A. Pugachenkova, F.2 Grenet argued that the most likely candidates for the identification of the Khalchayan figure are the Parthian kings Vardanes (ca. 39–45/47 AD) and Vologases I (51–78 AD), whose depictions share many details with this image: the hair style, shape of the beard, and absence of a tiara.⁵⁹ However, images of Phraates IV on his coins feature the same details. In accordance with the interpretation of the above-mentioned historical events related to the war between Gotarzes II and Vardanes,

55 Хлопин 1983, 180–194.

56 Sims-Williams, Cribb 1996, 78.

57 Пугаченкова 1966, 213, табл. 28.

58 Пугаченкова 1971, 55.

59 Грене 2000, 131–132.

F.2 Grenet conjectured that the Parthian king who appears in the scene of the Kushan triumph at Khalchayan could be Vardanes I, building his argument for his presence here on pure fantasy.⁶⁰

Naturally, B.A. Litvinsky rejected outright the identification of Vardanes I as the Parthian ruler depicted at Khalchayan. Furthermore, he acknowledged that Phraates IV's coins and their imitations circulated in Bactria, and recognized that "the point is that the Khalchayan portrait of 'the Parthian prince' is undoubtedly closer to that of Phraates IV".⁶¹

B.A. Litvinsky, however, did not believe that this king is depicted in the Khalchayan sculpture, and, while considering as possible the strengthening of Bactrian-Parthian relations, he held that this element was included in the composition as "some kind of symbol testifying to the greatness and power of a Kushan king (ruler)".⁶²

The Khalchayan image of a Parthian king or a ruler is not the only one of its kind that has been found in northern Bactria. I refer to a terracotta statuette from the "citadel" of Kampyrtepa in a layer dating to the 2nd-1st century BC.⁶³ It represents a man sitting on a throne with a high upright back, his beard is curled, his moustache droops reaching his beard, and his curly hair is covered by a diadem above his forehead. The figure is clad in armor.

Stylistically – hairstyle, curled beard, moustache, diadem, and shape of the face – the character of the terracotta statuette resembles the image of the Parthian prince from Khalchayan and, correspondingly, those of the Parthian kings mentioned above. But K.2 Abdullaev mistakenly identified a relief strip that appears on the back of the head as a ribbon of a hat, or a 'kuiruk' (tail) of a headgear, and thus linked the figure with nomads, associating it with Heracles.⁶⁴

Upon closer examination, however, the sculptured braid is in actuality a diadem, a fillet composed of two ribbons tied at the back of the head, worn by Graeco-Bactrian and Parthian kings as portrayed on their coins. It also bears strong resemblance to the one worn by Mithridates I (171/170–139/138 BC) as it hangs orthogonally, whereas other Parthian kings are portrayed with theirs hanging unevenly. Moreover, Mithridates I's diadem appears as a single ribbon, unlike later kings, beginning with Phraates IV and Phraates V, whose diadems are composed of three or even four ribbons.⁶⁵ The general appearance of the image on the terracotta from Kampyrtepa reminds one of the images of Mithridates I on his coins: he sports a rounded rather than a pointed beard, a single ribboned diadem, and a similar hairstyle. Finally, the date of the terracotta is very close to the reign of Mithridates I.

It is important to remember that Mithridates I was the first of the Parthian kings to have launched an invasion of the Graeco-Bactrian kingdom in the mid-2nd century BC and annexed Eucratides' provinces of Aspiones and Touriva situated partly in the Oxus valley.

As was shown above, the coins of Mithridates II (124/123–88/87 BC) found in the upper reach-

60 Грене 2000, 134.

61 Литвинский 2010б, 89–90.

62 Литвинский 2010б, 90.

63 The first publication is in *Древности Южного Узбекистана*. 1991, 290, рис. 180; *Культура и искусство древнего Узбекистана*. 1991, 115, рис. 126. The dating in this publication is not very accurate – the 1st century BC; 2nd – 1st BC will be more correct, with the 2nd century BC being more emphatic.

64 Абдуллаев 1998, 84–86; 2002, 30–31.

65 Ghirshman 1962, 114, pl. 135, 136–155.

es of the Amudarya are the earliest numismatic evidence of Parthian-Bactrian relations. The existence of such links, especially between Bactria and Parthian-dominated Margiana, is possibly corroborated by a round kiln found in the eastern suburbs of Kampyrtepa. It contains eight heating tunnels for the ceramic furnace. Its diameter measures 1.5 meters, the length of the channels is 0.6–0.7 meters, and their width is 0.15 meters.⁶⁶

Upon excavating the kiln in 1982, I dated it to the 1st century BC – 1st century AD. Later, S.B. Bolelov conducted a closer examination and dated the ceramic material in the furnace to the 2nd century BC.⁶⁷ L.M. Sverchkov related the pottery from the kiln to the period designated by him (S.B. Bolelov) as KT-5; that is, the late Graeco-Bactrian epoch.⁶⁸

The design of the kiln from Kampyrtepa is analogous to multi-tunnel kilns at Dzhin-depe located 22 km north of Old Merv in Margiana. Another similar multi-tunnel kiln was found at the settlement of Munon-depe, located about 10–12 km north of Dzhin-depe⁶⁹. L.N. Merezhin noted that the basic ceramic material of the five kilns at Dzhin-depe belongs to the 1st century BC – 1st century AD.⁷⁰

In Hellenistic Bactria, rounded kilns are typical, while in the Kushan period rectangular ones predominate. The existence of rounded ceramic kilns with seven or eight tunnels, similar to those in Parthian Margiana, suggests that they were introduced into northern Bactria from that region.

The excavations at Kampyrtepa have yielded a number of objects of Parthian origin or manufactured in Bactria under Parthian influence. Notable among them is a wooden statuette set in a silver frame, sealed at the corners with small nails. The statuette seems to have been modeled after a monumental statue of a nobleman (?) wearing a knee-length coat and sash. According to the clothing and the work's general appearance, it closely resembles the statue of a Parthian prince from Shami (Iran),⁷¹ who also wears a coat with a right wrap over and trousers with draping folds.

Another terracotta statuette found at Kampyrtepa probably represents a Parthian nobleman wearing a high conical headdress and a close-fitting coat with a right wrap over, similar to certain sculptured figures from Hatra.⁷²

An alabaster statuette of a Parthian, closely examined by B.A. Litvinsky, was found in the Temple of the Oxus and dates from the 1st–2nd century AD.⁷³ In accordance with the archaeological and stratigraphic evidence, the statuettes from Kampyrtepa are dated to the same period, but I now believe that they can be attributed to the end of the 1st century BC – 1st century AD, for this was the most active period of Parthian-Bactrian interactions and is corroborated by the coin finds.

Recently, a number of ivory hairpins with finials in the form of anthropomorphic images have been found in the Oxus valley. Among them are two types that share a similar feature – a peculiar

66 Ртвеладзе 1999, 221; Болелов 2001, 15–16.

67 Болелов 2001, 15, 19.

68 Свечков 2006, 107–108, рис. 5.

69 Мережин 1962, 12–26.

70 Мережин 1962, 35.

71 Ghirshman 1962.

72 Литвинский 2010а, 88–89.

73 Литвинский 2010а, 84–87.

hairstyle in which the hair is arranged into a topknot.

Type I. The finial of the hairpin features an image of a naked female figure with her legs crossed, sitting on a low bench like a throne resembling an omphalos. Her right hand is raised to her shoulder in a gesture of instruction; her left hand rests in her lap. Her hair is rolled up in a bun, the back of her hair falls freely from the top of her head down to her shoulders. It is highly possible that she could have worn a veil. The head is crowned with a large bun rendered by slanting notches, or in a topknot if it is meant to be a headdress.

Two ivory hairpins of this type have been found in Kampyrtepa. One of them comes from a huge garbage pit at layer XVII, on the same level as a coin of Kanishka was discovered.⁷⁴ This pit was dug in the southeastern corner of the Kampyrtepa "citadel" after the town had been seized by the Kushans under Soter Megas (Wima Tak[to]), immediately above the Graeco-Bactrian layers, destroying the walls and part of the gates of the Hellenistic city-site. This is why among the garbage deposits of Kushan occupation there occasionally appeared artifacts of earlier periods, dating to the Saka-Parthian and Graeco-Bactrian eras.

Another analogous hairpin is dated more accurately. It was discovered at the site in block no. 6 in the northern part of the ancient settlement on the floor of the room dated to the reign of King Kanishka (the first half of the 2nd century AD).

Ivory hairpins with finials of the same type were also unearthed at a number of sites in the Oxus valley. For example, at a settlement near Ai Khanum, a finely made ivory hairpin was discovered. Its finial portrays a naked female figure that is almost identical to the Kampyrtepa type – the figure has the same pose with eyes cast downward, is seated on a bench or a throne, and sports the same hairstyle (unfortunately, the bun has not survived).

The only difference is that the figurine from the vicinity of Ai Khanum holds a cup in her right hand, and an object that looks like a scepter in her left. In accordance with other excavated artifacts, the French researchers date the figurine within a broad time span – from the late Graeco-Bactrian period to the Kushan era.⁷⁵

An ivory hairpin with a similar finial was discovered in the artisans' quarter near the northern gate of Gyaur-kala at Old Merv.⁷⁶ The archaeologists describe it as an image of a naked female figure with her knees bent, seated on a throne, with one hand on her knee, and the other holding an object which they call a scepter. Unfortunately, the paper contains neither a drawing, nor a photograph of this hairpin, and to make matters worse, the head of the figurine has not survived. The hairpin was found in the same layer as a coin of Artabanus II (10–38 AD). The ivory hairpin discovered on the level of the second floor in Room 159 of the residential quarter in the settlement of Zartepa displays the same type of anthropomorphic finials. V.A. Zavyalov describes it as an image of a 'goddess' in a long robe seated on a backless throne, her left hand – with her arm bent at the elbow forming a right angle – rests on her hip, her right hand raised to the shoulder holds an unrecognizable object. Her head has not survived. The author writes that the outline of the

74 Никитенко, Шагалина 2003б, 116–117.

75 Guillaume, Rougelle 1987, 81 (F3). Pl. 27, 3. XXIV, 11.

76 Буряков, Кацурис 1963, 124.

lower part of the figure reminds him of the seated figure of the goddess Ardokhsho on Kanishka III's coins.⁷⁷

Type II. The finials of the hairpin take the form of a woman standing on a circular base, clad in a low-necked chiton, the folds of which are rendered by oblique lines. The figurine has a large straight nose with eyes shut. A flat cylindrical headdress or the lower part of the hairstyle is topped either in a bun or in a luxurious coil rendered by criss-crossing strokes. This elaborate hairstyle (or headdress), as well as the face, is common to both types of finials.

A hairpin of this type was first discovered at the ancient site of Toprak-kala and dated by S.A. Trudnovskaya on the basis of the coins of Persis and the early Sasanians to the 3rd – early 4th century AD.⁷⁸

The discovery of an identical hairpin with a finial at Kampyrtepa, however, proves that hairpins of this type were made much earlier. This hairpin was found in the northeastern corner of Kampyrtepa in block-quarter no. 6, which had been made habitable, judging by the coin finds of Soter Megas and Kanishka, at a much earlier time – between the 1st and mid-2nd century AD. Accordingly, this ivory hairpin sporting an anthropomorphic finial is dated to the same period.

Thus in Bactria, Margiana, and Chorasmia a specific group of ivory hairpins with anthropomorphic finials (the figure of a seated or standing woman (a goddess?)) has been identified, which, regardless of their postures, have similar faces and are adorned with an intricate hairstyle wrapped in a luxurious coil (or wear a headdress with a topknot). They are dated between the 1st century AD and the 3rd to early 4th century AD; however, it is highly likely that they had been made much earlier, namely, in the pre-Kushan period. In Chorasmia and Zartepa they appear much earlier than the 3rd or mid-4th century AD, and they must have been carefully preserved by several generations. Most of them have been found in northern Bactria (three specimens at Kampyrtepa, and one each at Zartepa and Ai Khanum). We can surmise, therefore, that they were produced either in northern Bactria, or, considering the Parthian-Margianian hairstyle with the luxurious coil, in the Parthian-Bactrian borderland – that is, in western Bactria or Margiana.

It is remarkable that S.Ya. Berzina did not include the anthropomorphic hairpins from Kampyrtepa, Toprak-kala, and Gyaur-kala, with which she is well acquainted, in her general overview of ivories of Egyptian origin found in Central Asia.⁷⁹

At the beginning of the 20th century, an ivory plate depicting a Parthian noble with braids of hair wrapped in three coils was found at Olbia (northern coast of the Black Sea).⁸⁰ Parthian kings as depicted on their coins feature the same hairstyle. V.N. Pilipko notes that this hairstyle is typical of the images of Osroes and Vologases V, even though they ruled seventy years apart from one another, as well as on coins minted in Margiana imitating those of Vologases V.⁸¹

There are also images whose hair is styled in a topknot as on an ivory statuette found at the

77 Завьялов 2008, 111, 112, рис. 7.

78 Городище Топрак-кала. 1981, 185–186, рис. 20.

79 Берзина 2007, 79.

80 Фармаковский 1909, 42–44, рис. 41.

81 Пилипко 2010, 108–109.

site of Shashtepa in the southern outskirts of Tashkent.⁸² Among the finds made at Margiana, V.N. Pilipko has identified a group of terracotta statuettes with coiffure arranged in three coils as well as one with a topknot.⁸³

While characterizing the group of terracotta statuettes and comparing them with the carved ivory plates from Olbia and Shashtepa, V.N. Pilipko concluded that they are the products of one school of art, whose center was located in Merv.⁸⁴

This conclusion put forward by V.N. Pilipko deserves special attention, even though only one ivory hairpin of this type was ever found in Merv, as has been noted above.

In all, the settlements in Northern Bactria have yielded a number of Parthian objects or perhaps objects produced in Margiana, which was subordinate to Parthia. This group includes following objects and monuments:

1. Parthian coins and their imitations.
2. Works of applied and minor art – ivory hairpins, alabaster and clay figurines, and a wooden statuette in a silver frame.
3. A statue of a Parthian nobleman from Khalchayan.
4. The kiln in Kampyrtepa and those in Dzhin-depe (Margiana).
5. Sepulchral monuments – burials in earthen graves in northern Bactria that are similar to those in Parthia.⁸⁵

Such an array of similar objects testifies not only to the existence of commercial relations and cultural contacts, but perhaps also to the direct subordination of parts of Bactria in the Oxus valley to the Parthians, which we have considered in great detail. The diffusion of the above mentioned objects can also imply that Parthian, Bactrian, and Indian merchants had set up trading stations along the Oxus that were used for shipment of ivory and other articles on their way from India to Bactria and Margiana. From here these goods were shipped to Chorasmia along the Oxus, and from Margiana they were transported along the Great Indian Road across the southern Caucasus and the Euxine Pontus to the northern Black Sea region. The finds at Olbia of carved ivory bearing the image of a Parthian nobleman and imitations of Graeco-Bactrian coins along the northern Black Sea coast, and Sanabares' coins minted in Margiana found in the Kura valley in Georgia are links in a chain and testify to the movement of goods along the Great Indian Road.

82 Филианович 1986, 46–48, рис. 1–2.

83 Литвинский 2010б, 93–95, 98.

84 Пилипко 2010, 114.

85 Пилипко 2010, 114

ГЛАВА V

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II В. ДО Н.Э. – НАЧАЛЕ I В. Н.Э.

КРАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Завершение политического господства эллинов в различных частях юга Средней Азии не было единовременным актом. В начале III в. до н.э. началось мощное движение кочевых народов – азиатская реконкиста на эллинистические государства Средней Азии. В середине III в. до н.э. кочевые племена парнов вытеснили Селевкидов с территории Южного Туркменистана и создали Парфянское царство. Значительно дольше держалось Греко-Бактрийское царство – последнее эллинистическое государство Средней Азии, хотя уже в конце III в. до н.э. кочевые народы, скорее всего саки или дахи, начинают штурмовать северные рубежи Греко-Бактрийского царства. В результате данного наступления эллинские правители этого царства теряют всю Согдиану, где возникают независимые владения, возможно, входившие в Кангюйскую федерацию. Это, можно сказать, было первое наступление кочевых народов на последний оплот эллинистической государственности в Средней Азии.

Второе наступление началось в середине – начале второй половины II в. до н.э. Причем шло оно двумя волнами – вначале сакские и сарматские племена (сакаравлы, асии и пасиане), а затем тохары (юечжи). Первые были, по-видимому, выходцами из центральных и северных районов Средней Азии, вторые – из Центральной Азии, где на территории современной китайской провинции Ганьсу локализуется прародина тохаров (юечжей). В результате этого наступления пало Греко-Бактрийское царство, хотя не исключено, что распад его, возможно в результате каких-то внутренних противоречий, начался еще ранее.

Сакско-сарматские племена ушли на юго-восток, где ими было создано т. н. Индо-Сакское государство. Возможно, какая-то их часть осталась в Бактрии. Юечжи осели на всей территории Бактрии.

Таким образом, в середине – начале второй половины II в. до н.э. история эллинистической государственности на юге Средней Азии, насчитывающая большой временной период почти в двести лет (330–150/140 гг. до н.э.), пришла к своему завершению.

Тем не менее Великий индийский путь, в значительной мере созданный благодаря эллинско-македонским правителям, не прекратил своего существования, а движение индийских товаров на запад по его морским и сухопутным частям стало еще более интенсивным. Об этом свидетель-

*Saka cult and everyday vessels. Kampyrtepa.
First half of the 2nd century BC*

*Комплекс бытовых и культовых сакских
сосудов. Кампыртепа.
Первая половина II в. до н.э.*

ствуют как немногочисленные, но достаточно выразительные сведения письменных источников, так и археолого-нумизматические данные.

В борьбу за контроль над трассами Великого индийского пути вступили два новых игрока – Римская империя и Парфянское царство. Парфяне продолжили свое наступление на восток, начатое при Митридатe I (171/170–139/138 гг. до н.э.), и уже при его сыне Митридатe II (124/123–88/87 гг. до н.э.) захватили Маргиану, о чем, в частности, свидетельствует его монетный чекан в этой области, принадлежавшей до этого Греко-Бактрийскому царству, и стали проникать в долину Окса.

В свою очередь, римляне, захватившие в 30 г. до н.э. Египет и полностью контролировавшие морскую трассу Великого индийского пути, предпринимали активные попытки разведки этого пути на северной трассе, о чем свидетельствуют грандиозный поход Помпея Великого к Каспийскому морю в 66 г. до н.э. и данные о пути в Индию, сообщенные Марком Теренцием Варроном. То есть римляне активно искали пути в обход Парфянского государства, которое препятствовало проникновению индийских, а впоследствии и китайских товаров на запад и римских товаров на восток.

ДОРОГА ИЗ ИНДИИ В БАКТРИЮ И К КАСПИЙСКОМУ МОРЮ
ПО ДАННЫМ МАРКА ТЕРЕНЦИЯ ВАРРОНА

Путь из Индии до р. Бактра (Балхаб), где она впадает в Окс (здесь Келифский Узбой. – Э.Р.), и от этой реки к Каспийскому морю описывает Плиний (VI, XIX, 52) со ссылкой на Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.). Вот эти сведения:

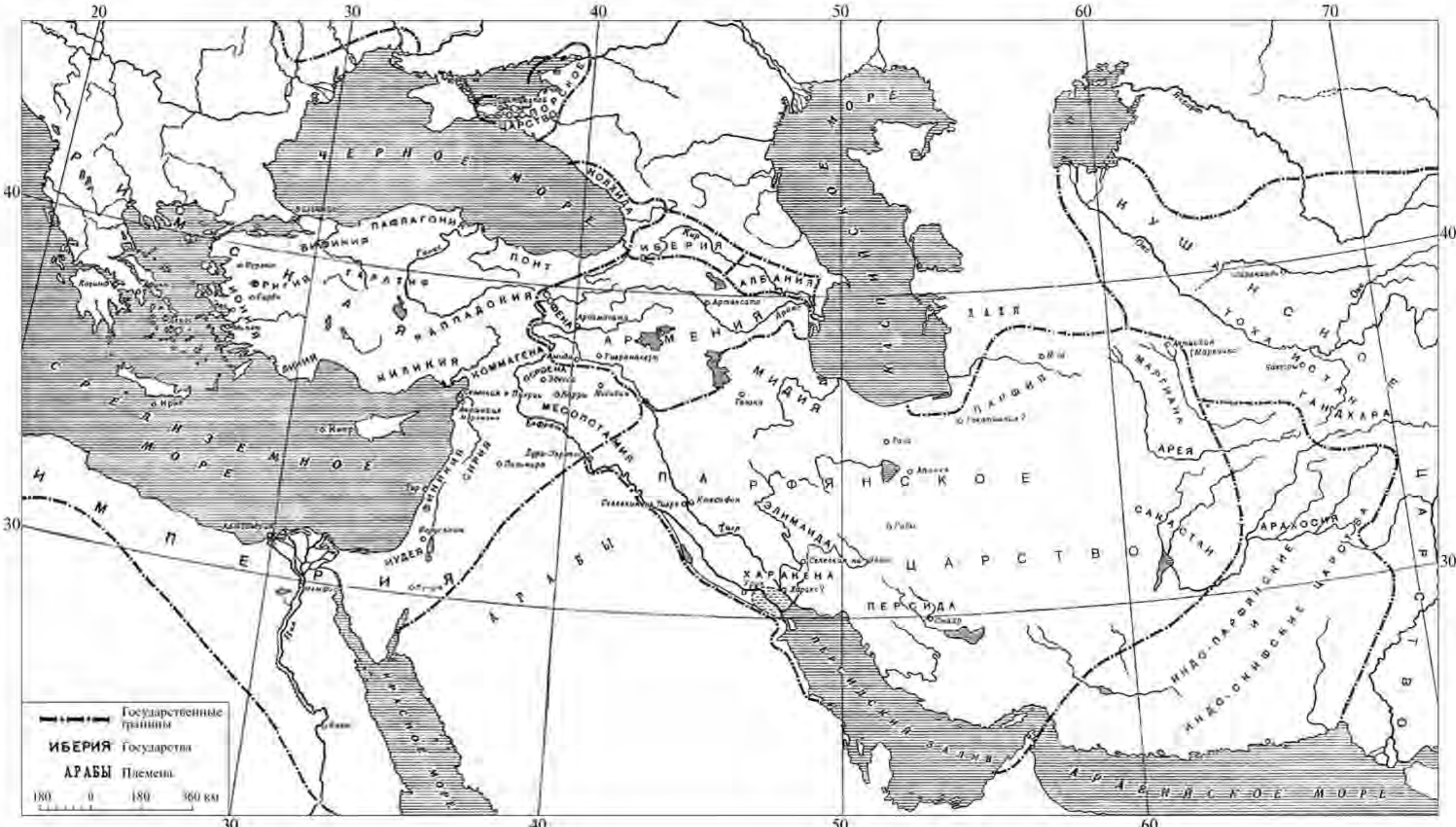
«Варрон прибавляет также, что во время похода Помпея было исследовано, что из Индии можно в семь дней прийти в Бактрию к реке Бактра, впадающей в Окс (т.е., по нашему мнению, в Келифский Узбой. – Э.Р.), и с этой реки по Каспийскому морю проехать до реки Кира...» (перевод В.В. Латышева).

Уточняет этот маршрут римский историк Солин (первая половина III в. н.э.):

«Не умолчу, что в то же время тому же Великому [Александру Македонскому] удалось в восемь дней пройти из Индии в Бактрию до реки Далиер, где она впадает в Окс (выделено мной. – Э.Р.), затем к Каспийскому морю...» (перевод В.В. Латышева по тексту, изданному Т. Моммзеном)¹. За исключением самого Т. Моммзена, который сомневается в переводе гидронима Dalierum², все другие исследователи переводят название этой реки как Бактра. Отсюда, от места слияния Бактры с

¹ Латышев 1949. С. 245.

² Об этом сказано в гл. I.

Near East and Central Asia in 1st–2nd century AD
 Ближний Восток и Средняя Азия в I–II вв. н. э.

Келифским Узбоем, дорога поворачивала к Каспийскому морю.

Сомнения в достоверности сведений Плиния, восходящих к не дошедшим до нас сочинениям Марка Теренция Варрона, высказали Кисслинг³ и особенно В.В. Тарн⁴. Однако уже О.Д. Лордкипанидзе первым из исследователей доказал, что доводы, приведенные В.В. Тарном, неубедительны и что сомневаться в действительном существовании торгового пути из Индии в Понт нет никаких оснований⁵.

На базе археологических находок он предположил, что, в частности, на Южном Кавказе отдельные участки этого пути, имевшие сначала локальное значение, существовали еще в доэллинистическое время⁶. Замечу, однако, что уже в эпоху бронзы сформировались дороги, имевшие не только локальное значение, но соединявшие регионы, находившиеся на весьма отдаленном (более 1000 км) расстоянии друг от друга – от Индии до Каспийского моря.

Как мне представляется, непосредственно со сведениями Марка Теренция Варрона о торговом пути из Индии связано известное сообщение Страбона о сарматском племени аорсов, которое владело большей территорией побережья Каспийского моря, т.е. северной, северо-западной и северо-восточной его частями. «Поэтому они, – говорит Страбон, – вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (Страбон, XI, 5, 8).

Данные сведения Страбона неоднократно обсуждались в научной литературе⁷, причем суть дискуссии сводилась к тому, по какому пути от армян и мидян доставлялись индийские товары – по колхидо-меотскому или прикаспийскому вдоль западного побережья через Дербентский проход и Кавказскую Албанию. Предпочтительным считается второй путь, что показал ряд исследователей⁸, причем приведенные Страбоном сведения о торговле индийскими товарами отражают реалии его времени (т.е. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.).

Для темы данного исследования, однако, важнее является вопрос о том, каким образом и какими путями доставлялись индийские товары армянам и мидьянам, проживавшим непосредственно у южного и юго-западного побережий Каспийского моря или несколько далее к западу от него. Мне представляется, что решение данного вопроса находится в непосредственной связи с дорогами Великого индийского пути от Окса до Каспийского моря и далее, а также с дорожником Исидора Харакского, описавшего путь от Гиркании до Маргианы и ее столицы.

Суммируя все эти сведения, можно реконструировать весь путь следования товаров из Индии. Они доставлялись из Гандхары по дороге, идущей вдоль Кофена (Кабулдарья) через перевалы Гиндукуша до р. Сурхаб (Кундуздарья), где дорога могла разветвляться – одни торговцы шли вдоль р. Сурхаб до ее впадения, а затем по Оксу спускались на речных судах вплоть до впадения р. Бактра (Балхаб) в Окс (его рукав Келифский Узбой) или по р. Кунар до Читрала, а затем через Зебак в Бадахшан, откуда по Кокче и Оксу до места впадения р. Бактра. Другие, возможно, предпочитали

3 Kiessling 1914. Col. 405, 407.

4 Tarn 1985/ P. 488–490. Подробно см. в гл. I.

5 Лордкипанидзе 1957.

6 Там же. С. 381–382.

7 Гаджиев 2009. С. 27–33.

8 См., например: Давудов 2009. С. 41–57.

сухопутный путь от Адраспы (Андараба) в Саманган (Хульм) к г. Бактра, а затем до впадения р. Бактра в Келифский Узбой. Отсюда вдоль него караваны шли к г. Маргиана – Антиохии Маргианской (городище Старый Мерв). От него дорога поворачивала на юго-запад в область Апаварктикены, через города Рагав (в районе Душака), Апаварктику (возможно, городище Койне-Каахка), затем шла на запад в область Парфиены, расположенной в предгорьях Копетдага, через Сирок (у совр. кишлака Гяурс), Гатар, отождествленный А.А. Марущенко с городищем Анау. Далее дорога приводила в Нису (городища Старая и Новая Ниса), у селения Багир⁹, а затем вдоль Копетдага или по долине р. Атрек – в область Дахистан (низовья Атрека, юго-западное побережье Каспия). Еще в XIX в. прямые дороги, исследованные русскими разведчиками, соединяли юго-восточное побережье Каспийского моря (Гирканию, Дахистан) с Мервом (Маргианой)¹⁰. Затем дорога шла в область Гирканию, лежащую ниже Дахистана в долине р. Гурган и вдоль юго-западного побережья Каспия, где эта область непосредственно соприкасалась с Мидией, а та, в свою очередь, с Арменией¹¹. Вдоль всего юго-западного побережья Каспийского моря до устья р. Куры и выше проживало древнее племя каспиев (откуда это море и получило свое название).

Важным доводом в пользу намеченного нами пути движения индийских товаров является вышеприведенное сообщение Клавдия Элиана (кон. II – первая пол. III вв. н.э.) о том, что каспии из внутренностей осетровых рыб изготавливали крепчайший клей, который использовали, в частности, для склеивания изделий из слоновой кости. Из этого рассказа явствует, что к каспиям поступала слоновая кость, из которой они изготавливали красивые предметы. Откуда же могла поступать слоновая кость к каспиям? Вероятнее всего, по Великому индийскому пути из Индии в Бактрию и отсюда через Маргиану и Парфиену в Гирканию. Далее она могла доставляться или прямо морским путем через Каспий, или сухопутной дорогой вдоль южного побережья Каспийского моря, или дорогой, шедшей из Гиркании через Каспийские ворота в Экбатану (этой дорогой в обратном направлении шел Александр Македонский), которая была связана с каспиями прямым караванным трактом. По словам Элиана, сушеную или засоленную осетровую рыбу каспии на верблюдах доставляли в Экбатану (XVII, 32).

Сведения Элиана, написавшего свое сочинение в конце II–III в. н.э., безусловно, отражают реалии более раннего времени, т.к. Страбон (умер ок. 23 г. н.э.; сочинение написано не ранее 18 г. н.э.) характеризует каспиев как исчезнувший народ (XI, 4, 5).

Активно функционировал в это время и водный путь по Оксу. На это, в частности, прямо указывают сведения, содержащиеся в китайских письменных источниках «Ши-цзи» и «Истории ранней династии Хань». Сведения эти относятся к концу II в. до н.э. – началу I в. н.э. и подробно проанализированы ниже. В них говорится, что на р. Гуйшуй (= Амударья = Окс) проживают торговцы и купцы, которые и сухопутным и водным путем развозят свои товары на несколько тысяч *ли*. При *ли*, равном 0,5 или 0,6 км, это означает, что купцы развозили свои товары на расстояние от тысячи до двух-трех тысяч километров.

Таким образом, расстояние в несколько тысяч *ли* (несколько тысяч километров) не может укла-

9 Массон М. 1951в. С. 27–29.

10 Петрусевич 1880. С. 152–153; Атагарриев 1986.

11 Дьяконов И. 2008. С. 338 (карта).

дываться в пределы Средней Азии, поскольку, к примеру, расстояние от Окса в районе Келифа и до Каспийского моря в месте впадения Атрека по прямой равно немногим более 1000 км, а в других местах то же расстояние еще меньше; длина Окса от того же места до Аральского моря – 800–900 км. Общее расстояние по Оксу от Келифа до Саракамыша, а затем по Узбою – около 1400 км.

Очевидно, что речь здесь идет о международной, а никак не о локальной торговле, а под водными путями подразумеваются не только речные, но и морские трассы, вероятнее всего Каспийское и Черное моря, т.к. расстояние от бактрийского участка Окса до других морей еще больше и не укладывается в понятие нескольких тысяч километров.

Кроме того, эти сведения указывают на то, что в городах и поселениях, расположенных в долине Окса, скорее всего в Бактрии, существовали достаточно многочисленные фактории, вероятнее всего, бактрийских, индийских и парфянских купцов.

О значительном объеме денежной торговли в долине Окса свидетельствуют подражания греко-бактрийским монетам, выпуск которых осуществлялся с конца II в. до н.э. до начала I в. н.э. включительно. Большое их количество найдено на городищах и поселениях Северной Бактрии (особенно подражания монетам Гелиокла), где они зафиксированы в следующих пунктах: Айртам – 2 экз., Хагын-Рабат – 1 экз., Старый Термез – более 10 экз., Камыртепа – 9 экз.¹² Далее по долине Окса они пока не обнаружены, зато встречаются в Маргиане. В частности, одно подражание тетрадрахам Гелиокла обнаружено на городище Старый Кишман (Кушмейхан), расположенном в 30 км к северо-востоку от Старого Мерва, на древнем караванном пути, идущем в долину Окса¹³. Еще одна аналогичная монета найдена в 1965 г. на известном христианском монастыре Хароба-Кошук при обследовании его отрядом ЮТАКЭ, в котором принимал участие и я. Подражание Гелиоклу найдено Л.Л. Букинич в 1961 г. в шве северной стены буддийского монастыря на Гяур-кале в Старом Мерве.

Подражания греко-бактрийским монетам обнаружены также на Южном Кавказе и в Северном Причерноморье. Так, серебряное подражание тетрадрахам Евтидема, ранней группы II–I вв. до н.э., эмиссия которых производилась в Бухарском Согде, найдено в Грузии, в Пассанаури, в долине р. Арагвы, впадающей в Куру¹⁴. Аналогичная монета обнаружена на Украине на острове Хортица, расположенном в низовьях р. Днепра. Согласно выявленным архивным данным, в древней Ольвии во второй половине XIX в. было найдено бронзовое подражание монетам Евтидема квадратной формы со скачущими Диоскурами и надписями на кхароштии и греческом, ныне хранящееся в коллекции Национального музея в Варшаве¹⁵. По-видимому, по этому же пути проникли на Южный Кавказ монеты правителя Маргианы Санабара, клад которых обнаружен в Грузии, в долине р. Куры¹⁶.

Хотя находки монет I в. до н.э. – I в. н.э. на Великом индийском пути пока немногочисленны, но если соединить в одну линию пункты их находок (долина Окса – Маргиана – Южный Кавказ – Северное Причерноморье), то можно сделать определенный вывод о функционировании этого пути в данное время. Пункты находок почти повторяют пункты аналогичных находок для более

12 Ртвеладзе 2002б. С. 117–131.

13 Массон М. 1966. С. 96.

14 Казаменова 1961. С. 120, 122, табл. 3, 26.

15 Mielczarek 1997. P. 131–132.

16 Абрамишвили 1974. С. 113.

раннего эллинистического времени.

ПАРФЯНЕ В ДОЛИНЕ ОКСА. БОРЬБА ЗА ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ

Функционирование Великого индийского пути невозможно понять без анализа политической обстановки и культурных взаимоотношений, сложившихся вдоль него от долины Инда до Каспийского моря после распада Греко-Бактрийского царства и образования Кушанского государства.

Ключевое место в них занимают Парфянское царство и конфедеративное государство Больших Юечжей, возникшее на месте Греко-Бактрийского царства, поскольку по территории этих государств или в непосредственной близости от них проходили основные сухопутные дороги, а также водная трасса (по Оксу) этого пути. Непосредственное отношение к нему имели кочевые племена, в основном парны и дахи (= даи)¹⁷, а также другие кочевые народы, занимавшие огромное пространство от Каспийского моря до Окса и контролировавшие большой участок этого пути, проходивший через Каракумы вдоль Келифского Узоя и Узбоя.

Наконец, важнейшее значение имеет и установление в конце II в. до н.э. при Митридате I дипломатических и торговых отношений между Ханьским и Парфянским царствами, положившими начало другой трансконтинентальной дороге – Великому шелковому пути.

Уже при Митридате I, подлинном основателе парфянского могущества, войны которого принесли Парфянскому царству огромные территориальные приобретения на западе, парфяне устремились на восток, в Бактрию, отняв у греко-бактрийских царей между 160 и 150 гг. до н.э. сатрапии Аспион и Турива, расположенные, по всей вероятности, на северо-западе современного Афганистана, в результате чего они, вероятно, вышли к Оксу. Эту войну Митридата I в Бактрии нельзя не рассматривать как первые попытки парфян овладеть одним из ключевых участков Великого индийского пути, шедших по Оксу.

Однако после смерти Митридата I дальнейший контроль над этой территорией был, по-видимому, утрачен парфянами в результате продвижения кочевых народов в Бактрию и захвата ими данной области. Эти племена шли двумя мощными потоками. Первый из них – сако-сарматский – из районов Приаралья через территорию современного Туркменистана, второй – юечжийский (гохарский) – из Восточного Туркестана через современный Узбекистан и Таджикистан. В результате этих миграций, носивших преимущественно военный характер, было сокрушено Греко-Бактрийское царство; немалой опасностью эти кочевые племена грозили и Парфянскому царству, особенно на его северо-восточных границах.

В войне с ними, вероятно в 128 г. до н.э., погиб парфянский царь Фраат II (138–128 гг. до н.э.), после чего борьбу с кочевыми племенами возглавил сын Фраата II – Артабан I (128–124 гг. до н.э.). По сообщению Юстина,

*Parthian nobleman.
Terracotta. Кампыртепа*

*Знатный парфянин.
Терракота. Кампыртепа*

17 Об этом см.: Olbrycht 2000. P. 182–186.

он напал на тохаров, но также погиб в одном из сражений с ними в 124 г. до н. э. (XLII, 2, 2).

В списке племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство, Страбон называет асиев, пасианов, сакаравлов и тохаров (Strabo. XI, 8, 2). В «Географии» Птолемея, сведения которого восходят к Марину (I в. до н.э.), сохранился список племен, населявших Бактрию в это время, причем перечисление их идет от Окса с северо-запада на юго-восток: «The Salaterae and the Zariaspaie inhabit northern Bactria along the Oxus river; toward the south below the Salaterae are the Chomari; below whom are the Comi, then the Acinacae, then the Tambyzi; below Zariaspa are the Tochari a great race» (Ptol. Geogr. VI, 11). Судя по мере отдаленности местопребывания тохаров на юг от Окса, довольно значительной, ибо перед ними названо еще шесть племен, занимавших определенные территории, местом пребывания тохаров являлась Юго-Западная Бактрия, предгорные районы Банд-и Туркестана и западные отроги Гиндукуша. Соответственно и война парфянов с тохарами, в ходе которой погиб парфянский царь Артабан I, проходила на территории Юго-Западной Бактрии.

В последующем характер взаимоотношений Парфянского царства с кочевыми племенами, осевшими в Бактрии и создавшими здесь государство Больших Юечжей, радикально изменяется, по-видимому, в ходе войн победа переходит уже на сторону парфянов. По сообщению Страбона, «они [парфяне] захватили также часть Бактрианы, оттеснив скифов» (XI, 9, 2, 515). По мнению ряда исследователей, данное событие произошло при Митридат II (124/123–88/87 гг. до н. э.). «Несколько раз, – сообщает Юстин, – вел он (Митридат II. – Э.Р.) со скифами удачные войны и отомстил за обиды, нанесенные его предкам» (XLII, 2, 5).

Примечательно, что именно на это время приходится находки наиболее ранних парфянских монет, зафиксированных на территории Бактрии. Это драхмы Митридата II, найденные в Мазар-и Шерифе, Старом Термезе и Тиллятепа¹⁸. В этой связи представляется весьма важным вопрос о том, какую часть Бактрии отняли парфяне у юечжей. Согласно М. Ольбрыхту, парфянам при Митридат II принадлежали не только Западная Бактрия, но и территория среднего течения Амударьи. (ссылка: Olbrycht 2000, 182–186.)

Имеется любопытная группа парфянских монет, на реверсе которых наряду со словом ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ («в походе») проставлены названия нескольких областей – ΑΡΕΙΑ, ΜΑΡΓΙΑΝΗ, ΤΡΑΞΙΑΝΗ, ΝΙΣΑΙΑ, ΡΑΓΑΙΑ¹⁹. Считается, что они выпущены в связи с походом и завоеваниями парфянов на Востоке, т. е. против Бактрии²⁰. Согласно другому мнению, эти монеты фиксируют передвижения царского двора по провинциям Парфянского царства²¹. Объясняется это тем, что наряду

18 Сарияниди, Кошеленко 1982. С. 307–308, рис. 1, 1. Монета из Старого Термеза осмотрена мной в 1989 г. в коллекции майора Ю. Ермешкова.

19 Марков 1892. С. 279–281.

20 Массон В., Ромодин 1964. С. 119, примеч. 50.

21 Пилипко 1986. С. 80.

Statuette of Mithridates I.
Terracotta. Кампыртепа

Статуэтка Митридата I.
Терракота. Кампыртепа

с Маргианой и Ареей на данных монетах проставлены названия областей Нисая и Рагая, которые давно уже входили в подчинение Парфянского царства. Вместе с тем возможно и компромиссное решение этого вопроса: одни монеты данной серии фиксируют действительные завоевания парфянов на Востоке или окончательное вхождение таких областей, как Арея, Маргиана, Траксиана, в состав Парфянского царства, другие – передвижения царского двора по провинциям Нисая и Рагая. По мнению А.К. Маркова, монеты данной серии были выпущены Фраатом II (138–128 гг. до н. э.)²². В. Росс считал, что они чеканились при Артабане II (10–38 гг. н. э.). Того же мнения придерживался Ж. де Морган²³. Э. Ньюэлл, относя эти монеты ко времени Готарза I (ок. 90–80 гг. до н. э.), тем не менее допускал, что выпускавшее их лицо было соправителем Митридата II на Востоке²⁴.

Из трех восточных провинций, упоминающихся на монетах данной серии: Арея, Маргиана, Траксиана, локализация первых двух не вызывает сомнений. Область Арея расположена в верховьях Теджена (Hārī-rud) и верховьях Мургаба, Маргиана – в низовьях и по среднему течению Мургаба²⁵. Локализация Траксианы остается спорной. А.К. Марков полагал, что Траксиана – это название города Ταρσιανα в Кармании²⁶. По мнению В.В. Тарна, после завоевания Евтидемом парфянских сатрапий Астаузена и Апарарктикена, а также части Парфии они стали бактрийскими сатрапиями Траксиана и Тапурия. Согласно его точке зрения, Траксиана располагалась в долине Кешеф-руда на севере Ирана, а его столицей являлся город Тус²⁷, что во многом априорно: в тексте Страбона, на который он ссылается, вместо названий Траксиана и Тапурия приведены Аспион и Турива (Страбон, XI, 517). Более предпочтительным нам представляется мнение В.М. Массона, полагавшего, что Траксиана скорее всего должна была находиться около Ареи и Маргианы²⁸, не исключено, что где-то на стыке границ этих областей с Бактрией или в долине Окса (= Амударьи).

Обращает, в частности, на себя внимание наличие в слове «Траксиана» компонента ΑΞΙΑΝΗ, который в определенной степени созвучен названию р. Окс. Само слово «Траксиана» – это какая-то область, наименование которой образовано по такому же принципу, как Бактриана, Маргиана, Согдиана. Где могла располагаться эта область? Для определения возможного ее местонахождения и вообще зоны парфянского влияния в Бактрии немаловажное значение имеют находки парфянских монет на территории этой области. Как я показал выше, наиболее ранними парфянскими монетами, проникшими в Бактрию, являются серебряные монеты Митридата II, найденные в долине Окса или в непосредственной близости от нее. Это свидетельство если не политического подчинения данной территории парфянам при Митридат II, то, во всяком случае, торговых отношений, возможно, по р. Окс. В этом отношении немаловажное значение имеют сведения китайских источников – «Ши-цзи» и «Цзянь-Ханьшу» («История Старшего дома Хань»).

В первом из них, составленном историком Сыма Цянем на основании доклада императору У-ди (140–87 гг. до н. э.) знаменитого китайского разведчика и путешественника Чжан-Цзяня, побывав-

22 Марков 1892. С. 279–281.

23 Morgan 1923–1936. P. 155.

24 Newell 1938. P. 480–481. С мнением Э. Ньюэлла о выпуске этих монет Готарзом I согласился В.М. Массон. См.: Массон В., Ромодин 1964. С. 119, примеч. 50.

25 О местоположении Ареи и Маргианы см.: Массон М. 1970. С. 14–19; Хлопин 1983. С. 180–195.

26 Марков 1892. С. 281.

27 Tarn 1985. P. 88–89.

28 Массон В., Ромодин 1964. С. 119.

шего в Бактрии между 140 и 130 гг. до н.э., сказано, что «по реке Гуй-шуй живут торговцы и купцы, которые и сухопутным путем и водою развозят свои товары по соседним владениям – даже за несколько тысяч ли»²⁹. Причем описание торговли по р. Гуй-шуй, которая всеми исследователями отождествляется с Оксом (Амударьей), приведено в разделе об Аньси (Парфии), но не Бактрии, что уже само по себе предполагает парфянское влияние в районе этой реки. Но если в «Ши-цзи» прямого утверждения о подчинении части Амударьи парфянам не имеется, то таковое содержится в «Истории Старшего дома Хань» или «Истории ранней династии Хань» (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.), составленной историком Бань Гу (32–92 гг. н.э.) при участии его отца и сестры³⁰. Этот труд был написан в основном между 58 и 84 гг. и завершён приблизительно около 100 г. н.э.³¹ В нем сказано: «(Аньси) лежит по реке Гуй-шуй. Купцы производят торговлю с соседними государствами и сухим и водным путем»³².

Судя по содержанию фразы о р. Гуй-шуй, она взята из отчета Чжан-Цзяня, поскольку почти дословно повторяет аналогичное описание торговли по р. Гуй-шуй, за исключением того, что Аньси лежит на р. Гуй-шуй. В каком же месте? В низовьях Амударьи, в Хорезме, не найдено ни одной парфянской монеты, тем более монет конца II – начала I в. до н.э. Они обнаружены только в Западной Бактрии, в верхней и средней части долины Окса или в непосредственной близости от нее. Вероятно, фраза об Аньси, лежащей на р. Гуй-шуй, означает, что парфяне уже во второй половине II в. до н.э. обладали той частью долины Окса (= Гуй-шуя), которая простирается, возможно, от Чарджуу (Южный Туркменистан) до Келифа. Здесь начинался сухопутный участок Великого индийского пути от Окса в Маргиану, который шел далее к Каспийскому морю и о котором, вероятно, и шла речь в этих китайских источниках, повествующих о том, что купцы, жившие по Гуй-шую, развозили товары не только водной, но и сухопутной дорогой за несколько тысяч ли.

Следующими парфянскими монетами в хронологическом порядке, обнаруженными в долине Окса, являются драхмы Синатрука (77–70 гг. до н.э.), найденные в Мирзабек-кала, Маймана³³ и Старом Термезе³⁴ и халк Орода II (58–39 гг. до н.э.) из Кампыртепа (ссылка: Несколько парфянских монет найдено на Дильберджине. См.: Вайнберг, Кругликова 1976, каталог № 30, 109). Однако более всего приток в долину Окса парфянских монет, в том числе медных и серебряных, вызвавших подражания, а также надчеканов на них, приходится на правление Фраата IV (38–3/2 гг. до н.э.).

Сейчас опубликованы специальные статьи Д.В. Бирюкова³⁵ и А. Горина³⁶, посвященные находкам этих монет, где в силу различных причин фигурируют только шесть экземпляров.

Всего здесь найдено двенадцать парфянских монет и подражаний им. Из них три точно не определены, но по наличию на оборотной стороне отдельных деталей, весу и диаметру они, без сомнения, могут быть отнесены к числу парфянских монет или подражаний им. Они не учтены в

29 Бичурин 1950. С. 151.

30 Об этом см.: Вельгус 1978. С. 91–92.

31 Бичурин 1950. С. 183.

32 Там же.

33 Пилипко 1985. С. 189, № 32.

34 Ргвеладзе 2010г. С. 13.

35 Бирюков 2010. С. 34–49.

36 Gorin 2010. P. 107–127.

Drachm of Sinatruces (77–70 BC). Old Termez. Collection of Yu. Ermeshkov

Монета Синатрука (77–70 гг. до н.э.). Старый Термез. Коллекция Ю. Ермешкова

статьях Д.В. Бирюкова и А. Горина. Одна монета Орода II (определение Е.В. Зеймаль) и одно подражание монетам Фраата IV также не учтены в этих статьях и, к сожалению, утрачены. Это подражание монетам Фраата IV найдено на полу угловой северо-восточной башни крепостной стены городища в одном слое с монетой Сотера Мегаса в 1982 г.

Таким образом, среди этих монет две или три подлинно парфянские халки Орода II и Фраата IV, остальные отнесены разными исследователями к числу подражаний монетам Фраата IV. Не исключено также, что монеты, определенные как подражания, на самом деле являются продукцией провинциального монетного двора, т.к. они отличались от халков Фраата IV лишь незначительными деталями.

Кампыртепа – единственный населенный пункт в Бактрии, где обнаружены находки бронзовых, а не серебряных парфянских монет, что само по себе весьма показательно. Не исключая участия в торговых операциях, я полагаю, что их находки здесь отражают определенную форму политической зависимости этой части долины Окса от Парфянского царства во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э.

Отмечу также, что драхмы Фраата III найдены на Мирзабек-кала³⁷ и драхмы Фраата IV в могильнике Тиллятепа³⁸, а обол Фраата IV маргианского типа (по данным Б.Я. Ставиского) – на Орлиной сопке (Ходжа-Гульсуар)³⁹. Кроме того, в храме Окса, на городище Тахти-Сангин в Ботросе № 3 обнаружено 69 серебряных подражаний драхмам Фраата IV (38–3/2 гг. до н.э.)⁴⁰.

Последний этап парфянской экспансии на восток, в Бактрию, приходится на середину I в. н.э. В этом отношении большой интерес представляют сведения римского историка Тацита, касающиеся войны за парфянский престол, развернувшейся между Варданом (ок. 39–45/47 гг. н.э.) и Готарзом II (43–50 гг. н.э.). Согласно Тациту, Готарз, получив помощь от дахов и гирканцев, начал военные действия, в ответ на что Вардан, вынужденный снять осаду Селевкии, перенес свой лагерь «на поля Бактрии», по-видимому, в ту часть Западной Бактрии, которой владели парфяне. В этом противостоянии Вардан оказался сильнее и утвердил за собой Парфянское царство, тогда как Готарз был вынужден удалиться в Гирканию.

Однако в дальнейшем Готарз, подстрекаемый знатью, возобновил военные действия против Вардана. Последний вышел к р. Эринду, в битве при которой он разбил войска Готарза. Затем, после ряда удачных сражений, Вардан покорил народы, обитавшие между рр. Эринду и Синд, про которую сказано, что она отделяет дахов от ариев. На этом походы парфян завершились, т.к. они не

37 Пилипко 1985. № 33.

38 Сариниди, Кошеленко 1982. С. 307–309.

39 Ставиский 2001. С. 54.

40 Зеймаль Е. 1983а. С. 129–141.

желали вести войну *вдали от родины*. Где-то в этих местах Варданом были установлены памятники, на которых были нанесены надписи, извещающие о том, что ни один Аршакид до него не облагал эти племена данью (Тацит, *Анналы*, XI, 8–10).

Данные сведения Тацита чрезвычайно важны, поскольку определение области между рр. Эринду и Синд, а также локализация этих рек позволяют определить и восточные границы Парфянского царства в середине I в. н. э.

Река Эринду – это, вероятнее всего, р. Герируд (Теджен), протекающая на территории Афганистана и Туркменистана⁴¹. Но определение местоположения р. Синд вызывает значительные затруднения. Представляется, что данный вопрос можно прояснить, если обратиться к средневековым письменным источникам, зачастую сохраняющим названия древних топонимов и гидронимов.

В этом отношении весьма любопытно наличие в бассейне р. Мургаб нескольких селений и городов, носящих название «Синдж», которое имеет явное сходство с названием «Синд».

Так, согласно Самани, Синдж – это селение, расположенное в 7 фарсах от Мерва⁴². По Истахри, селение Синдж находилось в одном переходе от Мерва между дорогами, ведущими в Серахс и Марварруд⁴³, что не противоречит данным Самани, ибо 7 фарсахов представляют собой один дневной переход – маршала.

Селение Синдж упоминает и Балазури, согласно сведениям которого из всех селений области Мерва только Синдж оказал сопротивление мусульманам⁴⁴. Известно, что область Мерва была завоевана арабами в середине – начале второй половины VII в., что свидетельствует о существовании этого названия уже в данное время. В области Мерва имелось и другое селение с подобным названием. Согласно тому же Самани, оно называлось Синдж ал-Аббади⁴⁵. По Йакуту, Синдж Аббад – селение в 4 фарсах от Мерва⁴⁶. Замечу также, что восточные ворота шахристана древнего Мерва (Гяур-кала) назывались воротами Синджан.

Город (бад) Синдж имелся также в Гарчистане – горной области, расположившейся в верховьях Мургаба⁴⁷. По данным Ибн ал-Асира, город с аналогичным названием существовал также в Гуре – горной области к востоку от Герата⁴⁸.

Таким образом, в бассейне Мургаба, начиная от ее истоков и кончая Мервом, фиксируется ряд селений с названием «Синдж», в котором отражено более древнее название «Синд», в арабской графике переданное как «Синдж». Исходя из этих данных, можно предположить, что или вся р. Мургаб, или ее верховья в древности назывались Синд.

Предложенное мной отождествление р. Эринду с Тедженом и р. Синд с Мургабом вызвало соответствующие возражения со стороны Ф. Грене. По его мнению, Эринду Тацита, явно идентичный Хариндасу Птолемея (VI, 2, 2) и Хиранду географического трактата X в. «Худуд ал-Алам» – это

41 Массон В., Ромодин 1964. С. 8, прим. 5.

42 Sam'ānī 1987. Vol. 7. P. 115.

43 Al-Istakhri 1870. P. 263, 283.

44 Baladhuri 1901. P. 412.

45 Sam'ānī 1987. Vol. 8. P. 336.

46 Yāqūt 1866–1877.

47 Ibid. Bd. 3. S. 163.

48 Ibn al-Athīrī 1851. P. 62.

р. Гурган. Кроме того, он считает, что Синд – это древнее название р. Теджен, протекающей по Гератской равнине (античной Арее), основываясь на мнениях Гутшмидта и Марварта и на единственном примере употребления топонима Синд в районе Абиверда⁴⁹. Но этот город находится достаточно далеко от Теджена. В качестве невозможности отождествления р. Синд с Мургабом он приводит следующий аргумент: вместо «Sindj» у Мукаддаси указан «Sink», а в «Худуд ал-Аламе» – «Šing», которые не могут являться формами названия «Sind». Однако форма «Sindj» имеется у всех арабоязычных авторов, приведенных мной выше, и, более того, термин «Sindj» зафиксирован относительно всего течения Мургаба от его верховьев до низовьев.

Замечу, что, как бы хороши ни были этимологические изыски, они в очень большой степени субъективны и зачастую приводят к исключительной путанице, особенно в вопросе локализации древних и средневековых названий с современной географической номенклатурой. Более реальный путь – это анализ всех данных, что, к сожалению, у Ф. Грене отсутствует. Но прежде всего – замечания грамматического порядка. У Тацита сказано, что сражение Вардана с Готарзом II произошло «между Эринду и Синдом». Предлог «между» в географическом отношении обычно употребляется для обозначения положения городов, поселений, рек, морей и т. д. посредине чего-либо или пространственных границ, в которых замкнуто какое-нибудь действие. В данном случае, учитывая, что Эринду (по Ф. Грене – Гурган) течет в широтном направлении, а Синд (по Ф. Грене – Теджен) – в долготном направлении, Ф. Грене отводит место сражения Вардана и Готарза II к небольшой территории между истоками рр. Гурган и Теджен, приходящейся в основном на коренные парфянские области Апаварктикена и Астауэна⁵⁰, где, кстати сказать, в городе Асаак неподалеку от Кучана в верховьях Атрека короновался на престол первый парфянский царь Аршак⁵¹. Но согласуется ли такая локализация со всем комплексом данных, приведенных у Тацита? Разделим их на отдельные действия.

1. Вардан, сняв осаду Селевкии, приходит на «поля Бактрии», где разбивает войска Готарза.
2. Готарз бежит в Гирканию, где, получив подкрепление от дахов, возобновляет военные действия против Вардана.
3. Вардан подходит к р. Эринду, где снова одерживает победу над Готарзом.
4. В ряде последующих успешных войн Вардан покоряет «народы, обитавшие между рр. Эринду и Синд, про которую сказано, что она отделяет дахов от ариев».
5. Здесь поход Вардана завершается, т. к. парфянское войско отказывается воевать вдали от родины.
6. Здесь же Вардан устанавливает памятник, надписи на котором извещают о том, что ни один Аршакид до него не облагал эти народы данью.

Особенно важны здесь пункты 5 и 6. Если следовать предложенной Ф. Грене локализации, то получится, мягко говоря, явная нелепица: парфяне отказываются сражаться вдали от родины, тогда как, по Ф. Грене, это как раз коренные парфянские провинции Апаварктикена и Астауэна. К тому же Вардан устанавливает памятник, если следовать мнению Ф. Грене, в той области, которая

49 Грене 2000. С. 132, примеч. 10.

50 Об их локализации см.: Массон М. 1955, 10, 24.

51 Дьяконов М. 1961. С. 181; Дибвойз 2008. С. 35.

была основой Парфянского царства с самого начала его существования, тогда как в надписях этого памятника сказано, что ни один Аршакид не облагал эти покоренные народы данью.

Совершенно очевидно, что война Вардана и Готарза II происходила вдали от исконных парфянских владений, в предгорьях Копетдага в Южном Туркменистане и Северном Иране, возможно, где-то в тех районах Западного Афганистана, где рр. Теджен = Эринду и Мургаб = Синд в верхнем своем течении протекают параллельно друг другу. Этот район соответствует современным афганским провинциям Фирузкух и Гур, расположенным во многих сотнях километров от коренных владений парфян, т. е. «вдали от родины», куда парфяне прежде никогда не доходили.

Выше я показал, что основная экспансия парфян во II – начале I в. до н. э. была направлена в сторону Западной Бактрии и долины Окса с целью захвата водных и сухопутных трасс Великого индийского пути. По мнению Г.А. Кошеленко и В.И. Сарияниди, не только Западная Бактрия, но и весь Западный Афганистан, включая Гератский оазис, в I в. до н. э. – начале I в. н. э. входили в состав Парфянского государства. Это мнение основано не только на топографии находок парфянских монет, в том числе в районе Герата⁵², но и на анализе данных Исидора Харакского (нач. I в. н. э.) о «Царской дороге», проходившей по восточным провинциям Парфянского царства через Маргиану, Арею, Ануон, Зарангиану, Сакастан и Арахозию⁵³.

Что же касается упоминаемой Тацитом р. Синд как рубежа, отделяющего дахов от ариев, то это можно понять как территорию расселения дахов и ариев. Дахи занимали в Южном Туркменистане территорию от Каспийского моря в основном до Мургаба⁵⁴, тогда как «арии» – это название не только населения области Арея в верховьях Теджена⁵⁵, но и наименование коренных жителей Бактрии – бактрийцев. Согласно эдикту кушанского царя Канишки, отраженному в Рабатакской надписи, в его время была произведена своего рода языковая реформа, когда вместо прежде бытовавшего в официальных документах греческого языка был введен арийский язык⁵⁶. Из этого следует, что наименованием бактрийцев, коренных жителей Бактрии, было «арии». В таком случае все логично: дахи расселялись до р. Мургаб (= Синд), к востоку от них жили арии (= бактрийцы).

О достаточно значительном объеме парфяно-бактрийских связей и возможном продвижении парфян в бактрийскую часть долины Окса свидетельствуют не только вышеприведенные исторические и нумизматические данные, но и выявленные к настоящему времени, в особенности на Кампыртепа, Тахти-Сангине и Халчаяне, археологические объекты, в той или иной степени связанные с Парфией.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ПАРФЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДОЛИНЕ ОКСА

Среди этих находок особое значение имеет скульптурная голова из Халчаяна, отличающаяся от других найденных здесь скульптур своеобразной прической и длинной заостренной волнистой

52 Hackin 1935. P. 287–292; Mac Dowall, Taddei 1978. P. 210.

53 Сарияниди, Кошеленко 1982. С. 309.

54 Массон М. 1955. С. 21.

55 Хлопин 1983. С. 180–194.

56 Sims-Williams, Cribb 1996. P. 78.

бородой. Г.А. Пугаченкова трактует ее как голову парфянского принца, отмечая при этом, что в изобразительном отношении она более всего напоминает портрет парфянского царя Фраата IV (38–3/2 гг. до н. э.)⁵⁷.

В более поздней своей публикации Г.А. Пугаченкова напишет, что эта голова передает образ, «может быть, правителя области, соседней с приамударьинскими районами пребывания ранних кушан (например, индо-парфянских владений в Пенджабе)»⁵⁸.

Я полагаю, что в целом Г.А. Пугаченкова была права, ошибаясь только в определении места правления: следует говорить не о правителе индо-парфянских владений в Пенджабе, а о парфянском правителе приамударьинских владений в Западной Бактрии. Но надо отметить, что она писала об этом, когда никаких других свидетельств, археологических и нумизматических, парфянского присутствия в Северной Бактрии не было. Сейчас таковые имеются, и они достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в зону парфянского влияния, если не прямого подчинения, входила значительная часть долины Окса вплоть, возможно, до Термеза, что особенно проявляется для времени Фраата IV, монеты которого и подражания им достаточно часто встречаются в этой зоне.

Ф. Грене, отвергнув индо-парфянскую гипотезу Г.А. Пугаченковой, высказал мнение, что наиболее вероятными претендентами на идентификацию с персонажем Халчаяна являются парфянские цари Вардан (ок. 39–45/48 гг. н. э.) и Вологез I (51–79 гг. н. э.), поскольку с ним их объединяют многие детали изображения – прическа, форма бороды, отсутствие тиары⁵⁹. Однако такие же детали свойственны и изображению Фраата IV на монетах. Далее в соответствии со своей трактовкой исторических событий, связанных с войной между Готарзом II и Варданом и изложенных нами выше, Ф. Грене предположил, что парфянским царем, присутствующим в сцене триумфа кушан в Халчаяне, мог быть Вардан I, аргументируя это некими литературными домыслами⁶⁰.

Естественно, тождество Вардан I = парфянский правитель из Халчаяна было решительно отвергнуто Б.А. Литвинским, который, отметив участие монет Фраата IV и подражаний им в денежном обращении Бактрии, признал, что «главное же заключается в том, что халчаянский портрет «парфянского принца», безусловно, значительно ближе к монетному портрету Фраата IV»⁶¹. Вместе с тем Б.А. Литвинский не считал, что именно этот царь изображен в скульптурной композиции Халчаяна, а, учитывая возможную интенсивность бактрийско-парфянских связей, полагал, что этот элемент был включен в нее «как своего рода знак, свидетельствующий о величии и могуществе кушанского царя (правителя)»⁶².

Как теперь выясняется, изображение парфянского царя, или правителя, из Халчаяна не было единственным в Северной Бактрии. Я имею в виду терракотовую статуэтку, найденную на цитадели Кампыртепа в слое II–I вв. до н. э.⁶³ Она передает образ восседающего на троне с высокой

57 Пугаченкова 1966. С. 213, табл. XXVIII.

58 Пугаченкова 1971. С. 55.

59 Грене 2000. С. 131–132.

60 Там же. С. 134.

61 Литвинский 2010б. С. 284.

62 Там же.

63 Первую ее публикацию см.: Древности Южного Узбекистана 1991. С. 290, рис. 180; Культура и искусство древнего Узбекистана... 1991. С. 115, рис. 126. В этой публикации указана не совсем точная датировка — только I в. до н. э., правильнее же будет II–I вв. до н. э., причем с большим уклоном во II в. до н. э.

спинкой человека с завитой отдельными прядями бородой и усами, спускающимися обоими концами к бороде, с вьющимися волосами, охваченными надо лбом диадемой. Волосы сзади переданы отдельной длинной прядью. Фигура облачена в бронированные доспехи.

Стилистически (прическа, наличие завитой бороды, усов и диадемы, облик лица) персонаж терракотовой статуэтки из Кампыртепа схож с изображением парфянского принца из Халчаяна и, соответственно, с изображением упомянутых парфянских царей. Правда, К. Абдуллаев, принимая рельефную полосу на задней стороне головы этого персонажа за ленту шапки или «куйрук» (хвост) головного убора, связывает его с кочевниками и с образом Геракла⁶⁴. Однако таким образом передан в глине не куйрук, а лента диадемы, как правило, изображаемая у царей на греко-бактрийских и парфянских монетах. Причем более всего она схожа с лентой диадемы у Митридата I (171/170–139/138 гг. до н. э.), свисающей непрерывной полосой от завязи диадемы на затылке вниз под прямым углом. У других парфянских царей лента диадемы расходится косыми линиями. К тому же лента диадемы у Митридата I – однорядная, тогда как у более поздних царей, начиная с Фраата IV и Фраата V, она трехрядная и даже четырехрядная⁶⁵. Да и общим обликом изображение на терракоте из Кампыртепа более всего напоминает изображение Митридата I на монетах: с округлой, а не остроконечной бородой, одним рядом диадемы и прической, а датировка терракоты и время правления Митридата I весьма близки.

Напомним, что Митридат I был первым из парфянских царей, начавших наступление на Греко-Бактрийское царство, который отнял у Евкратиды в середине II в. до н. э. провинции Аспион и Турива, расположенные частично и в долине Окса. Как я показал выше, наиболее ранним свидетельством парфяно-бактрийских связей являются монеты Митридата II (124/123–88/87 гг. до н. э.), обнаруженные, в частности, на Верхней Амударье. На наличие связей, возможно, в это же время с парфянской Маргианой указывает обжигательная камера керамического горна с семью жаропроводящими каналами. Сама обжигательная камера – округлой формы, диаметром 1,5 м, длина каналов – 0,6–0,75 м, ширина – 0,15 м. Она находилась в восточном пригороде Кампыртепа⁶⁶.

При вскрытии печи в 1982 г. я датировал ее I в. до н. э. – I в. н. э. Позднее С.Б. Болелов, проводивший до вскрытия печи, датировал керамический материал из печи II в. до н. э.⁶⁷ Л.М. Сверчков отнес керамику из печи к выделенному им периоду Кампыртепа-5, т. е. позднегреко-бактрийскому времени⁶⁸.

По своей конструкции печь на Кампыртепа совершенно аналогична многолучевым в плане горнам из Джин-депе, расположенного в 22 км к северу от Старого Мерва в Маргиане. Одна подобная многолучевая в плане печь открыта на поселении Мунон-депе в 10–12 км к северу от Джин-депе⁶⁹. Л.Н. Мережин отмечает, что основной керамический материал из пяти печей Джин-депе относится к I в. до н. э. – I в. н. э.⁷⁰

64 Абдуллаев 1998, С. 84–86; 2002. С. 30–31

65 Ghirshman 1962. P. 114, pl. 135, 136–155.

66 Ртвеладзе 1999а. С. 221.

67 Болелов 2001. С. 15.

68 Сверчков 2006. С. 107–108, рис. 5.

69 Мережин 1962. С. 12–26.

70 Там же. С. 35.

Sculptured head of a Parthian ruler. Khalchayan. End of 1st century BC – beginning of 1st century AD

Скульптурная голова парфянского правителя. Халчаян. Конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.

Отсутствие в Бактрии, для которой характерны в эллинистическое время округлые, а в кушанское время прямоугольные печи, керамических печей с восьмьюили семилучевой планировкой и наличие их в Маргиане позволяют говорить о том, что подобные печи возникли в Северной Бактрии под воздействием Маргианы.

При раскопках на Кампыртепа был найден еще ряд предметов парфянского происхождения или изготовленных в Бактрии под воздействием парфянской традиции. Особое место среди них занимает деревянная статуэтка в серебряном окладе, скрепленном по краям мелкими гвоздиками. Статуэтка воспроизводит, по-видимому, более монументальную статую знатного вельможи (?) в поколенном кафтане, подпоясанном кушаком⁷¹. По типу одежды и общему облику она весьма схожа со статуей парфянского принца из Шама (Сирия)⁷². Аналогична здесь и одежда – кафтан с правым запяхом и штаны с драпированными наклонными широкими складками. На Кампыртепа найдена еще одна, на этот раз терракотовая, статуэтка, вероятно, знатного парфянина в высоком коническом головном уборе, одетого в плотно облегающий кафтан с правым запяхом, напоминающим некоторые скульптурные образы из Хатры⁷³.

Алебастровая статуэтка парфянина, подробно исследованная Б.А. Литвинским, найдена в храме Окса и датирована сейчас I–II вв. н. э.⁷⁴ К тому же времени, на основании археолого-стратиграфических данных, отнесены и статуэтки из Кампыртепа, но сейчас я полагаю, что они могут быть датированы концом I в. до н. э. – I в. н. э., исходя из того, что период наиболее активных парфяно-бактрийских взаимоотношений приходится именно на это время, на что указывают, в частности, и находки монет.

В последнее время в долине Окса выявлена группа заколок из слоновой кости с навершием в виде антропоморфных образов. Среди них можно выделить два типа, объединяющим признаком которых является своеобразная прическа в виде букли, которую можно также рассматривать как шар, венчающий головной убор.

I тип. Навершие заколок передает образ сидящей со скрещенными ногами обнаженной женской фигуры на низком троне-скамейке типа омфала с рельефной поверхностью. Правая рука поднята к плечу в жесте назидания, левая опущена к лону. Волосы забраны в валик, концы волос от макушки к шее опускаются ровным рядом. Не исключено, однако, что таким образом передан головной убор типа накидки. Венчает голову большая букля волос, переданных косыми насечками,

71 Древности Южного Узбекистана 1991. Рис. 166; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990.

72 Ghirshman 1962.

73 Древности Южного Узбекистана 1991. С. 286, рис. 159; Литвинский 2010а. С. 88–89.

74 Литвинский 2010а. С. 84–87.

Pottery workshop. Eastern suburban zone of Kampyrtepa
Керамическая печь. Восточный пригород Кампыртепа

или шар, если говорить о головном уборе.

Две костяные закладки подобного типа были обнаружены на Кампыртепа. Одна из них – в огромной мусорной яме, на уровне XVII яруса, в одном слое с монетой Канишки⁷⁵. Эта яма, расположенная в юго-восточном углу акрополя Кампыртепа, начала заполняться после захвата города кушанами, при Сотере Мегаса (Вима Так[то]), непосредственно над слоями греко-бактрийского времени, разрушив при этом древние стены и частично ворота акрополя. В нее сбрасывали культурные отложения из вышележащих помещений, поэтому неудивительно, что в ней попадались предметы более раннего – юечжийского и греко-бактрийского времени.

Более четкую датировку имеет вторая аналогичная закладка, обнаруженная при раскопках блока № 6 в северной части городища. По данным производившего здесь раскопки С.Б. Болелова, она найдена на полу помещения, входившего в т. н. квартал «Б», датируемый временем правления царя Канишки (первая пол. II в. н. э.)⁷⁶.

Выяснилось также, что костяные закладки с аналогичного типа навершием были найдены и в ряде других мест долины Окса. Так, на одном городище вблизи Ай-Ханум была обнаружена превосходной работы закладка из слоновой кости, навершие которой в виде сидящей обнаженной женской фигуры почти полностью идентично навершиям закладок из Кампыртепа – та же поза, лицо с опущенными веками, скамейка (или трон), на которой она восседает, а также прическа (к сожалению, сама букля не сохранилась). Единственное различие лишь в том, что у фигурки из района Ай-Ханум в правой руке находится чаша, а в левой, возможно, скипетр. По подъемному материалу

75 Шагалина, Никитенко 2003. С. 115–117; Никитенко [в печати].

76 Болелов 2002. С. 41–67.

французские исследователи датируют ее в широких хронологических рамках – от позднего греко-бактрийского до кушанского времени⁷⁷. Костяная закладка с аналогичного типа навершием обнаружена в ремесленном квартале, расположенном у северных ворот Гяур-калы в Старом Мерве⁷⁸. Авторы раскопок описывают ее как изображение сидящей на троне обнаженной богини с согнутыми ногами, одна рука которой покоится на колене, а в другой – предмет, который они называют скипетром. Однако, к сожалению, ни рисунок, ни фотография этой закладки не были помещены в публикацию, к тому же голова фигуры не сохранилась. Закладка найдена в одном слое с монетой Артабана II (10–38 гг. н. э.). К этому же типу антропоморфных наверший относится и костяная закладка, найденная на уровне второго пола помещения № 159 в жилом квартале на городище Зартепа. В.А. Завьялов описывает ее как изображение сидящей на троне без спинки богини в длинном одеянии, левая рука которой, согнутая в локте под прямым углом, покоится на поясе, в правой руке, поднятой к плечу, – плохо различимый предмет. Голова фигуры не сохранилась. Автор пишет, что контуры нижней части фигуры весьма напоминают контуры сидящей богини Ардохшо на монетах Канишки III⁷⁹.

II тип. Навершие закладок передает образ стоящей на круглом основании женской фигуры, облаченной в хитон с широким вырезом на груди; складки одеяния переданы косыми линиями. Лицо с крупным прямым носом, веки опущены. Плоский валикообразный головной убор (или нижняя часть прически) увенчан или шаром, или пышной буклей волос, переданных косыми перекрещивающимися палочками. Эта сложная прическа (или головной убор), как и облик лица, совершенно аналогична для двух типов наверший.

Закладка с такого типа навершием была впервые найдена на городище Топрак-кала и датирована С.А. Трудновской по аналогии с монетами Парса и ранних Сасанидов III – началом IV в. н. э.⁸⁰

Однако находка закладки с аналогичным навершием на Кампыртепа убеждает, что закладки подобного типа изготавливались значительно раньше. Эта закладка была найдена в северо-восточном углу Кампыртепа в блоке-квартале № 6, время обживания которого, судя по находкам монет Сотера Мегаса и Канишки, датируется в пределах I – середины II в. н. э. Соответственно этим же временем датируется и данная костяная закладка с антропоморфным навершием.

Таким образом, в Бактрии, Маргиане и Хорезме выявлена особая группа закладок из слоновой кости с антропоморфным навершием – фигура сидящей или стоящей женщины (богини?), которых, независимо от позы, объединяют общий облик лица и сложная прическа с пышной буклей

*Defeated horseman (a Saka or a Yuezhi).
Bronze buckle. Kampyrtepa*

*Поверженный всадник – сак или юечжи.
Бронзовая пряжка. Кампыртепа*

77 Guillaume, Rougeulle 1987. P. 81 (F3). Pl. 27, 3; XXIV, 11.

78 Буряков, Кацурис 1963. С. 124.

79 Завьялов 2008. С. 111–112, рис. 7.

80 Городище Топрак-кала 1981. С. 185–186, рис. 20.

Wooden Parthian figure in a silver frame. Кампыртепа
Статуэтки парфянина. Дерево, Серебряный оклад. Кампыртепа

Statue of a Parthian prince from Shami (Iran)

Статуя парфянского принца из Шами (Иран)

(или головной убор с шаром). Датировка их определяется от I в. н. э. до III – начала IV в. н. э., однако не исключено, что их изготовление относится к более раннему, а именно докушанскому, времени. В Хорезме же и Зартепа они появились гораздо раньше, чем III – начало IV в. н. э., и хранились, возможно, не одним поколением. Больше всего их найдено пока в Северной Бактрии (3 экз. – на Кампыртепа, 1 экз. – на Зартепа, 1 экз. – у Ай-Ханум), а потому можно предположить, что они изготавливались в Северной Бактрии или, учитывая парфяно-маргианский характер прически волос с пышной буклей, на стыке парфяно-бактрийских владений, т. е. или в Западной Бактрии, или в Маргиане.

Примечательно, что С.Я. Берзина не включила хорошо известные ей антропоморфные заколки из Кампыртепа, Топрак-калы и Гяур-калы в свою обобщающую работу о костяных изделиях египетского происхождения из Средней Азии⁸¹.

В начале XX в. в Ольвии (Северное Причерноморье) была найдена пластинка из слоновой кости с изображением знатного парфянина с пышной прической в виде трех буклей⁸². Такого же рода прическу можно наблюдать и у парфянских царей, изображенных на монетах. В.Н. Пилипко отмечает, что подобная прическа характерна для изображений Хосрова и Вологеза V (190–206 гг. н. э.), правив-

81 Берзина 2007. С. 79.

82 Фармаковский 1909. С. 42–44, рис. 41.

Hairpin top. Ivory. Кампыртепа

Навершия заколок. Слоновая кость. Кампыртепа

ших с разницей во времени в 70 лет, а также на монетах маргианского чекана, выпускавшихся в подражание монетам Вологеза V⁸³. Вместе с тем встречаются изображения с прической и в виде одной букли. Таковые представлены костяной статуэткой, найденной на городище Шаштепа на южной окраине Ташкента⁸⁴. Среди находок из Маргианы В.Н. Пилипко выявлена группа терракотовых статуэток с прической как из трех буклей, так и одной букли на макушке⁸⁵.

Характеризуя в целом эту группу терракотовых статуэток и сопоставляя их с резными костяными пластинками из Ольвии и Шаштепа, В.Н. Пилипко приходит к выводу, что все это – произведения одной художественной школы, центр которой располагался в Мерве⁸⁶. Этот вывод В.Н. Пилипко заслуживает определенного внимания, хотя такого рода костяная заколка в самом Мерве обнаружена пока одна. Она описана выше.

Таким образом, на городищах в долине Окса фиксируется целый ряд парфянских или, возможно, изготовленных в подчиненной Парфии Маргиане предметов.

Напомню их состав.

1. Парфянские монеты и подражания им.

2. Произведения прикладного и малого искусства: заколки из слоновой кости, алебастровая и глиняная статуэтки, деревянная статуэ-

ка в серебряном окладе.

3. Скульптура знатного парфянина из Халчаяна.

Среди других объектов:

1. Гончарная печь из Кампыртепа и гончарные печи из Джин-депе (Маргиана);

2. Погребальные памятники – захоронения в глиняных гробах из Северной Бактрии, аналогичных парфянским⁸⁷.

Такое разнообразие свидетельствует не только о торговых связях и культурных контактах, но, ве-

83 Пилипко 2010. С. 109.

84 Филанович 1986. С. 46–48, рис. 1–2.

85 Пилипко 2010. С. 109, рис. 9.

86 Там же. С. 114.

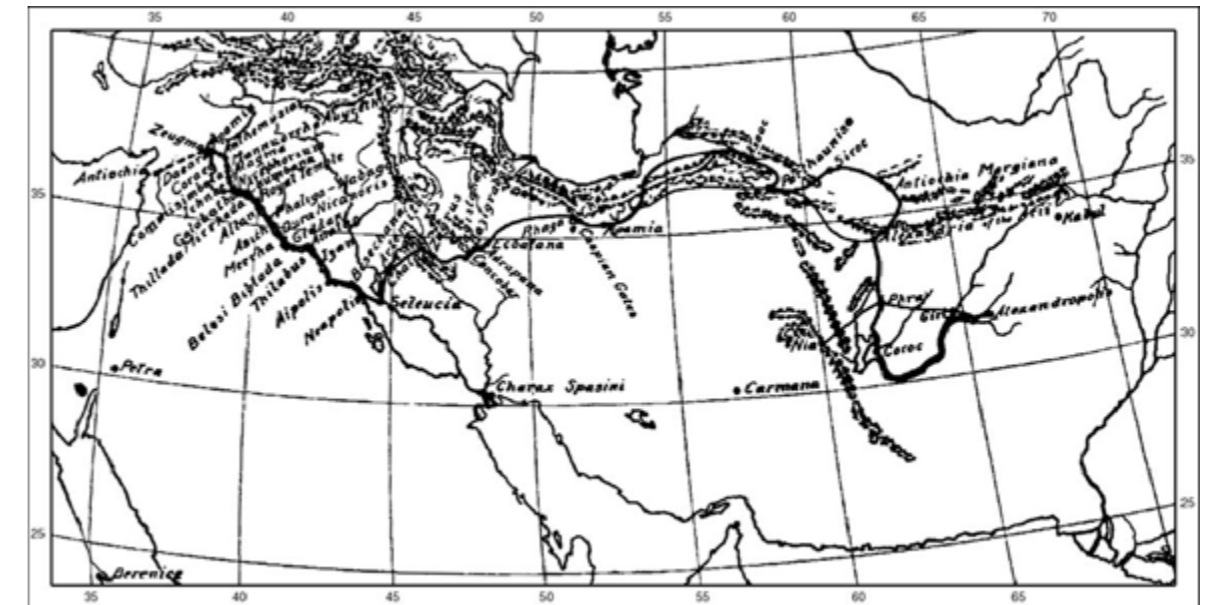
87 Там же.

роятно, и о прямом подчинении части Бактрии в долине Окса парфянам, о чем более подробно сказано выше. Они говорят, по-видимому, и о том, что по Оксу существовали торговые фактории парфянских, бактрийских и индийских купцов, посредством которых из Индии в Бактрию и Маргиану доставлялась слоновая кость, из которой на месте изготавливались различные предметы. Отсюда последние доставлялись в Хорезм водным путем по Оксу, а из Маргианы по Великому индийскому пути через Южный Кавказ и Понт Эвксинский в Северное Причерноморье. Находки в Ольвии резной кости с изображением знатного парфянина и подражаний греко-бактрийским монетам в Северном Причерноморье, а в Грузии, в долине р. Куры, монет Санабара, чеканенных в Маргиане, – звенья одной цепи, свидетельствующие о движении товаров по Великому индийскому пути.

*Carved ivory depicting Parthians.
Olbia (North Black Sea)*

Резная слоновая кость с изображением парфян. Ольвия. Северное Причерноморье

Map. Isidore of Charax' route

Дорога Исидора Харакского

ГЛАВА VI

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ
В ЭПОХУ КУШАН

ГЛАВА VI

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ В ЭПОХУ КУШАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В первых веках н. э., когда уже активно используются различные дороги Великого шелкового пути и осуществляется торговля шелком, вывозимым из Китая в Среднюю Азию, Индию, Иран и Римскую империю, Великий индийский путь не прекращает своего существования.

Собственно говоря, все трассы, которые с легкой руки Ф. фон Рихтгофена были названы «Seidenstrasse» – «Шелковый путь», а последующими исследователями к нему был добавлен эпитет «Великий», были известны уже задолго до того, как китайцы при императоре У-ди (140–87 гг. до н. э.) отправили первое посольство к парфянскому царю Митридату II (124/123–88/87 гг. до н. э.), а парфяне – ответное посольство в Китай, что и явилось точкой отсчета истории Великого шелкового пути. Все эти трассы, как я показал выше, за много столетий до них были разведаны и пройдены индийцами, бактрийцами, хорезмийцами, народами Южного Кавказа, греко-македонянами и представителями других этносов, населявших Ближний и Средний Восток. Китайцы со времен Чжан-Цзяня (нач. второй пол. II в. до н. э.) и последующего (в I в. н. э.) путешествия Гань Ина в Восточное Средиземноморье лишь воспользовались этими дорогами, предложив Западу новый товар – шелк, высоко ценившийся в аристократической среде Римской империи, в других странах и у «варварских» племен.

Торговые караваны с шелком шли по тем же сухопутным дорогам, а корабли бороздили те же морские трассы, по которым на Запад вывозились индийские товары и соответственно с Запада в Индию – товары из стран Восточного Средиземноморья.

Таким образом, история Великого индийского пути в первых веках н. э. совпадает с историей Великого шелкового пути, который лишь дополнил его, но не изменил ни его направления, ни функции – торговый и культурный обмен Запада и Востока.

В соответствии с вышеизложенным, оставив в стороне остальные трассы Великого индийского пути, охарактеризую его северный маршрут, шедший из Индии через Среднюю Азию и Южный Кавказ далее – на запад в кушанскую эпоху, охватывавшую период времени от первой половины I в. н. э. до сасанидского завоевания на востоке при Шапуре I (241–271 гг. н. э.).

Создателями Кушанского государства было одно из племен (или родов), входивших в Юечжийскую конфедерацию, – кушаны, получившие свое название, по видимому, от имени прародите-

ля-патронома Кушана.

Часть первоначальных владений кушан, судя по наибольшей концентрации находок тетрадрахм и оболв Кушана («Герая – Санаба»), находились в Северной Бактрии, в современном Южном Таджикистане, в низовьях Кафирнигана. По-видимому, с кушанами связаны погребения в Тулхарском и Аруктауском могильниках, исследованных А.М. Мандельштамом¹.

Датировку монет Кушана («Герая – Санаба») многие исследователи относят к рубежу I в. н. э., даже связывая этого правителя с Кадфизом II. Однако, судя по многим деталям и иконографическому и эпиграфическому разнообразию этих монет, они образуют длительный по времени типологический ряд начиная с конца II в. до н. э. или начала I в. до н. э. и вплоть до начала н. э.³ По всей вероятности, выпуск этих монет осуществлялся последовательно несколькими кушанскими правителями, а не только одним Кушаном, как полагают ученые⁴. Наибольшее число монет Кушана (оболы и клад тетрадрахм), более 20 экз., найдено в Южном Таджикистане.

В других местах известны лишь находки единичных экземпляров (Дильберджин, Термез, Кабулистан, Гандхара)⁵. Ни одной находки этих монет не зафиксировано в античном Чаганиане, что исключает эту область (впрочем, как и другие) из числа местоположения хи-хэу Гуйшуан, хотя здесь, в Халчаяне, найдена целая скульптурная группа, названная Г.А. Пугаченковой «Гераевым» родом, а на городище Дальверзинтепа локализуется столичный город владения Гуйшуан – Ходзо⁶. Однако топография монетных находок в этом случае – более строгий критерий для определения местоположения того или иного владения, нежели памятники искусства, которые могут сдаваться и спустя много лет, в отличие от монет, чеканившихся только во время правления того или иного властителя.

Вместе с тем наличие большого числа находок монет в Южном Таджикистане вовсе не говорит о том, что именно здесь находились первоначальные владения представителей юечжийского рода Кушана. Эти находки, на мой взгляд, означают лишь наиболее крайний северный ареал распространения данных монет и, вероятно, пределы этого владения на севере. Центр же его находился, по моему мнению, в нынешней афганской провинции Баглан. Как известно, именно здесь располагались главные династийные храмы Кушан – в Сурх-Котале⁷ и, как теперь выясняется, в Рабатаке⁸.

И вовсе не случайно возведение их именно здесь: вероятно, великие кушанские цари Канишка I и Хувишка, при которых они были построены, рассматривали Баглан как родину своих предков, где зародилась династия Кушана. Как известно, из Баглана ведут прямые дороги через Гиндукуш в Кабулистан, где вначале в качестве соправителя греко-бактрийского царя Гермея, а затем вождя (ябгу) начал свою политическую карьеру один из представителей рода Кушана – Куджула Кадфиз. Титулатура, помещенная на монетах этого Кушанида, показывает постепенное его возвышение от

1 Мандельштам 1966б.

2 Cribb 1993. P. 107–119.

3 Бирюков 1995. С. 18–28; Ртвеладзе 2000б. С. 145–149; 2002б. С. 132–145.

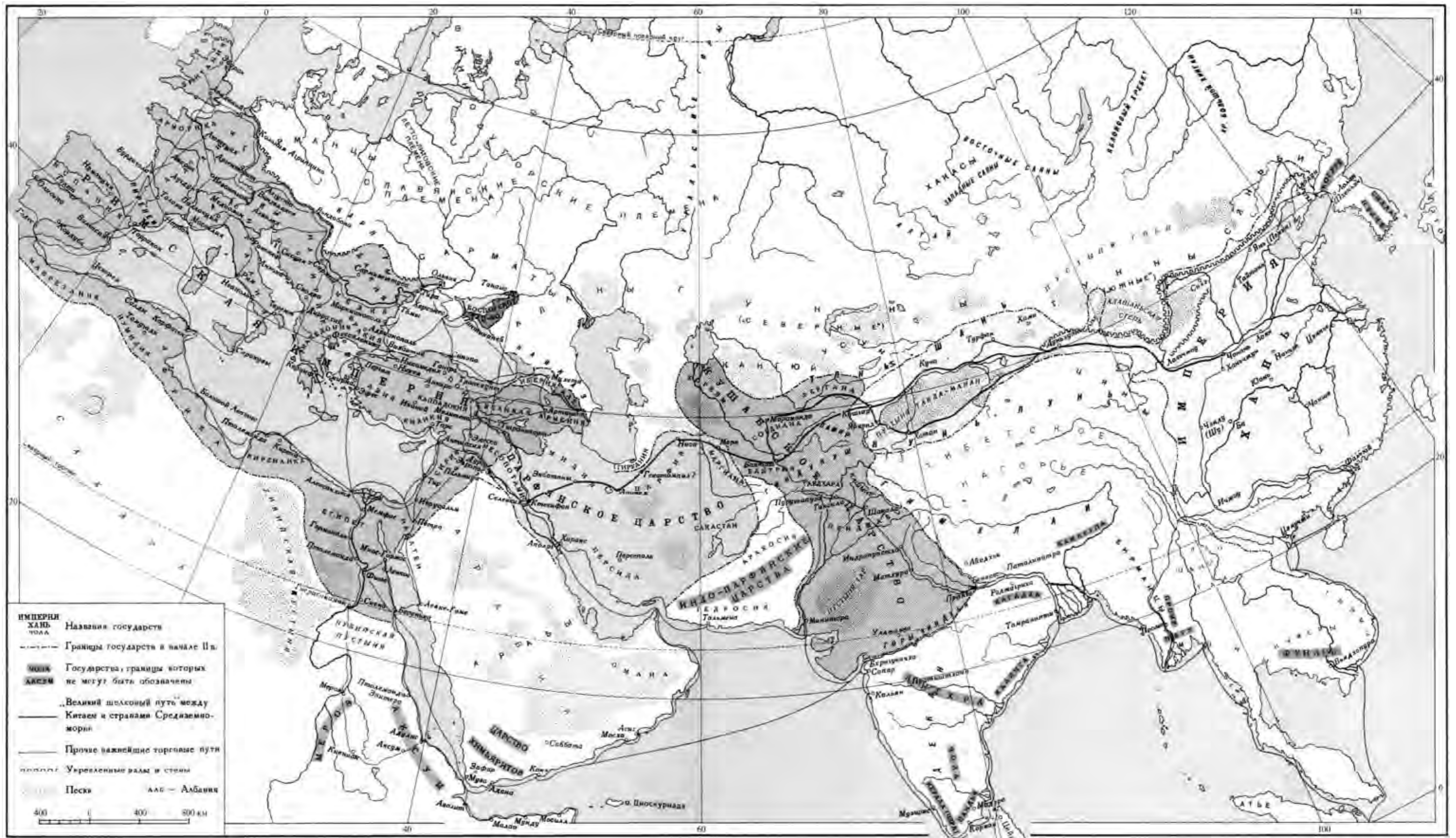
4 Массон В., Ромодин 1964. С. 158–162.

5 Давидович 1976. С. 56–78; Зеймаль Е. 1983а. С. 149–160; Зограф 1937; Ставиский 1977. С. 149–160; Литвинский, Пичикян 2000. С. 393–405.

6 Пугаченкова 1981; 1966.

7 Schlumberger, Le Berre, Fussman 1983.

8 Sims-Williams, Cribb 1996. P. 73–145.

The world in 2nd century AD
 Древний мир во II в. н. э.

князя (ябгу) до царя царей, сына бога: *Maharajasa Mahatrasa Kuhnasa Kaphasa devaputra*⁹; а надписи на его монетах, исполненные на кхароштхи, демонстрируют включение в состав созданного им царства областей с индийским этносом.

Так, монеты Куджулы Кадфиза найдены только в Кабулистане и Гандхаре, причем количество этих находок исчисляется здесь сотнями и даже тысячами экземпляров¹⁰. В то же время ни одной монеты Куджулы Кадфиза до сих пор не обнаружено в Южной и тем более Северной Бактрии, что совершенно исключает принадлежность этих областей Куджуле Кадфизу. Вероятно, экспансия кушан при Куджуле Кадфизе была направлена на восток, где кушаны из Кабулистана стали наступать на Гандхару.

Находки монет Куджулы Кадфиза на городищах Таксилы, Сиркан и Сирсух, причем в очень большом количестве, – убедительное свидетельство того, что Гандхара, которую он отнял у наследников основателя династии индо-парфянских царей Гондофара¹¹, была включена в состав владений Куджулы Кадфиза. Согласно нумизматическим данным, Гондофара, правившего во второй четверти I в. н. э. или, по уточненным данным, с 20 по 46 г. н. э., на престоле сменил правитель Абдагас, именовавший себя на монетах сыном брата Гондофара, по-видимому, того самого Габа, который упоминается в житии апостола Фомы¹².

Находки монет Абдагаса вполне обычны на территории Гандхары. Следовательно, учитывая этот факт, Куджула Кадфиз завоевал Гандхару или во время его правления, или сразу же после него.

При каком же из кушанских царей произошло объединение Бактрии и Северной Индии в единое государство? Ответ на этот вопрос, прежде далеко не ясный, дают недавно открытая бактрийская надпись из Рабатака, исследованная Н. Симс-Вильямсом и Дж. Криббом, и нумизматические данные. В этой надписи, в частности, говорится, что царь Канишка приказал каралагто Шафару возвести святилище, где были поставлены скульптуры предшествующих царей: прадеда – Куджулы Кадфиза, деда – Вимы Так[то] и отца – Вимы Кадфиза, а также самого Канишки.

Особенно важно наличие в надписи неизвестного ранее имени царя Вимы Так[то], что

Map. North-western boundary of the Kushan state (author's drawing)

Северо-западная граница Кушанского государства (по Э.В. Ртвеладзе)

вносит существенные коррективы в историю создания великого царства Кушанидов. Дж. Криббом имя этого царя выявлено также в эпиграфических памятниках и в монетных легендах. Так, он установил наличие в надписи на кхароштхи на известной скульптуре сидящего царя из Матхуры имени *Vima*, которое идентифицируется с именем *Vima Tak[to]* надписи из Рабатака. Согласно Дж. Криббу, имя этого царя, а не Вимы Кадфиза, как считалось прежде, наличествует в бактрийской надписи из Дашт-и Навура (Кабулистан). Также Дж. Крибб впервые определил три группы бронзовых монет, принадлежавших Виме Так[то]. Первая группа – монеты с изображением быка и верблюда, в легенде имеется имя Вима, в связи с чем их ранее приписывали Виме II Кадфизу. Имеются два варианта этих монет. Мелкие – весом 4 г, с надписью на кхароштхи, и большие – весом около 10 г, также с надписью на кхароштхи, в которой Дж. Крибб прочитал имя Вимы Так[то]: *Maharajasa rayatirasa devaputrasa Vema Tak[to]*. Вторая группа содержит две монеты Сотера Мегаса с именем *Vema (Vemas)*, имеющимся в конце легенды на кхароштхи. Теперь очевидно, по мнению Дж. Крибба, что это монеты Вимы Так[то]. Третья группа представлена единственной монетой, опубликованной еще в 1898 г. В. Смитом и тогда не понятой. На ее аверсе изображен сидящий царь в сопровождении символов, аналогичных символам на монетах Сотера Мегаса, и с бактрийской легендой, читаемой

сейчас Дж. Криббом как «ООНМО ТАК»..., т. е. Вима Так[то].

Что касается самих монет безымянного царя Сотера Мегаса, приписываемых до сих пор Куджуле Кадфизу или Виме II Кадфизу, то Дж. Крибб относится к их идентификации с некоторой долей сдержанности. По его мнению, не обоснованна связь монет Сотера Мегаса с Вимой II Кадфизом; вероятнее всего, их начали чеканить в конце правления Куджулы Кадфиза и продолжали при Виме Так[то].

Kushana ("Heraus") coin. 1st century BC

Монета Кушана («Герая»). I в. до н. э.

Однако в свете ряда данных мне представляется, что эмиссия монет Сотера Мегаса целиком принадлежит Виме Так[то]. Хорошо известно, что все кушанские цари осуществляли массовые выпуски монет, особенно бронзовых. Поэтому мало вероятно, что один из великих создателей Кушанской империи – Вима Так[то] почти не имел собственного чекана монет, за исключением той немногочисленной группы, о которой сказано выше.

Монеты Сотера Мегаса – первые кушанские монеты, обращавшиеся в Северной Бактрии, где количество их находок исчисляется тысячами экземпляров¹³. В то же время монеты Куджулы Кадфиза здесь совершенно отсутствуют¹⁴. Согласно китайским письменным источникам, первому кушанскому царю Qiu-jiu-gue (что передает в китайской транскрипции имя Куджулы Кадфиза) наследовал его сын Yen-gao-zhen, завоевавший Индию, в котором все прежние исследователи видели Виму Кадфиза, на чем и строилась ранее последовательность правления кушанских царей. Однако

9 Chattopadhyay 1967. P. 209–212.

10 Ghirshman 1946; Marshall 1951. P. 67–68.

11 Rtveldze 1994. P. 81–83.

12 Массон В., Ромодин 1964. С. 147, примеч. 50–52.

13 Sims-Williams, Cribb 1996. P. 97–101.

14 Зеймаль Е. 1983а; Ртвеладзе, Пидаев 1981. С. 34–85; Ртвеладзе 2010г. С. 14–17.

данные бактрийской надписи из Рабатака убедительно свидетельствуют, что Yen-gao-zhen – это Вима I Так[то] и именно он завоевал Индию, во всяком случае до Матхуры, знаменитое святилище которой, согласно Дж. Криббу, возведено Вимой Так[то]. Таким образом, есть основание считать, что монеты безымянного царя Сотера Мегаса принадлежали не Виме II Кадфизу, а Виме Так[то].

При нем, в частности, были завоеваны Северная и часть Центральной Индии, а также вся Северная Бактрия вплоть до Гиссарского хребта (судя по массовым находкам здесь монет Сотера Мегаса), где, вероятно, при этом царе у Железных Ворот вблизи кишлака Дарбанд была создана мощная пограничная стена для защиты Кушанского государства от Кангюя и набегов кочевников¹⁵. Такие же стены и крепости были созданы в других ущельях Западного Гиссара. В связи с этим я и предполагал, что Северо-Западная Бактрия (в пределах нынешней Сурхандарьинской области) представляла собой пограничную область – маркграфство, во главе которого стояло особое лицо – канаранг (в бактрийском написании – каралагго). Титул этот, как известно, выявлен в эпиграфических памятниках Сурх-Котала и Рабатака в сочетании с именами каралагго Ноконзок, каралагго Шафар.

Не исключено, что в какое-то время при царе Хувишке канарангом этой области был Шодийа, имя которого выявлено в бактрийской надписи из Айртама. Судя по содержанию этой надписи, прочитанной В.А. Лившицем и мной, Шодийа руководил работами по восстановлению святилища – багалагго в Айртаме и осуществлял здесь другие работы, в частности по очистке ирригационных сооружений.

Вследствие продвижения в Западную Бактрию и в долину Окса при Виме Так[то], кушаны вошли в соприкосновение с правившей в этой области династией, условно названной нами династией Сападбиза. Правители этой династии, Сападбиз и Агиселес, чеканили серебряные монеты с изображением на аверсе правителя в македонском шлеме, а на реверсе – пантеры в сопровождении греческой надписи «NANAIA». Им также принадлежали монеты и подражания монетам Фраата IV с надчеканом – миниатюрным изображением правителя в македонском шлеме¹⁶. Их находки на городище Кампыртепа нередки, причем в одном случае подражание Фраата IV с аналогичным надчеканом найдено вместе с монетой Сотера Мегаса на полу угловой башни № 1 в крепостной стене Кампыртепа.

Это говорит о том, что в начале обращения здесь первых кушанских монет Сотера Мегаса = Вимы Так[то] еще продолжали применяться подражания Фраата IV с надчеканом, принадлежащие династии Сападбиза. Затем они полностью исчезают, их и сменяют монеты Сотера Мегаса, которых найдено на городище Кампыртепа более 100 экз.¹⁷

Далее к западу на городищах и поселениях долины Окса от Келифа до Чарджоу (средняя Амударья) ни одной монеты Сотера Мегаса не было найдено¹⁸.

Таким образом, при Виме Так[то], по-видимому, в начале второй половины I в. н. э. кушаны завоевали Западную Бактрию и долину Окса до горного хребта Кугитангтау, отделяющего верхнюю

15 Ртвеладзе 1992. С. 4–7; 1986. С. 34–39; Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе 1981. С. 38–48.

16 Rtvladze 1994. P. 81–100.

17 Аюпова, Горин 2001. С. 120–132.

18 Пилипко 1978. С. 89–97.

*Coin of Soter Meges (Wima Tak[to]). Kampyrtepa.
Second half of the 1st century AD*

*Монета Сотера Мегаса (Вимы Так[то]). Кампыртепа.
Вторая половина I в. н. э.*

Амударью от средней Амударьи. Но кушаны отняли эту часть долины Окса не у парфян, которым она не принадлежала уже, по-видимому, после Фраата IV (38–3/2 гг. до н. э.), а у правителей из династии Сападбиза, которые владычествовали в Западной Бактрии в первой половине – начале второй половины I в. н. э.

Не исключено, что кушаны захватили область средней Амударьи только при Канишке I или при Васудеве I, тогда как парфяне уже больше никогда не владели этой территорией. Наглядное представление об этом, так же как и

о главном направлении Великого индийского пути при кушанах на территории Средней Азии, дает топография находок кушанских монет в долине Окса.

НАХОДКИ КУШАНСКИХ МОНЕТ НА ОКСИЙСКОМ ВОДНОМ ПУТИ ОТ БАКТРИИ ДО ХОРЕЗМА

Кушанские монеты найдены на городищах и поселениях долины Амударьи начиная от Тахти-Сангина и до Хорезма включительно.

Тахти-Сангин. Многолетние раскопки. На городище и в храме Окса найдена 201 монета: Сотер Мегас – 63 экз., Кадфиз II – 80 экз., Канишка – 27 экз., Хувишка – 22 экз., Васудева – 2 экз., Канишка III – 7 экз.¹⁹

Хатын Рабат. Эпизодические раскопки в 1966–1967 гг., 70-х гг. Найдено 9 монет: Кадфиз II – 2 экз., Канишка – 3 экз., Хувишка – 2 экз., Васудева – 2 экз.²⁰

Айртама. Раскопки в 1936–1938, 1964–1965, 1979–1980 гг. на достаточно широких площадях. В каталоге Э.В. Ртвеладзе и Ш.Р. Пидеяева учтены монетные находки до 1979 г.²¹ Последующие находки не обработаны. Обнаружено 7 монет: Сотер Мегас – 4 экз., Кадфиз II – 1 экз., Васудева – 1 экз., Канишка III – 1 экз.

Орлиная горка. Сборы. Раскопок не производилось. Б.Н. Кастальским в 1904 г. найден золотой динар Канишки. Обнаружены монеты Кадфиза II и Канишки²².

Место впадения Сурхандарьи в Амударью. Найдено несколько монет Канишки и Хувишки, показанных мне в 1964 г. В.А. Козловским²³.

Старый Термез. В публикациях имеются сведения о находках на этом городище 61 монеты (Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки, Хувишки), собранной А. Гориним в своей диссертации²⁴. Кроме

19 Zeymal 1997. P. 89–111.

20 Ртвеладзе, Пидеяев 1981. С. 66, 71, 76, 82.

21 Там же. С. 57, 64, 78, 83.

22 Массон М. 1928. С. 286.

23 Монеты не опубликованы, хранились в областном Сурхандарьинском краеведческом музее.

24 Приношу благодарность своему ученику А. Горину за предоставленные мне сведения.

того, он же отмечает клад из 56 монет Сотера Мегаса, найденный здесь и поступивший в собрание Государственного музея истории Узбекистана. К сожалению, это далеко не полный список монет, т.к. учет монетных находок на городище Старый Термез, в том числе кушанских, производился эпизодически. По нашим данным, количество кушанских монет, найденных на этом городище при раскопках, в собрании Музея археологии в Термезе, в частных коллекциях, во много раз превышает число опубликованных.

Шуроб-Курган. На этом городище, основной период обживания которого приходится на Средневековье, найдены 4 монеты: Сотер Мегас, Канишка, Васудева – 2 экз.²⁵

Кампыртепа. Многолетние стационарные раскопки на больших площадях – 1979–1991, 1999–2009 гг. За это время здесь, в основном в археологических слоях, найдены монеты следующих царей²⁶: Сотер Мегас – 101 экз., Кадфиз II – 156 экз., Канишка – 202 экз., Хувишка – 4 экз. (2 экз. в погребении башни, 2 экз. на поверхности городища в северной его части). Обнаружено также пять кладов монет общим количеством 112 экз., включающих монеты Кадфиза II и Канишки I. Общее количество кушанских монет, обнаруженных на этом городище, – 575 экз. (по обобщенным данным А. Горина). Отсутствие монет других кушанских царей объясняется тем, что еще в правление Канишки I городище Кампыртепа было покинуто жителями из-за сильнейшего разлива Амударьи, уничтожившего значительную площадь южной части городища.

В Юго-Восточном Туркменистане, который, по мнению В.Н. Пилипко, в древности составлял территорию Северо-Западной Бактрии, найдено значительно меньшее количество кушанских монет, чем даже на одном городище Кампыртепа, – почти в 30 раз.

Всего, по данным В.Н. Пилипко, здесь найдено 20 монет на девяти городищах и поселениях, расположенных в долине Амударьи: Келиф, Канишка, – 1 экз.; Пульганды-депе, Канишка, – 2 экз.; Шор-депе, Канишка III или подражания, – 1 экз.; Шор-депе (Мукры), Васудева – 1 экз.; Кум-депе, Хувишка, – 1 экз.; Мирзабек-кала, Кадфиз II, – 2 экз.; Чопли-депе, Канишка, – 3 экз., Васудева – 4 экз., Канишка III – 3 экз.; Куреген-кала, Канишка, – 1 экз.; Ак-тери-кала, Канишка, – 1 экз.²⁷ По правителям они распределяются следующим образом: Кадфиз II – 2 экз., Канишка – 8 экз., Хувишка – 1 экз., Васудева – 5 экз., Канишка III – 4 экз.

Ниже по долине Амударьи кушанские монеты найдены в двух оазисах – Карабекаульском и Амурском (Чарджоуском). Представлены только монеты Васудевы – 7 экз. и Канишки III – 12 экз.,

25 Ртвеладзе 2004. С. 69–73.

26 Эти монеты опубликованы пока частично. См.: Аюпова, Горин 2001. С. 120–132; Горин 2002. С. 67–76.

27 Пилипко 1985. Каталог.

Kanishka coins (first half of the 2nd century AD)

Монеты Канишки (первая половина II в. н. э.)

всего 19 экз.

Монет более ранних кушанских царей – Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки, Хувишки – здесь не обнаружено. К северу от Амударьи кушанские монеты найдены на Одой-депе – Васудева – 1 экз. и Шах-Зенгир-депе – Канишка II или Васудева – 1 экз.²⁸ В самом Амуре, расположенном у одной из важнейших переправ через Амударью, на дороге, ведущей из Трансоксианы в Маргиану, найдена пока только одна монета Васудевы²⁹. Район Кабаклы – последний самый северный пункт находок кушанских монет в долине среднего течения Амударьи.

Количество их находок возрастает в Хорезме. В каталоге, составленном Б.И. Вайнберг, учтены 96 кушанских монет³⁰, хотя в тексте она пишет, что в Хорезме обнаружено немногим более 100 кушанских монет³¹. Наиболее ранними кушанскими монетами, найденными здесь, являются монеты Кадфиза II (2 экз. определены точно, 1 экз. под вопросом), обнаруженные в Топрак-кале. Далее в хронологическом порядке следуют монеты Канишки – 10 экз., Хувишки – 7 экз., Васудевы – 36 экз. Вместе с тем в каталог в состав кушанских монет включены монеты Васудевы или подражания его чекану – 13 экз., кушанские по типу и неопределенные монеты – 26 экз. Таким образом, в Хорезме найдено всего 53 точно определенных кушанских монеты. Большинство их, как следует из каталога, выявлено на Топрак-кале и в ее окрестностях – 27 экз., в Дингильдже и его окрестностях – 11 экз., Аяз-кале – 8 экз.

На других поселениях Хорезма найдено от одной до четырех кушанских монет.

С образованием Кушанского царства и последующей его экспансией в северном направлении, когда при Виме Так[то] (Сотере Мегасе) в состав этого государства была включена Северная Бактрия, изменяются состав и характер монетной массы, обращавшейся на Великом индийском пути, в том числе и по речной его части – по Оксу (Амударье). Нередко в состав Кушанского государства включают территорию Юго-Восточного Туркменистана от Келифа до Кош-калы в Кабалинском оазисе, к северу от Чарджоу.

Согласно данным М.Е. Массона, Кош-кала состоит из двух противоположащих крепостей – южной и северной, расположенных на обрывистом берегу Амударьи. Северная крепость датируется поздним Средневековьем, южная – I в. до н. э. – первыми веками н. э.³² Ее впервые обследовал С.А. Ершов в 1939 г., а С.П. Толстов, основываясь на полученных им данных, посчитал южную крепость «за самый южный памятник кангюйско-кушанской культуры». Более детальное исследование этого памятника М.Е. Массоном в 50-х гг. XX в. привело его к выводу о том, что южная крепость создавалась как заслон против Хорезма, а все вышесказанное делает весьма вероятным предположение, что южная кала была, может быть, пограничной крепостью уже того разраставшегося владения, где в I в. до н. э. правителем являлся «Герай», оставаясь ею и в государстве «Великих Кушан»³³. Это предположение М.Е. Массона впоследствии, на основании находок кушанских монет, разделял

28 Бурханов 2007.

29 Массон М. 1966. С. 147–148.

30 Вайнберг 1977. С. 176–186.

31 Там же. С. 87.

32 Массон М. 1966. С. 195–196.

33 Там же. С. 198.

В.Н. Пилипко³⁴.

Таким образом, согласно их мнению, вся долина Амударьи от Келифа до Кошкалы включительно принадлежала кушанам. Согласно другой точке зрения, в состав Кушанского государства был включен и Хорезм, на чем особенно настаивал С.П. Толстов³⁵.

Между тем ни один из ученых, занимавшихся этой проблемой, даже не попытался провести сравнительный анализ между количеством находок кушанских монет на городищах и поселениях, располагающихся в среднем течении и в низовьях Амударьи, и количеством находок таковых же в долине Амударьи на территории Северной Бактрии, несомненно, принадлежавшей кушанам. А этот анализ дает весьма показательную картину. Так, в долине Амударьи, от Тахти-Сангина до Кампыртепа включительно, зарегистрированы находки более 1300 кушанских монет от Сотера Мегаса (Вимы Так[то]) до Канишки III; в то же время на более протяженной части долины Амударьи от Келифа до Хорезма зарегистрированы находки всего лишь 139 экземпляров кушанских монет.

Из этого сравнения можно сделать только один вывод: если Бактрия являлась территорией массового распространения кушанских монет, а следовательно, входила в состав государства, их чеканившего, то долина Амударьи от Келифа до Хорезма являлась территорией эпизодического поступления кушанских монет не в результате ее политического подчинения кушанам, а скорее всего благодаря торговым операциям и культурному обмену по Амударьинскому водному пути. Не менее любопытная картина выявляется и при анализе находок кушанских монет по правителям в тех же частях долины Амударьи.

Если в Северной Бактрии зафиксировано массовое распространение монет Сотера Мегаса (Вимы Так[то]) и Кадфиза II (тысячи экземпляров), то в т.н. Северо-Западной Бактрии (Юго-Восточный Туркменистан) и Хорезме обнаружены всего пять монет Кадфиза II (из них три в Хорезме) и лишь одна, и то весьма сомнительная, монета Сотера Мегаса (в Хорезме). Из этого сравнения очевидно, что при ранних кушанских правителях средняя часть долины Амударьи от Келифа до Кошкалы не являлась частью Кушанского государства (впрочем, так же, как и Хорезм).

Кроме того, примечательно, что в этой части долины, так же как и в Северной Бактрии, из парфянских монет имеются находки монет только Старших Аршакидов, тогда как монеты Младших Аршакидов, пришедших к власти, здесь пока отсутствуют.

Вероятно, в это время парфяне или подчинившиеся им правители еще контролировали территорию вдоль Амударьи вплоть до Кампыртепа, тогда как при ранних кушанских правителях Виме Так[то] и Кадфизе II ситуация изменяется. Судя по массовым находкам монет этих правителей на Кампыртепа и их отсутствию на городищах юго-восточной Туркмении, граница между подвластными Парфии территориями и Кушанским государством в это время проходила несколько восточнее Келифа и западнее Кампыртепа, по горам Кугитанга, по проходу Кампыр-дагана, ведущему через горы Кугитанга в равнинную часть Туркменистана, к Келифу.

Вероятно, в это время средняя часть долины Амударьи от Келифа до Кошкалы представляла собой некую буферную зону между Кушанским и Парфянским царствами с правом торговли в ней как парфянским, так и кушанским купцам. Судя по находкам, проникновение кушанских монет

³⁴ Пилипко 1985.

³⁵ Толстов 1948а; 1948б.

в среднюю часть долины Амударьи и в Хорезм становится более интенсивным при Канишке I и особенно при Васудеве. Так, вдоль средней части Амударьи найдено 9 монет Канишки I, а в Хорезме – 10, тогда как монет Васудевы – 17 и 36 экз. соответственно.

Примечательно также, что в средней части долины Амударьи найдено значительное число подражаний монетам Васудевы и Канишки II (III), в том числе пять кладов этих монет, говорящих о возможной их чеканке здесь. Появление подражаний монетам тех или иных царей является одним из признаков принадлежности той или иной территории этим царям – обычно последним из правящих на данной территории до прихода новых правителей. Поэтому не исключено, что при Васудеве и Канишке II (III) средняя часть долины Амударьи могла быть завоевана кушанами и включена в состав их государства.

Если в долине Окса находки кушанских монет встречаются почти повсеместно, то на сухопутных дорогах, ведущих от Окса к Каспийскому морю, их нет: ни в Дахистане, ни в Парфии, ни на Узбое. Изредка они встречаются только в Маргиане. Следовательно, в кушанское время исключительное значение приобретает Оксийский водный путь, на характеристике которого, а также типов судов, используемых при плаваниях по Оксу, я и остановлюсь, прибегнув, в связи с отсутствием прямых свидетельств античных источников, к более поздним данным, в том числе и этнографического характера.

ВОДНЫЙ ПУТЬ ПО ОКСУ

Важнейшей составной частью Великого индийского пути был водный путь по Оксу. Выше на основе находок греко-бактрийских монет и сведений письменных источников я показал, что в III–II вв. до н. э. интенсивно использовалась только часть этого водного пути, возможно, до Келифа и других переправ, расположенных рядом, как, к примеру, Ходжа-Салар, тогда как весь путь по Оксу до Хорезма вряд ли функционировал с достаточной полнотой.

Греческие историки и географы плохо знали направление течения р. Окс и принимали за него один из его рукавов – Келифский Узбой. Характерно, что ни один из них, описывая водный путь из Индии к Каспию, не упоминает, что он проходил через Хорезм (Страбон, Плиний, Варрон, Солин), а ведь греки имели сведения о Хорезме с VI в. до н. э. (Гекатей Милетский).

Положение изменяется с кушанского времени, когда весь водный путь от верховьев Амударьи (Окса) вплоть до низовьев начинает интенсивно использоваться в торговых целях. Об этом убедительно свидетельствуют находки кушанских монет, о чем подробно будет сказано ниже.

Ранняя история водного пути по Оксу изложена в гл. III моего исследования. Здесь же на основании анализа всех имеющихся данных, относящихся к различным периодам времени вплоть до позднего Средневековья, я попытаюсь определить типы судов, употреблявшихся в плаваниях по Оксу, и плавучих средств для переправы через эту реку, установить их конструкцию, происхождение, а также время функционирования этого пути.

Из этого анализа очевидно, что возможно выделить следующие типы судов и плавучих средств.

1. Одномачтовые килевые парусные корабли, данные о которых приведены выше (см. гл. II).

2. «Круглые» плетеные гребные суда.
 3. Беспарусные гребные плоскодонные суда с высокими бортами, управляемые при помощи кормового весла и двух лошадей, привязываемых с двух сторон судна типа *киме* (*кама*). Они различались размерами – более массивные и легкие типа *каюков*.
 4. Надувные бурдюки, изготавливаемые из кожи.
 5. Различного рода плоты.
- Рассмотрим их более подробно.

Второй тип судов. Об этом типе имеются достоверные сведения благодаря находке в Каратепа (Старый Термез), в слоях, датированных концом IV – началом V в. н. э., уникальной буллы с отпечатком геммы. Согласно опубликованному эту буллу Б.Г. Петерсу, на ней изображены гребное военно-транспортное судно и плывущая впереди него под форштевнем лодчанская лодка с двумя матросами. Это судно имеет округлое днище, плетеные и обшитые кожей борта и высоко поднятый форштевень носовой части, напоминающий голову дракона, с выступающими вперед таранами. В бортовой части судна нанесены пять горизонтальных линий, идущих от кормы до носа и пересекающихся, в свою очередь, десятью вертикальными линиями. В кормовой части судна прослеживается изображение большого рулевого весла, а под его днищем – 18 гребных весел, что говорит о том, что экипаж судна состоял из 36 гребцов и рулевого. Кроме того, над бортом судна имеются изображения пяти воинов с копьями.

По мнению Б.Г. Петерса, конструкция изображенного на булле корабля находит определенные аналогии в сохранившихся изображениях вавилонского транспортного судна – гуфа (начало I тыс. до н. э.). Прослеживается значительное сходство в конструкции судна, изображенного на булле из Каратепа, с рисунком ассирийского круглого судна VIII в. до н. э. в рельефе из Нимруда. Здесь полностью аналогичны округлые очертания обоих судов и деление их бортов на прямоугольные отсеки. Однако у ассирийского судна отсутствует высокий форштевень, заканчивающийся тараном, что связано с разным назначением этих судов: на булле из Каратепа, как правильно отметил Б.Г. Петерс, – судно военно-транспортного характера³⁶.

Из имеющихся данных очевидно, что в древности в плаваниях по Оксу использовались два типа кораблей – одномачтовые килевые парусные суда и «круглые» (плетеные) гребные суда. Происхождение и тех, и других связано, вероятно, со странами Восточного Средиземноморья и Месопотамией, откуда они были заимствованы, хотя время их заимствования остается неясным. Не исключено, что это могло произойти и в VI–V вв. до н. э., когда хорезмийцы, по данным письменных источников, проживали в Египте на острове Элефантина, и в эпоху эллинизма, когда Средняя Азия, Месопотамия и Восточное Средиземноморье были связаны тесными культурными и политическими контактами.

Третий тип судов. Наглядное представление об этом типе судов, использовавшихся на Амударье и Сырдарье в древности, дают росписи дворца согдийского ихшида Вархумана (кон. VII в. н. э.) на городище Афрасиаб. На северной стене этого дворца изображена сцена переправы группы женщин, возможно части китайского посольства, через реку в большой лодке. Судя по количеству находящихся в ней людей, это не просто лодка, а довольно вместительная ладья, поскольку в ней

³⁶ Петерс 1996. С. 213–220.

The lower reaches of the Amudarya (Oxus). Inland port in Khojeli (Khorezm). "Venice on the Amudarya" (drawing N. Karazin, 1878)

Низовья Амударьи (Окса). Речной порт в Ходжейли (Хорезм). «Хорезмийская Венеция». Рисунок Н. Каразина 1878 г.

помещаются десять женщин во главе с принцессой³⁷. Об этом же говорят и наличие кормового весла с широким лопатообразным завершением для управления ладьей, и сама конструкция судна. Оно имеет округлое днище и сравнительно высокий борт, сделанный из трех широких полос дерева. Носовая часть ладьи завершается головой грифона, кормовая же часть слегка изогнута, на ней подвешено кольцо для укрепления судна у причала. Впереди другой лодки изображены две лошади и плывущий рядом с ними человек. Эти лошади предназначались для управления движением судна, для того, чтобы оно не сносилось течением далеко от места назначения. Такой способ управления речным судном с помощью весла и лошадей широко практиковался при переправах через Амударью вплоть до начала XX в., в частности для своеобразного гребного судна – *киме*, и отмечен многими путешественниками в Туркестане во второй половине XIX в. Да и по всей своей конструкции, системе управления с помощью одного весла и лошадей, по размерам и количеству пассажиров изображенные в росписи Афрасиаба суда весьма похожи на те же *киме*, или *кема*.

Также, судя по рисунку Н.А. Каразина 1888 г., тип весел, используемых на судах и плотах в Хивинском ханстве, аналогичен типу весел в раннесредневековом Согде. Все это говорит о том, что *киме* генетически восходит к типу судна, изображенного в росписях Афрасиаба, и именно этот тип судна, в отличие от первых двух, имеет местное происхождение. В этой связи весьма интересные данные можно получить из анализа сведений Птолемея.

Комары – лодочники Окса

У Клавдия Птолемея (II в. н. э.), сведения которого восходят к Марину (I в. до н. э.), сохранился список племен, обитавших в Бактрии. Так он пишет: «В северной части Окса живут сагатеры и зариспы, от них к югу за сагатами – *хомары*» (или: южнее, ниже сагатов, живут *хомары* – $\chi\omicron\mu\alpha\rho\sigma$ ³⁸, в другом чтении – *κομαρος*) (VI, 11)³⁹.

Северную границу Бактрии Птолемей определяет по р. Окс, которая на севере и востоке граничит с Согдианой, близ остальной части реки. Граница между Бактрией и Согдианой на Оксе, по-видимому, проходила в районе Керки, где в ахеменидское время, как показали археологические иссле-

³⁷ Альбаум 1975. С. 68, рис. 21, табл. XXXVII–XXXVIII.

³⁸ Ptolemaios: Geographie 6, 9–21. 1971.

³⁹ Ртвеладзе 2010б. С. 12–13.

дования В.Н. Пилипко, находилась крепость⁴⁰, по-видимому, обозначавшая эту границу. Здесь же, в районе Керки, в древности и Средневековье находилась одна из самых важных переправ через Окс – Джейхун на большой караванной дороге из Южного Согда и Бухары⁴¹. О том, что этот район входил в состав Согдианы, возможно, также свидетельствует находка в Талимаране (на северо-востоке от Керки) большого клада мелких серебряных монет с изображениями Геракла и Зевса, принадлежащих чекану царя Артата⁴².

Ориентируясь на эти данные, можно предположить, что зариасы (золотоконные) и сагатеры проживали в долине Окса выше Керки. По-видимому, этими племенами или одним из них оставлен Бабашевский могильник, датированный А.М. Мандельштамом I в. до н. э. – I в. н. э. По его мнению, он принадлежал кочевым племенам⁴³. Племя хомаров, или комаров, по данным Птолема, проживало выше по р. Окс, южнее зариаспов и сагатов, по моему мнению, в месте поворота реки на север, в районе знаменитой Келифской переправы⁴⁴.

Сам город Келиф располагался на двух берегах Амударьи: южный Келиф находился на афганской стороне и до сих пор не обследован археологически, северный – на туркменском берегу, и, согласно археологическим обследованиям В.Н. Пилипко, наиболее ранние находки отсюда относятся к кушанскому времени⁴⁵, тогда как при моих исследованиях здесь была найдена керамика эллинистического времени. Согласно легендарным сведениям, крепость Келиф была возведена Александром Македонским, а по данным арабских источников, в X в. на правом (туркменском) берегу Амударьи располагался рабат Зу-л-Карнейна (Александра Македонского)⁴⁶.

В 50 км выше Келифа по Амударье (Оксу) с северной ее стороны существует местность Кара-Камар, где мной исследовано пещерное святилище, возможно митреум⁴⁷, и зафиксированы бактрийские и латинские надписи некоего Гая Рекса из XV легиона Апполинариус⁴⁸. Здесь же находились старая, ныне забытая переправа и кишлак с одноименным названием Кара-Камар, а возле него при моих исследованиях зафиксированы остатки поселения с керамикой кушанского времени. По

Bulla with the impression of a seal with a military transport ship. Karatepa. End of 4th – beginning of 5th century AD

Военно-транспортное судно, плывущее по Оксу. Отпечаток на булле конца IV – начала V в. н. э. из Каратепа

40 Пилипко 1985. С. 172–175.

41 Массон М. 1935а.

42 Ртвеладзе 2010в. С. 49–58.

43 Мандельштам 1975.

44 Ртвеладзе 2010б.

45 Пилипко 1985. С. 181.

46 Бартольд 1965а. С. 160.

47 Ртвеладзе 1990. С. 139–145.

48 Устинова 1990. С. 145–147; Ustinova 2001. P. 169–179.

словам местных жителей, здесь были найдены каменные базы колонн, к сожалению, уже не обнаруженные нами. К югу от Амударьи, на территории Афганистана, находятся известные палеолитические пещерные стоянки Кара-Камар⁴⁹.

В современных персидском и таджикском языках слово «комар» имеет несколько значений – поясница, талия, пещера, пояс и т. д.⁵⁰, но в древности оно предполагало и другой смысл. Согласно Страбону, «за Синдикой и Горгипсией идет вдоль моря (Понта Эвксинского. – Э. Р.) побережье ахеев, зигов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет [уже] часть Кавказа. [Обитатели его] живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие лодки, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их комарами (выделено мной. – Э. Р.)» (Страбон, XI, 2, 12).

Вместе с тем римский историк Корнелий Тацит называет комарами иной тип судов. По его словам, «варвары горделиво разъезжали [по морю], быстро построив суда, называемые комарами (выделено мной. – Э. Р.), с высокими боками и широким дном, сплоченным без медных и железных связей. При бурном море они соответственно подъему волн увеличивают верхи судов досками, пока они не закроются наподобие кровли. Так [эти суда и] колышутся среди волн, имея с обеих сторон одинаковые носы и переменные весла, так что [для них] безразлично и безопасно причаливать той или другой стороной» (Тацит, История, III, 47).

Тип судна, описанный Корнелием Тацитом, весьма схож с одним из типов речных гребных судов, широко употребляемых в плаваниях по Амударье. Они аналогичны своей конструкцией (широкое дно, высокие борта), наличием с обеих сторон одинаковых носов, применением деревянных втулок. Подробное описание этого типа амударьинского гребного судна дано штабс-капитаном А.А. Быковым, совершившим в 1876 г. рекогносцировку переправ на Амударье⁵¹, рисунки судов даны художником Н. Каразиным, а их фотографии имеются в различных изданиях конца XIX–XX в.⁵²

Существующее название этого типа амударьинского гребного судна весьма близко древнему эллинскому наименованию – комар. А.А. Быков приводит его в своей книге в несколько русифицированной форме – *киме*. По данным же Г.П. Снесарева, в Хорезме такие суда назывались *кема*⁵³, а в Келифе (Бактрия), как мы установили во время совместной поездки с Б.Х. Кармышевой и Ш.У. Устаевым в 1983 г., последние оставшиеся старожилы, занимавшиеся некогда речным извозом на переправе, называли такой тип судов *кама* или *кима*, а себя – *камачи* или *кимачи* – перевозчик.

Этимологическая связь этих двух названий – эллинского комар и амударьинского *кема* (*кима*, *кама*) – очевидна, причем отсутствие конечного р в названиях этого судна на Амударье не кажется нам столь существенным, поскольку оба этих названия разделяют почти два тысячелетия: *комар* – I в. до н. э. – I в. н. э.; *кама* (*кима*, *кема*) – XIX – начало XX в. Утрата конечного р могла произойти в этот огромный период времени.

В свою очередь, эллинское название гребного судна «комар», как нам представляется, находится

49 The Archaeology of Afghanistan... 1978. P. 39, map.

50 Персидско-русский словарь 1953. С. 406.

51 Быков 1879. С. 4 сл.

52 Ртвеладзе 1999б. С. 99–109; 2005б. С. 240–254.

53 Снесарев 1975. С. 103–111.

в несомненной связи с названием бактрийского племени хомаров или комаров, упомянутых Клавдием Птолемеем. Не исключено, что в основе названия этого племени лежит слово «комар» – лодка, отражая тем самым основное занятие этого племени – речное плавание и перевозка людей и грузов на переправах.

Согласно моему выводу, бактрийское племя хомаров, или комаров, занимало территорию вдоль берегов Окса от Келифа до городища Кампыртепа включительно. Как раз на этом участке располагались три важнейшие в древности переправы через Окс – Шуроб (древний Пардагви), Чушка-Гузар и Келиф, функционировавшие вплоть до начала XX в.⁵⁴ В наименованиях же обслуживавших их камачи (лодочников) и судов *кима*, *кема*, *кама* отражены реликты древнебактрийских и эллинских названий.

* * *

Киме = кама и характер судоходства на Амударье подробно описаны штабскапитаном А.А. Быковым при рекогносцировках этой реки с разведывательной целью в 1876–1878 гг.⁵⁵ Так, по его данным, при переправах Кабадиан, Патта-Гиссар, Шуроб, Чушка-Гузар на правом и левом берегу имелось по два речных судна – киме, тогда как при более крупных переправах – Келиф – 6, а Керки – 4. Причем каждое киме обслуживалось определенным числом перевозчиков – кимечи: на большом киме – 6, 7 человек, на среднем – 3, 4 или 5 человек. Количество киме на каждой переправе, по А.А. Быкову, зависело от важности проходившего здесь торгового пути или же от количества жителей, населявших оба берега реки.

Весь доход от перевоза, за исключением 25% как платы рабочим, шел через правителей бекств в пользу бухарского эмира. Главный доход – до 8–10 или даже 12 тыс. таньга – приносила Келифская переправа: от караванов с товарами из Бухары и Карши и с солью из селения Кампыртепа (в горах Кугитанга) для городов Северного Афганистана – Ахчи, Балха, Хульма.

Подробные сведения о судах, использовавшихся при переправах и плаваниях по Амударье, привел тот же А.А. Быков, совершивший летом 1878 г. рекогносцировку этой реки от устья Вахша до селения Ходжа-Джамбас, лежавшего в 50 км ниже города Керки. Согласно его данным, здесь использовался один вид плавучих средств – плоскодонные суда киме, различавшиеся между собой размерами. Он отмечает, что киме по своей конструкции напоминают хивинские каюки, но гораздо шире, массивнее и тяжелее их в управлении.

На строительство киме шла древесина из тала или патта – разновидности разнолистного тополя. Из него выделывались четырехгранные брусья, которые при сооружении судов на стыках соединялись между собой шипами.

Дно у киме было плоское, укрепленное для большей устойчивости поперечными планками на гвоздях.

Длина больших киме от носа до кормы достигала 20 и более метров. Ширина в середине – более 5 м, высота бортов – 1 м. Внутри судно делилось на отсеки брусьями, уложенными от борта до борта и скрепленными с ними железными полосами. На корме и на носу было два отсека для

⁵⁴ Подробно об этих переправах см.: Ртвеладзе 2002а. С. 28–66.

⁵⁵ Быков 1879. С. 4–27.

перевозчиков (*каикчи*, *кимечи*), внутри еще три. Средние киме достигали в длину около 5 м, в ширину – более 3 м. Грузоподъемность больших киме, по А.А. Быкову, доходила до 16–18 верблюдов, 18–20 коней, 200 баранов, 700–800 пудов зерна, средних соответственно – 10–12, 12–14, 150, 400 пудов. Большие киме обслуживали 6, 7 человек, средние – 3, 4 или 5 рабочих.

Киме были беспарусными гребными судами, для управления которыми использовались короткие треугольные тяжелые весла, направлявшие движение корабля. Однако главным гребным средством, по словам А.А. Быкова, служили лошади, привязываемые веревкой к перекладине судна.

Обычно привязывали двух лошадей: одну – в передней, а другую – в кормовой части, со стороны, противоположной течению, таким образом, чтобы спина лошади была ниже борта на 60–70 см. Глубокие места лошади, подгребая ногами, переплывали, а на мелководье и на берегу тянули за собой судно, будучи впряжены посредством постромок с валиками и шлейками в крепкую веревку.

Как отмечал А.А. Быков, этот способ ведения судна по мелководью и по суше точно соответствует способу, принятому в России.

Киме использовались не только как средство при переправах, но и в плаваниях по реке, что видно из приведенных А.А. Быковым расчетов. Согласно его данным, вверх по течению реки на бечеве киме могло пройти не более 25 верст, т.е. немногим более 26,5 км, тогда как вниз по реке в половодье оно покрывало 80 верст, т.е. расстояние почти в 85,5 км, что равно примерно трех-четырехдневному переходу по суше. За 8–10 суток, таким образом, киме могло преодолеть расстояние от Термеза до Хорезма.

Как разведчика А.А. Быкова в первую очередь интересовало использование этих судов для военных нужд. По его предварительным расчетам, для поднятия одной роты пехоты не более чем в 160 штыков, без груза, необходимо было два больших киме⁵⁶.

В это же время в низовьях Амударьи широко использовались суда двух видов – каюки и кема. Интересные сведения этнографического характера приводит Г.П. Снесарев. Кема представляли собой большие плоскодонные суда, ходившие под парусом и на веслах, которые предназначались для грузовых перевозок сельско-хозяйственных продуктов, тканей и других товаров. Они ходили вниз по Амударье, вплоть до Аральского моря, и вверх до Термеза, причем путь от Хорезма (из Ханки) до этого города занимал один месяц.

Команда больших кема состояла из капитана – *дарга*, его помощника – *ярымдарга*, выполнявшего роль рулевого, и пятнадцати моряков. Все они были объединены в артель, нанимавшую судно у его хозяев, обычно на двенадцать месяцев. При заключении договора, скрепленного печатью – *кизил*, хозяевам судна вносили задаток.

Капитан судна при этом заключал договор с купцами на определенную сумму для перевозки грузов. После завершения рейса и получения денег с купцов одна часть из них выплачивалась хозяевам судна, а другая распределялась между членами команды. Как видим, в Хорезме существовала несколько иная система оплаты, нежели на переправах через Амударью в среднем ее течении, как об этом писал А.А. Быков, где основной доход шел в государственную казну. Профессия моряков, живших в кишлаках вблизи реки, была наследственной, передававшейся от поколения к поколе-

⁵⁶ Там же. С. 27.

нию. Такого же рода профессиональные общины судоводителей-*кимечи* были зафиксированы Б.Х. Кармышевой в Келифе.

По данным Г.П. Снесарева, прежде чем стать матросом, новичок проходил большой курс обучения, включавший в себя приобретение множества навыков управления судном и длившийся несколько лет⁵⁷.

Г.П. Снесарев установил и ряд культовых действий, связанных с жертвоприношением божеству Амударьи, принесением в жертву животного или последующей ритуальной трапезой, бросанием в воду соли, купанием капитана в реке перед спуском судна на воду. Из опросов Г.П. Снесареву удалось выяснить, что нос кема, по-узбекски – *бош*, украшался длинными косами, сплетенными из конского волоса, между которыми в центре помещались одно или два зеркала, имитирующих глаза, а с боков на полосах материи были нашиты монеты, раковины и амулеты. Он считает, что в носовой части имелось изображение женской головы, по его мнению, – божества реки Ардвисуры Анахиты⁵⁸. Это, конечно, только гипотеза, однако тот факт, что в носовой части судна помещалось изображение какого-либо существа, сейчас бесспорно установлен наличием в росписях Афрасиаба, датирующихся VII–VIII вв. н. э., изображения судна, нос которого увенчан изображением головы грифона. Очевидно, что в древности изображения могли быть самыми разнообразными, в том числе и представлявшими голову Анахиты.

Уже, видимо, с глубокой древности на реках Среднеазиатского Двуречья и для переправы, и для более продолжительных плаваний применялись плоты и надувные шкуры.

Четвертый тип плавсредств. О четвертом типе судов можно сказать, в частности, что в них применялись одиночные надувные бурдюки, изготовленные из кожи различных животных. Наиболее раннее свидетельство их использования относится к 330 г. до н. э., когда армия Александра Македонского переправилась через Окс, вероятно, в районе Шуроба или Чушка-Гузара. Согласно Арриану, Александр, придя к реке, убедился, что переправа невозможна, т.к. река в этом месте была шириной в 6 стадий (т.е. почти 1,2 км), большой глубины и с сильным течением, вырывавшим вбиваемые в дно колья. Тогда он приказал собрать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их сухой травой и тщательно зашить, чтобы не проникла вода. Используя их, армия Александра за пять дней перешла через Окс (Арриан, III, 29, 2). Такого рода надувные шкуры широко использовались для переправ через Амударью, особенно в ее верховьях, и в более позднее время.

Кроме одиночных бурдюков при помощи надувных шкур, чаще бычьих, создавались настоящие плоты. Для этой цели использовались две надувные шкуры, на которые укладывались параллельно жерди, скрепленные между собой шнурами и веревками. Получался целый плот, на котором помещалось, по крайней мере, четыре человека, а могло быть и больше, как это видно на рисунке, изображающем переправу на р. Кызылсу – одном из притоков Амударьи⁵⁹. Аналогичный способ переправы описан арабским путешественником Ибн-Фадланом в начале X в.

Пятый тип плавсредств. Широкое распространение на Амударье и Сырдарье, судя по рисункам Н.А. Каразина 1885 г., имели плоты обычного типа, без применения надувных шкур, соору-

57 Снесарев 1975. С. 109–111.

58 Там же.

59 Даркевич 1976. С. 35.

женные из брусьев, уложенных поперечными и продольными рядами. Такие плоты управлялись двумя гребцами, стоявшими с длинными веслами в передней и задней части плота, или одним.

По своей грузоподъемности эти плоты также были различны: на одних из них помимо гребцов размещались еще несколько людей и перевозимый товар, на других – один перевозчик со скарбом.

Речные суда на Амударье применялись не только в мирных целях, но и в ходе военных действий. Об этом свидетельствует рассказ, приведенный ат-Табари, о том, что когда в 117 г. х. / 735 г. Асад б. Абдаллах захватил Балх, то он снарядил суда и отправился к Термезу. Затем под стенами этого города на Амударье разгорелось ожесточенное сражение на лодках между сторонниками Асада б. Абдаллаха и алХариса б. Сурайджа, осаждавшего Термез: «Люди стали переправляться, и чья лодка оказывалась ниже [по течению], чем лодки города, с теми ал-Харис вступал в сражение, находясь в лодке»⁶⁰.

Этот же рассказ говорит о том, что между Балхом и Термезом существовало прямое речное сообщение, осуществляемое по одному из протоков Балхаба (в древности р. Бактра), который еще в начале VIII в. доходил до Амударьи.

Крупнейшим речным портом на Джейхуне – Амударье в Средневековье был Термез. Уже Истахри и Ибн-Хаукаль отмечают, что город Термез служил гаванью на Джейхуне⁶¹. Согласно сведениям ал-Мукаддаси, относящимся к концу X в., «ат-Тирмиз – самый крупный город на Джейхуне... Вода [здесь] течет с двух сторон, и корабли пристают к нему с каждой стороны»⁶². То, что ал-Мукаддаси называет их не просто «лодки», а «ас-суфан», что по-арабски означает «судно, корабль», свидетельствует о том, что это были речные суда различной величины и конструкции.

О роли Термеза как большого речного порта на Амударье свидетельствует и персидский поэт XII в. Анвари. В его «Диване», насчитывающем 13 300 бейтов, около 1000 бейтов посвящены Термезу и его жителям. В 1155 г. Анвари приезжает в Термез. В его касыде, посвященной этому событию, большую часть составляет описание путешествия на корабле по Амударье⁶³.

По данным М.Е. Массона, лодочники (*кештабанан*) проживали в южной части Термеза ближе к набережной, а позднее, в XV в., – к западу от цитадели. Он также полагает, что среди них были не только лодочники-матросы, но и ремесленники, основным занятием которых было изготовление и оснащение речных судов⁶⁴. Для их постройки использовались местные породы тала (карагач) и тут (шелковица), а для конопачения швов – камышовый пух и вага.

Большое значение Термезской переправы отмечает и Руи де Клавихо, сведения которого относятся к 1404 г. В его время по Амударье ходили лодки, которые перевозили людей с одного берега на другой, причем перевоз был допустим только при наличии специальной грамоты или указа с разрешением маршрута следования⁶⁵.

Вместе с тем суда на Амударье применялись не только для переправ, но и для многодневных

60 История ат-Табари 1987. С. 238.

61 al-Istakhri 1870; Ibn Haukal 1873.

62 al-Muqaddasi 1877.

63 Анвари Аухад ад-Дин 1997. С. 415–416. На эту работу мне указал Дж. Мирзаев, которому я приношу искреннюю благодарность.

64 Массон М. 1940. С. 98.

65 Руи Гонзалес де Клавихо 1990. С. 100.

плаваний по этой реке. В этом отношении наиболее показательны сведения Ибн-Баттуты, относящиеся к 1334 г., который отмечал, что из Хорезма «в летние дни по реке плавают на судах в Термез и привозят отсюда пшеницу и ячмень. Это десять дней пути по течению»⁶⁶.

Интересно, что сухопутный маршрут в Термез из Хорезма, шедший через Бухару и Карши, занимал около месяца. По реке его преодолевали в три раза быстрее, а т. к. расстояние по реке от Термеза до Хорезма равно примерно 600 км, то, следовательно, в день суда проходили расстояние около 60 км.

Другая великая среднеазиатская река, Сырдарья (Сейхун), также широко использовалась для речного судоходства, хотя сведений об этом значительно меньше. В сочинении Яакута ал-Ханафи «Словарь стран», являющемся сводом географических данных, известных арабам к XIII в., указано, что к Ходженту и Фергане ходят суда по р. Шаш⁶⁷. По данным «Худуд ал-Алам», в городе Нуджкете, или Нуджакете, отождествляемом М.Е. Массоном с городищем Ханабадтепа у юго-восточной окраины Ташкента⁶⁸, а Ю.Ф. Буряковым – с городищем в селении Гуль у впадения р. Чирчик⁶⁹, жили лодочники (кештабанан), работавшие на рр. Парк (Чирчик) и Хашарт (Сырдарья). Главнейшие переправы через Сырдарью существовали у Ходжента, в районе Бенакента – Шахрухии, при впадении Ахангарана в Сырдарью, и в районе Чиназа, где в Средневековье существовал город Чинанчкет, т. е. «город китайских купцов».

В древности и Средневековье в крупных населенных пунктах, находившихся при больших переправах через Амударью и Сырдарью, существовали определенные группы людей со своим образом жизни и правилами, специализированно занимавшиеся перевозом людей и объединенные, по-видимому, в своеобразные цеховые организации.

Об одной из таких переправ, т. н. «греческой» переправе – «Бурдагуй» (от искаженного греческого слова «пандахейон» – гостиница), отождествленной нами с городищем Кампыртепа – Шуроб-Курган в 30 км к западу от Термеза⁷⁰, имеются интересные сведения в географическом сочинении автора XV в. Хафиз-и Абру.

66 Путешествия Ибн-Баттуты... 1996. С. 257.

67 Материалы по истории Средней Азии... 1988. С. 88.

68 Массон М. 1953а. С. 42–43.

69 Буряков 1975. С. 42–47.

70 Ргвеладзе 1977. С. 182–188; 1984б. С. 87–106.

*Crossing the Amudarya in a kayuk.
Lithograph of the late nineteenth century*

Переправа на каяке через Амударью. Литография конца XIX в.

Ferry trip across the Amudarya at Khojend. Lithograph of the late nineteenth century

Переправа на плоту у г. Ходжента. Литография конца XIX в.

«...Бурдагуй – место на берегу Джейхуна, – пишет он. – В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуе». Переправа (*гузаргох*) султанов, которые переезжали через эту реку, была здесь. Древние падишахи покровительствовали жителям этого места за то, что те стерегли переправу через реку, и освобождали их от налогов (*тархан*). По этой причине население было многочисленно и хозяева (*ходжагон*) богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там»⁷¹.

Из этого фрагмента следует, что при переправе «Бурдагуй» имелось определенное число людей – владельцев, по-видимому, большого количества судов (а коль были крупные судовладельцы, то были и более мелкие), занимавшихся исключительно речным извозом. Об этом же говорят и вышеприведенные сведения из «Худуд ал-Алам».

Таким образом, даже из этих кратких данных очевидно, сколь большую роль играло речное судоходство в жизни населения, обитавшего в Среднеазиатском Двуречье, в древности и Средневековье. Оно давало устойчивый доход государству, контролировавшему переправы, обслуживало крупную караванную или более мелкую торговлю, обеспечивало жизнь значительного слоя населения, связанного с рыболовством, речным извозом, строительством судов и обслуживанием проходивших торговых караванов.

Накопленный богатый опыт плаваний по Оксу позволял жителям Средней Азии перейти и к плаваньям по морям и океанам. Выше я уже упомянул о вероятности знакомств с морскими плаваньями саков, хорезмийцев и бактрийцев уже в V–IV вв. до н. э. Имеются и другие данные.

Первым известным нам согдийцем-мореплавателем был, по-видимому, отец знаменитого Кан Сен-ху – первого проповедника буддизма в Юго-Восточном Китае. Предки его жили в Индии, куда они переселились из Согда, а затем отец Кан Сен-ху перебрался в Изяочжи, т. е. в Северный Вьетнам, где занимался торговлей. По всей вероятности, он добирался сюда проторенным, более легким морским путем, шедшим по Индийскому океану вокруг Малайского полуострова в порты Юго-Восточного Китая⁷².

Но если это мы можем только предполагать, то доподлинно известно, что в начале второй половины VI в. самаркандский купец Маниах и его согдийские спутники, добравшись после долгого пути до Черного моря, из Севастополиса (Цхуми), переплыли это море на византийском корабле в

71 Бартольд 1973. С. 93.

72 Хуэй-Цзяо 1991. С. 110–116; Ргвеладзе 1998а. С. 21.

Константинополь⁷³. Здесь они вели переговоры с византийским императором о доставке в Византию согдийского шелка. Вместе с ним был и представитель среднеазиатского народа холиатов, по мнению П. Лерха, – хорезмийцев⁷⁴.

И впоследствии согдийцы неоднократно переплывали Черное море на византийских кораблях, осуществляя взаимовыгодную торговлю шелком и другими товарами. В этой связи интересно мнение

В.И. Абаева, согласно которому название города Судак, расположенного и сейчас на восточном берегу Крымского полуострова, первоначально звучало как «Согдак», что означает «маленькая согдийская колония». Не исключено, что появление подобного названия отражало большую роль согдийцев не только в караванной, но и в морской торговле с Византией по Черному морю.

Недавние находки в Китае и Японии, по-видимому, прямо указывают на участие согдийцев и в морской торговле на Дальнем Востоке⁷⁵. Среди них – два фрагмента сандалового дерева, обнаруженные в сокровищнице замка Хоруджи, находящегося в древней столице Японии – Наре, с пехлевийской и согдийской надписями. В пехлевийской надписи значится имя владельца этих предметов или посредника по их продаже. В согдийской же версии имеются два слова, означающие, по-видимому, меру веса. Дата поступления этих предметов в Японию, как указано в одной из надписей, 761 г. н. э.

В первой половине 80-х гг. XX в. при археологических раскопках в провинции Кантон, вблизи границы с Вьетнамом, китайские ученые обнаружили глиняный сосуд. В нем вместе с множеством предметов из серебра и золота были найдены драхмы сасанидского царя Пероза (459–484 гг. н. э.) с обозначением даты захоронения этих предметов – первая половина VI в. Но наиболее важной находкой стал серебряный сосуд с надписью, по первоначальному чтению – пехлевийской или восточно-иранской. Ее согдийскую принадлежность установил японский ученый-согдолог И. Иошида. Он же и перевел эту надпись как: «Этот сосуд принадлежит... из народа Чача (Вес) 42 статера»⁷⁶. Среди надписи помещена тамга. Чач, при арабах Шапш, – это название современной Ташкентской области.

Примечательно, что еще на серебряном сосуде, найденном в 1908 г. в деревне Керчево на Урале и хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже, также имеется согдийская надпись IV в. н. э. с

Quayside at Muinak. Photo of the early twentieth century

Пристань у Муйнака. Фото начала XX в.

73 Византийские историки... 1860. С. 371–375.

74 Lerch 1873.

75 Ртвеладзе 1998б. С. 51–52.

76 Yoshida 1996. P. 73–74.

указанием принадлежности его владельцу Чача⁷⁷.

В связи с находкой этих предметов ряд китайских и японских ученых поставили вопрос об участии согдийских купцов в морской торговле между Индией и Китаем в эпоху раннего Средневековья. Так, японский ученый Иоджима полагает, что согдийские купцы использовали этот путь уже в VII–VIII вв., продавая в Китае сандаловое дерево⁷⁸.

Крупнейшим морским портом на юго-восточном побережье Китая был Гуаньчжоу, где уже в VII–VIII вв. сложилась большая арабо-персидская колония, осуществлявшая торговые операции морским путем⁷⁹. Не исключено, что среди ее населения имелись и выходцы из Средней Азии, зачастую называемые персами.

Отголоском древних традиций морских плаваний согдийских торговцев являются сведения, приведенные ал-Мукаддаси (X в.), согласно которым купцы из Самарканда вначале приходили в Ирак, а затем отсюда морским путем достигали Индии и Китая.

Автор знаменитой книги о чудесах Индии, созданной во второй половине X в., Бузург ибн Шахрияр на основе рассказов моряков и купцов, плававших в Индию, Китай, Индонезию и Африку, приводит весьма занимательный рассказ о поимке в 300 г. х. (912–913 гг.) кита у берегов Аравийского моря. «Капитан Исмайлуйа, – говорит он, – рассказывал мне, что рыбы этой породы часто встречаются в море Зинджей и в океане Самарканда (Самаркандском море)⁸⁰. Море Зинджей – это часть Индийского океана у восточного берега Африки, поскольку зинджами арабы называли негров.

Что же касается океана Самарканда, то в вопросе его локализации мнения ученых расходятся. Однако очевидно, что так называли остальную часть Индийского океана, по-видимому, от Персидского залива до Индии. Это наименование появилось отнюдь не случайно, оно исходит из древних традиций согдийских мореплавателей. Вероятно, к данному времени выходцы из Самарканда так активно участвовали в морской торговле и столь часто появлялись на морских трассах, что восточная половина Индийского океана стала носить название этого города.

В другом месте своей книги Бузург ибн Шахрияр пишет: «Один капитан рассказывал мне, будто в великом Самаркандском море – это море примыкает к Херкенду, говорят, оно потому называется Самаркандским, что в него впадает река Самарканда – будто в этом море он видел много фалей (китов)⁸¹. Река Самарканда, по мнению ряда ученых, – это Инд, истоки которого находятся в Гималаях, примыкающих непосредственно к Памиру. По-видимому, и в древности, и в Средневековье по этой реке перевозили свои товары купцы, следовавшие из Средней Азии, в связи с чем она какое-то время называлась рекой Самарканда. О наличии речного пути из Индии в Среднюю Азию и далее на Южный Кавказ и в Черное море писали еще многие греческие авторы⁸².

Таким образом, вышеприведенные сведения показывают, что Оксийский (Амударьинский) водный путь играл огромную роль в системе трасс Великого индийского пути. Наряду с сухо-

77 Лившиц, Луконин 1964. С. 170–172.

78 Yajima 1989. P. 139–141.

79 Шумовский 1964. С. 140.

80 Бузург ибн Шахрияр 1959. С. 30.

81 Там же. С. 73.

82 Бартольд 1965б. С. 30–31.

Изображение киме в росписи дворца на Афрасиабе. Китайское посольство. Конец VII в. н. э.

Настенная живопись дворца на Афрасиабе. Лошадь, впряженная в киме

Eagle Mound. A trading station and a cult centre

Орлиная сопка. Торговая фактория и культовый центр

путными дорогами, он являлся его важнейшей составной частью, обеспечивая бóльшую скорость передвижения, нежели по суше. В плаваниях по Оксу употреблялись различного рода суда, порой весьма высокой грузоподъемности, что позволяло брать на борт значительно больше товаров и обеспечивало более быструю доставку грузов в порты назначения.

Можно полагать, что большой опыт в судостроении и плаваниях, передаваемый по традиции жителями Среднеазиатского Двуречья, давал возможность проходить весь этот путь от верховьев Окса до города Фасиса на Черном море, определенным намеком на что являются сведения Псевдо-Скимна о проживании в этом городе бактрийцев и индийцев.

БАКТРИЙСКО-ХОРЕЗМСКИЕ СВЯЗИ ПО ОКСИЙСКОМУ ВОДНОМУ ПУТИ

По Оксийскому водному пути, помимо кушанских монет, которые изредка стали попадать в Хорезм со времен Кадфиза II и значительно чаще при Васудеве (кон. II – нач. III в. н. э.), о чем достаточно подробно сказано в предшествующем разделе, в Хорезм из Бактрии – Тохаристана и в обратном направлении поступали и другого рода артефакты.

Пожалуй, наиболее ранней находкой в Бактрии предметов хорезмского происхождения является обнаруженный при раскопках *ката* в восточном пригороде Кампыртепа двуручный крупный кувшин со спиралевидной росписью⁸³. Фрагменты керамики с аналогичной росписью найдены

⁸³ Ргвеладзе 2001в. С. 76, рис. 11.

Eagle Mound. Organogenic limestone quarry (photo by G. A. Kogodin)

Орлиная сопка. Место выработки органогенного известняка. Фото Г.А. Когодина

и на самом городище. Для кушанской керамики роспись краской – явление чрезвычайно редкое, отмеченное на керамике периода Беграм II, датированного концом I–III в. н. э.⁸⁴, и ряде других памятников, но характер и мотивы росписи на ней совершенно иные.

Для росписи на кушанской керамике характерны мелкий узкий рисунок и иные краски. На кампыртепинском кувшине роспись передана крупными, широкими мазками, образующими спиралевидные завитки. Прямые аналогии ей дает роспись на керамике Хорезма кангюйского времени. Крупные расписные спиралевидные завитки украшают здесь в основном хумы и хумчи, изредка кувшины, на протяжении всего т. н. «кангюйского периода» (IV в. до н. э. – I в. н. э.). По наблюдениям М. Воробьевой, керамика с подобным орнаментом характерна более всего для раннего горизонта Кой-Крылган-калы (III–I вв. до н. э.), тогда как в кушанское время в Хорезме она уже не бытует⁸⁵.

Кага на Кампыртепа, по уточненным данным, датируется I в. до н. э. (может быть, концом II в. до н. э.) – I в. н. э. Следовательно, появление на Кампыртепа керамики с подобной росписью – это свидетельство прямого влияния хорезмских традиций на керамику Кушанской Бактрии, возможно, в результате переселения хорезмских мастеров-керамистов или ввоза подобной керамики из Хорезма.

Не менее интересны и находки на городище Дильберджин в 40 км к северо-западу от Балха двух хорезмских монет, что для Бактрии представляет исключительное явление. Одну из этих монет Б.И. Вайнберг относит к типу Б2 16, вторую к Б2 14 или 15 по ее классификации. Монеты этого типа исследовательница датирует нечетко – после правления царя Вазамара, возможно конец III–IV в., и отмечает очень длительный период их обращения⁸⁶, хотя, замечу, что датировка медных монет Хорезма весьма неопределенна.

84 Ghirshman 1946; Массон В., Ромодин 1964. С. 172.

85 Воробьева 1959. С. 9–94.

86 Вайнберг, Кругликова 1984. С. 133.

Не исключено, что из Хорезма (по тому же водному пути) в Бактрию и поступила часть предметов из т. н. «египетского фаянса».

Существуют примеры и обратного влияния: в Хорезме имеются находки бактрийских предметов, свидетельствующих о влиянии определенных сторон искусства Бактрии на искусство Хорезма. В частности, на городище Кызил-Яткан (Акшахан-кала) была найдена единственная пока в Хорезме глиняная статуэтка Будды или одного из бодхисатв кушанского времени. Однако датировка ее, предложенная В.Н. Ягодиным, вызывает сомнения – конец I в. до н. э. – первая половина I в. н. э.⁸⁷ Вероятнее всего, она относится к более позднему, кушанскому, времени.

Есть основания полагать, что изобразительное искусство Бактрии, в частности настенная живопись, оказало прямое влияние на настенную живопись Хорезма позднекушанского времени. Так, образцы настенной живописи из дворца шахов Хорезма в Топрак-кале находят прямые аналогии в настенной живописи храма богини Наны на Дальверзинтепа. Это, в частности, стиль и манера живописи, цветовая гамма, контурная штриховка для передачи объема фигур и отдельные элементы орнамента, включая четырех- и пятилепестковые цветы⁸⁸. С.П. Толстов также обратил внимание на поразительное сходство рисунка арфистки из Топраккалы с изображениями музыкантов на скульптурном фризе из Айртама⁸⁹.

Согласно мнению Г.А. Пугаченковой, изображения настенной живописи Топрак-калы, имеющие сходство с изображениями на Айртамском фризе, отражают *Панча-маха шабта* – пять священных звуков буддийской традиции⁹⁰. Буддийская статуэтка и изображение арфистки из Топрак-калы могут свидетельствовать о проникновении буддизма в Хорезм, во всяком случае, в посткушанское время, вопреки мнению Б.Я. Ставиского⁹¹, полностью отвергавшего его существование здесь.

Настенная живопись Дальверзинтепинского храма датируется более ранним временем (I–II вв. н. э.), чем живопись Топрак-калы, что подразумевает влияние бактрийской школы на развитие искусства античной живописи в Хорезме. Через Бактрию в Хорезм по Оксийскому водному пути проникли и предметы индийского происхождения. В.Н. Ягодин, в частности, отмечает многочисленные находки бус индийского происхождения в Топрак-кале, имеющих аналогии среди бус, обнаруженных в Таксиле, и раковин, в том числе моллюска *Pteria*, обитающего на прибрежных отмелях Индии⁹². В ряде терракот Хорезма С.П. Толстов также усматривал влияние художественных традиций Гандхары⁹³.

ИНДИЙСКИЕ И БАКТРИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ФАКТОРИИ В ДОЛИНЕ ОКСА

В письменных источниках сохранились незначительные сведения о торговых факториях, соз-

87 Ягодин 2000. С. 167–168.

88 Толстов 1948б. С. 176–180; Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 78–83.

89 Толстов 1948б. С. 177, рис. 48.

90 Пугаченкова, Ремпель 1965. С. 76–77.

91 Ставиский 1998а. С. 95.

92 Ягодин 2000. С. 167.

93 Толстов 1948а. С. 160.

данных индийскими и бактрийскими купцами на Великом индийском пути, и то скорее косвенного, нежели прямого характера. Тем не менее, даже исходя из них, возможно говорить о том, что такого рода фактории действительно располагались вдоль всей этой трассы.

Выше я уже приводил сведения Псевдо-Скимна (вторая пол. II в. до н. э.) о проживании в городе Фасисе (район города Потти) на восточном берегу Черного моря бактрийцев и индийцев – по-видимому, купцов, создавших здесь подобного рода факторию.

Согласно Диону Хрисостому (ок. 50 – ок. 117 гг. н. э.), написавшему свое сочинение «К Александрийцам» в конце I – начале II в. н. э., бактрийцы жили в городе Александрия, расположенном на севере Египта, на южном берегу Средиземного моря⁹⁴. Б.Я. Ставиский пишет, что «морским путем из Индостана в Рим, Египет и, вообще, в Средиземноморье попадали те бактрийцы (по большей части купцы), о которых сообщают римские авторы...»⁹⁵. Возможно, это и так. Однако не менее вероятно и то, что бактрийцы проникали в Египет по Великому индийскому пути сухопутной дорогой до Фасиса, а затем морским путем по Черному и Средиземному морям. Этот маршрут был несравненно более коротким, нежели путь из Бактрии в долину Инда, затем к морским портам на западном побережье Индии через Аравийское и Красное моря в Египет. Северная трасса Великого индийского пути занимала расстояние почти в двое меньшее, нежели кружной сухопутный и морской путь по маршруту Бактрия – Индия – Египет.

Из сведений письменных источников можно предположить, что индийские торговые фактории располагались и в долине Окса. Одну из них, вероятно, можно сопоставить с городом Индикомардана, о котором сообщает Клавдий Птолемей (II в. н. э.).

Тармита (Индикомардана) – «город индийских мужей»

О весьма значительной миграции индийского населения, продвигавшегося по Великому индийскому пути в долину Окса, косвенно свидетельствует Птолемей, который среди городов, расположенных между Оксом (Амударьей) и Яксартом, упоминает город Индикомардана (VI, 12), чье название, по мнению И.В. Пьянкова, означает «город индийских людей». Это сложносоставное название состоит из этнического наименования населения Индостана и слова «мард» – *mard*, передающего в языках иранского происхождения понятие «мужчина, человек, муж», с суффиксом *-an* – показателем множественного числа. Следовательно, все название можно перевести вслед за И.В. Пьянковым как «(город) индийских людей» или, скорее, как «(город) индийских мужей».

Таким образом, само название показывает, что для локализации города на месте какого-либо древнего городища необходимо, чтобы последнее отвечало его названию, т.е. здесь среди находок и памятников должно если не преобладать, то присутствовать значительное число артефактов индийского происхождения. И.В. Пьянков локализовал Индикомардану на месте городища Айртам, основываясь, видимо, на наличии здесь определенного количества буддийских памятников, среди которых особо выделяется знаменитый айртамский фриз⁹⁶.

Однако если принимать во внимание только это обстоятельство, то в значительно большей

94 Хвостов 1907. С. 395; Elliger 1967. S. 434; Шеркова 1991. С. 18–19.

95 Ставиский 1977. С. 70.

96 Массон М. 1933б; 1935б; Pugachenkova. 1992. P. 23–43.

степени на местоположение Индикомарданы претендует древняя Тармита (городище Старого Термеза). Здесь имеются более многочисленные и более значимые, чем в Айртаме, буддийские сооружения, в том числе грандиозные монастыри – Каратепа и Фаязтепа⁹⁷. Но самое главное это то, что при раскопках данных монастырей обнаружено весьма большое число надписей на санскрите и пракрите письмом брахми и кхароштли первых веков н. э., т.е. времени составления «Географии» Птолемея. Эти надписи, детально исследованные В.В. Вертоградовой⁹⁸, убедительно свидетельствуют о постоянном проживании в древней Тармите населения индийского происхождения – членов буддийской религиозной общины различного ранга, а также мирян – купцов и представителей других социальных групп.

В «Географии» Птолемея среди многочисленных городов Бактрии, которые он упоминает, отсутствует город под названием Тармита, каковой, как доказал В.В. Тарн, был известен уже при селевкидском царе Антиохе I (281–261 гг. до н. э.) как Антиохия Тармита⁹⁹. Как нам представляется, Птолемей, опирающийся на сведения Марина, а тот, в свою очередь, на интернарий Маеса Тициана, не мог не знать названия Тармита, но привел другое его наименование – Индикомардана, которое, по-видимому наряду с названием Тармита, широко бытовало в первых веках н. э. в связи с многочисленным индийским населением, проживавшем в этом городе.

Весьма любопытная параллель названию Индикомардана – «(город) индийских мужей» – обнаружена нами для XIV в. В письменных источниках и на монетах этого времени Термез зачастую назывался «мадинат ар-риджал» – «город мужей»¹⁰⁰, что, по мнению М.Е. Массона, отражало пришедшие жителям этого города качества – храбрость и отвагу. Возможно, наименование Термеза как «города мужей», неважно индийских ли храбрых, было исторически традиционным и передавалось из поколения в поколение на протяжении многих столетий.

Дополнить сведения письменных источников могут археологические данные о находках предметов индийского происхождения на городищах и поселениях, расположенных вдоль трасс Великого индийского пути. Причем не просто об отдельных находках, а о комплексе объектов различного функционального назначения, включая монеты и эпиграфические находки с индийскими надписями письмом брахми и кхароштли.

Исходя из этого положения, можно наметить несколько населенных пунктов в долине Окса, где могли располагаться индийские торговые фактории, – это Ай-Ханум (только эллинистическое время), Тахти-Сангин (эллинистическое и кушанское время), Тармита = Индикомардана, Кампыртепа = Пандахейон и, возможно, Айртам. В непосредственной близости от долины Окса это городище Дальверзинтепа, расположенное в долине Сурхандарьи примерно в 100–110 км от ее впадения в Амударью = Окс.

Дальверзинтепа

97 Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь... 1964; Буддийские пещеры Кара-тепе... 1969; Буддийский культовый центр Кара-тепе... 1972; Новые находки на Кара-тепе... 1975; Буддийские памятники Кара-тепе... 1982; Альбаум 1976. С. 43–46; 1974. С. 53–58.

98 Вертоградова 1995; Воробьева-Десятовская 1983. С. 22–97.

99 Tarn 1941. 60. P. 525.

100 Бартольд 1965в. С. 507.

Дальверзинтепа расположен в 105 км на северо-восток от Термеза в долине Сурхандарьи. Здесь помимо двух буддийских храмов, датировка которых лежит в пределах I–III вв. н. э.¹⁰¹, и разнообразной скульптуры буддийского содержания были обнаружены и иные объекты индийского происхождения. Прежде всего это золотые брусочки с надписями на кхароштки в составе Дальверзинского клада. Всего в нем насчитывается 21 золотой литой брусочек двух групп: 1 – размером 85 × 24/25 × 20 мм, весом от 876,2 до 877,8 г; 2 – размером 68 × 16 × 17 мм, весом от 358,1 до 449,7 г. Десять из них содержат надписи на кхароштки, в которых, согласно М.И. Воробьевой-Десятовской, приводится вес каждого из брусочков в статерах, драмах и дханах, а также даны имена собственные, возможно, должность и слово *шрамана* – «буддийский монах».

Khorezmian fortress Ayaz-kala
Хорезмская крепость Аяз-кала

Приведу перевод трех наиболее наглядных примеров надписей:

- 1) 51 статер, 1 драма, 2 дхана. Митрой даны;
- 2) 25 статеров, половина драмы. Начальника. Даны Митрой;
- 3) 50 статеров. Кальяны. Шраманы (дали).

По поводу содержания надписей и назначения самих брусочков высказано несколько предположений. Согласно мнению М.И. Воробьевой-Десятовской, имя Митра, учитывая специфический характер дальверзинских надписей, имел один из чиновников кушанского казначейства¹⁰². В то же время Е.В. Зеймаль предположил, что употребленная в надписях формула «*Mitrena dite*» имела сакральное значение в том смысле, что правильность написанного подтверждается именем бога Митры как гаранта договора и обязательств. Однако М.И. Воробьева-Десятовская отвергает это предположение. Она считает, что дальверзинские брусочки были частью собственности буддийской общины этого города, поскольку на четырех из них употреблено слово *шрамана*, и могли предназначаться для покрытия расходов, связанных с сооружением буддийских ступ, а также для изготовления золотых статуэток Будды и украшений храмовой скульптуры, что предусмотрено правилами «Винаи»¹⁰³.

Г.А. Пугаченкова рассматривает Дальверзинский клад как военную добычу, захваченную в Северо-Западной Индии владельцем обширного дома ДТ-5, принадлежавшим, по ее мнению, к кушано-бактрийской военной знати¹⁰⁴.

101 Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 90–97; Тургунов 1989. С. 81–95.

102 Воробьева-Десятовская 1976. С. 72–80.

103 Там же. С. 78.

104 Пугаченкова 1976. С. 64–71.

Fragment of a ceramic vessel with a depiction of a Dionysiac scene.
Khorezm. 1st–2nd century AD

Дионисийский сюжет на фрагменте керамического сосуда. Хорезм. I–II вв. н. э.

Fragment of a ceramic vessel with a depiction of a Dionysiac scene.
Khorezm. 1st–2nd century AD, reconstruction

Дионисийский сюжет на фрагменте керамического сосуда. Реконструкция. Хорезм. I–II вв. н. э.

Вместе с тем я высказал предположение о том, что эти брусочки, как с надписями, так и без них, следует рассматривать как налоговые поступления в казну сатрапа (бактр. *rababo-šababo*) Чаганиана, столичным городом которого в кушанское время был Дальверзинтепа¹⁰⁵. Они осуществлялись золотыми брусочками двух весовых групп: первой – 358,1–449,7 г; второй – 876,2–877,8 г.

Подобного рода налоговые выплаты, но серебряными слитками, исчисляемыми в весовой единице таланте, равной 25,92 кг, практиковавшиеся в Средней Азии с середины I тыс. до н. э., выплачивались определенной административной единицей – сатрапией и вносились в казну ахеменидских царей (Геродот, III, 92–93)¹⁰⁶. Можно, таким образом, в формулах надписей на брусочках «Митрой даны; даны Митрой; шраманы (дали)» усматривать определенных лиц или доверенных каких-либо социальных групп, вносивших налоговые выплаты: в первом и втором случаях представителем богатой земледельческой знати или купечества – Митрой, а в третьем – представителями большой буддийской общины города (Дальверзинтепа), владевшей в нем двумя храмами.

После поступления в казну на такого рода брусочках пуансоном проставлялись надписи специальным финансовым чиновником, ведавшим учетом поступавшего налога, подобным мадубару-счетоводу в парфянской Михрдаткерте¹⁰⁷ или учетчику налоговых поступлений в эллинистическом Ай-Ханум. Кстати сказать, по своей форме золотые брусочки Дальверзинского клада совершенно аналогичны золотым брусочкам определенного веса, составляющим золотой запас того или иного современного государства.

Таким образом, можно, вероятно, допустить, что Дальверзинский клад содержит в себе часть казны сатрапа Чаганиана, укрытой в лихорадочной спешке перед вражеским нашествием, а сам объект ДТ-5 является его дворцом. Об этом говорит то, что он был спрятан в простом сосуде, в кото-

105 Ртвеладзе 2005б. С. 99; 2002б. С. 60.

106 Ртвеладзе 2002б. С. 53.

107 Дьяконов И., Дьяконов М., Лившиц, Массон М. 1951. С. 62–63.

Monkey playing the tambourine. Barattepa. 1st–2nd century AD

Обезьяна, играющая на бубне. Бараттепа. I–II вв. н. э.

даже их останавливавшимися здесь людям, сопровождавшим торговые караваны.

Для этого в северо-западной части цитадели были устроены своеобразные торговые лавочки. Примечательно, что оборонительная стена цитадели, разрушенная при юечжах, в кушанское время использовалась в жилых целях, так же как и пристройки вдоль нее. В юго-восточном углу цитадели была устроена огромная яма для сброса мусора, захватившая и бывшие ворота цитадели.

«Верхний» город. Основная жилая территория. Структура ее, благодаря нашим исследованиям, устанавливается достаточно четко. Первоначально была возведена стена с башнями, а затем уже началась застройка всей территории. Последняя была застроена блоками-кварталами, разделенными радиально расположенными улицами, шириной 1,5 м, спускавшимися от главной улицы, которая шла вдоль всей крепостной стены. Размеры таких блоков-кварталов – 50 × 25 м, 45 × 30 м и т. д.; в каждом из них располагались разновозрастные помещения различных функций: трапезные, спальни, святилища и т. д., а также дворы. Здания были двух-

Terracotta figurines of Bactrian musicians playing various musical instruments developed in different parts of Eurasia: a – syrinx (Pan flute); b – flute; c – harp; d – lute

Бактрийские музыканты, играющие на инструментах, происходящих из различных стран Евразии: a – на сиринге (флейте Пана), b – на флейте, c – на арфе, d – на лютне

этажными. Об этом свидетельствуют обнаруженные в некоторых помещениях остатки лестниц, хотя не исключено, что они вели на крыши домов, предназначенные для сна в знойный период, который длится здесь с апреля по октябрь.

Кварталы-блоки спускались террасами ко рву цитадели, причем перепад высот 1-го и 4-го блоков между полом верхних помещений у крепостной стены и полом нижних помещений составляет 3–3,5 м.

В 50 м на запад от башни-1 вся жилая территория была разделена широкой улицей (до 3,5 м)

Индийская танцовщица. Терракота. Южный Казахстан

как бы на два сектора – восточный и западный. В восточном секторе было пять блоков-кварталов, в западном, где остался неоскрытым большой (до 60 м) участок, – также, по-видимому, пять.

Что означало такое деление на секторы и равное количество блоков-кварталов и какой принцип заложен в нем (по родам, этносам или религиозным верованиям), остается пока неясным. Подтверждением деления всей этой жилой территории именно на два сектора является и наличие двух некрополей – восточного и западного.

Пригород. За пределами крепостной стены выявлены два кульгово-погребальных комплекса, которые мы для удобства назвали некрополями.

В западном некрополе выявлено несколько зданий, видимо наусов, с ритуальными площадками. В восточном некрополе обнаружено продолговатое (до 64 м) здание, состоящее из ряда помещений, которое мы интерпретировали как зороастрийское *ката*. Рядом с ним, к востоку и югу, расчищены четыре погребальных сооружения, которые, судя по сравнительно хорошо сохранившемуся погребальному сооружению-2, предназначались для захоронения костей в сопровождении множества керамических сосудов.

В этом же районе выявлены, по крайней мере, еще три таких сооружения, на которых остались россыпи фрагментов керамики и следы сырцовых кирпичей.

«Нижний» город («пристань») торгово-ремесленного назначения. Она расположена под надпойменной террасой – к востоку, сразу за рвом, отделяющим ее от второй части основной жилой территории.

От нее сохранился участок, длиной 130–140 м, наибольшей шириной до 40 м, ограниченный с севера и востока обрывом террасы, высотой до 10 м, а с запада рвом, превратившимся сейчас в овраг. С южной стороны, обращенной к Амударье, значительное пространство этой части разрушено.

В шурфах, заложенных здесь, выявлен достаточно мощный культурный слой, толщиной 3 м, датированный I–II вв. н. э., хотя не исключено, что часть этой территории обживалась и в более раннее время. Судя по месторасположению и уровню дневной поверхности, почти вровень с уровнем Амударьи, это была пристань, куда приставали суда, переправлявшие караваны на правый берег Окса. И отсюда шел уже подъем в крепость и укрепленную часть.

В середине или начале второй половины II в. н. э. происходит полное запустение городища, видимо, еще при Канишке или сразу после окончания его правления.

Соответствующим образом охарактеризован Пардагви (Пандахейон), с которым мы отожде-

ствили городище Кампыртепа, персидским историком XV в. Хафиз-и Абру¹¹³.

В этом источнике, в частности, говорится, что при переправе, расположенной у этого населенного пункта, существовала корпорация крупных судовладельцев, ответственных за переправу через Амударью (Окс), которые находились под покровительством древних царей, освободивших их от налогов. Причем, судя по этому источнику, основным занятием жителей Пардагви (Пандахейона) была услуга проезжавших через переправу путешественников (вероятно, имеются в виду проходившие здесь торговые караваны. – Э.Р.), ставших объектом конкуренции между жителями.

По-видимому, такого же характера были и другие населенные пункты при переправах, сочетавшие функции охраны, таможни, торговли и гостиницы, в частности Термез, между жителями которого и жителями Пардагви постоянно происходила борьба на почве конкуренции за получение доходов.

В кушанское время населенный пункт на месте Кампыртепа значительно изменился. Он превратился в своеобразный торгово-таможенный пункт, население которого занималось обслуживанием проходивших здесь караванов, а специальные чиновники – сбором с них налогов. О большом размахе торговли здесь свидетельствует не только наличие в ряде его мест торговых лавочек, большого числа помещений, предназначенных для хранения вина и зерна, но и значительное число найденных здесь кушанских монет Сотера Мегаса, Кадфиза II и Канишки, общим числом более 600 экз., в том числе четыре клада, включающие в себя монеты Кадфиза II и Канишки.

Подтверждают торговый характер Кампыртепа и возможное наличие в этом месте торговых факторий купцов из разных стран, а также найденные здесь археологические предметы и объекты. Это папирус, костяные заколки, фаянсовые и другие бусы из Египта, керамика из Хорезма, печи маргианского типа и терракоты из Маргианы, стеклянные изделия восточномедиземноморского происхождения, зеркала из Китая. Нередки здесь находки и индийского происхождения: терракоты с изображением т. н. «любобной пары» (*митхуна*), статуэтки Будды и бодхисатв, ювелирные украшения, раковины каури, буддийские статуэтки.

Такого же рода торговые поселения с факториями бактрийских, индийских, парфянских, ки-

Plan of Dalverzintepa. Surveyed and drawn by E. V. Rtveladze
Дальверзинтепа. План. Съемка Э.В. Ртвеладзе

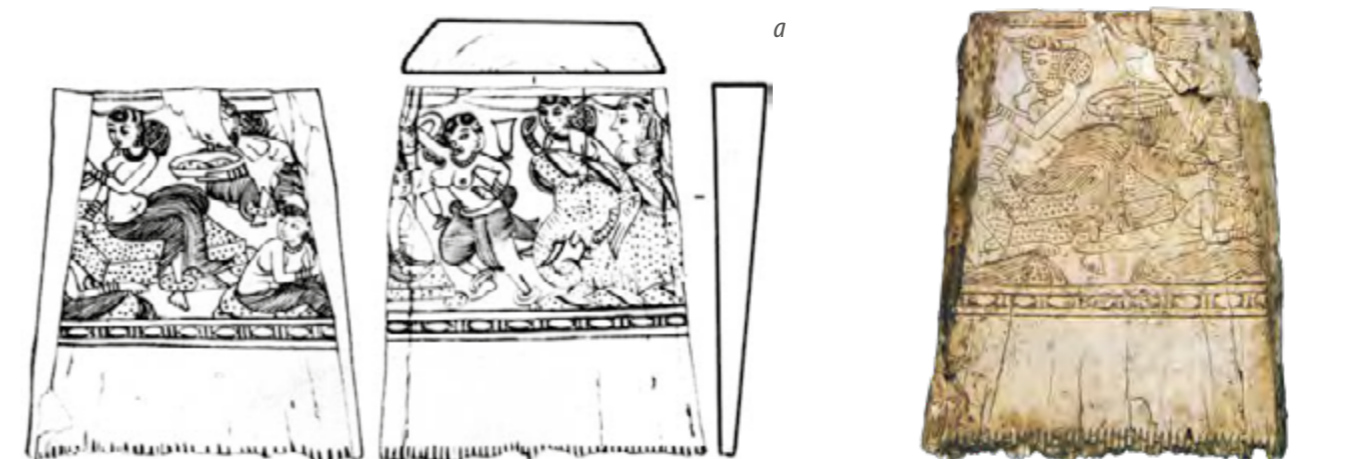
Шахматные фигурки. Слоновая кость.
Дальверзинтепа. II–III вв. н. э.

тайских торговцев имелись, вероятно, и в других местах Великого индийского пути. В частности, торговые фактории индийских купцов могли существовать при больших буддийских общинах-монастырях – в Айртаме, Термезе, Мерве и других местах концентрации населения, исповедовавшего буддийскую религию.

ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ КАК ОСНОВНАЯ ДОРОГА ПРОНИКНОВЕНИЯ БУДДИЗМА В БАКТРИЮ И МАРГИАНУ

Великий индийский путь в свете новых археологических данных можно рассматривать как основную дорогу, по которой буддизм проникал в Бактрию, а оттуда по Оксийскому водному пути и частично сухопутным трассам – в Маргиану.

Вряд ли можно сомневаться в том, что, так же как Великий шелковый путь, Великий индийский путь служил не только для доставки товаров индийского происхождения, но и для обмена духов-

Сцены из джатак. Гребень. Слоновая кость. Дальверзинтепа. I–II вв. н. э.: а – прорисовка, б – фото

ными ценностями.

В данном разделе я попытаюсь обосновать это предположение, опираясь как на прежние данные, так и на новые археологические материалы, полученные при раскопках Кампыртепа, свидетельствующие о весьма раннем проникновении индийской культуры и буддизма в долину Окса к западу от Термеза по пути в Маргиану. Особое значение при этом имеют находки ранних буддийских терракот в Старом Термезе и Кампыртепа.

113 Бартольд 1973. С. 93.

Ножки трона. Слоновая кость. Дальверзинтепа. I–II вв. н. э.

Терракотовая пластика Северной Бактрии буддийского содержания кушанского времени (I–III вв. н. э.) сейчас выявлена уже достаточно хорошо. В ее составе, по обобщенным данным Т.К. Мкртычева, представлены образы Будды, бодхисатв, донаторов, якшей, якшинь, любовной пары (митхуна)¹¹⁴. Некоторые из этих образов имеются и в терракоте Кампыртепа (статуэтки Будды, донаторов, якшинь, митхуны)¹¹⁵, что свидетельствует о наличии определенного слоя жителей Кампыртепа, которые придерживались буддийского вероисповедания, хотя в основном этот важный торговый пункт, судя по погребальным памятникам, представлялся мне оплотом зороастризма¹¹⁶. Последние находки на Кампыртепа, где в отличие от всех археологических памятников Бактрии проводятся системные археологические раскопки, направленные на полное вскрытие всей площади городища, позволяют более конкретно говорить о роли и значении здесь буддизма.

В весеннем полевом сезоне 2003 г. на этом городище была найдена одна новая терракотовая статуэтка Будды, а также остатки буддийского святилища. Рассмотрим их.

В юго-восточном углу цитадели Кампыртепа, но за пределами ее крепостной стены были заложены два разреза: разрез-1 – на месте промоины, разрез-2 – по краю обрыва городища, обращенного к Амударье, на расстоянии 13 м от разреза-1. В этих разрезах выявлена четкая свита культурных напластований от конца IV в. до н. э. до периода правления Канишки, который, вероятнее всего, приходится на первую половину II в. н. э.

Между разрезами заложен большой раскоп с захватом крепостной стены, где вскрыт проход. В самом нижнем слое этого участка, у прохода обнаружена мощная крепостная башня, относящаяся к концу III – началу второй половины II в. до н. э., перекрытая слоем органики юечжийского периода. Над этим слоем была обнаружена часть большого квадратного в плане помещения (8 × 7,6 м).

Северная часть этого помещения, так же как и центральная, полностью утрачена, но с западной стороны сохранился обводной коридор, одну из стен которого образует крепостная стена. Небольшой отрезок коридора имелся и с южной стороны. Стены помещения были построены из квадратного сырцового кирпича 32 × 32 × 12 см. Пол в помещении был выложен жжеными кирпичами, швы между которыми затерты алебастром. Толстая алебастровая штукатурка покрывала и стены помещения.

Это помещение, вероятнее всего, являлось буддийским святилищем. Об этом свидетельствует

114 Мкртычев 2002. С. 100–197.

115 Там же. С. 125–147; Ильясов 2000. С. 102–103, рис. 4; Савчук 1984; Ртвеладзе 2005а. С. 640–645.

116 Ртвеладзе 2001в. С. 65–95.

характерный для буддийских святилищ план – квадрат с обводным коридором, отмеченный, в частности, в буддийских сооружениях Каратепа¹¹⁷ и Уштур-Мулло¹¹⁸.

Таким образом, можно утверждать, что в период правления Канишки у крепостной стены было возведено буддийское святилище, возможно, небольшой храм. О его полной планировке и структуре нельзя вынести суждение, т. к. большая часть площади, на которой он располагался, не сохранилась.

Статуэтка Будды была найдена в раскопе-1, заложенном в юго-восточном углу цитадели. Выяснилось, что это место использовалось для сброса мусора, судя по монетам и керамике, – в период правления Сотера Мегаса – Канишки, т. е. в I в. н. э. – первой половине II в. н. э. Данный слой заполнил ворота цитадели и часть крепостной стены, которая к этому времени уже не соответствовала своей прямой функции, причем была частично разрушена¹¹⁹.

Статуэтка была найдена Г.Н. Никитенко на глубине XXV яруса. Это горельефное изображение сидящего в падмасане Будды со сложенными в жесте *дхьяна-мудра* руками. Он облачен в складчатое одеяние, покрывающее всю фигуру. Голова статуэтки не сохранилась.

Будда восседает на высоком сложном троне. Он состоит из низкого постамента или скамьи с ромбовидным орнаментом и цветка лотоса, окантованного сверху рельефным поясом, от которого отходит ствол (стебель). Сохранившаяся высота статуэтки 8,6 см, наибольшая ширина в ногах 5 см.

Будда, восседающий на различного типа тронах, чаще в виде цветка лотоса или низкой скамьи, широко представлен в скульптурных композициях Средней Азии, Афганистана, Индии и других стран, исповедующих буддизм. Однако нам не удалось найти среди них объекта буддийской коропластики или скульптуры, в которой Будда восседал бы на подобном стебле лотоса¹²⁰. Отсутствует такой тип композиции и в терракотовой пластике Северной Бактрии¹²¹. Так что данная статуэтка, по существу, уникальна.

На территории Северной Бактрии к настоящему времени найдены всего лишь семь терракотовых статуэток кушанской эпохи с изображением Будды: три – в Старом Термезе (две в стратиграфическом шурфе¹²², одна в буддийском пещерном монастыре Каратепа¹²³); две – на Кампыртепа (одна в мусорной яме и одна во рву с западной стороны цитадели¹²⁴); одна – на Айртаме¹²⁵. (На то, что опубликованная Б.А. Тургуновым статуэтка изображает Будду, впервые обратил внимание Ш.Р. Пидаев.) Они отражают два иконографических типа: сидящий Будда в позе *абхьямудра*, т. е. с поднятой правой рукой, и в *падмасане* с жестом *дхьяна-мудра*, обычно без сиденья. Отличается от них своим сложным тронem с восседающим на нем Буддой только описанная выше статуэтка из Кампыртепа.

Обращусь теперь к датировке терракот из Кампыртепа и святилища. Верхний предел их дати-

117 Ставиский 1998б. С. 26–27, рис. 3, 4.

118 Зеймаль Т. 1988. С. 227–238; 1990. С. 255–261.

119 Ртвеладзе 2005а. С. 640–652.

120 См., к примеру: Kurita 1990 (где приведены многочисленные изображения сидящего Будды); Errington, Cribb 1992; Rosenfield 1967.

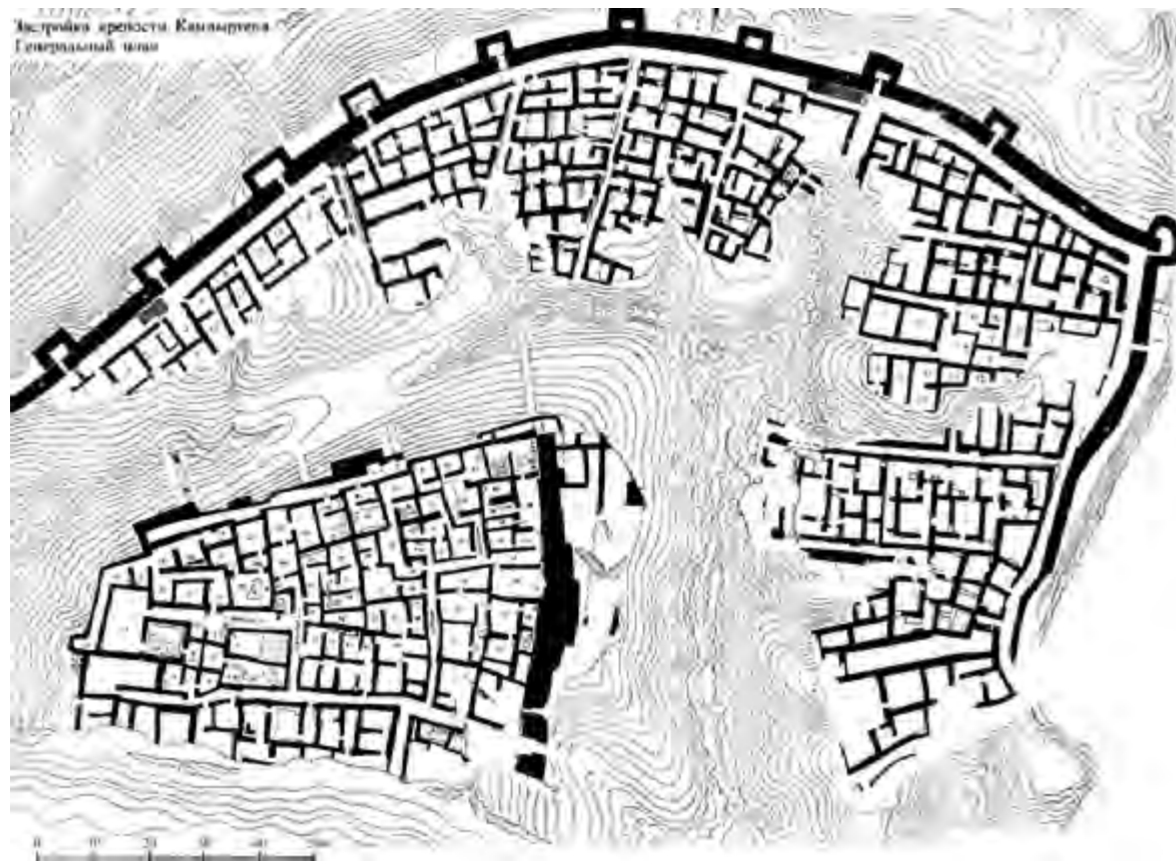
121 Мкртычев 2002. С. 172–197.

122 Пидаев 1999. С. 133–134.

123 Мешкерис 1969. С. 126–136.

124 Ильясов 2000. С. 102–103.

125 Тургунов 1973. С. 76, рис. 20.

Кампыртепа. План застройки крепости. Съемка И. Луньковой и Е. Куркиной

Кампыртепа. Северо-восточный угол городища. Крепостная стена после реставрации. Фото А.В. Алпаткиной

ровки очевиден – это время правления Канишки (по принятой нами хронологии, время его правления – первая половина II в. н. э.), поскольку городище Кампыртепа было оставлено тогда его жителями, по-видимому, из-за угрозы разлива Окса (Амударьи), в результате которого южная часть городища была разрушена. Что же касается нижней границы их датировки, то здесь, вероятно, возможны хронологические разночтения. Буддийское святилище было сооружено в период правления Канишки, а участок для сброса мусора и отходов стал использоваться уже во время правления Сотера Мегаса, судя по монетам, найденным здесь, так же как при Кадфизе II и Канишке, или, возможно, еще раньше.

Статуэтку, у которой по каким-то причинам была утрачена голова, выбросили в яму до времени правления Канишки, поскольку над ней накопился многометровый слой мусорных отходов. То есть после ее попадания в яму еще долгое время продолжался сброс мусора, который, судя по стратиграфии слоев, накапливался в течение длительного периода. Следовательно, статуэтка могла быть изготовлена задолго до ее выброса в мусорную яму, а именно в I в. н. э., возможно даже в первой его половине.

До этого две самые древние статуэтки Будды из Северной Бактрии были обнаружены Ш.Р. Пидаевым в стратиграфическом шурфе в Старом Термезе и датированы им второй половиной I – первой половиной II в. н. э.¹²⁶ Но еще более древняя статуэтка Будды была найдена в ступе в Дхарма-раджели, которая датируется первой четвертью I в. н. э. Дж. Маршалл считал, что данная статуэтка отображает самый ранний образ Будды, применявшийся еще до появления его канонического изображения¹²⁷. В то же время А.К. Кумарасвами и Лохвизен де Лёв полагают, что самое раннее изображение Будды не могло появиться раньше правления Вимы Кадфиза. Они обосновывают свое предположение отсутствием на городище Сиркап, которое прекратило свое обживание после периода правления Куджулы Кадфиза, находок с изображением Будды¹²⁸.

Поскольку терракотовые статуэтки Будды из Кампыртепа совершенно определенно датируются временем до правления Канишки, то они являются, наряду со статуэтками из Старого Термеза, не только самыми ранними изображениями Будды в Бактрии, но и одними из древнейших во всем буддийском мире. Этот факт принципиально важен в историческом плане, т.к. уточняет время проникновения буддизма в Северную Бактрию, в связи с чем обратимся к более подробному анализу этой важнейшей исторической проблемы.

Начальный период истории буддизма в различных историко-культурных областях Средней Азии остается дискуссионным. Некоторые исследователи относят его ко времени правления великого кушанского царя Канишки (последняя четверть I в. н. э. или первая четверть II в. н. э.)¹²⁹. Другие датируют начало этого процесса более ранним периодом¹³⁰. Так, Б.А. Литвинский в этой связи отмечает, что пути продвижения буддизма из Северо-Западной Индии (Гандхары) и Южного Афганистана (Кандагар), где эта религия, вероятно, была распространена уже в III в. до н. э., про-

126 Пидаев 1999. С. 103.

127 Marshall 1951. P. 701.

128 Lohuizen-de Leeuw 1949. P. 87, 99, 105.

129 Ставиский 1998б. С. 156.

130 Литвинский 1968. С. 129.

Любящая пара (митхуна).
Терракота. Батырабадтепа.
I–II вв. н. э.

Любящая пара (митхуна).
Терракота. Кампыртепа. I–II вв. н. э.

Гребень. Слоновая кость.
Кампыртепа. I–II вв. н. э.
Индия или Бактрия

легали на север, в Бактрию и к Амударье, разделявшей эту область на северную и южную части¹³¹.

Наиболее ранняя дата проникновения буддизма в Бактрию предложена П. Ч. Багчи: это время правления царя Ашоки (273–239 гг. до н. э.)¹³², при котором данное учение стало государственной религией обширного индийского царства Маурья. Однако каких-либо археологических материалов, подтверждающих эту точку зрения, пока не имеется.

Более реально мнение Б. А. Литвинского, согласно которому буддийские миссионеры и местные адепты появились на юге Средней Азии во второй половине и в конце существования Греко-Бактрийского царства, т. е. в первой половине II в. до н. э.¹³³

Знакомство бактрийцев с буддизмом задолго до Канишки подтверждают хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные эпиграфические и лингвистические данные, а также сведения Александра Полигистора о *samanaioi* (от санскр. *sramana* – «буддийский монах»), опираясь на которые западные ученые (Дж. Асмуссен, И. Маркварт) говорили о широком распространении этого учения в Бактрии уже в I в. до н. э.¹³⁴

Огромную ценность представляют и нумизматические данные, в частности монеты греко-бактрийского царя Агафокла (180–165 гг. до н. э.), власть которого распространялась и на Северную Бактрию. На бронзовых квадратных монетах этого царя, битых, вероятно, в Таксиле – столице Гандхары, впервые в греко-бактрийском чекане появляется изображение буддийской ступы, увенчанной деревом с тремя ветвями. Индийское влияние (богиня Лакшми – сестра Кришны) отмечено и на других монетах Агафокла¹³⁵. Но уже до Агафокла определенные элементы индийской иконографии используются на монетах Деметрия (200–185 гг. до н. э.): шлем в виде головы слона на драмах и тетрадрамах и отдельно голова слона на дихалках. Их применение связано с завоеванием Деметрием Гандхары в результате похода в северо-западные области Индии¹³⁶.

Монеты Агафокла в достаточно большом количестве найдены на ряде городищ Северной Бактрии¹³⁷, в составе же Бухарского клада имеются две его коммеморативные монеты с именами Антиоха и Евтидема¹³⁸.

Серебряные и бронзовые монеты Деметрия различных типов также обнаружены в Северной Бактрии¹³⁹. Ныне установленный исторический факт о том, что в первой четверти II в. до н. э. вся Бактрия и Северо-Западная Индия (где в то время уже господствовал буддизм) были объединены в единое царство, может свидетельствовать о непосредственном знакомстве бактрийцев с учением Будды уже тогда.

Наиболее раннее свидетельство присутствия буддизма в Северной Бактрии – наскальная надпись на кхароштки, открытая А. Н. Бернштамом в местности Даршай на Западном Памире. Согласно Я. Харматте, она читается как *parayana* («побеждай») и датируется концом II – началом I в.

131 Там же.

132 Bagchi 1959. P. 32.

133 Литвинский 1968. С. 129.

134 Там же. С. 129; Marquart 1901. S. 90.

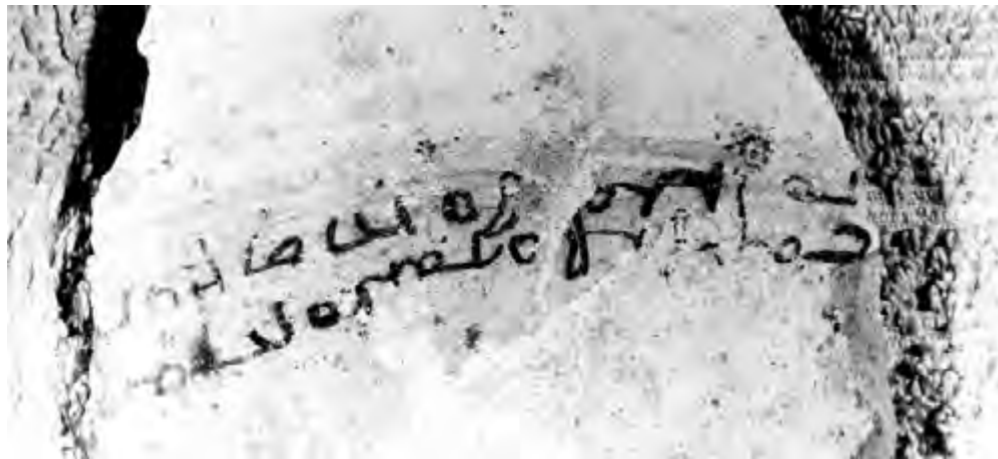
135 Vorearachchi 1998 P. 249–257.

136 Массон В. 1961. С. 39–45.

137 Rtveldze 1984. P. 71.

138 Ibid. P. 63.

139 Ibid. P. 70–71.

Бактрийские надписи на сосуде. Кампыртепа. Первая половина II в. н. э.

Индийская надпись письмом кхароштхи на сосуде. Хатынрабад. I–II вв. н. э.

Надписи письмом кхароштхи на фрагментах сосудов. Каратепа. II–III вв. н. э.

Городище Кампыртепа. Восточная сторона. Вид на долину Окса

до н. э.¹⁴⁰ По мнению Б.А. Литвинского, эта надпись свидетельствует не только о возникновении в Средней Азии культа Нараяны Будды, но и о проникновении сюда буддизма накануне образования или в ранний период существования Кушанского государства¹⁴¹.

Но это все косвенные данные. В письменных же источниках наиболее раннее свидетельство бытования буддизма в Бактрии, в частности у юечжей, переселившихся сюда во второй половине II в. до н. э., содержится в китайской хронике «Вэй Люэ», написанной между 239 и 265 гг. н. э. Как отмечал Э. Цюрхер, традиционные версии появления буддизма в Китае упорно связывают это событие именно с юечжами, а следовательно с Бактрией – Тохаристаном. Таким образом, и косвенные, и письменные свидетельства позволяют говорить о том, что проникновение буддизма и в целом индийской культуры в Бактрию произошло в греко-бактрийский период, а укрепление их позиций – в юечжийское время.

Проведу теперь анализ археологических данных, проливающих свет на время проникновения буддизма в Бактрию в период до правления Канишки.

Первостепенное значение среди них имеет буддийский комплекс в Айртаме, с раскопок которого, собственно, и началось изучение буддийских памятников в Средней Азии¹⁴². Он примечателен и открытием здесь бактрийской шестистрочной надписи, прочитанной В.А. Лившицем и мной¹⁴³. Ее изучение дает важные сведения по проблеме раннего буддизма в Северной Бактрии.

Тщательный анализ, проведенный нами по установлению периодизации буддийского ком-

140 Harmatta 1966. P. 1–12.

141 Литвинский 1968. С. 130.

142 Массон М. 1935б С. 129–134.

143 Тургунов, Лившиц, Ргвеладзе 1981. С. 78.

плекса в Айртаме, позволил прийти к выводу о том, что первоначальное его возведение относится ко времени ранее первой четверти II в. н. э., т. е. до начала правления Канишки¹⁴⁴. Показательно в этом отношении содержание бактрийской надписи из Айртамского буддийского комплекса. В ней говорится, что некий Шодийа в четвертый год правления царя Хувишки осуществил в мализо (акрополе) Айртама большие строительные работы, в частности восстановил и украсил, вероятно скульптурой, находившийся в нем буддийский храм (обозначен термином «багалагто») и привел в порядок нарушенную и загрязненную систему водоснабжения. Канишка правил двадцать четыре года, следующий за ним царь, Васишка, – четыре, вслед за которым началось правление царя Хувишки. Следовательно, прошло всего лишь восемь лет после смерти Канишки, когда Айртамский буддийский комплекс пришел в негодность и потребовалась его реставрация, что весьма и весьма сомнительно. Правда, Я. Харматта считает, что в надписи обозначена не «дельта» («четыре»), а «лямбда» («тридцать»), из чего следует, что реставрация буддийского комплекса в Айртаме произошла в 30-м году правления Хувишки¹⁴⁵. Однако он не прав, поскольку в надписи после слова *хрово* – «год» обозначена четкая «дельта», т. е. «четыре».

Таким образом, скорее всего буддийский храм в Айртаме был возведен задолго до правления Канишки, но уже скоро – в четвертом году правления Хувишки – потребовалась его реставрация. Не исключено, что этот храм был первым буддийским сооружением в Северной Бактрии. К числу ранних относится и загородное буддийское святилище на Дальверзинтепа.

Г.А. Пугаченкова, основываясь на находках монет и стилистических особенностях скульптуры первого городского буддийского храма на городище, датировала его возведение I в. н. э.¹⁴⁶ Однако Б.Я. Ставиский отнес сооружение этого святилища ко времени правления Канишки и его ближайших преемников, т. е. ко II в. н. э.¹⁴⁷ Этой же датировки придерживался и Дж. Ильясов, который в качестве аргумента приводит находки в нем и в городском буддийском храме Дальверзинтепа, датированном концом II – началом III в. н. э., одинаковых скульптурных головок «усатого вельможи», видимо знатного донатора. Данная скульптура могла быть помещена в городской храм в память о первом покровителе буддизма в этом городе.

Очевидно, что как минимум два буддийских памятника Северной Бактрии были сооружены в период до правления Канишки. К этому теперь можно добавить и проанализированные выше терракотовые статуэтки Будды из Кампыртепа и Старого Термеза, которые изготовлены раньше времени правления Канишки.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно говорить, по крайней мере, о трех этапах истории буддизма в Северной Бактрии.

- I. Первые века до н. э. Этап ознакомления населения Бактрии с буддийским вероучением.
- II. I в. н. э. Распространение буддизма в Бактрии и возведение здесь, в том числе и в северной ее части, первых буддийских сооружений.
- III. Первая половина II в. н. э. Время правления Канишки. Расцвет и прочное утверждение буд-

144 Ртвеладзе 1995. С. 75–76.

145 Harmatta 1986. P. 131–146.

146 Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 90–97.

147 Ставиский 1998б. С. 73.

дизма в больших и малых городах Бактрии, особенно в долине Окса, где, как показывают археологические данные, буддийские сооружения существовали фактически на всем протяжении бактрийского участка долины Окса от Уштур-Мулло в низовьях Кафирнигана до Кампыртепа.

При последующих кушанских царях (Хувишке, Васудеве, Канишке III) буддизм в Бактрии, по-видимому, остается на завоеванных при Канишке позициях. Об этом, в частности, свидетельствует возведение крупного буддийского монастыря в центре Дальверзинтепа в конце II – начале III в. н. э. Предложенные ранее датировки постройки этого монастыря не учитывают факт находок на первоначальном полу монет Васудевы I и Канишки III. Наиболее аргументированы из них датировки, предложенные Дж. Ильясовым, – III в. н. э., может быть, вторая половина III в. н. э.; Д.В. Русановым и Т.К. Мкртычевым – вторая половина III – первая четверть IV в. н. э.¹⁴⁸ Но более полная датировка на основании определенных мной монет приведена Б.А. Тургуновым – вторая половина II – начало III в. н. э.¹⁴⁹ В центральном помещении этого монастыря со скульптурой на полу были найдены монеты Васудевы. При первых сасанидских походах этот монастырь в Бактрии был разрушен, хотя в последующем, в кушано-сасанидское время, на его руинах были возведены какие-то другие, вероятнее всего жилые, помещения, в одном из которых был найден острак с пехлевиийской надписью, датированной В.А. Лившицем и А. Никитиным III–IV вв. н. э.¹⁵⁰ Однако до сих пор не осуществлены полная стратиграфия этого монастыря и публикация керамики из слоев.

При эфталитах, в V в. н. э., происходит возрождение буддизма в Северной Бактрии, во всяком случае в Термезе, где вновь начинают функционировать некоторые буддийские сооружения Каратепа.

Такой представляется мне историческая периодизация буддизма в Северной Бактрии.

Следовательно, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что знакомство с буддизмом и укрепление его в Бактрии началось уже в первых веках до н. э., а в I в. н. э. в северной ее части были возведены первые буддийские сооружения, а также о том, что буддизм достаточно широко распространился здесь при Канишке и его преемниках.

Открытие буддийского святилища и находки ранних буддийских терракот на Кампыртепа дают возможность по-новому рассмотреть вопрос о тех парфянах-буддистах, которые упоминаются в китайских письменных источниках, и о месте и времени знакомства парфян с буддизмом, а также о его проникновении в Маргиану.

В китайских письменных источниках приводятся имена, по крайней мере, пяти парфян, способствовавших распространению и пропаганде буддизма в Китае, сведения о которых обобщены Э. Цюрхером¹⁵¹ и Г. Масперо¹⁵². Деятельность двух из них, Ань Шигао и Ань Шаня, проходила еще в правление поздней династии Хань (25–220 гг. н. э.), деятельность двух других, Тан У-ти (Дхармасатья?) и Ань-фа-чжэня (Дхармамабхадара?), – при династии Вэй (220–265 гг. н. э.); монах-каллиграф Ань-Ху Изе жил в IV в. н. э.

Наиболее известный из них – Ань Шигао. Он прославился в первую очередь тем, что был пер-

148 Мкртычев 2002. С. 137–138.

149 Тургунов 2000. С. 192.

150 Лившиц, Никитин 1990. С. 66–72.

151 Zürcher 1959.

152 Maspero 1910. P. 95–100.

вым переводчиком буддийских сутр на китайский язык, а также создал школу переводчиков буддийских текстов, из которой впоследствии вышли знаменитые личности. Согласно традиции, Ань Шигао был наследным принцем, отказавшимся от престола ради служения религии. По Г. Масперо, Парфянское государство при Аршакидах представляло собой конгломерат мелких царств и Ань Шигао, вероятно, был членом правящей семьи¹⁵³.

Г.А. Кошеленко в связи с открытием буддийского монастыря на Гяур-кале в Старом Мерве полагал, что Ань Шигао принял буддизм в Маргиане, владельцем которой он, возможно, был¹⁵⁴.

Попытку увязать Ань Шигао с именем парфянского принца, фигурирующим в западных источниках, предпринял Л. Вьежер¹⁵⁵, но она не нашла понимания со стороны ученых¹⁵⁶.

Из Парфии Ань Шигао отправился в Китай и в 148 г. н.э. поселился в Лояне, где прожил двадцать лет. Г. Масперо предполагал, что в Лояне существовала специальная парфянская школа переводчиков, основателем которой был Ань Шигао¹⁵⁷. Число написанных им позднее сочинений указывается библиографами от 30 до 176. Ань Шигао оказал огромное влияние на становление буддизма в Китае, систему буддийской философии и практики.

Второй парфянин – распространитель буддизма в Китае, уасака Ань Шань, был вначале купцом. В 181 г. н.э. он прибыл в Лоян и вступил в буддийскую общину, возглавляемую Ань Шигао. Совместно с первым известным нам китайцем – буддийским монахом Янь-Фо-тао, который называл себя учеником Ань Шигао, они перевели на китайский язык буддийское сочинение «Уградам-мапарипрера», содержащее сведения о жизненном пути Бодхисатвы¹⁵⁸.

Китайские письменные источники упоминают еще об одном парфянине – Аньфа-чжене (Дхармамахадара?), игравшем активную роль в распространении буддизма в период правления династии Западной Цинь (216–316 гг. н.э.). Он перевел на китайский язык пять буддийских сочинений, в том числе «Ашокакраджавадану» – легендарную историю царя Ашоки¹⁵⁹.

Четвертый выходец из Парфии, Тан У-ти (Дхармасатъя?), также внес свою лепту в пропаганду

Plan of Dilberjin (I.T. Kruglikova & G.A. Pugachenkova)
План Дильберджина (по И.Т. Кругликовой и Г.А. Пугаченковой)

Plan of Karatepa (K. Kato & Sh. Pidaev)
План Каратепы (по К. Като и Ш.П. Пидяеву)

буддизма в Китае в это же время, но подробных данных о нем не имеется¹⁶⁰.

Последний парфянский буддист, монах Ань-Ху Изе, упоминаемый в китайских письменных источниках, помимо совершения своих религиозных функций, был известным каллиграфом, выполнял миниатюрные рукописи сутр, а также копии текста Панкавимсатисахасрина¹⁶¹.

Основные научные исследования по истории буддизма в Китае и об участии в его распространении выходцев из ряда историко-культурных областей Средней Азии были написаны в конце XIX – первой половине XX в., когда на территории Парфянского государства не были обнаружены буддийские памятники.

В начале 60-х гг. XX в. благодаря археологическим исследованиям ЮТАКЭ выяснилось, что Древний Мерв, столичный город области Маргианы, в первой – начале второй половины I тыс. н.э. являлся значительным буддийским центром.

Здесь были открыты два буддийских памятника. Первый – большой наземный монастырь в юго-восточном углу Гяур-калы со ступой, в котором были найдены большая голова Будды, расписной сосуд и в нем индийские рукописи на брахми, а также глиняные таблички со штампованным изображением Будды. Датировка памятника неоднозначна: раскопки этого монастыря продолжались около 20 лет, участие в них принимали многие студенты-практиканты кафедры археологии ТашГУ, каждый из которых в своем дипломном сочинении изложил свое понимание хронологии этого памятника и стратиграфических условий залегания находок, в особенности монет.

Первоначально данный памятник был датирован М.Е. Массоном¹⁶² и Г.А. Кошеленко¹⁶³ первыми веками н.э. Однако впоследствии эта датировка была пересмотрена. Так, Г.А. Пугаченкова и З.И. Усманова относят время его функционирования к IV–VI вв. н.э., а возведения – не ранее середины IV в. н.э.¹⁶⁴, по Б.Я. Ставискому – даже третьей четверти IV в. н.э.¹⁶⁵

Эта датировка, однако, вызывает сомнения. Сасаниды, завоевавшие Бактрию, в том числе и се-

153 Ibid.

154 Koshelenko 1966.

155 Wieger 1922. P. 351.

156 Zürcher 1959. P. 32.

157 Maspero 1910.

158 Zürcher 1959. P. 23.

159 Ibid. P. 70.

160 Ibid. P. 55.

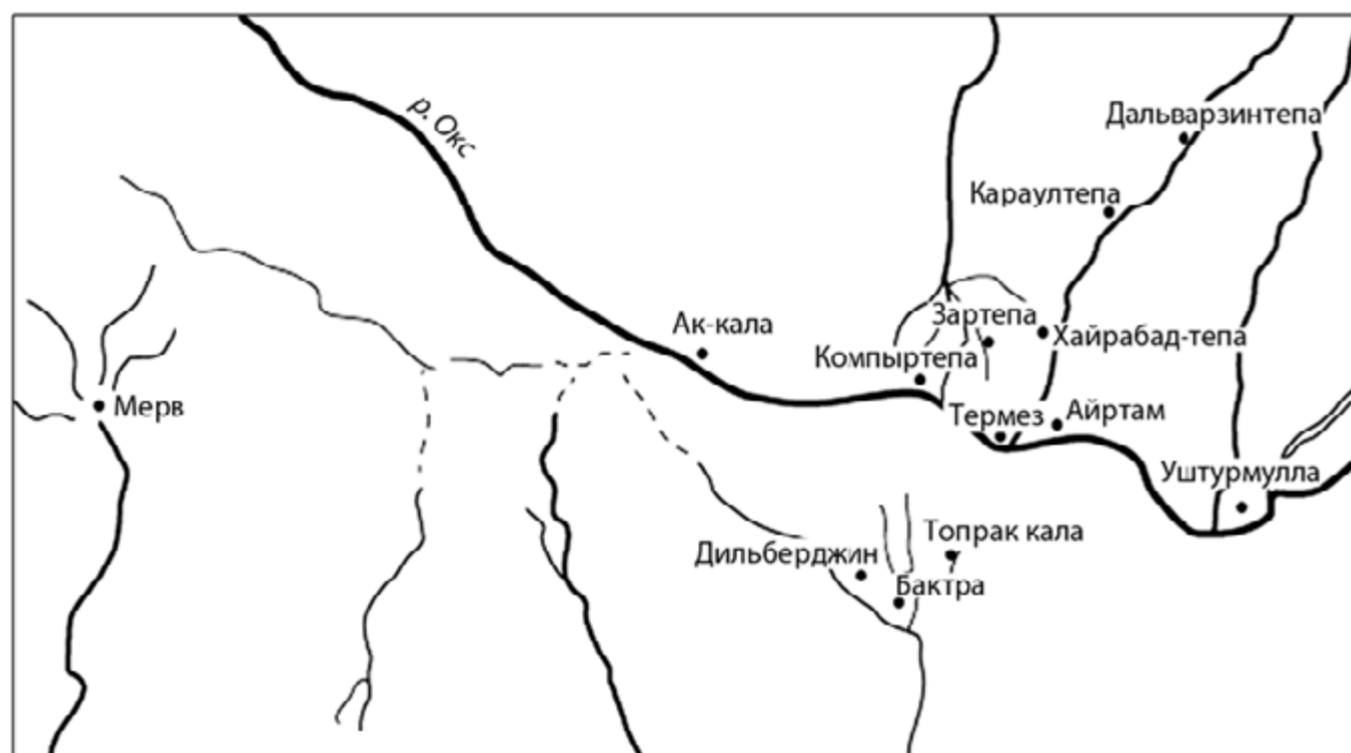
161 Ibid. P. 294.

162 Массон М. 1963. С. 51.

163 Koshelenko 1966. P. 175.

164 Пугаченкова, Усманова 1994. С. 150.

165 Ставиский 1998б. С. 98.

Distribution of Buddhist monuments in the Oxus valley (author's drawing)

Буддийские памятники в долине Окса (сост. Э.В. Ртвеладзе)

верную ее часть, вероятнее всего, при Шапура I, прочно владели этой областью во второй половине III–IV в. н. э. В этот период, как показывают археологические исследования, прекратили функционировать буддийский комплекс в Айртаме, наземный монастырь Фаязтепа, загородное и городское святилища на Дальверзинтепа¹⁶⁶, а также монастырь в центре этого городища, где основное здание с буддийскими скульптурами перекрыто мощным слоем бытового содержания кушано-сасанидского времени второй половины III–IV в. н. э., в котором, кстати сказать, найдены кушано-сасанидские монеты и ранний острак с пехлевийской надписью финансового содержания, датированный В.А. Лившицем и А. Никитиным второй половиной III в. н. э.¹⁶⁷ Значительный урон был нанесен и буддийскому монастырю Каратепе. Хотя не исключено, что некоторые пещеры и расположенные рядом с ними наземные сооружения продолжали функционировать как буддийские культовые здания¹⁶⁸.

В подобной обстановке невосприятости буддизма Сасанидами вряд ли была возможна его экспансия в Мерв, тем более в III–IV вв. н. э., когда в Сасанидском государстве была широко развернута успешная пропаганда зороастризма, начатая Картиром¹⁶⁹.

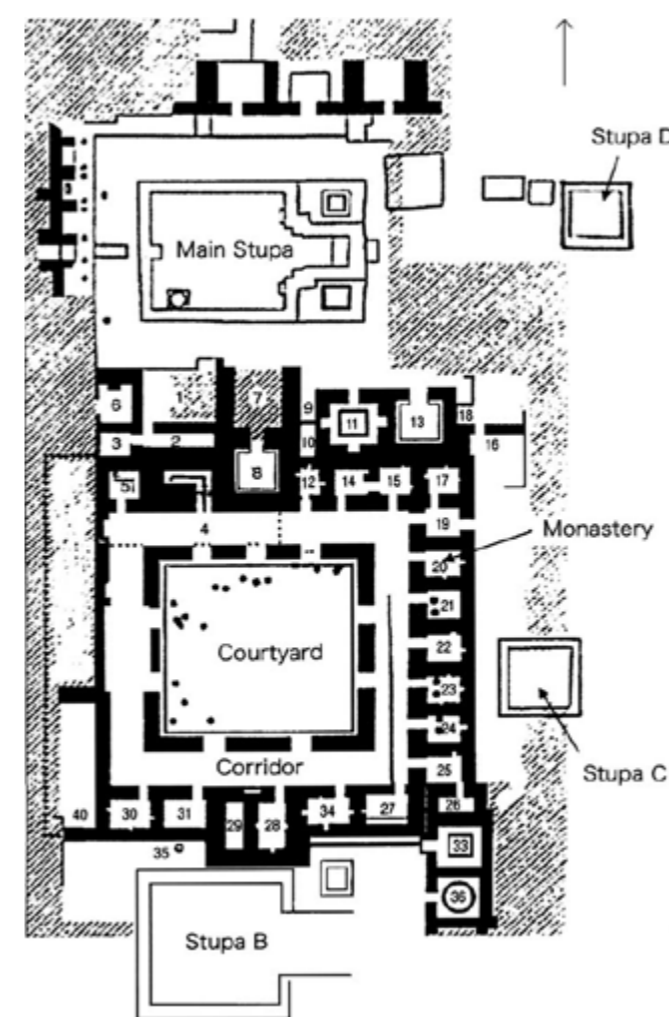
Это, так сказать, соображения общеисторического характера. Но есть и нумизматические доводы. Я хорошо помню раскопки этого памятника осенью 1961 г., когда еще не была ясна его буд-

166 Ртвеладзе 1982. С. 47–54.

167 Лившиц, Никитин 1990. С. 66–72.

168 Пиддаев, Като 2000. С. 143–147.

169 Луконин 1969. С. 70–101.

Каратепе. План монастыря (по К. Като и Ш.Р. Пиддаеву)

Еще более убеждает в этом знаменитая скульптурная голова в высокой конической шапке центрального персонажа представленной здесь скульптуры. Г.А. Пугаченкова, отметив изобразительное сходство скульптурной головы этого персонажа со скульптурной головой Антиоха I Коммагенского¹⁷¹, предпочитала именовать его «кушанским принцем» – представителем побочной ветви Кушан, правившей в Чаганиане, столичным городом которого являлся Дальверзинтепа¹⁷². Под данным названием – «кушанский принц» – эта скульптурная голова фигурирует в каталогах выставок и публикациях. Однако сравнительный анализ этого персонажа с образом на золотых монетах Васудевы, хранящихся в Британском музее (более 30 экз.), показывает их удивительное сходство как в общем облике и деталях лица, так и в головном уборе и его оформлении, вероятно, золотыми круглыми бляшками. Все это не может не

170 Кошеленко 2001. № 4. С. 206–207.

171 Pougatchenkova 1971. P. 113–114.

172 См., к примеру: Пугаченкова 1978. С. 86–87; Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 95–97.

свидетельствовать о том, что скульптурная голова знатного персонажа с выразительными благородными чертами в высоком головном уборе из загородного святилища на Дальверзинтепа является частью скульптуры, передающей, по всей вероятности, образ кушанского царя Васудевы.

Существование устойчивой традиции установки статуй кушанских царей в храмах и святилищах подтверждается сейчас не только находками в Сурх-Котале и Матхуре, но и знаменитой бактрийской надписью из Рабатака, в которой указано, что при сооружении храма по приказу царя Канишки каралагто Шафар и каралагто Ноконзок установили в нем статуи предшествовавших Канишке царей¹⁷³.

Что же касается датировки второго буддийского памятника, большой ступы, за пределами Гяур-калы, то датировка его VI в. н. э. была выявлена уже в 1963 г., когда я по поручению М.Е. Массона провел там частичные раскопки¹⁷⁴. Тогда же в полевом отчете, наряду с определением его как зороастрийской дахмы, было высказа-

но предположение о его буддийской принадлежности, что блестяще подтвердилось после сноса памятника и находки в нем реликвария с буддийскими статуэтками и индийскими рукописями.

Находки ранних буддийских терракот и святилища на Кампыртепа позволяют уточнить пути проникновения буддизма в Маргиану, свидетельствуя о продвижении его от Термеза на запад по долине Окса в направлении к этой историко-культурной области.

Можно полагать, что буддийское вероучение и связанные с ним терракотовые статуэтки буддийского содержания могли попасть в Кампыртепа двумя путями – из Термеза, связанного с Кампыртепа весьма удобным водным путем по Оксу, или из района Бактры, куда буддизм проник достаточно рано, возможно раньше, чем в Термез, и где, по данным Сюань-Цзяня, находилось около 100 буддийских монастырей, в том числе знаменитый монастырь Навасангхарамы и не менее знаменитая ступа¹⁷⁵. Согласно тому же Сюань-Цзяню из столицы (т.е. Бактры – Балха), пройдя к северу 50 ли, прибыли в город Тивей, от этого города в 40 ли – город Бама. Ли – мера, равная 0,3 км или 0,5 км¹⁷⁶. Новые археологические данные позволяют уточнить местоположение этих го-

173 Sims-Williams, Cribb 1996. P. 75–143; Историческая интерпретация этой надписи на русском языке впервые дана в статье: Ртвеладзе 1997. С. 67–70.

174 Ртвеладзе 1974б. С. 231–236.

175 Александрова 2008. С. 161–162.

176 Там же. С. 163.

Каратеп. Аксонометрия западного склона северного холма (по М. Болгановой)

План наземных и подземных сооружений (келей) Каратеп (Северный холм)

родов, особенно города Тивей, в сопоставлении с вышеуказанными расстояниями. В 40 км к северо-западу от Балха находится знаменитое городище Дильберджин, где Советско-Афганской экспедицией наряду с другими объектами раскопано большое буддийское святилище со ступой (32,25 × 21,18 м)¹⁷⁷. Почти точное совпадение расстояния и наличие буддийского сооружения позволяют локализовать город Тивей Сюань-Цзяня на городище Дильберджин, тогда как Боли, вероятнее всего, находилось в районе Акчи. Отмечу, что Дильберджин расположен всего лишь в 30 км от переправ через Окс Чушка-Гузар и Шуроб, у которой находится городище Кампыртепа, а от Балха через Дильберджин и Дильбертепа идут удобные сухопутные дороги.

Таким образом, можно констатировать, что вдоль Окса, как с южной, так и с северной стороны, от Термеза и далее на запад по пути в Маргиану, расположены, непосредственно на берегу или неподалеку от него, буддийские памятники различного характера.

Все данные позволяют уточнить и путь проникновения буддизма в Маргиану. Он шел из Термеза или Бактры (Балха) через Кампыртепа и далее по долине Окса, где, в частности, в Ак-кале¹⁷⁸ у Мукры, находящемся в 50 км к западу от Кампыртепа, на правом берегу Окса найдена статуэтка Будды. Затем от переправы у Керки он следовал к Мерву в Маргиане. Это была часть древнего торгового пути, шедшего из Индии.

Я не думаю, что буддизм в Парфию и Маргиану направлялся из Индии через Кандагар и Сакастан, как полагает Г.А. Кошеленко¹⁷⁹. Это был гораздо более долгий и трудный путь, чем из Термеза по долине Окса, тем более что, в отличие от первой дороги, на данном пути имеются буддийские памятники и доподлинно установлено, что эта территория принадлежала парфянам¹⁸⁰.

177 Кругликова, Пугаченкова 1977.

178 Масимов, Пилишко 1969. С. 247–250.

179 Кошеленко 2000. С. 138–139.

180 Весь этот путь от Кампыртепа до Мерва был пройден мной маршрутом в 1989 г. вместе с ныне покойным водителем Р.Г. Марковским.

Капитель с изображением слона. Старый Термез

Драхма Деметрия
(200–185 гг. до н. э.).
Дальверзинтепа

О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ИНДИЙСКИХ ДИАСПОР

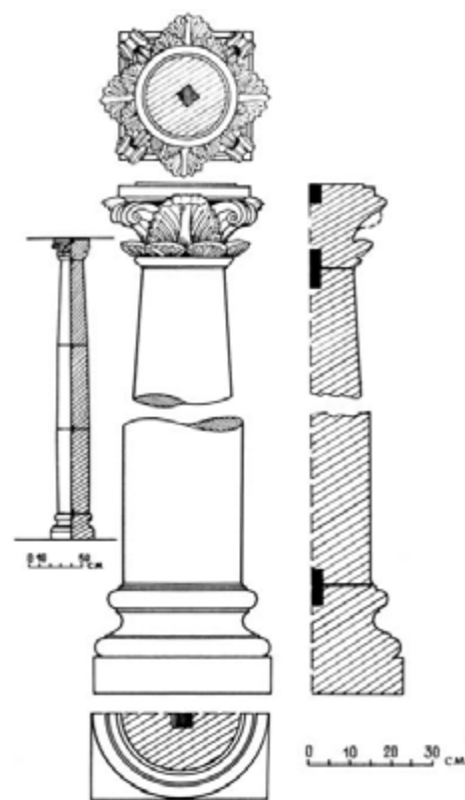
Какие же социальные категории населения могли проживать в тех индийских диаспорах, которые находились на Великом индийском пути? Среди них были светские лица и, несомненно, достаточно многочисленные служители буддийской религии.

В отношении второй категории этот вопрос в определенной степени уже прояснен, благодаря исследованиям эпиграфических памятников из Каратепа, Фаязтепа и других буддийских предметов культуры Средней Азии, тогда как в отношении первой категории остается пока лишь догадываться. Среди них были купцы-торговцы, т. к. вряд ли в Фасисе судьба привела бы людей других социальных категорий, нежели торговцев из Индии. Для проживающих в Фасисе шестидесяти национальностей Псевдо-Скимн выделяет только индийцев и бактрийцев, что отнюдь не случайно, а свидетельствует, по-видимому, об их многочисленности в этом городе.

Судя по довольно большому количеству находок индийского происхождения и их концентрации в городах и поселениях, где находились буддийские сооружения и буддийские общины, индийский торговый люд проживал и в Кабулистане в Беграме (древний Каниси), и в эллинистическом Ай-Ханум, Айртаме, Тармите (Индикомардан), Кампыртепа (древний Пандахеюн), в Старом Мерве и, возможно, в Нисе.

В то же время В.В. Вертоградова отмечает, что в каратепинских надписях среди донаторов буддийской общины – правителя, сына правителя и знатных лиц – встречаются в основном имена иранского происхождения – Гулавхара, Аспавхара и другие. В тех же надписях среди проживающих в монастыре (Каратепа) упоминаются монахи следующих категорий: *dhiksy* – «буддийский монах», *dhadanta* – «благодой», *dharmakathika* – «проповедник учения дхармы», *mahadharmakathika* – «известный (великий) проповедник учения дхармы», *sravaqa* – «буддийский монах»¹⁸¹. Надпись из Фаязтепа добавляет к ним еще один термин *asera* (санскр. *ācārya*) – «учитель», который, как отмечает В.В. Вертоградова, относится к учителям высокого класса, проводившим систематическое обучение монахов.

В надписях письмом кхароштки на золотых брусках из Дальверзинского клада упоминается

Каменная колонна. Айртам.
Реконструкция Г.А. Пугаченковой

Ступа. Фаязтепа.
«Лошадиный монастырь»
(по Ж. Фюссману). Старый
Термез

Бог Фарро. Настенная
живопись. Фаязтепа.
«Лошадиный монастырь».
Старый Термез

Каменный рельеф с изображением музыкантов. Буддийское святилище.
Айртам. I–II вв. н. э.

Музыкантша. Буддийское
святилище. Айртам. I–II
вв. н. э.

Скульптурный блок с бактрийской
надписью, повествующей о деяниях
Шодийа (сатрапа, каралагго?).
Буддийское святилище. Айртам

термин *sramana*, переведенный М.И. Воробьевой-Десятовской как «буддийский монах»¹⁸². Она полагала, что эти брусочки были предназначены для покрытия расходов буддийской общины города и что имя Митра, также употребленное на этих брусках, имел один из чиновников кушанского казначейства. Известно, что Митра – не только иранское имя, а как составной элемент или самостоятельно оно употребляется в именах собственных у бактрийского населения¹⁸³. К примеру, Dharmamitra – имя известного буддийского монаха. В этой связи весьма интересно наличие в одной из надписей, найденных на Каратепа, индийского термина *marjhaka*, восходящего к сакскому *malyvasaka* – «казначей». Контекста в этой надписи не сохранилось, но В.В. Вертоградова полагает, что могло быть только два ее варианта: *marjakasa danamukha* – «дар казначея» или *marjhakasa viharami* – «вихаре казначея». Конечно, утверждать что-либо здесь не приходится, но не исключено, что казначеями в подвластных Кушанам городах и сатрапиях были чиновники индийского происхождения, подобно тому, как в Греко-Бактрийском царстве финансовыми чиновниками, ведавшими сбором

¹⁸² Воробьева-Десятовская 1983. С. 72–80.

¹⁸³ Вертоградова 1995. С. 44.

налогов в казну, были греки, как об этом свидетельствуют надписи-этикетки из Ай-Ханум¹⁸⁴.

Не случайно поэтому то, что надписи на дальверзинских брусках и их весовые градации переданы индийским письмом кхароштки: они предназначались для лиц, знающих как индийское письмо, так и счет, т.е. для индийцев-казначеев.

Ряд индийских ученых предполагает, что буддийские монахи пропагандировали в Средней Азии не только индийскую религию и литературу, но и научные познания, в частности в медицине, что основано на находках трех медицинских текстов в ступе вблизи Кучи (Восточный Туркестан)¹⁸⁵. Не исключено, что и в буддийских общинах, расположенных вдоль Великого индийского пути, также была распространена традиционная индийская медицина.

Вместе с тем Д. Девахути считает, что в Средней Азии индийского населения было не столь много, причиной чего были тяжелые климатические условия и суровые условия горных местностей. Однако, как он полагает, Средняя Азия представляла индийцам большие возможности для выгодной торговли и распространения миссионерами буддизма¹⁸⁶. В Индии же носителями культурных среднеазиатских традиций были кушанские власти, чиновники и солдаты¹⁸⁷.

РИМСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ КОНТАКТЫ НА ВЕЛИКОМ ИНДИЙСКОМ ПУТИ

Для истории Великого индийского пути немаловажное значение имеют анализ топографии предметов римского происхождения и предметов, происходящих из подвластного Риму Египта, а также немногочисленные сведения письменных источников. Топография этих находок позволяет конкретизировать три направления дорог, по которым они поступали в Среднюю Азию: морская трасса Великого индийского пути из Египта в Индию, а затем в Бактрию, в долину Окса; из Южного Кавказа через или вокруг Каспийского моря в Среднюю Азию; из Причерноморья в Хорезм и далее в Бактрию.

Пионером в изучении этих связей был М.Е. Массон, в 1950 г. опубликовавший статью о находках римских и византийских монет в Средней Азии¹⁸⁸. В последующие годы появились ряд статей, посвященных различным аспектам римско-среднеазиатских связей, среди которых следует отметить

184 Рапэн 1987. С. 108–120.

185 Bagchi 1959. P. 104.

186 Devahuti 2002. P. 83.

187 Bongard-Levin 1971. P. 203–204.

188 Массон М. 19516. С. 91–105.

Скульптура Будды.
Городской храм.
Дальверзинтепа. Конец II –
первая половина III в. н. э.

Голова деваты. Буддийское
загородное святилище.
Дальверзинтепа

Скульптура Бодхисатвы.
Городской храм.
Дальверзинтепа. Конец II –
первая половина III в. н. э.

статьи Б.Я. Ставиского¹⁸⁹, В.Д. Жукова¹⁹⁰, Е.В. Зеймалья¹⁹¹, Г.А. Пугаченковой¹⁹², а также книга Т.А. Шерковой¹⁹³. Особо отметим открытие первых латинских надписей в Кара-Камаре¹⁹⁴, исследованных Ю.Б. Устиновой¹⁹⁵ и вызвавших среди ученых неоднозначную оценку¹⁹⁶.

Рим, столица великой империи, являлся одним из отправных пунктов, откуда, как и из других римских городов, шли на восток сухопутными и морскими путями торговые и морские караваны, отправлялись дипломатические посольства и воинские легионы для борьбы с извечным соперником Рима – могущественным Парфянским царством (ок. 250 г. до н.э. – 226 г. н.э.).

Римско-парфянские войны, явившиеся предметом неоднократных исследований ученых, шли с переменным успехом, но именно они способствовали первому появлению на территории Средней Азии в качестве пленных большого числа римлян, хотя не исключено, что отдельные их представители могли проникать сюда и раньше.

Парфянское царство являлось как бы преградой на пути проникновения римских товаров на восток через территорию собственно Ирана. В «Истории Старшего дома Хань» прямо сказано, что «владелец Дацинь (Рима) давно искал случая открыть сообщение с Китаем, но аньсийцы (парфяне), желая самим снабжать Дацинь китайскими шелковыми тканями, не пропускали дациньцев через свои пределы в Китай»¹⁹⁷. Исследователи этой проблемы считают, что основной поток римских товаров шел из античных городов Северного Причерноморья через Нижнее Поволжье в Среднюю Азию и далее на восток, а также южным морским путем из подвластного Риму Египта в порты, расположенные на западном побережье Индии, особенно в Баригазу¹⁹⁸. Не случайно именно в Индии известно наибольшее количество находок римских монет¹⁹⁹. Отсюда римские товары шли на север – в Бактрию, подвластную Кушанам, и на восток – в страны Дальнего Востока.

Вместе с тем предметы римского происхождения или предметы, про-

Двухъярусное изображение
Будды. Старый Термез

189 Ставиский 19646. С. 176–181; Staviskij 1995. P. 191–202.

190 Жуков 1960; 1961. С. 184–185.

191 Зеймаль Е. 1962. С. 141–146.

192 Пугаченкова 1990. С. 140–145.

193 Шеркова 1991.

194 Ртвеладзе 1990. С. 140–145.

195 Устинова 1990. С. 145–147; Ustinova 2001. P. 169–179.

196 Braund 1991. P. 188–190.

197 Бичурин 1950. С. 226–227.

198 Хвостов 1907; Шеркова 1991. С. 4–7.

199 Gupta 1965; Sewell 1904. P. 307–407; Шеркова 1991. С. 28–29, рис. 3; Ставиский 19646. С. 176–181; Staviskij 1995. P. 192.

исходившие из стран, подвластных Риму, к примеру Египта, попадали в Среднюю Азию не только по этим дорогам, но и в основном по северной трассе Великого индийского пути через Южный Кавказ и Каспийское море, что я постараюсь доказать. Возможно было также их поступление из Египта через подвластную римлянам часть Южного Кавказа по т. н. Прикаспийскому пути вокруг Каспийского моря, посредством контролирующих эти дороги сарматских племен. Не случайно в могильниках Северного Кавказа сарматского времени находят много предметов египетского происхождения. В этом отношении интересные сведения приводит Страбон, о которых было сказано выше, что аорсы, одно из сарматских племен, контролировали дорогу, шедшую вдоль Каспийского моря, и вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами (XI, V, 8).

Торговые, дипломатические и культурные контакты Средней Азии с Римом особенно ярко стали проявляться с возникновением, по-видимому, в первой половине или середине I в. н. э. Кушанского царства²⁰⁰. Наряду с Ханьским Китаем, Парфянским царством и Римской империей, Кушанское царство являлось одним из наиболее могущественных государств античного мира. Так же как и Рим, Кушаны находились во враждебных отношениях с Парфией, что способствовало установлению дипломатических отношений между Кушанами и Римом.

Не исключено, что ряд посольств от «бактрийских (кушанских. – Э. Р.) царей» использовал не морской путь, а двигался северной трассой Великого индийского пути. Одно из таких посольств участвовало в триумфе императора Траяна в 99 г. н. э., разгромившего племя даков (предков современных румын)²⁰¹. Известно также, что император Адриан (117–138 гг. н. э.) принимал посольство от «бактрийских царей»²⁰². Судя по установленной сейчас начальной дате правления царя Канишки – 127 г. н. э.²⁰³, Адриан принимал посольство от Канишки I или от его предшественника Вимы Кадфиза, ибо под «бактрийскими» царями римских авторов, несомненно, значились кушанские цари, поскольку Бактрия в это время входила в состав Кушанского царства и являлась одним из его главных оплотов.

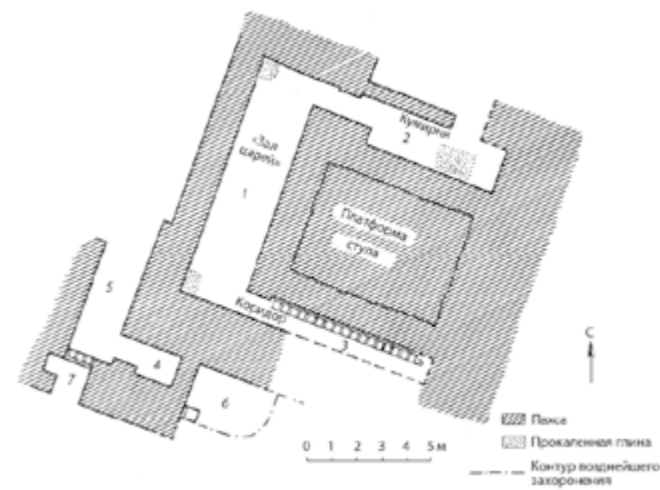
Однако наиболее важными для нашей проблемы являются данные, содержащиеся в «Эпитоме»

200 Ртвеладзе 2000б.

201 Хвостов 1907. С. 395; Ставиский 1977. С. 171.

202 Дибвойз 2008. С. 203–204.

203 Falk 2001. P. 121–136.

Буддийское святилище. План. Кампыртепа. Первая половина II в. н. э. (сост. Э. В. Ртвеладзе)

Буддийская статуэтка. Кампыртепа. I–II вв. н. э.

Буддийский храм. Юго-восточный угол Гяур-калы. Старый Мерв. Парадная лестница, ведущая к ступе. Справа от лестницы – место находки скульптурной головы Будды. Фото Л. Букинич (Ртвеладзе) 1962 г.

Виктора о посольстве «индийцев, гирканцев и бактрийцев» к римскому императору Антонину Пию (138–161 гг. н. э.). Сам факт этого посольства Н. К. Дибвойз рассматривал как свидетельство внутренней слабости Парфии и независимости этих провинций²⁰⁴. Для нас интересно другое: упоминание гирканцев вместе с бактрийцами, свидетельствующее о том, что это было совместное посольство. Гиркания расположена на юго-восточном побережье Каспийского моря, весьма далеко от морской трассы из Индии через Аравийское и Красное моря в Средиземное море. В то же время она лежит на одной из северных трасс Великого индийского пути, шедшей из Бактрии в Гирканию и далее через Каспийское море в подвластный Риму Южный Кавказ, а оттуда в Рим. Эта дорога была значительно короче и безопаснее, чем долгий путь из Гиркании в Бактрию, затем в Индию и морской трассой в Рим. Вряд ли враждебные Риму парфяне пропустили бы посольство гирканцев и бактрийцев в Рим.

В Средней Азии находки предметов римского происхождения, включая монеты, не столь значительны. Согласно данным М. Е. Массона, в Средней Азии находки римских золотых монет ему совсем не встречались, а серебряные монеты попадались не часто. От долины Заравшана до

204 Дибвойз 2008. С. 207.

Расписной сосуд. Буддийский храм. Гяур-кала. Старый Мерв. V–VI вв. н. э.: а – фото, б – рисунок А. Билалова

Иссык-куля им зафиксированы находки монет следующих римских императоров: Веспасиана (69–79 гг. н. э.), Домициана (81–96 гг. н. э.), Траяна (98–117 гг. н. э.), Адриана (117–138 гг. н. э.), Антонина Пия (138–161 гг. н. э.), Марка Аврелия (161–180 гг. н. э.), а также некоторое количество монет III в. н. э., среди которых были и монеты Аврелиана (270–275 гг. н. э.)²⁰⁵.

В 20-х гг. XX в. на территории древней Уструшаны, вблизи Ура-тюбе, в кишлаке Худжум (Северный Таджикистан), был найден клад серебряных римских денариев. Из нескольких сот экземпляров в руки исследователей попала 21 монета, которая затем была передана в дар Эрмитажу врачом Тарзи. Среди них денарии Веспасиана, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Люция Вера и Аврелия Коммода (176–192 гг. н. э.). Е.В. Зеймаль высказал предположение о том, что денарии из этого клада – небольшая часть потока римского серебра, поступавшего с юга на рынки Кушанского царства и севернее, в области, не имевшие собственного регулярного чекана. Вместе с тем он не исключает, что проникновение римских монет в данный район могло быть связано с торговыми операциями на северном участке Великого шелкового пути²⁰⁶.

В Бактрии римские монеты обнаружены пока исключительно в долине Окса и прилегающих районах: на Хайрабадтепа – сестерций императора Нерона (54–68 гг. н. э.)²⁰⁷, в Старом Термезе – медная монета императора Константина I (306–337 гг. н. э.)²⁰⁸. В коллекции священника Зампаева, по словам М.Е. Массона, составившего ее в основном на сборах данного городища, также имелись римские монеты, но какие – неизвестно.

В Южной Бактрии в 1978 г. при раскопках погребения № 3 могильника Тиллятепа возле г. Шибиргана найден ауреус Тиберия чеканки г. Лугдунума (Галлия) между 16–21 гг. до н. э.²⁰⁹

Еще ранее неподалеку от Сар-и Пуля был раскопан, по-видимому, клад, включавший в себя мо-

205 Массон М. 19516. С. 93.

206 Зеймаль Е. 1962. С. 141–146.

207 Жуков 1960. С. 125–127.

208 Обнаружена Л.И. Альбаумом и показана мне в 1982 г.

209 Сариниди, Кошеленко 1982. С. 313–314.

Основание ступы, входы в келью (Северный холм)

ма, 11–13 гг. н. э.), а в Равалпинди (Мангла) – семь сильно изношенных республиканских денариев²¹³.

Таким образом, топография находок римских монет показывает, что они найдены возле трассы Великого индийского пути, по дороге из Гандхары, из Бактрии в долину Окса. Отсюда римские монеты, по-видимому, поступали через Согдиану и Уструшану в район Иссык-куля и далее в Китай.

Можно предположить, что в Бактрию и другие историко-культурные области Средней Азии римские монеты поступали из Индии, где найдено большое количество как отдельных находок, так и кладов. В морские порты, расположенные на западном берегу Индии, римские монеты поступали морской трассой Великого индийского пути.

Но это вовсе не исключает того, что римские монеты могли поступать сюда по северной трассе Великого индийского пути из государств Южного Кавказа через Каспийское море в Маргиану. Характерно, что наиболее ранние римские монеты из найденных в Средней Азии, ауреус Тиберия (16–21 гг. н. э.) и сестерций Нерона (54–68 гг. н. э.), происходят из западных районов Бактрии и из долины Окса, с городищ, расположенных на трассе, ведущей из Бактрии в Маргиану, а оттуда к Каспийскому морю, тогда как в Кабулистане наиболее ранней монетой является ауреус Домициана (81–96 гг. н. э.). Таким образом, имеющиеся сейчас данные показывают, что римские монеты стали поступать в западные районы Бактрии более

210 Scerrato 1962. P. 17–23; Hackin 1935. P. 287.

211 Scerrato 1962. P. 18.

212 MacDowall 1990. P. 732, tab. 1.

213 Шеркова 1991. С. 104–105.

неты римских императоров Адриана, Гордиана III, Константина²¹⁰. По пути на юго-восток от Бактрии по трассе Великого индийского пути римские монеты были обнаружены в Кабулистане. Так, в Беграме (Каписа) найдены монеты Траяна и Домициана²¹¹. В Шеваке вблизи Кабула обнаружен ауреус Траяна. Далее на юго-восток в ступе Ахин Пош (около Джелалабада) – три ауреуса: Домициана, Траяна и Сабины (жены императора Адриана)²¹². В Гандхаре, в Таксиле – денарий Августа (чекан Лугдуну-

Бодхисатва. Терракота. Бараттепа (долина Сурхандарьи)

Извлечение рукописей на брахми из сосуда. Буддийский храм в Гяур-кале. Кафедра археологии ТашГУ, 1963 г.: справа – проф. М.Е. Массон, слева – археолог Л.И. Альбаум, посредине – химик-реставратор Е.Ф. Федорович

чем на полвека ранее, чем в Кабулистан.

На территории Южного Кавказа найдено большое количество римских монет как республиканского, так и императорского периодов (I в. до н. э. – II в. н. э.), в том числе монеты Тиберия и Нерона²¹⁴. Причем значительное число римских монет обнаружено на городищах и поселениях, расположенных возле долины р. Куры, обозначая тем самым путь, по которому римские монеты шли в направлении к западному берегу Каспийского моря. Здесь же, у подножия горы Бекюдаш в Гобустане, всего лишь в 4 км западнее побережья Каспийского моря, найдена латинская надпись императора Домициана, которая гласит: «При императоре Домициане Цезаре Августе Германике Луций Юлий Максим центурион XII легиона Фульмината [выполнил, сделал]»²¹⁵. По мнению Р. Меликова, эта надпись свидетельствует о стремлении римлян в правление Домициана взять «под контроль одно из ответвлений Великого шелкового пути, проходившее через Албанию (Кавказскую Албанию. – Э.Р.), и вступить в торговые отношения с областями Средней Азии в обход территории Парфии»²¹⁶.

Интересны предметы римского импорта, найденные в Северной Бактрии. На поверхности поля, на месте распаханного Илонттепа, вблизи города Шурчи была обнаружена мраморная мужская голова, стилистическая трактовка лица и стиль прически которой весьма схожи с таковыми изображений на римских рельефах I в. до н. э. – I в. н. э., в какой-то мере напоминающая облик императора Августа²¹⁷. На городище Кампыртепа, расположенном в 30 км к западу от Термеза, была найдена терракотовая плитка, на которой в невысоком рельефе оттиснуто изображение подготовившегося к бою воина в бронированных доспехах и шлеме. В правой руке воина – короткий меч, в левой – большой овальный щит т. н. «кельтского» типа с изображением ящера, по-видимому, тотема рода, к которому принадлежал воин, или своего рода оберега. Г.А. Пугаченкова считает, что на ней изображен римский воин²¹⁸. Вместе с тем имеются и другие мнения²¹⁹.

Из прочих предметов римского происхождения, найденных в Северной Бактрии, отмечу мраморную голову маскарона, обнаруженную на городище Шахри-Гульгуля на западном берегу Южносурхандарьинского водохранилища²²⁰. В Халчаяне и Кампыртепа найдены фрагменты раз-

214 Пахомов 1938. С. 9; 1957. С. 93; 1966. С. 19–21.

215 Тревер 1959. С. 343.

216 Меликов 2009. С. 69.

217 Пугаченкова 1973. С. 127–128.

218 Пугаченкова 1990. С. 25.

219 Сердитых, Кошеленко 2000. С. 363–368.

220 Там же.

Скульптура Будды и донаторов. Шифер. Загородный храм (ступа). Пригород Гяур-калы. Старый Мерв

нообразных стеклянных изделий, поступивших в Бактрию из Египта или других римских провинций, а на городище Дальверзинтепа – гемма-инталия из сердолика кушанского времени с изображением богини Фортуны. На том же городище в храме богини Наны найдена скульптурная голова этой богини, прическа которой, по мнению Г.А. Пугаченковой, находит аналогии в римских прическах времени Клавдия (41–54 гг. н. э.), представленных в скульптуре и портретах Антонии Младшей и на монетах Клавдия. Она находит и другие аналогии, в частности в Помпеях²²¹.

Исключительно интересна бронзовая литая шпилька (12,6×0,4 см) из Каваткалинского оазиса в Хорезме (I–II вв. н. э.), увенчанная изображением руки, в большом и указательном пальцах которой помещен шарик, на запястье – рельефное изображение змеи²²². Это изображение подобно навершию римского знамени II в. н. э., найденному в Приднепровье, представляющему собой бронзовую руку с помещенным в указательном и большом пальцах аналогичным шариком, а ниже кисти руки – посвятельная надпись: «Командир I когорты Испанского легиона посвятил ее Великому Юпитеру Долихену»²²³, т. е. сирийскому верховному богу. Опираясь на сходство двух этих изделий, можно предположить и культовую их аналогию, но в последнем случае мы имеем дело с индивидуальным посвящением, т. е. человек подносил вотив тому божееству, которому он поклонялся. Хорезмский предмет, вероятнее всего, связан с культом Сабазия. Это подтверждается, помимо изображения руки, во-первых, шариком, который скорее всего символизирует изображение шишки хвойного дерева – пинии (шишка – неперменный атрибут Сабазия), во-вторых, змеей, которая также зачастую присутствует в изображении сюжетов, связанных с культом Сабазия.

Изображение руки являлось символом Сабазия – фракийского божества плодородия, культ которого, перенесенный вначале во Фригию в Малой Азии, затем широко распространился на территории Римской империи от Испании до античных городов Северного Причерноморья. Здесь известны многие находки бронзовых рук, трактуемые как вотивные посвящения богу Сабазию²²⁴. Не исключено, что культ этого божества мог проникнуть вместе с римскими легионерами в Среднюю Азию,

221 Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 9, рис. 138, 2.

222 Культура и искусство древнего Узбекистана... 1991. С. 195.

223 Кобылина 1978. С. 24.

224 Там же. С. 19–20.

нообразных стеклянных изделий, поступивших в Бактрию из Египта или других римских провинций, а на городище Дальверзинтепа – гемма-инталия из сердолика кушанского времени с изображением богини Фортуны. На том же городище в храме богини Наны найдена скульптурная голова этой богини, прическа которой, по мнению Г.А. Пугаченковой, находит аналогии в римских прическах времени Клавдия (41–54 гг. н. э.), представленных в скульптуре и портретах Антонии Младшей и на монетах Клавдия. Она находит и другие аналогии, в частности в Помпеях²²¹.

Исключительно интересна бронзовая литая шпилька (12,6×0,4 см) из Каваткалинского оазиса в Хорезме (I–II вв. н. э.), увенчанная изображением руки, в большом и указательном пальцах которой помещен шарик, на запястье – рельефное изображение змеи²²². Это изображение подобно навершию римского знамени II в. н. э., найденному в Приднепровье, представляющему собой

Скульптурное изображение кушанского царя Васудевы. Буддийское загородное святилище. Дальверзинтепа. II – начало III в. н. э.

Акрополь Кампыртепа. Фото Э. Ртвеладзе

Лестница в галереи Кампыртепа

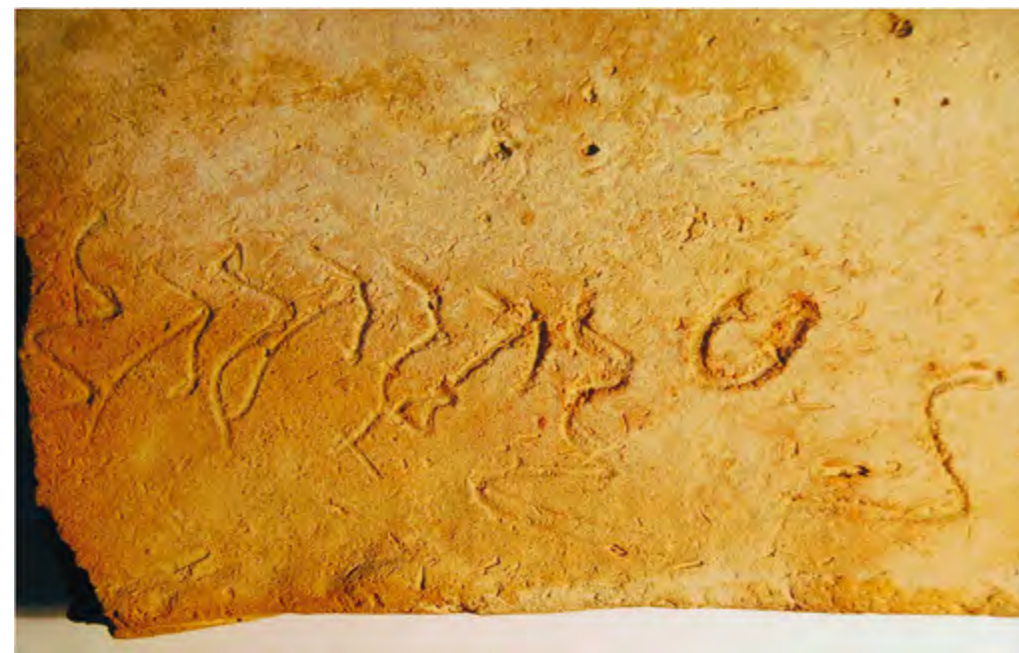
Прямоугольный сырцовый кирпич со знаком алфавита кхароштли. Кампыртепа. III в. до н. э. Фото Дж. Ильясова

Ворота в стене акрополя до раскопок. Слева и справа – воротные башни Кампыртепа

Надписи на кхароштли с именем *Da-ta-sya* на арке ворот акрополя Кампыртепа. Фото Дж. Ильясова

Надписи на кхароштли с именем *Da-ta-sya ku-va-ka-ra-ka-sya* на арке ворот акрополя Кампыртепа. Фото Дж. Ильясова

Завал арки ворот с кирпичами из стены третьего периода. Кампыртепа

Фрагмент арки ворот в культурном слое юечжийско-кушанского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.). Кампыртепа

Куча кирпичей из арки в северо-восточном углу помещения ворот акрополя в юечжийско-кушанском слое. Кампыртепа

Селевкидские и греко-бактрийские монеты из кампыртепа (1–34). 1–18, 27, 29–31 – медные;
 19, 21–26, 28, 34 – серебряные; 20 – купферникелевые; 32–33 – состав металла не известен.
 1, 2 – халки Антиоха I, 3–6 – халки Диодота I/II

7–11 – халки Евтидема I

12–14 – халки Евтидема I; 15–16 халки Деметрия I

17–18 – халки Деметрия I; 19 – обол Деметрия I; 20 – халк Евтидема I;
21 – драхма Евкратида I

22–26 – оболы Евкратиды I; 27 – октуль Евкратиды I

28 – драхма Гелиокла I; 29–30 – халки Гелиокла II; 31 – халк Аполлодота?; 32–33 – подражания драхмам Деметрия; 34 – подражание оболам Евкратиды

где он слился с тождественными ему по значению кульгами плодородия, природы и солнца.

В Средней Азии на вершиях бронзовых булавок в виде кисти руки с вытянутыми пальцами отмечены уже на поселении эпохи поздней бронзы Сапаллитепа²²⁵, однако на всем протяжении I тыс. до н. э. они не встречаются. В античное же время (в период I в. до н. э. – III в. н. э.) широко распространяются как амулеты из голубой «египетской» пасты в виде кукиша, так и отдельные довольно крупные по размерам изображения кисти руки, выполненные из хорошо отмученной глины (городище Будрач) или из мрамора (поселение Исмаилтепа, хранится в археологическом музее г. Термеза).

Изображения кисти руки с вытянутыми пальцами являются на вершиями костяных заколок-булавок, которые ряд исследователей считают «стилями» – своего рода «ручками» для письма.

Столь длительный, в тысячу с лишним лет, перерыв в их употреблении в Средней Азии, а главное, разнообразие этих изображений, позволяют считать их появление не возобновлением древней традиции, а влиянием малоазиатских и египетских обычаев. Предметы с подобными изображениями были распространены широко и повсеместно.

По мнению С.Я. Берзиной, костяные заколки-шпильки с наверхием в виде кисти руки, петуха, геометризованных фигур являются продукцией коптских (египетских) мастерских, в особенности александрийской мастерской. Эти предметы находят прямые аналогии в египетских изделиях²²⁶. Вместе с тем следует отметить, что повсеместное распространение в Бактрии костяных заколок-шпилек, в том числе с таким типом наверхий, отсутствующим в Египте, не исключает их изготовление в самой Бактрии, откуда они распространились в другие области Средней Азии и, возможно, в Египет.

К числу предметов, несущих на себе определенное влияние римской традиции, можно отнести бронзовую чашу с ручкой в виде морды льва, кусающего бортик чаши. Барельефная голова вакхического персонажа помещена ниже ручки, найденной на Кампыртепа в слоях второй половины I в. н. э.²²⁷ По форме эта чаша близка чашам из Беграма, датируемым I в. до н. э. Всего здесь было найдено восемь чаш²²⁸. Как я уже отметил, брусок, который кусает лев, на венчике кампыртепинской чаши находит аналогии в некоторых римских сосудах²²⁹.

Большой интерес в отношении римско-среднеазиатских связей представляют предметы, поступившие в Среднюю Азию из подвластного Риму Египта. Среди этих предметов наиболее многочисленны изделия из голубого египетского фаянса, центром производства которого были египетские города Александрия и Навкратис. Правда, некоторые исследователи считают, что они могли изготавливаться также и в античных городах Северного Причерноморья.

Египетские предметы почти повсеместно находят на поселениях и в могильниках Средней Азии кушанского времени, особенно в Хорезме, Согде и в Северной Бактрии. Чаще всего это амулеты-обереги в виде кулака-«кукиша», лягушки, черепахи, священных жуков скарабеев, виноградных гроздьев, а также различных форм бус. Более редки статуэтки божеств. Среди них особенно

225 Культура и искусство древнего Узбекистана... 1991. С. 70, № 29.

226 Берзина 2007. С. 77.

227 Хакимов, Ргвеладзе 2001. С. 5–10.

228 L'Asie des Steppes d'Alexandre le Grand à Gengis-Khan. Paris, 2000. P. 60.

229 Хакимов, Ргвеладзе 2001. С. 10.

популярны образы Гарпократа, Беса, Птах-Сокара, Осириса. Эти находки опубликованы во многих статьях и книгах, поэтому нет смысла в их повторении²³⁰.

Для моей темы важно другое – топография их находок, указывающая на пути проникновения изделий из египетского фаянса в историко-культурные области Средней Азии. В этом отношении показательна карта, составленная Т.А. Шерковой²³¹. Одно направление, судя по этим находкам, – из Северного Причерноморья к Аральскому морю в Хорезм, а затем по Оксийскому водному пути в Бактрию. Второе направление – от Каспийского моря в Маргиану, а затем в Бактрию, повидимому, через страны Южного Кавказа, где на городищах и поселениях, расположенных вдоль р. Куры, найдены предметы из египетского фаянса. Большое их количество обнаружено также в сарматских и аланских могильниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа, на западном берегу Каспийского моря²³². Состав находок здесь, за исключением статуэток, изображающих лежащего льва или барана, аналогичен составу находок из Средней Азии.

Отмечу, что топография предметов из египетского фаянса показывает, что многие из них найдены вдоль Каспийского моря или в непосредственной близости от него. На Южном Кавказе эти находки концентрируются в долине р. Куры, также по направлению к Каспийскому морю. Поэтому можно предположить, что египетские предметы поступали сюда из Египта, возможно, через Средиземное и Черное моря в Фасис. Затем по южнокавказскому участку Великого индийского пути часть из них шла на Центральный Кавказ, а другая – по прикаспийскому торговому пути к сарматам Северо-Восточного Кавказа. Отсюда вдоль Каспийского моря они попадали в Хорезм или через Каспийское море в Маргиану и далее в Бактрию. Важнейшее значение при этом имел Оксийский водный путь, по которому предметы из египетского фаянса поступали в индийские фактории (Тармита – Индикомардана, Кампыртепа – Пандахейон), а отсюда по бактрийско-гандхарскому участку Великого индийского пути в Капису и Гандхару.

Множество римских предметов обнаружено на территории соседнего со Средней Азией Афганистана, в частности на кушанском городище Беграм, расположенном в 60 км к северу от Кабула. Здесь при раскопках дворцового здания найдено большое количество стеклянных изделий из подчиненных Риму гг. Тир и Сидон, расположенных на финикийском побережье Средиземного моря. Это вазы, кубки, тарелки, флаконы, многие из которых покрыты великолепной художественной росписью. Особенно интересен стеклянный кубок I в. н. э. с изображением сражающихся пеших и конных римских воинов. Среди находок римского происхождения – бронзовые гири с изображениями Афины и Марса, алебастровые сосуды, гипсовые слепки, связанные с мотивами греко-римской мифологии²³³.

Римское влияние сыграло определенную роль в становлении кушанской монетной системы и иконографии ранних кушанских монет. Считается, что голова царя в лавровом венке на монетах Куджулы Кадфиза скопирована с какой-то римской императорской монеты, возможно, с лицевой стороны ауреусов Августа, выпускавшихся начиная с 27–24 гг. до н. э. Некоторые исследователи по-

230 Например: Ставиский 1964б. С. 179; Шеркова 1991. С. 62–92.

231 Шеркова 1991. С. 24, карта 2.

232 Об этих находках см.: Пиотровский 1958. С. 20–27; Коростовцев 1957. С. 72–86; Виноградов В. 1968. С. 39–43.

233 Hackin 1939; Ghirshman 1946; Пугаченкова 1963. С. 24–30; Nehru 2004. P. 97–151.

лагают, что имеющаяся на обратной стороне этих монет сидящая в «курульном кресле» фигура в коническом головном уборе также скопирована с римских монет, в частности того же Августа, на оборотной стороне которых имеется изображение сидящего на «курульном кресле» императора.

При кушанском царе Виме Кадфизе была проведена денежная реформа, согласно которой первоэлемент монетной системы стало составлять не серебро, как прежде в Греко-Бактрийском царстве или в других среднеазиатских владениях, а золото. В основу нового золотого номинала был положен вес золотого римского ауреуса. Чаще всего выпускались золотые монеты весом в 8,13 г, а также, но более редко, двойные статеры весом 16,07 г и четверть статера в 2,07 г.

Римский воин. Кампыртепа.
I в. до н. э. – I в. н. э.

Египетские папирусы в Кампыртепа

Особо значима для выявления комплекса вопросов, связанных с направлением Великого индийского пути и бактрийско-восточносредиземноморских связей, находка бактрийских рукописных текстов, выполненных на папирусе. Они были обнаружены мной в 1982 г. при раскопках помещения № 6 блока-квартала № 1, получившего этот номер в связи с тем, что он был первым блоком-кварталом, раскопанным на городище Кампыртепа. В настоящее время почти все блоки-кварталы в количестве 10–11, из которых состояло городище в кушанское время, уже раскопаны²³⁴.

Блок-квартал № 1 расположен в восточной части Кампыртепа, помещения его построены на четырех террасах, вырубленных в материковом лессе, причем уровень пола помещений первой (нижней) террасы ниже уровня четвертой (верхней) террасы на 3 м. Обрезы террас дополнительно обкладывались подпорными стенками из квадратного сырцового кирпича, а внутренние грани их покрывались 1,5-сантиметровым слоем глино-саманного раствора и тонким известковым слоем штукатурки.

В планировочной структуре здания выделяется центральное «ядро» из двух помещений с П-образным коридором; с четырех сторон от «ядра» группируются помещения различных размеров и функционального назначения. Верхнее помещение (размеры: 5,75 × 5,17 м) в центральном «ядре», – видимо, культового характера, с хорошо утрамбованным полом, покрытым тонким слоем глиняной смазки, и тщательно покрытыми известковой штукатуркой стенами. Нижнее помещение – прямоугольное в плане (размеры: 4,9 × 5,75 м); находки в нем и специфика культурного слоя позволяют считать его трапезной.

Характерно распределение помещений этого здания по функциям. Помещения, устроенные на первых двух нижних террасах, – хозяйственного и производственного назначения, в частности

234 См.: МТЭ. Вып. 1. 2000; вып. 2. 2001; вып. 3. 2002; вып. 5. 2006; Болелов 2005. С. 37–42.

одно из них представляло собой мастерскую, в которой изготавливались каменные архитектурные детали. Помещения, расположенные на верхней террасе, – для иных целей: одно из них культовое, другое (пом. № 6), где найдены рукописи, являлось, вероятно, своего рода архивом. Общие границы здания пока не определены, однако очевидно, что с севера оно примыкало к другому большому строению, а западной стороной было обращено ко рву, тогда как с восточной стороны оно выходило к «галерее», отделявшей его от крепостной стены, а с южной стороны – к улице шириной 1,2 м, отделявшей его от другого большого здания, вероятно, культового назначения. Стены здания ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением от осей.

Судя по стратиграфии, здание № 1 имело два периода обживания, хорошо датированных монетами: первый – времени Вимы Кадфиза, второй – Канишки I. Никаких более ранних и поздних слоев здесь не обнаружено.

Множество фрагментов рукописей было раскопано на полу помещения № 6²³⁵. Они или находились в комках земли, или лежали отдельными фрагментами в культурном слое. Всего, по нашим подсчетам, было обнаружено около 30 фрагментов различных размеров, а также несколько листков, слипшихся друг с другом и свернутых в свиток. Отдельные фрагменты имели размеры: 2,6 × 1,6 см, 2 × 1 см и т. д. На четырех фрагментах надписи, выполненные черной тушью, нанесены на обеих сторонах, на других – только на одной. С левой стороны имеется свободная полоса поля шириной 1,5 см, расстояние между строками 2–2,5 мм. Количество строк не установлено, но на отдельных фрагментах сохранились три и даже четыре строки. Высота букв 3–5 мм.

Надписи выполнены бактрийским курсивным письмом и на бактрийском языке, о чем свидетельствуют характерные для этого языка имена существительные и предлоги. На двух фрагментах сохранилось слово αφο, передающее или предлоги «в», «на», или существительное «вода». На одном фрагменте прочитывается сочетание ...βιδοαφο, где βιδο («правитель», «начальник») – часть титула, подобно бактрийскому титулу ζενοβιδο – «начальник арсенала»²³⁶ в «надписи Паламеда» из Сурх-Котала или αφοαροβιδο – «начальник кавалерии»²³⁷ на эфталитской гемме из Эрмитажа²³⁸. На другом фрагменте сохранились два слова αλα ιηροо..., где αλα орфографический вариант префикса αλο, известного в ряде слов Большой Сурхкотальской надписи (ср. αλοφχαλο в версии D). В других случаях αло написано отдельно и, возможно, обозначает предлог «с». Наибольший интерес представляет имеющееся на одном фрагменте слово αсхро, которое, вероятно, передает имя бактрийского божества αсхро <*vaxš или название главной бактрийской реки Окс – Вахш – Амударья (Oxus – Vakhsh – Amu-Darya).

Датировка найденных бактрийских рукописей не вызывает сомнения – время правления царя Канишки I, поскольку на полу помещения № 6 рядом с фрагментами была найдена медная монета этого царя, так же как и в других помещениях этой постройки. К тому же, как сейчас установлено, это здание и все прочие строения на Кампыртепа были покинуты в результате наводнения, вызванного мощным землетрясением, из-за чего р. Окс изменила свое русло и смыла большую часть

235 Первые публикации см.: Ртвеладзе 1983б. С. 34–35; 1984б. С. 87–106.

236 Henning 1962. P. 335.

237 Согласно В. А. Лившицу, титул βιδο можно отнести к числу бактрийских. См.: Лившиц 1969. С. 66, примеч. 95.

238 Ставиский 1961. С. 54–56.

городища. По археологическим данным было установлено, что время обживания здания относится ко времени правления Кадфиза II и Канишки I.

До находок на Кампыртепа бактрийских рукописных текстов кушанского времени на территории Бактрии не было обнаружено. Древнейшей бактрийской рукописью считался «фрагмент из Лоу-ляна», открытый А. Стейном в развалинах Лоуляна (Восточный Туркестан) и датированный IV в.²³⁹ Семь фрагментов рукописей, т. н. «Берлинских эфталитских фрагментов» на бактрийском языке VIII–IX вв., были найдены А. фон Ле Коком в руинах монастыря в долине Туюки в Турфанском оазисе. Они выполнены на бересте, бумаге и пальмовых листьях²⁴⁰.

Большое историческое значение имеет архив правителей Роба (Северо-Западный Афганистан), исследованный Н. Симс-Вильямсом. Документы представляют собой свитки тонкой кожи, надписи на которых выполнены бактрийской письменностью на бактрийском языке, датированные IV–VII вв. н. э.²⁴¹

Таким образом, бактрийские рукописи Кампыртепа являются древнейшими бактрийскими рукописями, найденными в Бактрии и Центральной Азии в целом. Особое значение при этом имеет материал, на котором были написаны бактрийские тексты из Кампыртепа, первоначально определенный как береста²⁴². В 1983 г. эти рукописи были переданы во Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР), где старший научный сотрудник Г.И. Рымарь провела их всестороннее изучение.

В результате этих исследований Г.И. Рымарь, отвергнув версию бересты как основы для рукописей, пришла к выводу, что «при сравнении снимков с образцов бактрийских рукописей и образцов папируса хорошей сохранности, полученных при исследовании на сканирующем электронном микроскопе, учитывая изменения в структуре, которые могли произойти в материале (в данном случае фрагменты бактрийских рукописей), можно считать, что клетки срезов бактрийских рукописей идентичны клеткам папируса (выделено мной. – Э.Р.)»²⁴³. Причем снимки срезов были сделаны в международной лаборатории электронной микроскопии МГУ им. М.В. Ломоносова при 100-, 300-, 400-, 500-, 1000- и 1500-кратном увеличении²⁴⁴.

Папирус как материал для письма был изобретен в Древнем Египте, причем правитель последнего обладал монопольным правом на вывоз папируса за границу. Иногда, правда, таким же правом обладали и частные лица – владельцы значительных средств. Основным центром по производству папирусов и торговле ими была Александрия²⁴⁵. В Египте найдены многочисленные папирусы на арамейском, греческом, коптском, персидском и других языках²⁴⁶. Отдельные находки папирусов имели место в Южной Европе: в Геркулануме и при раскопках древнегреческой колонии Галатия²⁴⁷.

239 Стеблин-Каменский 1981. С. 324.

240 Там же. С. 324–325.

241 Sims-Williams 2000.

242 Ртвеладзе 1984б. С. 87–106; 1983б.

243 Исследования и консервация фрагментов бактрийских рукописей... 1985. С. 18.

244 Там же. С. 16.

245 Папирус // БСЭ (3-е изд.). Т. 19. 1975. С. 159; Папирусы // БСЭ (2-е изд.). Т. 32. 1953. С. 21.

246 Дандамаев, Луконин 1980. С. 280 сл.

247 Федоров 1960. С. 116–120.

Вместе с тем до сих пор не известно ни одного папируса кушанского времени на огромной территории от Египта и Восточного Средиземноморья до Ирана, Месопотамии, Индии. В таком случае находка папирусов первой половины II в. н. э. на городище Кампыртепа в долине Окса на территории Древней Бактрии – вообще первая находка папирусов этого времени к востоку от Средиземноморья. Но не только в этом выдающееся значение папирусов из Кампыртепа. Они, в частности, свидетельствуют о том, что в Кушанском царстве папирус использовался как материал для письма. К сожалению, этот важнейший факт прошел мимо внимания исследователей бактрийского письма, хотя сообщение об этой выдающейся находке опубликовано не только на русском, но и на английском языке в Бостоне (США)²⁴⁸.

Добавлю, что в историческом плане находка папирусов на Кампыртепа значительно важнее, чем, к примеру, находки изделий из голубой египетской пасты, которые обычно фигурируют в работах многих исследователей как доказательство связей древних областей Средней Азии с Римским Египтом. Папирусы изготавливали только в Древнем Египте, и их обнаружение – очевидное свидетельство прямых связей Египта с Кушанской Бактрией, а изделия из голубой египетской пасты как предметы торговли чрезвычайно мобильны и могли продаваться и перепродаваться купцами и торговцами разных стран. К тому же, как сейчас установлено, в том числе и химическим анализом, эти изделия изготавливались не только в Александрии и Навкратисе, но и в городах Северного Причерноморья, а также в Кушанской Бактрии²⁴⁹.

Следует отметить еще один важнейший аспект находки папирусов на Кампыртепа. Согласно мнению Э. Вармингтона, торговля папирусами началась в III в. н. э.²⁵⁰ В списке товаров римско-индийской торговли, составленном Т.А. Шерковой по данным «Перипла Эритрейского моря» (I в. н. э.), папирус как товар не указан²⁵¹. Однако папирусы из Кампыртепа несомненно датируются первой половиной II в. н. э., следовательно, торговля папирусами из Египта в Римской империи началась значительно раньше, быть может, уже в I в. н. э., до того как их стали использовать для записи бактрийских текстов.

По каким же дорогам, связывавшим Египет и Бактрию, могли доставляться папирусы в долину Окса? В Ай-Ханум, учитывая датировку найденных там папирусов – II в. до н. э., они могли доставляться сухопутным путем через страны эллинистического мира (государства Птолемеев, Селевкидов).

Иное дело – папирусы из Кампыртепа, датирующиеся временем правления царя Канишки, по Г. Фальку, – 127 г. н. э. (т. е. Канишка правил до 150 г. н. э., учитывая продолжительность его правления – 23 года, согласно эпиграфическим данным). По археологическим сведениям, время правления Канишки также приходится на первую половину II в. н. э. В это время кушаны и парфяне находились во враждебных отношениях, что и предопределило установление дружественных связей Рима и Кушан, их дипломатических и торговых контактов, которые, согласно многим исследователям, осуществлялись главным образом морским путем из Египта в Индию.

248 О находках бактрийских рукописей на бересте упоминается, в частности, в моей статье: Rtveldadze 1996. P. 149.

249 Лунева 2005. С. 28–30.

250 К сожалению, работа Э. Вармингтона – Warmington E. H. The Commerce between the Roman Empire and India. London, 1974 – была мне недоступна. Цитирую по: Шеркова 1991. С. 56.

251 Шеркова 1991. С. 52–53.

Однако не только не исключено, но и еще более вероятно, что эти папирусы доставлялись из Александрии в Египте через Средиземное и Черное моря в Фасис, а уже оттуда традиционной трассой Великого индийского пути в Бактрию. Этот путь был гораздо короче и требовал значительно меньше времени на его преодоление.

Как показали расчеты Р. Бёкера, морское путешествие из Египта в Индию и обратно занимало около трех месяцев²⁵². Кроме того, следует учесть следующие обстоятельства.

Морской путь из Египта в Индию в древности начинался в порту Миос-Хормос на Красном море, откуда товары доставлялись в Александрию сухопутным путем за 12 дней²⁵³. Весь путь из Александрии к портам, расположенным на западном побережье Индии, в частности к Баригазе в низовьях Инда, занимал более трех месяцев. Определенное время требовалось и на преодоление дороги из низовьев Инда в Бактрию по долине этой реки в Гандхару (Таксилу) и отсюда по долине Кофена (Кабулдарьи) через перевалы в Бактрию, а затем по Бактрии в долину Окса. На преодолении этого пути требовалось еще не менее полумесяца. Следовательно, на дорогу из Александрии в западные районы Бактрии, в долину Окса уходило не менее *четырёх месяцев*.

В то же время расчеты показывают, что на преодоление пути от Александрии до долины Окса, в том месте, где расположен Кампыртепа = Пандахейон, требовалось не более полутора месяца. От Александрии через Средиземное и Эгейское моря до г. Византия (на месте современного Стамбула) уходило не более 15 дней, от г. Византия до Гераклеи и Синопа еще два-три дня, столько же времени требовалось на преодоление пути от Синопа до Фасиса сравнительно легкой, но менее безопасной морской дорогой вдоль южного берега Черного моря²⁵⁴.

Сухопутный участок дороги от Черного моря (Понта Эвксинского) до Мидии, расположенной у юго-западного края Каспийского моря, занимал, по данным Геродота, пять дней (I, 104).

Современные паромы переплывают Каспийское море от г. Баку до г. Туркменбаши (г. Красноводск) за три дня. Столько же времени, вероятно, уходило на пересечение Каспийского моря и в древности или до устья рр. Атрек и Горган в Гиркании, или до устья р. Узбой.

От Каспийского моря в Бактрию, в долину Окса папирусы из Александрии могли доставляться двумя основными дорогами. Одна из них шла по Узбою в Хорезм, а отсюда речным путем по Оксу до Бактрии. Согласно сведениям Ибн-Баттуты (XIV в.), на путь (по течению реки) от Хорезма до Термеза (в 30 км далее Кампыртепа) уходило 10 дней²⁵⁵.

Другая трасса шла из Гиркании через Парфиену в Маргиану. По Исидору Харакскому, на этом пути насчитывалось 6 стоянок, т. е. 6 древних переходов²⁵⁶.

От Маргианы в долину Окса дорога следовала по Келифскому Узбою²⁵⁷, покрывая расстояние немногим более 200 км до Келифа – важнейшего речного порта на Оксе. Согласно исследованиям М.Е. Массона, в условиях Турменистана расстояние между населенными пунктами исчислялось в фарсах или мархалях (равен 6 или $6\frac{1}{7}$ фарсаха) «из расчета среднего расстояния, пройденного

252 Böker 1962. Col. 410–411.

253 Шеркова 1991. С. 38–43, карта № 1.

254 Снисаренко 1990. С. 347, 350.

255 Путешествия Ибн-Баттуты... 1996. С. 257.

256 Массон М. 1951в. С. 27–29.

257 Подробно об этом пути см. выше, в гл. III.

равномерно шагающей вереницей верблюдов за одни сутки, включая большие и все малые промежуточные остановки»²⁵⁸. По его мнению, хорасанский фарсах был равен 6,25 км²⁵⁹. Следовательно, исходя из точки зрения выдающегося знатока караванных дорог в древней и средневековой Средней Азии, на путь из Маргианы в долину Окса (в районе Келифа) могло уходить 6–7 суток, еще сутки требовались на дорогу от Келифа до Кампыртепа (немногим более 40 км).

Хотя ни в одном письменном источнике нет данных о времени, затрачиваемом на путь из Александрии в Египте до долины Окса, до Александрии Оксианской = Пандахейона = Кампыртепа, но, суммируя приведенные выше данные, можно примерно восстановить, что этот путь занимал около полутора месяцев, следовательно, более чем в два раза меньше, чем южный морской путь из Александрии в Бактрию, включая сухопутный маршрут.

На этой длинной дороге в древности существовал важнейший промежуточный пункт – город Фасис на восточном берегу Понта Эвксинского, где, по данным Псевдо-Скимна, во II в. до н. э. проживали бактрийцы и индийцы и, вероятно, существовали их торговые фактории. Фасис, подобно Баригазе в Индии, выполнял роль своего рода перевалочного пункта, откуда египетские и римские товары расходились по Южному и Северному Кавказу и далее на восток в Среднюю Азию, а в обратном направлении индийские и бактрийские товары шли в страны Причерноморья, в Рим и Египет. В Александрии египетской, согласно Диону Хрисостому, так же как в Фасисе, существовала колония бактрийских и индийских купцов²⁶⁰.

Митреум в Кара-Камаре

Обращусь теперь к еще одному источнику, подтверждающему этот вывод, – латинским надписям в митреумах Кара-Камара. Как известно, они вызвали неоднозначную оценку. Если одни из лучших в мире знатоков античной эпиграфики Ю.В. Виноградов и Ю.Б. Устинова (последняя визуально исследовала эти надписи *in situ* в 1988 г.) считают их подлинными, то ряд зарубежных исследователей выражает сомнения в этом. В частности, Д. Браунд в заключение своей небольшой статьи пишет: «Есть опасения, что латинские тексты могли быть выполнены современными посетителями этого места. Без хорошо узнаваемого латинского слова нельзя с полной уверенностью говорить о наличии латинской надписи, особенно так далеко на востоке, как в Кара-Камаре. Лучше пока избежать интерпретации [этих надписей] и поспешных выводов. Будем надеяться, что дальнейшие исследования в Северной Бактрии прольют свет на эти вопросы и, возможно, уберут сомнения»²⁶¹.

Но если Д. Браунд приписывает латинские надписи неким современным посетителям пещерного комплекса Кара-Камара, то Э. Уилер и вслед за ним Е.С. Перевезенцев выражают сомнения в аутентичности этих надписей, считая их поздней имитацией.

Еще более оригинальную точку зрения высказал Ф. Грене в личной беседе со мной. Он полага-

258 Массон М. 1966. С. 8–9.

259 Там же. С. 10.

260 Хвостов 1907. С. 395; Elliger 1967. S. 434; Шеркова 1991. С. 18–19.

261 Braund 1991. P. 190: «The anxiety that the Latin texts may be the late work of some modern visitor abides. Without some firmly recognisable Latin word, it is difficult to be confident of the existence of a Latin inscription, especially as far east as Kara-Kamar. Interpretation and subsequent inference seem best resisted. It is to be hoped that further researches in Northern Bactria may shed some light on these problems and perhaps alleviate doubt».

ет, что «G. Rex» в этой надписи является сокращением от «George Rex V» (1913–1934), а ее автором был английский помощник басмачей и Энвер-паши, правда, со знаком вопроса.

Как видно, у самих критиков нет единогласия в ответе на вопрос, кто же нанес латинские надписи в Кара-Камаре (современные посетители, мифический помощник басмачей или некий человек, имитирующий латинские надписи). При этом надо обладать большим воображением, чтобы найти в глухом уголке Восточной Бухары, каковым это место было до революции, или в этой же части Сурхандарьинской области Узбекской ССР даже после революции человека, знавшего не просто латинский алфавит, а историю римских легионов, дабы изготовить имитацию латинских текстов. Кроме того, в этих надписях имеется и сокращение «I. M» (*Invicto Mithrae* – «Непобедимому Митре»), знать которое не было дано ни современным посетителям Кара-Камара, ни мифическому английскому помощнику Энверпаши.

Оставлю пока в стороне анализ латинских надписей и обращусь к археологическим данным и архитектурному типу самого комплекса.

Пещерный комплекс Кара-Камар расположен на крайнем юго-западе Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, на ее границе с Туркменистаном. В 11 км к западу от Кара-Камара находится железнодорожная станция Болдыр, в 3 км к югу – старая переправа через Амударью Кую-Кара-Камар и одноименный покинутый населением кишлак, а в 24 км к востоку – известное городище Кампыртепа.

Описываемый комплекс представляет собой П-образную площадку 55 × 30 м, открытую с северо-восточной стороны и окаймленную с трех других сторон толщей песчаникового массива высотой от 2–3 до 8–10 м. Правильные геометрические очертания «площадки» или «двора», хотя и в значительной мере нарушенные сейчас эрозийными и эоловыми процессами, позволяют предположить не естественное, а искусственное ее происхождение. Она, по-видимому, была вырублена в массиве легко поддающегося обработке песчаника на месте имевшейся здесь промоины.

В юго-западной и северо-западной стенах «двора» в два яруса располагаются пещеры, углубленные в массив породы. В первом ярусе находятся наиболее крупные по размерам и лучшей сохранности искусственные сооружения со сводчатым потолком, длиной 10–12 м, высотой 3,5–4 м, начавшиеся, вероятно, с уровня «двора»; над ними на высоте 5–6 м от современного уровня дневной поверхности располагаются небольшие (2 × 1, 2 × 1,8 м и т.д.) в значительной мере обвалившиеся ниши, часть которых также, похоже, искусственного происхождения. Не исключено, что подобные сооружения имелись и на северо-восточной стороне, которая подвергалась наиболее сильному воздействию ветра и дождя.

Пещерное сооружение № 1 (ПС-1) расположено в юго-западной стене «двора». Ориентировано по оси югозапад – северо-восток, входом на северо-восток. Вырублено при помощи тонкого острого инструмента, толщиной 1 см. Подпрямоугольные в плане юго-западная торцовая и юго-восточная стенки очерчены прямолинейно, их размеры – 5,6 × 8,7 м. Северо-западная продольная стена, смежная с пещерным сооружением № 2, криволинейна. Входная торцовая стена отсутствует, так что пещера открыта на весь пролет, несколько сужающийся относительно задней стенки – до 4,6 м. Не исключено, однако, что первоначально вход в пещерное сооружение был иным, но в последующем разрушен.

В центре северо-западной стенки имеется аркообразный проход в пещерное сооружение № 2. Со стороны ПС-1 этот проход имел круглый в плане порог, выступавший от проема на расстояние 0,4–0,55 м, высотой от первоначального (основного) пола пещеры на 0,54 м. Ширина прохода по первоначальному полу – 1,95 м, небольшая высота от замка арки до порога – 1,2 м. С правой стороны от прохода на расстоянии 1,1 м от уровня верхней части прохода и на высоте 1 м от пола имеется округлое, до 0,5 м, отверстие-«окно», открывающееся в ПС-2.

Потолок ПС-1 сводчатый, округло-сплющенного очертания у входа, переходящий к торцу в плоский. У задней стенки в нем прорублено куполообразное углубление, работа над которым начата в слое песчаника и остановлена на уровне более плотной каменистой прослойки.

На самой торцовой стенке, на высоте 0,5 м от современного уровня заполнения пещеры, друг над другом расположены две ниши треугольного очертания 15 × 10 × 20 см.

Сейчас высота ПС-1 в интерьере от уровня заполнения до замка свода – 2,8 м, однако первоначальный ее пол был ниже на 1,2–1,3 м. Следовательно, истинная высота ПС-1 была в пределах 4 м. Верхние заполнения внутри ПС-1 складывались из плотно слежавшегося кизяка и перегнившего навоза, тогда как нижние, перед полом, состояли из наносного слоя мелкого песка толщиной 0,48 м.

Пещерное сооружение № 2. Смежное с ПС-1, отделено от него массивом стены, толщиной до 3 м между входами и утончающимся к соединяющему их проходу до 0,25 м. ПС-2 в плане криволинейного очертания, северо-западная и юго-западная стенки слиты в единую почти полуциркулярную линию, пересекающуюся на юго-восточном углу со смежной стеной. В углу пересечения стен – «дверной» проем. Размеры ПС-2: диагональ стены от северного угла входа до линии пересечения стен – 11,3 м; ширина у входа – 4,2 м, высота у входа от уровня дневной поверхности до замка – 3,9 м. Свод имеет кривую высокого подъема у входа, уплощающуюся с глубиной при понижении общей высоты помещения. Способ обработки поверхности стен такой же, как в предыдущей пещере. На северо-западной стенке этого сооружения имеются рисунки ладоней рук и плохо сохранившиеся арабские надписи.

Пещерное сооружение № 3. Расположено в северо-западном углу «двора», ориентировано по оси север – юг, входом обращено на юго-восток к ПС-1 и ПС-2. Не исключено, что все эти три пещерных сооружения были объединены в единый комплекс посредством каких-то наземных сооружений, причем предвратная их часть была, вероятно, перекрыта естественным сравнительно тонким песчаниковым козырьком, от которого сохранились сейчас отдельные выступы на высоте около 6 м.

ПС-3 в плане приближается к сильно вытянутой трапеции с сужением к выходу размерами: 9,8 × 5,8 × 9,8 × 3,2 м. Углы пересечения стен в интерьере ПС-3 скруглены. В восточной стенке у угла заметны очертания свода ниши. Свод помещения горизонтален со скруглением в углах. Способ обработки стен и свода сооружения аналогичен употребленному в предыдущих сооружениях. Высота от уровня современного заполнения до замка свода – 2,5 м, от основного пола – не менее 3,5 м. Вход в ПС-3 также потерял свою первоначальную форму и открыт на всю ширину пролета, но в некоторых местах заметны выступы входной торцовой стены, сохранившейся в длину на 0,3–0,4 м.

На поверхности юго-западной стены имеются арабские надписи с датами 584 г. х. / 1187–1188 гг. и 949 г. х. / 1542–1543 гг. Ниже их – тамгообразный знак, заключенный в картуш, а еще ниже – рисунок животного.

Помимо описанных выше пещерных сооружений в первом ярусе располагались еще несколько пещер иного типа, более широких, но значительно менее глубоких.

Пещерное сооружение № 4. Сохранившаяся ширина – 9,2 м. Уцелели задняя торцовая стена и часть потолка. Между ПС-4 и ПС-1 имеется неглубокий, до 0,5 м, навес, шириной – 7 м. Вся поверхность этого навеса буквально испещрена рисунками и надписями, в том числе современными. Среди рисунков в штриховой манере различимы крупное изображение двугорбого верблюда (длина – 42 см, высота – 40 см), за которым следует лошадь (?), ниже, под верблюдом, – изображение еще одного животного, над ним – рисунки двух изогнутых сабель с прямым перекрестием. Здесь же изображен лук со стрелой. Имеются также плохо сохранившиеся арабские надписи.

С правой стороны от ПС-3, в северо-западной и северо-восточной стенах «двора», имеются остатки еще нескольких пещер, но без дополнительных исследований невозможно утверждать их искусственное происхождение.

Нет никаких сомнений в глубокой древности этих сооружений. По всей вероятности, они были возведены в I–II вв. н. э., о чем свидетельствует наличие здесь бактрийских надписей и фрагментов керамики, относящихся к этому времени, найденных как в самих сооружениях, так и вблизи них. Одна из них, уже плохо различимая, нанесена на поверхность скалы между ПС-2 и ПС-3 на высоте 1,5 м. Она состоит из восьми букв и передает бактрийское имя *Arzioφ* (чтение В.А. Лившица).

В последующее время, после прекращения функционирования пещерных сооружений по прямому назначению, они использовались в качестве загон для скота и временных пристанищ пастухов, о чем говорят мощные до 2–2,5 м отложения золы и обгорелых до черноты остатков деревьев и кустарников, создающие сложные условия для раскопок: заложенный в ПС-3 шурф не был доведен до конца именно из-за этих обстоятельств.

Отмечу прежде всего, что каракамарские пещерные сооружения не могли быть жилищами из-за отсутствия в них элементарных условий для жизни, а устройство их в глухом и уединенном уголке отрогов Кугитанга, вдали от поселений в данном случае кушанского времени, может говорить о создании культовых сооруже-

Бактрийская надпись ... βαδοαβο... на египетском папирусе. Кампыртепа. Первая половина II в. н. э.

Бактрийская надпись ... ала цмо... на египетском папирусе. Кампыртепа. Первая половина II в. н. э.

ний группой людей, исповедовавших религиозные воззрения, отличные от официально признанных в Кушанском государстве.

Как хорошо известно, к примеру, все буддийского и зороастрийского характера культовые сооружения возводились или непосредственно в городах и поселениях Северной Бактрии, или в непосредственной близости от них. Не могли быть эти сооружения и христианскими, т. к. наличие христианства в этой области в I–II вв. н. э. вряд ли возможно, да и не подтверждено до сих пор никакими археологическими данными.

В то же время пещерные сооружения различного функционального назначения свойственны буддизму: они широко распространены на родине буддизма – в Индии, а также в Восточном Туркестане²⁶². Единственный буддийский монастырь в Северной Бактрии, сочетающий как наземные, так и пещерные сооружения, – это Каратепа в Старом Термезе, с которым наиболее уместно сравнить пещерные постройки Кара-Камаара, поскольку последний находится всего лишь в 70 м от Каратепа.

При определенном сходстве (сводчатый потолок, способ обработки стен) пещерные сооружения Кара-Камаара кардинально отличаются от таковых в Каратепа по своему архитектурно-планировочному решению.

В Каратепа это комплекс сооружений, включающий в себя узкий вход, зачастую с нишами для установки статуй по сторонам, вестибюль, Г-образное узкое помещение-келью и квадратную комнату с обводным коридором²⁶³. Пещерные сооружения Кара-Камаара, в отличие от них, состоят из единственного длинного и сравнительно широкого сводчатого помещения с открытым широким входом. Значительны различия между ними и в отсутствии в каракамарских сооружениях ступенек у входа, полы в них находятся на одном уровне с входом или несколько углублены, тогда как в пещерных сооружениях Каратепа непременно присутствует ступенчатый вход, зачастую с пятью, шестью и более ступенями²⁶⁴. Одиночные пещеры-кельи монахов в Каратепа также значительно отличаются от каракамарских сооружений наличием оформленного арочного входа и ступенек узкого прохода, входящего в Г-образное помещение.

Столь кардинальные различия не позволяют считать, что пещерные сооружения Кара-Камаара возведены приверженцами буддийской религии. Отсутствие аналогий в буддийских и зороастрийских постройках еще до прочтения латинских надписей продиктовали мое обращение к митреумам – святилищам митраистов.

Кульм Митры – иранского божества света и договора, возникший на Востоке, при Флавиях был введен в Рим. Своим содержанием и мистическим ритуалом он отвечал настроениям различных слоев Римской империи, но больше всего его приверженцев было в среде римских легионеров, собственно и способствовавших внедрению его в Риме. Подземные святилища митраистов, так называемые «митреумы», в большом количестве возводились на громадных просторах Римской империи от Британии до Месопотамии включительно²⁶⁵.

262 Литвинский, Воробьева-Десятовская 1992. С. 427–508.

263 Ставиский 1964а. С. 14–22, рис. 2–9; 1972. С. 9–30; Сычева 1975. С. 30–37.

264 Ставиский 1972. Рис. 3а, в, 7, 8; 1982. См., к примеру, помещения в комплексе В: Бердников 1982. С. 50–55.

265 См. карту в книге: Turcan 1981. P. 4–5, fig. 1–2.

Длительное время митраизм выступал как самый главный противник христианства в Римской империи, и был период, когда всего один шаг отделял митраизм от того, чтобы стать мировой религией²⁶⁶.

Сами митреумы были весьма просты по устройству – это искусственные или естественные пещеры со сводчатым потолком, вдоль стен которых находились каменные скамьи для мистов. Пещеры освещались особыми светильниками, символизировавшими божественный свет и помещаемыми в особые ниши. На задней стене митреумов зачастую имелась роспись с изображением Митры, побеждающего быка, хотя существовали митреумы и без таковой.

По своему архитектурно-планировочному решению кара-камарские пещеры схожи с митреумами. Особенно близки они к митреумам, открытым в Сирии и Месопотамии, вплоть до таких деталей, как наличие ниш в боковых стенах²⁶⁷, в частности к митреуму, обнаруженному в Кесарии Приморской (*Caesarea maritima*). Определенное сходство пещерные сооружения Кара-Камара находят в митреумах Санта-Приска (*Santa Prisca*) в Риме и Санта-Мария-Капуа-Ветере (*Santa Maria Capua Vetere*), которые отличаются от каракамарских только наличием длинных боковых скамеек для мистов²⁶⁸. Однако не исключено, что такие скамейки имелись и в каракамарских сооружениях, поскольку при шурфовке в ПС-3 была обнаружена часть выступа, идущего от боковой стены сооружения.

Любопытно также наличие в пещерах Кара-Камара, обычно в торцевой стене, небольших треугольных нишек, которые, судя по закопченности стенок, предназначались для установки светильников, как в вышеуказанных митреумах.

Латинские надписи Кара-Камара. Их две. Они высечены на скальной поверхности между пещерными сооружениями № 2 и 3: нижняя – на высоте 3,5 м, а верхняя – на высоте более 5 м от современной поверхности земли, которая в древности была ниже примерно на 1–1,5 м. Отмечу, что, когда вход в пещеру обвалился, эти надписи находились как бы на стенах «вестибюля» и могли быть видны, по всей вероятности, только при искусственном освещении.

Кроме того, о древности этих надписей свидетельствует тот факт, что при первом нашем посещении Кара-Камара в 1969 г. я не заметил этих надписей из-за имеющегося на них т. н. «пустынного загара» – тонкого слоя темного цвета, создающегося в течение многих лет под воздействием жарких лучей солнца на песчаниковую или иную скалистую поверхность. При обследовании пещер Кара-Камара в 1985 г. мне пришлось «освободить» часть этих надписей, особенно нижние строки, от «пустынного загара», тогда как другая часть была уже хорошо видна, поскольку довольно рыхлый песчаниковый навес над надписью обрушился. Надо отметить, что склоны каракамарских пещер, обращенные на восток, подвергаются постоянному воздействию сильных эрозийных процессов и солнца, так что при последнем нашем посещении Кара-Камара в 90-х гг. XX в. надписи и рисунки стали менее заметны.

Во время обследования я обратил внимание на необычный характер последних, распознав слово **REX**. Выдающийся специалист в области греческой и латинской эпиграфики Ю.В. Виноградов,

266 Боричевский 1929. С. 3.

267 Turcan 1981. P. 4, 77.

268 Bull 1978. P. 75.

Модель пальмирского надгробия с арамейской надписью. Найдено в Средней Азии. Музей истории Узбекистана, г. Ташкент

Высота букв в первой и третьей строках – 0,07–0,08 м, во второй строке – несколько выше остальных букв, в третьей строке две последние буквы написаны курсивом. Во второй и третьей строках сохранились точки-разделители.

Сочетание актуарного письма, которым исполнены обе надписи, с курсивным – любопытно, но объяснимо для исследуемого памятника: ведь надписи высечены не профессиональным резчиком, а, как я попытаюсь доказать, римскими легионерами в неудобном для работы месте. Характерно, что торопливым курсивом выполнены две последние буквы надписи: может быть, на них не хватило времени или начал гаснуть светильник?

Шрифт обеих надписей не дает возможности более точной их датировки, нежели императорским периодом. Трудно определить, что такое **ROD**. По всей видимости, это или сокращение, или то, что осталось от какого-то имени греческого происхождения, начинавшегося с 'Ροδ, как 'Ροδανός, 'Ροδιππος, 'Ροδιών, 'Ροδιος и т. д. В латинской транскрипции в таком случае выпало «Н», необходимое после «R» в **RHOD**, но такое отклонение от орфографии вполне допустимо.

Очень любопытна третья строка первой надписи. Расстояние между буквами «I» и «M» в три раза превосходит интервал между другими буквами этой и второй надписей. В то же время **I·M** (с точкой или другим букворазделителем) – стандартная аббревиатура *Invicto Mithrae*, принятая во всем римском мире²⁷⁰. Эта точка могла либо не сохраниться на хрупком песчанике (как вторая строка надписи), либо никогда не существовать: точки и прочие знаки ставили не всегда, и в данном случае автор надписи мог удовлетвориться тем, что оставил между «I» и «M» большое *vacat*.

Существенным аргументом в пользу предложенного чтения служит обнаружение надписей в пещере: ведь митреум мыслился как пещера, и для сооружения своих храмов митраисты стреми-

269 Перевод надписей осуществлен Ю.Б. Устиновой.

270 Cagnat 1898. P. 366.

Статуэтка божества.
Египетский фаянс. Сурхандарья.
I–II вв. н. э.

Изделия из египетского фаянса. Дальверзинтепа.
I–II вв. н. э.

лись использовать пещеры, естественные или искусственные гроты и т. п.²⁷¹ В таком случае первая надпись представляет собой, по всей вероятности, посвящение лица, имя которого начиналось на **ROD**... «Непобедимому Митре – *Invicto Mithrae*».

Обратившись ко второй надписи, начну с третьей строки. **AP. LG** – сокращение, означающее *Legio (XV) Apollinaris*²⁷². Этот легион, сформированный еще при триумвирате, в 62 г. н. э., был направлен из Паннонии в Армению (Тацит, *Анналы*, XV, 25)²⁷³ и оставался там до 66 г. В начале осени этого года римляне потерпели сокрушительное поражение от парфян в борьбе за Армению; парфяне тогда захватили множество пленных, некоторых из них судьба могла забросить даже в Кара-Камар. Следует сказать, что на Пицундском городище остались следы пребывания на Кавказе *Legio (XV) Apollinaris*: черепица с клеймами **LEG XV**²⁷⁴. Все эти соображения дают возможность датировать надпись последней третью I в. н. э.

В таком случае в первой строке следует читать **Pan**[ponia], что очень хорошо увязывается с историей *XV Apollinaris*: ведь в Армению он был переведен из Паннонии, и какая-то группа (или один человек) вполне могла продолжать называть себя паннонцами или еще как-нибудь в этом роде. Во второй строке **G** – инициал имени *Gaius*²⁷⁵. **Rex** – видимо, прозвище этого Гая из XV легиона.

Особого внимания заслуживает важная роль XV легиона в распространении митраизма, кото-

271 Vermaseren 1956; Cambell 1968.

272 Cagnat 1898. P. 363; Calderini 1974. P. 262.

273 Ritterling 1925. Col. 1797–1820; Tomaszewski 1894. Col. 2845; Webster 1969. P. 71, 73, 80; Wheeler 2000. P. 259–308.

274 Кигурадзе, Лордкипанидзе, Тодуа 1987. С. 88–92.

275 Calderini 1974. P. 288.

Римский маскарон. Шахр-и Гульгуль.
I–II вв. н. э.

рую подчеркивают современные исследователи²⁷⁶. Этот легион долго стоял в Паннонии, которая, по-видимому, может считаться регионом, где митраистские мистерии проходили фазу становления и оформления, и откуда уже достаточно сложившаяся традиция была перенесена в Рим и другие части империи²⁷⁷. Самое раннее из известных посвящений Митре – это алтарь, поставленный центурионом XV легиона в Карнунте (Паннония)²⁷⁸. Это посвящение могло быть сделано или до 62 г. н. э., или в 105–114 гг., когда *Legio (XV) Apollinaris* вернулся в Паннонию. Оставив в стороне вопрос, были ли митраистские верования распространены среди воинов этого легиона еще до похода в Армению или это произошло уже на Южном Кавказе под сильным влиянием местного культа Митры (Pliny. *NH*. XXX, 6, 17)²⁷⁹, отмечу, что, во всяком случае, после Армянской кампании именно в этом легионе впервые в римской армии проявились митраисты. Согласно мнению С.М. Перевалова, после отражения в 136 г. н. э. нашествия аланов на Капшадокию, легат этой области Арриан преследовал алан вплоть до Дарьяльского ущелья и иберо-албанской границы на Южном Кавказе, используя при этом «если не весь легион, то его вексилляцию»²⁸⁰.

А.С. Балахванцев предлагает несколько иную трактовку латинской надписи из Кара-Камара – **PAPAV(IT) / G.REX / AP.LG** и датировку пленения Гая Рекса – 115–117 гг.²⁸¹

Обращусь к другим археологическим и историческим данным, свидетельствующим о том, что область между Маргианой и Западной Бактрией вплоть до Термеза по обоим берегам Окса (Амударья) была важнейшей зоной римско-среднеазиатских (бактрийско-маргианских) контактов.

Так, согласно Плинию, 10 тыс. плененных римских легионеров после поражения Марка Красса в мае 33 г. до н. э. от парфянского войска, возглавляемого Суреной, были поселены в Маргиане²⁸². Отмечу, что от Маргианы до района Кара-Камара всего лишь 250 км пути, который осуществлялся или дорогой по Келифскому Узбою (о нем см. выше), или водным путем по Оксу и через переправу Керкух (Керки) и далее в Маргиану.

В могильнике Тиллятепа и на городище Хайрабадтепа найдены наиболее ранние в Средней Азии римские монеты Тиберия и Нерона, а на городище Кампыртепа – папирусы из подвластного Риму Египта, доставленные сюда, по-видимому, из египетской Александрии в Фасис и далее через

276 Daniels 1975. P. 250.

277 Beskow 1978. P. 10.

278 Daniels 1975. P. 250.

279 Ibid. P. 251.

280 Перевалов 2007. С. 8. На эту работу мое внимание обратил А. Горин, которому приношу большую благодарность.

281 Балахванцев 1994. С. 124–127.

282 Массон М. 1955. С. 13.

Южный Кавказ на юг Средней Азии по Великому индийскому пути. Тем же путем, вероятнее всего, пришло в Рим совместное посольство «гирканцев и бактрийцев».

Таким образом, можно предполагать, что латинские надписи Кара-Камара оставлены бывшими воинами XV легиона в последней трети I в. н.э. и одна из них представляет собой посвящение Митре, а сами пещеры, вероятнее всего, использовались как митреумы.

Вместе с тем остается неясным, при каких обстоятельствах римский легионер оказался в Бактрии? Возможно, Гай Рекс был участником одной из римских торговых или дипломатических миссий, направленных в Кушанскую Бактрию. Однако более вероятно, что в ходе неоднократных войн римлян с парфянами римские легионеры зачастую попадали в плен. Так, из сорокатысячного войска, вышедшего с Марком Крассом в поход против парфян, спаслось менее одной четверти, причем 10 тыс. взятых в плен римлян было отправлено в Маргиану для охраны северо-восточных рубежей Парфянского царства.

О дальнейшей судьбе этих пленных в римских и греческих источниках не упоминается. Американский ученый Г.Г. Дебс обратил внимание на сообщение в «Истории ранней династии Хань», возможно, связанное с этими легионерами²⁸³. Претендент на гуннский престол шаньюй Шиши, убив китайского посланника, бежал в Согдиану, куда его пригласил местный правитель для того, чтобы отразить вторгшиеся в эту область кочевые племена. В Центральной Азии шаньюй Шиши решил создать новую гуннскую державу и построил ее столицу на р. Талас.

Помощник китайского наместника западных пограничных районов Чень Тан решил устранить будущую грозную опасность интересам Китая. В 36 г. до н.э. на свой страх и риск он выступил в поход, имея при себе армию, сформированную из китайцев и вспомогательных войск местных государств. Пройдя несколько тысяч миль, войска подошли к столице Шиши и взяли ее штурмом. В отчете об этом событии, посланном императорскому двору Чень Таном, есть сведения о том, что в начале приступа около г. Шиши имелось «более ста пехотинцев, выстроенных в линию с каждой стороны ворот и построенных в виде рыбной чешуи».

Г.Г. Дебс доказал, что такого рода воинское построение характерно только для римских легионеров. Он пишет, что «построение в виде “рыбной чешуи” представляет собой маневр, при котором солдаты должны сгруппироваться вместе и накрыться щитами». Его выполнение требовало высокой дисциплинированности и организованности, свойственной профессиональной армии.

283 Дебс 1946. С. 45–50; Dubs 1941. P. 322–330; 1943. P. 13–19; 1957a; 1957b. P. 139–148. См. также: Гумилев 1960. С. 161–166; ср.: Вельгус 1978. С. 96–99.

Голова римлянина. Терракота. Кампыртепа. I–II вв. н.э.

План митреума. Кара-Камар. Первые века н.э. (по З.А. Аршавской)

В то время такие армии имели только греки и римляне, тогда как кочевые племена не обладали каким-либо организованным воинским строем. Однако у воинов македонской фаланги щиты были маленькие и круглые, у римских бойцов – овальные и прямоугольные, которые, соединяясь, защищали сомкнутые ряды солдат от стрел (кстати, такого рода щит изображен на терракотовой плитке из Кампыртепа). Г.Г. Дебс пришел к выводу, что «более сотни пехотинцев, выстроенных в линию в виде “рыбной чешуи”, почти несомненно и были некоторыми из легионеров Красса, служившими в качестве наемных солдат у шаньюя Шиши».

Примечательно также наличие у города, который штурмовали китайцы, двойного частокола. Такого рода укрепления устраивали римляне, особенно перед воротами. Римляне превратностями судьбы, по-видимому, попадали по трассам Великого шелкового пути и далее на восток. Об этом свидетельствует краткая надпись, передающая типично римское имя «Тит», найденная на одной из фресок Мирана в Турфанском оазисе Восточного Туркестана. Не был ли этот Тит потомком тех же римских воинов?

Судьба канувших в небытие римских легионеров Красса волнует многих ученых, заставляя их искать все новые и новые свидетельства их пребывания на востоке. В 1989 г. австралийский ученый Д. Харрис, исследовавший древние карты и китайские письменные источники, высказал интересное предположение о том, что находящиеся к западу от г. Ланьчжоу (Китай) в пустыне Гансу руины городища Личжина являются остатками города, населенного в начале н.э. римлянами²⁸⁴.

Средиземноморские кораллы в Средней Азии

В Средней Азии изделия из коралла достаточно распространены. Они найдены, к примеру, в могильнике Ялангтуштепа²⁸⁵, а одна веточка коралла – на Кампыртепа. Бусы из розового коралла и подвески в виде головы животного (?) из красного коралла найдены в наусах 1 и 2 на городище Тепаи-Шах, датированных I в. до н.э. – I в. н.э.²⁸⁶ Отдельные веточки кораллов обнаружены на Дальверзинтепа, в Старом Термезе и Халчаяне.

Далее на запад от Бактрии по тому же направлению Великого индийского пути украшения из кораллов найдены в Маргиане на городище Гяур-кала в Старом Мерве²⁸⁷, а также в Парфии на го-

284 Об этом мне в личной беседе рассказал Д. Харрис во время нашей встречи в Ташкенте. См. также: Харрис 1993. С. 226–230; Харрис, Васенькин, Комиссаров 1991. С. 92–94.

285 Ртвеладзе 1983а. С. 125–143.

286 Литвинский, Седов 1983. С. 62, 152, 156.

287 Дресвянская 1969. С. 63.

Место расположения латинской надписи. Кара-Камар. Первые века н. э.

появился в первые века н. э., И.В. Пташникова полагает, что в это же время коралл попал в Хорезм либо через Индию и Иран, либо через Кавказ со Средиземного моря²⁹². Согласно же С.А. Трудновской, коралл поступил в Хорезм также со Средиземного моря через Сирию и Парфию; из этих же стран, по ее мнению, коралл попал в Закавказье, на Кавказ и Кубань²⁹³. В целом обе исследовательницы предпочитают в качестве первоначального источника поступления коралла в Хорезм – Средиземноморье.

Кораллами в минералогии называют органические (известковые) окаменелости синего, голубого или черного цвета, наружный скелет земноводных беспозвоночных животных (полипов). К ювелирным благородным камням относят кораллы красного, оранжевого, розового, голубого и черного цветов. В Древней Греции и Риме по степени своей ценности кораллы делились на четыре сорта: первый сорт – розовый и кармино-красный, второй – красный, третий – белый, четвертый сорт – черный. Имелось, по крайней мере, девять торговых названий кораллов, в зависимости от цвета, из которых больше всего ценился аркискуро карбонетто (цвета бычьей крови) – темно-красный²⁹⁴.

Кораллы добывались в Индийском океане, Красном,

288 Массон М., Пугаченкова 1959. С. 26.

289 Пташникова 1952. С. 108–109, табл. 2, 1.

290 Трудновская 1952. С. 124–125.

291 Там же.

292 Пташникова 1952. С. 109.

293 Трудновская 1952. С. 125.

294 Колмаков 2000. С. 76.

родище Старая Ниса. Как отмечает М.Е. Массон, в комнате «Ритонов» в одном месте оказалась кучка раздробленных в мелкие кусочки, розовых от длительного лежания в земле некогда целых ветвей привозных мелких кораллов²⁸⁸.

Коралловые бусы найдены также в Хорезме на памятниках первых веков н.э.²⁸⁹: в Аяр-кале, Топрак-кале – 17 экз.²⁹⁰, а также в низовьях Сырдарьи, в Алгынасаре – 2 экз.²⁹¹

Отмечая, что на Кавказе и у сарматов Нижнего Поволжья коралл

Латинские надписи. Кара-Камар. Первые века н. э.

Интерьер митреума. Свод. Кара-Камар

тались главнейшими центрами добычи кораллов. Бируни, посвятивший кораллам один из разделов своей знаменитой

«Минералогии», говорит, что «коралл (буссаз) – растение моря франков и Рима, прилегающего к границам Афруджийа», соответствующей римской провинции в Африке (совр. государство Тунис)²⁹⁸. В другом своем сочинении он пишет, что это место – «ворота для коралла, привозимого из Афруджийи ал-Фаранджа»²⁹⁹. Бируни упоминает разновидности коралла, привозимого из разных стран Средиземного и Красного морей – Магриба и Адена, причем в последнем (море Адена) добывался коралл белого цвета – низший сорт из всех кораллов³⁰⁰.

Таким образом, как древние, так и средневековые источники указывают на Средиземное море как основное место добычи коралла и вывоза его в страны востока, в основном в Индию, откуда он распространялся далее. В Бейши (VI в.) сказано: «Южная Индия... Есть город Фучеу... Из этого города вывозят красный коралл»³⁰¹.

Учитывая все вышеизложенные данные, можно предположить, что в Среднюю Азию кораллы

295 Шеркова 1991. С. 52–53.

296 Хвостов 1907. С. 174.

297 Бируни 1963. С. 178, 461, примеч. 1.

298 Там же.

299 Там же.

300 Там же. С. 180.

301 Бичурин 1950. С. 267–268.

поступали по двум основным направлениям. Во-первых, из Египта морем до Индии, затем по долине Инда в Гандхару, а оттуда в Бактрию и водным путем по Оксу в Хорезм. Во-вторых, через Эгейское море в Византий, а затем вдоль южного побережья Черного моря в Фасис и далее по долине Куры к Каспийскому морю, а по ответвлениям этого пути через Дар-и Алан и побережье Каспия на Северный Кавказ и Нижнее Поволжье. Через Каспийское море кораллы, наряду с другими товарами, доставлялись в Гирканию, Парфиену, Маргиану и в Бактрию, в долину Окса частично по дороге, описанной Исидором Харакским, или по Узбою в Хорезм, а по Келифскому Узбою в Маргиану и далее в Бактрию.

Римский митреум

Египетские бусы в Бактрии

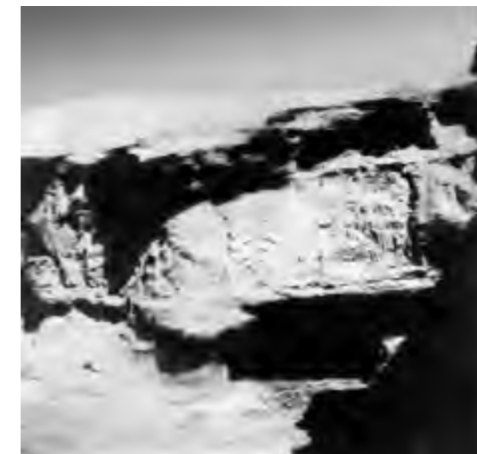
Для подтверждения связей между Южным Кавказом и Египтом помимо изделий из «египетского фаянса» и других предметов, описанных выше, можно привлечь также определенную группу каменных бус и технику их сверления из Северной Бактрии, разделенную В.В. Луневой на пять способов, из которых второй и четвертый находят аналогии в Египте³⁰². Второй способ сверления бус – абразивное одностороннее сверление полый трубочкой. Согласно Г.Г. Лемлейн, аналогичный способ обработки камня был широко распространен по всему восточному Закавказью, в Грузии и Северной Осетии, хотя впервые он был применен в Египте³⁰³.

Четвертый способ сверления, также абразивный, осуществлялся с помощью сплошного металлического стержня. Согласно исследованиям Г.Г. Лемлейн, абразивную технику сверления камней (кораллов?) применяли египетские мастера.

Таким образом, приведенные выше археологические данные свидетельствуют о несомненных связях с Римской империей, особенно с входивим в ее состав Египтом, осуществляемых по Великому индийскому пути в эпоху кушан.

302 Лунева 2005. С. 33–34.

303 Лемлейн 1947. С. 22–30; Алексеева 1982. С. 5.

Вход в митреум. Кара-Камар

INSTEAD OF THE CONCLUSION

The road from southern China to Gandhara. Bactrian merchants in the south of China

Zhang Qian in his report, submitted to the emperor Wudi (140–87 BC) on returning from a trip to the Western Regions, wrote “When I was in Daxia [Bactria. – E. R.], I saw bamboo canes from Qiong and cloth made in the province of Shu. When I asked the people how they had gotten such articles, they replied, ‘Our merchants go to buy them in the markets of Shendu’. Shendu, they told me, lies several thousand li southeast of Daxia... Now if the kingdom of Shendu is situated several thousand li southeast of Daxia and obtains goods that are produced in Shu, it seems to me that it must not be very far from Shu”. He continues by saying that if “we try to send envoys to Daxia by way of the mountain trails that lead through the territory of the Qiang people, they will be molested by the Qiang, while if we send them a little farther north, they will be captured by the Xiongnu”. Therefore Zhang Qian concludes: “It would seem that the most direct route, as well as the safest, would be that out of Shu.”¹

Shu, as mentioned before, is the ancient name of the present Sichuan province in south-west China, covering the Middle and Upper Yangtze areas, while Shendu, situated nearby, occupied the territory of north-eastern India, the northern regions of Burma (Myanmar), and the western part of the Chinese province of Yunnan which is to the south of Shu (Sichuan) and abuts upon Burma in the west.²

In view of the aggressiveness of the Qiang people who lived in the east of Tibet and the upper reaches of the Mekong and Salween Rivers, Zhang Qian in his report to Wudi offered the best way to reach Daxia, that is, to go direct from Shu to Shendu and thence on to Daxia (Bactria), thus following the beaten track used originally by Bactrian merchants, from whom apparently Zhang Qian learnt about it.

However, not only the Bactrian dealers travelled along this route to northeast India and so to the south of China to acquire eastern goods, but also the Chinese merchants began efforts to make trade voyages along this route.

1 Бичурин 1950, 153; Shiji 123, Sima Qian, trans. Burton Watson.

2 Ibid.

Subsequently, the Emperor Wudi ordered Zhang Qian with his subordinate envoys to start out from Shu (Sichuan) and Jianwei, “on a secret mission to search for Daxia”, from four different tracks passing over the domains of Di and Tso in the north and Sui and Kunming in the south. It is reported, however, that the Chinese envoys failed to pass through Kunming, because “Kunming tribes have no rulers but devote themselves to plunder and robbery”.³

“They did learn, however, that some one thousand or more li to the west [from Sui and Kunming] there was a state called Tianyue [Dian. – E. R.] whose people rode elephants” and “the merchants from Shu sometimes went there with their goods on unofficial trading missions”.⁴ Judging by these data, the kingdom of Dian was in the east of India. Therefore, emperor Wudi was seeking to first make contact with Dian, but after a number of abortive attempts he postponed this plan.

Meanwhile, Zhang Qian, who seems to be the most well-informed around China about the roads leading from south China via India to Bactria, and also, possibly, about a track from Bactria westwards to the Caspian and Black Seas, continued to insist on exploring the routes from southern China into Bactria. Therefore, when he reported for the second time on the possibility of entering Daxia (Bactria), attention was turned again towards the south-western neighbours.⁵ We can infer from all this that there were several roads from southern China into Bactria, from Shu (Sichuan) through Burma and northeastern India, across Tibet and along the Himalayas, which had been in existence since time immemorial, used by Bactrian and Chinese traders long before the Chinese expansion into the Western Regions under the Han dynasty, and before Han China opened up a network of traffic and routes, both in the north and in the southwest, to enable communications with the Western lands, in particular with India and Bactria.

The products imported into Bactria from China along these roads, as Zhang Qian notes, were cloth and bamboo staffs. According to N. Bichurin’s information, the Shu (Sichuan) cloth was woven with water cane fibres and the staffs were made of bamboo called in Chinese xiang-zhu (Bichurin’s “изян-чжу”) which grows in Ya-zhou Fu in the Xiaoxiang mountains in the south of China.⁶ But perhaps a list of Chinese exports included other items as well, in particular silk products. It is not impossible that the remains of Chinese silk garments dating from the 6th century BC, found near Stuttgart in Germany⁷ could well have arrived there from southern China, the principal silk-producing culture, along the Great Indian Road by way of India and Bactria, and thence across the Caspian and Black Seas.

Chinese researcher Liu Zhijuan believes that “The earliest marine silk road across the South China Sea began with the land silk road in southern China. This started in Sichuan, and went through Yunnan via the region south of Yongchang (modern Baoshan) and ran along the Irrawaddy River until it arrived in Yangon (Rangoon). The route continued westward to India, and then crossed the Indian Ocean to either the Central Asian continent or to the Roman Empire”.⁸ Accord-

3 Бичурин 1950, 154; Shiji 123, Sima Qian, trans. Burton Watson.

4 Ibid.

5 Бичурин 1950, 154.

6 Бичурин 1950, 153, прим. 1.

7 Zhijuan Liu 2006, 11.

8 Zhijuan Liu 2006, 79.

ing to O.P. Kobzeva, Sichuan was traversed by one of the routes of the Silk Road, a route little known to European scholars, which ran west through Yunnan and northern Burma and across the Brahmaputra River to India, and thence along the Ganges to the Iranian plateau. This route, as she suggests, came into being more than 3000 years ago.⁹

In Mauryan times (317–180 BC), especially under the great king Ashoka (273–239 BC), whose power extended over nearly entire India from the Bay of Bengal in the south-east to Gandhara and the Kandahar region inclusive in the north-west, the most important line of communication was the route which led from the Mauryan capital Pataliputra (Patna) on the lower Ganges through the Gangetic Plain to Taxila (capital of Gandhara), and thence as far as Bactria. According to the Indian scholar, R. Thapar, this route was called the ‘Royal Highway’, and is the ‘Grand Trunk Road’ of India today.¹⁰ During this period the Mauryas intensified their relations with the Seleucid and Graeco-Bactrian kingdoms, the borders between these three territories were contiguous in Kandahar and Gandhara.

Seleucus I’ ambassador Megasthenes, who wrote the work *Indica* partially preserved in Arrian, lived for many years at the court of Chandragupta (317–293 BC), the founder of the Indian Maurya dynasty, in Pataliputra located in the lower reaches of the Ganges.¹¹ If we now recall that under Seleucus I and his son the first Antiochus (281–261 BC) many endeavours were made to have the road from India to the Caspian and Black Seas explored, we may assume that Megasthenes also surveyed this road from the south-east in the lower Ganges, where it met the road from Shu (Sichuan), running from southern China.

A number of scholars offer rather weighty arguments for the existence of early contacts between India and southern China. N. Barnard, for example, maintains that the lost-wax bronze casting technique was adopted in Yunnan from India, which finds its proof in his survey of the bronze articles of the Zhou state of the 6th century BC that encompassed the central and southern parts of China. Another sign of these contacts are the finds of the cowrie shells unearthed from tombs in the south of China.¹²

Finally, the intense debate has been spawned by the hypothesis put forward by several scholars, including Cheng and Schwitter, on that the nickel which was used in the cupro-nickel or copper-nickel coins of the Bactrian Greek kings Euthydemus II, Pantaleon, Agathocles, and Eucratides was mined in Yunnan, China, and then transported to Bactria.¹³ Sch. Cammann came to sharply reject the hypothesis as being ostensibly not attested by sufficient evidence.¹⁴ F. Widemann also paid great attention to it in his fundamental monograph, setting out the pros and cons of the arguments proposed by various scholars.¹⁵

Some evidence, albeit indirect, of a passage from India to south-west China can be found in

9 Kobzeva 2009, 129.

10 Thapar 1973, 81–82.

11 Бонгард-Левин 2000, 36; Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002, 48–138.

12 Widemann 2009, 80.

13 Cheng, Schwitter 1957, 351–365.

14 Cammann 1958, 409–414; 1962, 92–94.

15 Widemann 2009, 75–101.

the history of the life of the famous Buddhist preacher, Kang Senghui, Sogdian by birth, which we have already noted earlier. According to his biography preserved in the book *Hui Chiao*, his ancestors had gone from Sogdia and settled in India; later Kang Senghui’s father moved to Jiaozhi, that is, northern Vietnam, where he did business. This leads to the conclusion that he reached northern Vietnam either by a long sea route, or by the shorter land-route from eastern India through south-west China.¹⁶

There is enough archaeological and historical evidence to suggest that communication between Central Asia and south-west China, and vice versa, continued to be active in the early Medieval Ages. In the first place, it is an inscription in stone written in vertical Sogdian script with carved depictions of crosses, which was discovered in Ladakh, on the Kashmir and Tibet frontier, which states: «Year 210. I came from the interior. The Samarkand slave [of God] Noshfarn shall go to the Kagan of Tibet» (translation by V.A. Livshits). The inscription is dated according to the Era of Sasanian King Yazdegird III and corresponds to the year 841/842 AD.¹⁷

Further evidence, of even earlier date, to directly support the above assumption, is provided by a silver vessel with a Sogdian inscription, found together with the coins of Peroz (459–481 AD) in a burial in the Chinese province of Canton near the border with Vietnam¹⁸ and also a silver vessel bearing a Sogdian inscription, found in the village of Kerchevo in the Urals¹⁹ (see Chapter VI).

A tamga which appears on these two vessels is similar to the one on the coins of Chach of the mid-3rd–5th centuries AD, including the coins of Zabbag and Wanun, the founders of the Chach dynasty.²⁰

Also indicative of the connection between Sogdia with southern China is a Nestorian burial inscription (707–709) found in Guilin (south China), which mentions some ‘An Cheng’. Judging from the first part of his name – ‘An’, he was a native of Bukhara.²¹

Manshu (the book on the Barbarians in southern China) compiled by Fan Chuo sometime during the Tang period (7th–10th century AD), contains a description of two routes leading into Burma and India which start from Yanshan on the Salween River in the province of Yunnan.

The northern route traversed the plains of Burma, from whence it went, after crossing the Black mountains, to the confluence of the Ganges and Brahmaputra Rivers. The southern route was down the Irrawaddy River and went first to the Pyū settlement in Mandalay, the royal capital of Burma under Tang rule. After Pyū it continued to the junction of the Brahmaputra and Ganges, where it joined the northern route. From there the two roads passed on through the Ganges and Jumna Valleys and then via Mathura (Muttra) and Sagala (Sialkot)²² to Taxila (near Rawalpindi), following the old Royal Highway of the Mauryan period and what is now the Grand Trunk Road.

16 Хуэй Изяо 1991, 110–116; Ртвеладзе 1998а, 21.

17 Jettmar 1993, 151–163, pl. 1–16.

18 Yoshida 1996, 73–74.

19 Лившиц, Луконин 1964, 170–172.

20 Ртвеладзе 2008, 64–75.

21 Yoshida 1996, 75.

22 Widemann 2009, 86–87. (Carte figure 4–3)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дорога из Южного Китая в Гандхару. Бактрийские купцы на юге Китая

Чжан-Цзянь в донесении императору У-ди (140–87 гг. до н. э.) писал: «...в бытность мою в Дахя (Бактрия. – Э. Р.) я видел там бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу и спросил, откуда получают это. Жители царства Дахя сказали мне, что *купцы их ходят торговать в Шеньду* (выделено мной. – Э. Р.), а Шеньду лежит за несколько тысяч ли на юго-восток... имеет вещи из Шу; следовательно, должно находиться недалеко от Шу». Далее Чжан-Цзянь повествует о том, что если идти через земли кянов, то они будут недовольны, а если отклониться к северу, то китайские посланники будут перехвачены хуннами. Поэтому Чжан-Цзянь заключает, что «удобнее идти прямо из Шу. *По этой дороге* (выделено мной. – Э. Р.) набегов не бывает»¹.

Область Шу – это древнее название современной провинции Сычуань, охватывающей территорию на юго-западе Китая в средней и верхней части р. Янцзы, а расположенная рядом с Шу область Шеньду занимала территорию северо-восточной Индии, север Бирмы (Мьянма) и запад китайской провинции Юньнань, расположенной к югу от Шу (Сычуани), на западе граничащей с Бирмой².

По причине недовольства племени кянов, населявших восток Тибета и верховья рр. Меконга и Салуина, Чжан-Цзянь предлагал в своем донесении императору У-ди идти прямой дорогой из Шу в Шеньду и далее в Дахя (Бактрию), уже проторенной бактрийскими купцами, которые, по-видимому, и поведали о ней Чжан-Цзяню.

Впрочем, не только бактрийские торговцы шли за товарами в северо-восточную Индию и на юг Китая, но и китайские купцы пытались освоить эту дорогу.

Когда император У-ди ознакомился с вышеприведенным донесением Чжан-Цзяня, он приказал ему отправить посланников из областей Шу (Сычуань) и Гяньвей на запад четырьмя разными дорогами, через владения Да-Цяо на севере и Суй и Кхунь-минь на юге. О последнем сказано, что китайские посланники не смогли пройти через него, поскольку его жители были склоны к грабёжам и убийствам и не имели государя³.

1 Бичурин 1950. С. 153.

2 Там же.

3 Там же. С. 154.

Однако в тысяче ли от Суй и Кхунь-минь имеется государство Дянь-юе, где жители ездят на слонах и куда «торговцы из Шу (Сычуани), тайно выезжающие с товарами за границу, иногда доходят»⁴. Судя по этим данным, царство Дянь-юе находилось на востоке Индии. Поэтому император У-ди вначале решил открыть сообщение с царством Дянь-юе, но после ряда неудачных попыток отложил это мероприятие.

Однако Чжан-Цзянь, лучше всех, по-видимому, осведомленный о дорогах, идущих из Южного Китая через Индию в Бактрию, и, возможно, также о дороге из Бактрии на запад к Каспийскому и Черному морям, продолжал настаивать на разведке дорог из Южного Китая в Бактрию, и «когда Чжан-Цзянь вторично представил отчет о возможности проникнуть в Дахя, то снова обратили внимание на югозападных иноземцев»⁵. На основании этих данных можно предположить, что из Южного Китая, из области Шу (Сычуань), через Бирму, северо-восточную Индию и Тибет вдоль Гималаев в Бактрию вели разные дороги, которые издавна использовались бактрийскими и китайскими торговцами, еще до экспансии Ханьского Китая при императоре У-ди в западный край и создания сети дорог для сообщения с этим краем, а также с Индией и Бактрией как с севера, так и с юго-запада Китая. Предметами китайского импорта в Бактрию были, как указывал Чжан-Цзянь, бамбуковые посохи и холсты. Согласно приведенным Н.Я. Бичуриным данным, холсты из Шу ткались из водного тростника; посохи были из бамбука, называемого по-китайски изян-чжу, который растет в Я-чжеу-фу в горах Хюнь-шань на юге Китая⁶. Но, возможно, ассортимент товаров, доставляемых по этим дорогам, был еще более разнообразным, включая, в частности, изделия из шелка. Не исключено, что найденные вблизи г. Штутгарта в Германии фрагменты китайской шелковой одежды, датированные VI в. до н. э.⁷, могли попасть сюда из Южного Китая, области, которая была основным производителем шелка, через Индию, Бактрию, Каспийское и Черное моря по Великому индийскому пути.

Китайский исследователь Лю Чжи Цзюань полагает, что морской Шелковый путь зарождался первоначально как сухопутный Шелковый путь на юге Китая. По его мнению, он начинался в Сычуани, шел через Юньнань и Яншан (совр. Баошан) к р. Ирравади и вдоль нее выходил к Янгону (Рангун), а затем следовал до западного побережья Индии, пересекал Индийский океан и далее достигал Центральной Азии или Римской империи⁸. По мнению О.П. Кобзевой, «по Сычуани проходил один из малоизвестных европейцам “шелковых путей”». Он шел на запад через провинции Юньнань и северную Бирму и через р. Брахмапутру до Индии, вдоль побережья Ганга до Иранского нагорья. Формирование этого пути началось более 3000 тыс. лет назад⁹.

В эпоху правления династии Маурья (317–180 гг. до н. э.), особенно при великом царе Ашоке (273–239 гг. до н. э.), когда под его властью оказалась почти вся Индия от Бенгальского залива на юго-востоке до Гандхары и Кандагара включительно на северо-западе, наиболее важной дорогой стал путь от Паталипутры (столицы государства) в низовьях Ганга по долине этой реки в Таксилу

4 Там же.

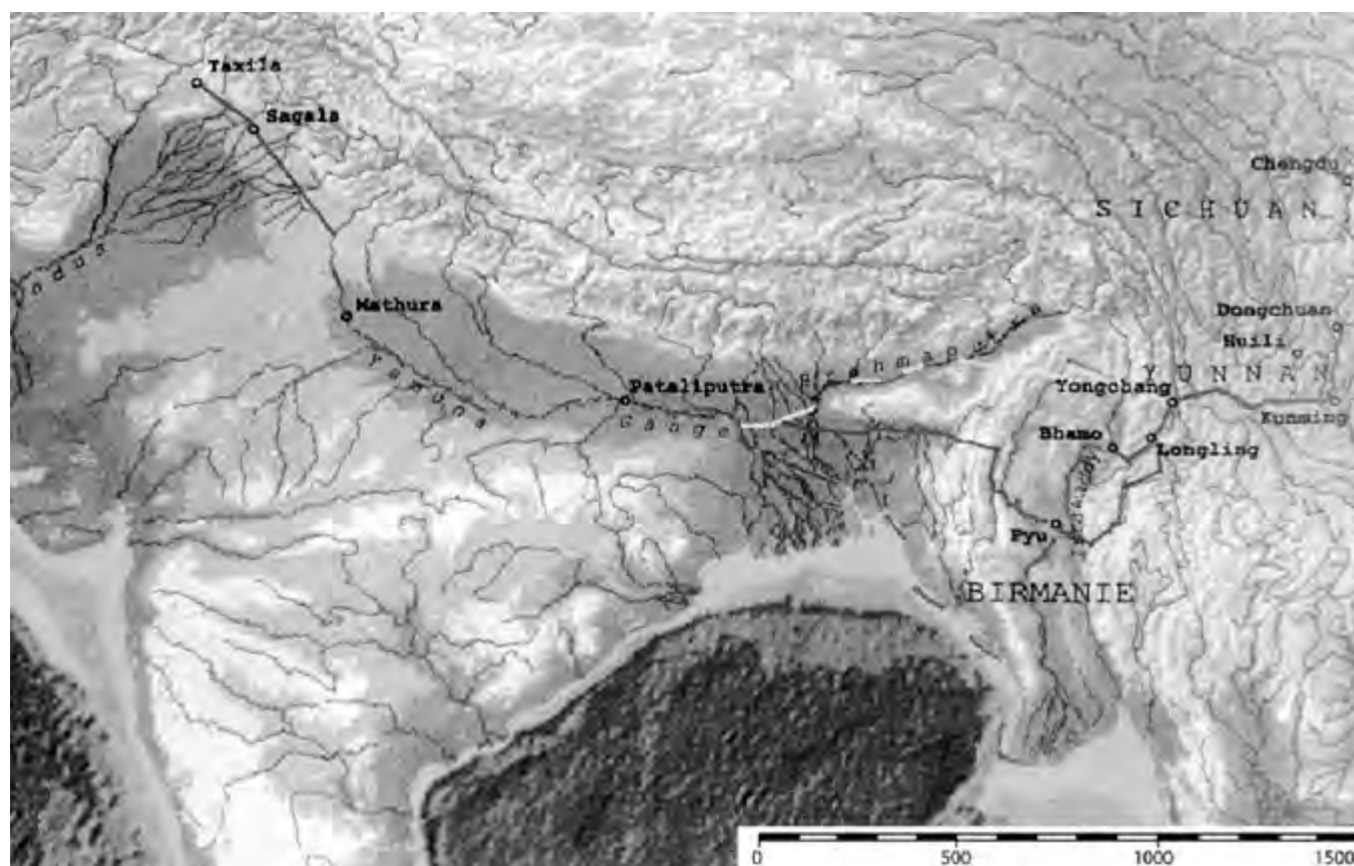
5 Там же.

6 Там же. С. 153, примеч. 1.

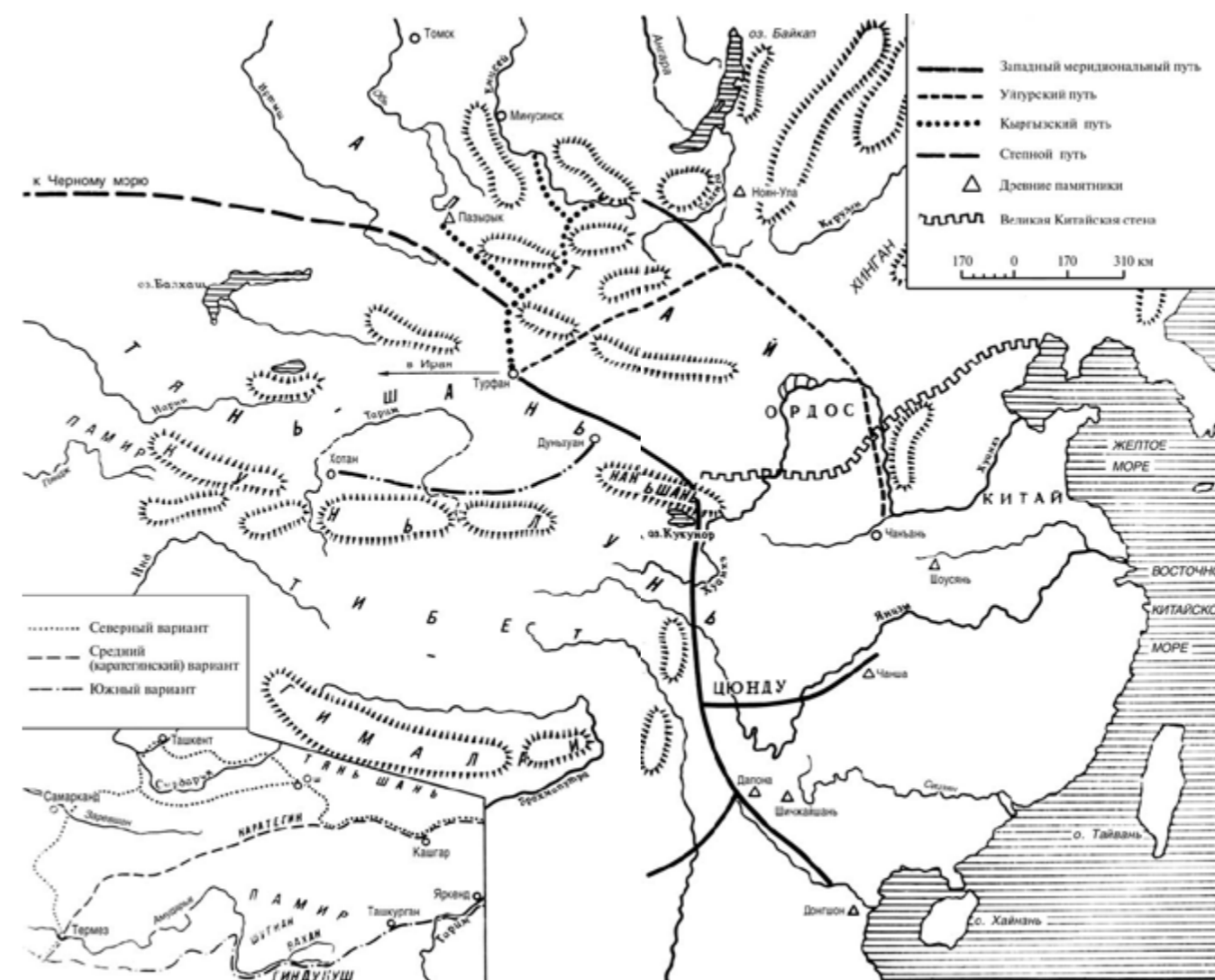
7 Zhijuan 2006. P. 11.

8 Ibid. P. 79.

9 Кобзева 2009. С. 129.

Путь из Таксилы в Юго-Восточный Китай (по Ф. Видеману)

Дорога из Китая в Среднюю Азию

(столицу Гандхары), а отсюда в Бактрию. По данным индийской исследовательницы Р. Тхапар, этот путь назывался Царской дорогой (Royal Highway), а современные индийцы называют его Великой магистралью (Grand Trunk Road)¹⁰. В тот же период усилились взаимоотношения государства Маурья с Селевкидским и Греко-Бактрийским царствами, границы владений которых соприкасались на западе в Кандагаре и Гандхаре.

При дворе основателя династии Чандрагупты (317–293 гг. до н. э.) в г. Паталипутре, расположенном в низовьях Ганга, долгое время жил посол селевкидского царя Селевка I Мегасфен, написавший специальный труд «Индика», сохранившийся частично в сочинении Арриана¹¹. Если вспомнить о том, что при Селевке I и его сыне Антиохе (281–261 гг. до н. э.) шли активные разведки пути из Индии к Каспийскому и Черному морям, то можно полагать, что Мегасфен также вел разведку этой дороги на юго-востоке, в низовьях Ганга, где она соединялась с дорогой из Шу (Сычуань), шедшей из Южного Китая.

Ряд ученых приводит довольно веские аргументы в пользу существования древних связей Индии и Южного Китая. Так, по мнению Н. Барнара, технология отливки бронзовых изделий по восковой модели проникла в Юньнань из Индии, что доказывалось исследованием бронзовых изделий эпохи государства Чжоу VI в. до н. э., располагавшегося на юге и в центре Китая. Таковым же свидетельством связей являются и находки раковин каури, обнаруженные в погребениях на юге Китая¹².

Наконец, оживленную дискуссию вызвала высказанная рядом ученых, в частности Ченом и Швайтером, гипотеза, что никель, являющийся одной из составляющих так называемых куперникелевых (copper-nickel) монет греко-бактрийских царей Евтидема II, Панталеона, Агафокла и Евкратиды, добывался в Юньнани и доставлялся в Бактрию¹³. Однако с опровержением этой гипотезы, якобы не основанной на научных аргументах, резко выступил Ш. Камманн¹⁴. Большое внимание в своей фундаментальной монографии уделил ей и Ф. Видеманн, приведший аргументы разных ученых за и против нее¹⁵.

Некоторые косвенные данные о функционировании дороги из Индии в Юго-Западный Китай можно извлечь из истории жизни знаменитого проповедника буддизма в этой области, согдийца по происхождению Кан Сен-ху, о чем уже говорилось ранее. Согласно его биографии, приведенной в книге Хуэй-Цзяо, его предки переселились из Согды в Индию; затем его отец переехал в Изяочши, т. е. в Северный Вьетнам, куда он мог прибыть или морским более легким, но долгим путем, или сухопутным более коротким путем из Восточной Индии через Юго-Западный Китай¹⁶.

Имеются некоторые археологические и исторические свидетельства о том, что путь из Средней Азии в Юго-Западный Китай и наоборот продолжал функционировать и в раннее Средневековье. Так, в Ладаке, на границе Кашмира и Тибета, на скале была найдена надпись, выполненная сог-

дийским вертикальным письмом: «Год 210. Я прибыл изнутри. Самаркандец, раб (божий) Ношфарн пойдет к кагану Тибета» (перевод В.А. Лившица). Надпись датирована по эре сасанидского царя Йездигерда и соответствует 841/842 г. н. э.¹⁷ Рядом с ней на камне вырезаны изображения крестов.

Еще более ранними и прямыми свидетельствами существования этой дороги являются серебряный сосуд с согдийской надписью, найденный в захоронении вместе с монетами Пероза (459–481 гг. н. э.) в китайской провинции Кантон на границе с Вьетнамом¹⁸, и серебряный сосуд также с согдийской надписью, обнаруженный в деревне Керчево на Урале¹⁹ (см. выше, гл. VI).

Тамга, аналогичная тамге на этих сосудах, проставлена на монетах Чача середины III–V в. н. э., в том числе и на монетах основателей династии правителей Чача – Заббага и Вануна²⁰.

Другим примером связей Согды с Южным Китаем является несторианская погребальная надпись (707–709 г. н. э.), обнаруженная в Гуйлине, в которой упоминается некий Ан Чен²¹. Судя по первой части его имени – Ан, это был выходец из Бухары.

В «Жизнеописании варваров юга» («*Man Shu*»), составленном Фан Чо (Fan Ch'ó) в эпоху Тан (VII–X вв. н. э.), дается описание двух дорог в Бирму и Индию из Юньнани. Отправной их точкой являлась местность Яншан (Yongchang) на р. Салуин.

Северная дорога отсюда с востока на запад шла через равнины Бирмы, пересекала Черные горы, а затем выходила к месту слияния Брахмапутры и Ганга. Южная дорога пересекала р. Ирравади и выходила к селению Пу (Pu) в столице бирманского государства эпохи Тан – г. Мандалая. Далее обе эти дороги сливались недалеко от места впадения Брахмапутры в Ганг, а затем следовали по долине последней реки и р. Джамну к Таксиле через Матхуру и Сагалу²², повторяя маршрут следования Royal Highway эпохи Маурья и Grand Trunk Road современного населения Индии.

17 Jettmar 1993. P. 151–163, pl. 1–16.

18 Yoshida 1996. P. 73–74.

19 Лившиц, Луконин 1964. С. 170–172.

20 Ртвеладзе 2008. № 4. С. 64–75.

21 Yoshida 1996. P. 75.

22 Widemann 2009. P. 86–87 (carte fig. 4–3.)

10 Thapar 1973. P. 81–82.

11 Бонгард-Левин 2000. С. 36; Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002. С. 48–138.

12 Widemann 2009. P. 80.

13 Cheng, Schwitter 1957. P. 351–365; 1962. P. 89–92.

14 Cammann 1958. P. 409–414; 1962. P. 92–94.

15 Widemann 2009. P. 75–101.

16 Хуэй-Цзяо 1991; Ртвеладзе 1998а.

Бкт-8484-VII

Фрагмент стеной живописи

Бактрия, эпоха Кушанского царства.

Каратепа. II–IV вв.

Песчаник, ганч, краска.

3,30×1,20 м.

Бкт-8927-VII
Фрагмент
скульптуры –
голова дэвата

Бактрия, эпоха Кушанского царства.
Каратепа. II–IV вв.
Песчаник, ганч, краска.
25×10 см.

Бкт-9009-VII
Фрагмент чатры (зонтика) в форме лотоса

Бактрия, эпоха Кушанского царства.
Каратепа. II–IV вв.
Камень, резьба.
25×16×7 см.

Бкт-8542-VII

Фрагмент сосуда с надписью алфавитом брахми

Бактрия, эпоха Кушанского царства. Каратепа. II–IV вв.

Глина красная, гончарный круг, обжиг, краска.

14×8 см.

Скульптура. Голова Будды

Каратепа, Старый Термез. III в. н.э.

Глина, ганч, формовка в матрице,

сборка, лепка,

раскраска, позолота.

13×22 см

Скульптура. Голова Бодхисатвы

Каратепа, Старый Термез. III в.н.э.
Глина, ганч, формовка в матрице,
сборка, лепка, раскраска.
18×12×11 см

Скульптура. Голова Донатора

Каратепа, Старый Термез. III в.н.э.
Глина, ганч, формовка в матрице,
сборка, лепка, раскраска.
6,5×8,2×11,5 см

722 кр IV
Скульптура. Голова Девата
Каратепа, Старый Термез. III в.н.э.
Глина, ганч, формовка в матрице,
сборка, лепка, раскраска.
5,4×9,3×12,9 см

Арфистка. Деталь стенной росписи. Городище Топрак-кала. III-
IV вв. н.э.
Государственный Эрмитаж.

А-1905
Фрагмент капители пилястра с горельефной,
трехъярусной композицией
Каратепа, комплекс Г, южный айван двора, I-II вв.
Известняк, красная краска; резьба; 22×21×12 см.

А-2415
Статуэтка Будды,
фрагмент
IV – начало V вв. н.э.
Алебастр, оттиск в
форме, подправка
резцом; раскраска,
позолота;
8,1×1,5 см.

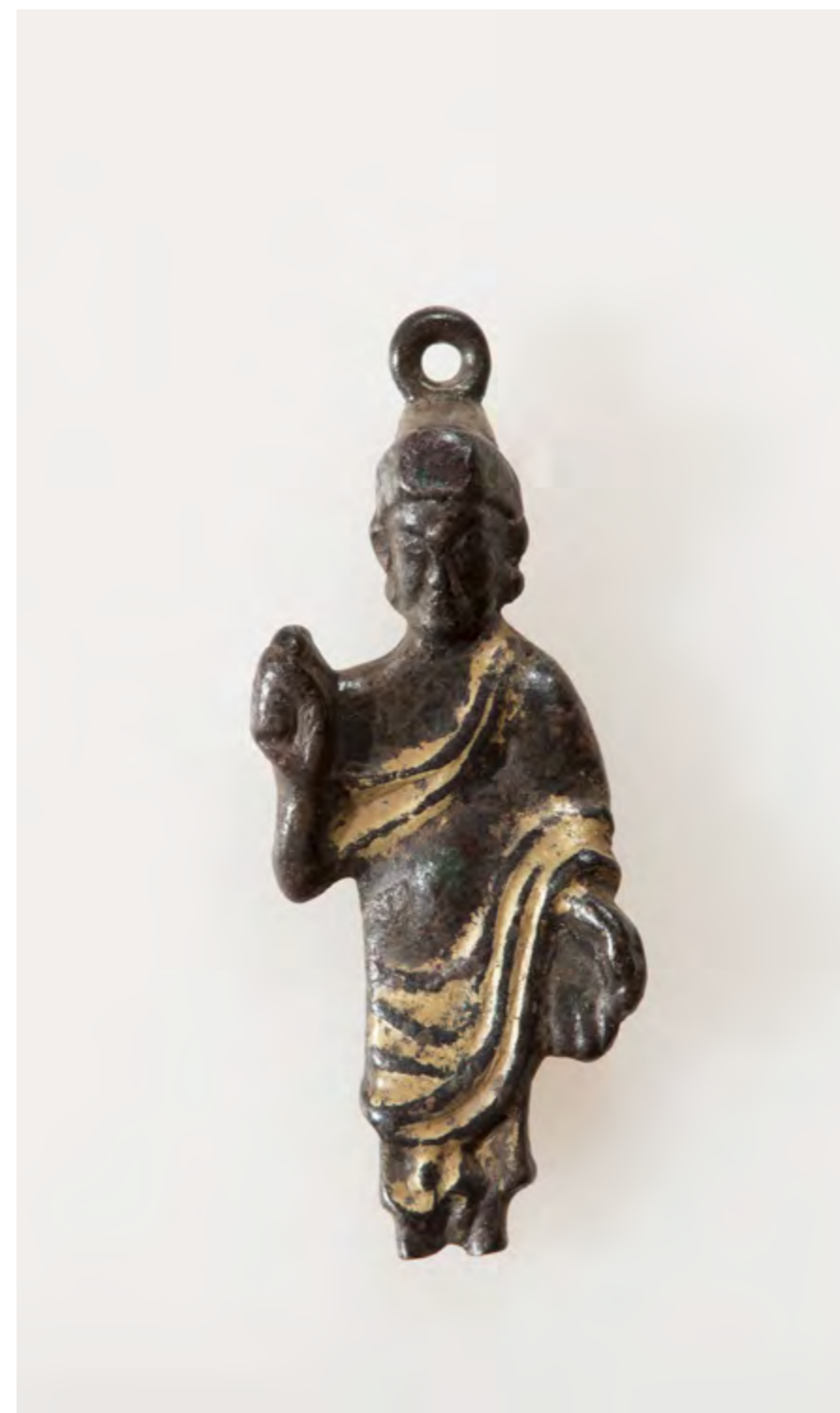
S-2
Чаша с изображением
четверорукой богини
Хорезм, VII в. н.э.
Серебро, чеканка; диаметр –
10,6 см.

A-1649; A-2603
Фрагменты сосудов с бактрийскими надписями
Каратепа, Старый Термез, Северная Бактрия, II-III
вв.; Зартепа, Северная Бактрия, конец III-IV вв.
Глина, тушь; 14,6×7,2 см; глина, резьба; 16,4×8,2 см.

А-1870
Кувшин типа кундики с надписью брахми
Каратепа, комплекс Б, помещение X-I; Старый Термез, Северная Бактрия,
II-III вв.
Глина, ангоб, тушь; 19×8,7-16,5 см.

СА-
12962
Подвеска в виде фигурки
бодхисаттвы
Средняя Азия или Гандхара,
VII-IX вв.

Бронза; литье, позолота; высота
2,9 см.

Фриз, фрагмент

Айртам, II–III вв. н.э.

Известняк, резьба; 96×52×38, 100×45×38, 77×54×37, 77×52×37 см
(левая); 75×45×38, 78×48×39, 78×57×39, 78×54×38 см (правая).

СА-14658–1467

Росписи Красного зала

Варахша, Бухарский оазис (Согд), конец VII –
начало VIII вв.

Минеральные краски, лессовая штукатурка;
роспись; высота 9,15×1,7 м.

Из раскопок 1949–1954 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абдуллаев К.А. Касби (Кесби) – Казбион – Аспиона (К вопросу о локализации греческих сатрапий) // VII чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 1997.

Абдуллаев К. Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыр-тепа // МТЭ. Вып. 3. 2002.

Абдуллаев К.А. Находки эллинистических монет к северу от Окса // РА. 2006. № 3.

Абрамишвили Т.Я. Каталог парфянских монет Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1974.

Авганова Э. Бронзовые фигурки орла из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. 2002.

Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998.

Александрова Н.В. Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М., 2008.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982 (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1–12).

Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.

Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1987.

Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. Баку, 1992.

Альбаум Л.И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968–1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Альбаум Л.И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976.

Анвары Аухад ад-Дин. Диван. Тегеран, 1376 г. х. [1997].

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А., Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.

Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

Аскарлов А.А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии // АО 1974 г. 1975.

Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Аскарлов А.А. Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном // Древние культуры Средней Азии и Индии. Ташкент, 1984.

Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.

Атагарриев Е. Средневековый Дахистан. Л., 1986.

Аюпова Ф., Горин А. Подражания монетам Гелиокла и монеты Сотера Мегаса из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. 2001.

Бабаев И.А., Казиев С.М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // НЭ. Т. 9. 1971. Бабур-наме. Ташкент, 1959.

Балахванцев А.С. К вопросу о датировке латинских надписей из Кара-Камара // ВДИ. 1994. № 4.

Балахванцев А.С. Тифлисский клад греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути // 13-я Всероссийская нумизматическая конференция: ТДС. М., 2005.

Балахванцев А.С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. НС. Т. 2 (27). 2006.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд. Сочинения. Т.

1. М., 1963.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 3. М., 1965а.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 3. М., 1965б.

Бартольд В.В. Термез // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 3. М., 1965в.

Бартольд В.В. Хафиз-и Абру и его сочинения // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 8. М., 1973.

Беляева Т.В., Хакимов З.А. Дренебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Берг Л.С. Очерк физической географии Аральского моря // Землеведение. 1901. Кн. 3–4.

Берг Л. Аральское море. Опыт физико-географической монографии // ИТОРГО. Т. 5. Вып. 9. 1908.

Бердников А.Ф. Раскопки комплекса В в 1974–1977 гг. // Буддийские памятники Каратеппе в Старом Термезе. М., 1982.

Берзина С.Я. Пилигримы из Средней Азии на Ближнем Востоке в V–VI вв. (по археологическим источникам) // Византия в контексте мировой культуры: ТД. СПб., 2006.

Берзина С.Я. Коптские костяные изделия в Центральной Азии // Восток – Запад.

Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. Казань, 2007.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963.

Бирюков Д.В. «Герай». Старые проблемы и новые данные // НЦА. Вып. 1. 1995.

Бирюков Д.В. Пандахейон и Парфавниса (Эвристическое значение аршакидских монет с Кампыртепа) // НЦА. Вып. 9. 2010.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950.

Богданов Н.М. О древних террасах-дельтах североафганских рек в Юго-Восточных Каракумах // Труды Института географии АН СССР. Вып. 80. М., 1960 (= Материалы по геоморфологии и палеографии СССР. Вып. 24).

Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. 2001.

Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. 2002.

Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.) // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005.

Болелов С.Б., Двуреченская Н.Д. Деревянные изделия из раскопок Калалы-гыр 2 // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме. М., 2004.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 2000.

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002.

Боричевский И.А. Митраизм и христианство. Л., 1929. Буддийские комплексы Кара-теппе в Старом Термезе. М., 1996. Буддийские памятники Кара-теппе в Старом Термезе. М., 1982. Буддийские пещеры Кара-теппе в Старом Термезе. М., 1969.

Буддийский культурный центр Кара-теппе в Старом Термезе. М., 1972.

Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959.

Букинич Д.Д. Старые русла Окса и Амударьинская проблема (В связи с вопросом обводнения Келифского Узбоя и Дарьялыка) // Библиотека хлопкового дела. Кн. 4. М.; Л. 1926.

Бурханов А.А. Кушанские и кушано-сасанидские монеты из Лебапского региона (по материалам археологических исследований в области Амуля) // АЭАЕ. 2007. № 3. С. 80–86.

Бухарин М.Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». СПб., 2007.

Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.

Буряков Ю.Ф., Кацурис К. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // ТЮТАКЭ. Т. 12. 1963.

Быков А.А. Очерк переправ через Аму-дарью. Ташкент, 1879.

Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан // Н.И. Вавилов. Избранные труды в пяти томах. Т. 1. М.; Л., 1959.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Вайнберг Б.И. Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него // ПИФК. Вып. 15. 2005.

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984.

Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М., 1978.

Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995.

Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, пер с греч. С. Дестунисом. СПб., 1860.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Виноградов В.Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.

Воейков А.И. Орошение Закаспийской области с точки зрения географии и климатологии // ИИРГО. Т. 44. Вып. 3. 1908.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Т. 4. 1959.

Воробьева М.Г. Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н. э.) // История таджикского народа.

Т. 1. М., 1963.

Воробьева-Десятковская М.И. Надписи письмом кхароштки на золотых предметах из Дальверзин-тепе // ВДИ. 1976. № 1.

Воробьева-Десятковская М.И. Памятники письмом кхароштки и брахми из Советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983.

Вязигин С.А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // ТЮТАКЭ. Т. 1. 1949.

Гаджиев М. Страбон о караванной дороге аорсов // ДСВШП. 2009.

Германов В. Немцы в Туркестане: от астрономии до геополитики // Культурные ценности. 2004–2006. СПб., 2008.

Глуховский А.И. Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного Амударьинско-Каспийского пути от границ Афганистана по Амударье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря. СПб., 1893.

Гозалашвили Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье // ТИИАНГССР. Т. 2. 1956.

Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. н. э. М., 1977.

Горин А. Монеты Вимы Кадфиза с городища Кампыр-тепа // МТЭ. Вып. 3. 2002.

Городище Топрак-кала. М., 1981 (ТХАЭЭ. Т. 12).

Гошгарлы Г. Из истории изучения «Дороги Страбона» в Азербайджане // ДСВШП. 2009.

Грек Т.В., Лившиц В.А. Двухязычная надпись из Кара-тепе // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

Грене Ф. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // ВДИ. 2000. № 2.

Григорьев В.В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. 217. 1881.

Гумбах Г. Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху // Центральная Азия в

кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н.э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбели. М.; Л., 1960.

Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4.

Давудов О. Прикаспийская торговая дорога и археологические материалы // ДСВШП. 2009.

Дадашева С.А. Греко-бактрийские монеты, найденные на территории Кавказской Албании // Бактрийские древности. Л., 1976.

Дандамаев М.А. Сакские матросы // *Iranica Antiqua*. Vol. 17. Gent, 1982.

Дандамаев М.А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб., 2009.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Даркевич В.В. Аргонавты Средневековья. М., 1976.

Дебс Г.Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2.

Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008.

Древности Южного Узбекистана / *Antiquities of Southern Uzbekistan*. Токио; Ташкент, 1991.

Дресвянская Г.А. Бусы с городища Старый Мерв // ТЮТАКЭ. Т. 14. 1969. Дурдыев Д. Городище Старый Кишман // ТИИАЭАНТССР. Вып. 5. 1959. Дьяконов И.М. История Мидии. СПб., 2008.

Дьяконов И.М., Дьяконов М.М., Лившиц В.А., Массон М.Е. Налоговые парфянские документы II в. до н.э. из Нисы. М.; Л., 1951 (Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 2).

Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4.

Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Ершов С.А. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя // ИТФАНСССР. 1951. № 3.

Жуков В.Д. Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане // ЭВ. Вып. 13. 1960.

Жуков В.Д. Археологическая разведка на шахристане Хайрабадтепа // ИМКУ. Вып. 2. 1961.

Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб., 2008.

Заметка о Келифском Узбое. СПб., 1887.

Зеймаль Е.В. Клад римских денариев из Таджикистана // НЭ. Т. 3. 1962.

Зеймаль Е.В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и средневековье. Л., 1978.

Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983а.

Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983б.

Зеймаль Е.В. Подражания оболам Эвкратиды // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.

Зеймаль Е.В. Андрагор – Вахшувар и Бактрия // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: ТД. Ереван, 1988.

Зеймаль Т.И. Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. // АРТ. Вып. 21. 1988.

Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. 22. 1990.

Зограф А.Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937.

Ильясов Дж. Терракоты Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1. 2000. Исследования и консервация фрагментов бактрийских рукописей из Кампыр-тепе // Отчеты Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации. М., 1985.

История ат-Табари. Ташкент, 1987.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.

История Узбекистана в источниках: Известия путешественников-географов и ученых XVI – первой половины XIX вв. / сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1988.

Казаманова Л.Н. Подражания тетрадрахам Евтидема в собрании ГИМ // ВДИ. 1961. № 3.

Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме VI–II вв. до н. э. М., 2004.

Камалиддинов Ш.С. Историческая география Тохаристана и Южного Согда по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996.

Каракумский канал и изменение природной среды в зоне его влияния. М., 1978.

Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.

Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. № 2.

Кинк Х.А. Египет до фараонов. М., 1964.

Книга Марко Поло. М., 1955.

Кобзева О.П. «Восточный взгляд» на историю шелка и шелкового пути // Ўзбекистон тарихидан илмий маколалар тўплами. Тошкент, 2009.

Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры. М., 1978.

Колмаков С.В. В царстве камня. Ташкент, 2000.

Коростовцев М.А. Древнеегипетские находки в Советском союзе // ВИМК. 1957. № 2.

Кошеленко Г.А. Монетное дело Парфии при Митридате I // НЭ. Т. 10. 1972.

Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Кошеленко Г.А. Парфия и Индия: политические и культурные аспекты // ИЦА. 2000.

Кошеленко Г.А. О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 2001. № 4.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. Вып. 16/1. 2006.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. №1.

Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. // ПИФК. Вып. 15. 2005.

Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Ч. 2. М., 1977.

Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М., 1976.

Крузе Ф. О важности Юго-Кавказских Областей России в отношении антикварном, и о Птолеме, главном Писателе в рассуждении Географии сей страны // ЖМНП. Ч. 5. 1835.

Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Т. 1. М., 1991.

Курбанов Г.Н., Ниязова М.И. Каталог греко-бактрийских монет из фондов Бухарского музея. Бухара, 1989.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4; ВДИ. 1949. № 3.

Леммлейн Г.Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. Вып. 18. 1947.

Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.

Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3.

Лившиц В.А., Никитин А.Б. Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальварзин-тепе // ВДИ. 1990. № 4.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II в. до н. э. – III в. н. э., письменные источники и лингвистические данные) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б.А. Гильгитский эпиграфическо-петроглифический комплекс и его значение // ИБМАИКЦА. Вып. 15. 1988.

Литвинский Б.А. Парфяно-бактрийские перекрестки // ПИФК. 2010а. № 1.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010б.

Литвинский Б.А., Воробьева-Десятовская М.И. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985.

Лордкипанидзе О.Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // САИГССР. Т. 19. № 3. 1957.

Лордкипанидзе О.Д. Город-храм Колхиды. М., 1978.

Лордкипанидзе О.Д. Наследие Древней Грузии. Тбилиси, 1989.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.

Лунева В.В. Классификация ювелирных украшений из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. 2002а.

Лунева В.В. Пряслица Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. 2002б.

Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии (I в. до н. э. – IV в. н. э.). Ташкент, 2005

Мавлянов У. Марказий Осиенинг кадамиги йуллари [Древние пути Центральной Азии]. Ташкент, 2008.

Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб, 1879а.

Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб., 1879б.

Манандян А.Я. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.

Мандельштам А.М. К предкушанскому чекану Бактрии // ЭВ. Вып. 17. 1966а.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966б.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени Северной Бактрии. Л., 1975.

Марков А.К. Неизданные арсакидские монеты // ЗВОРАО. Т. 6. 1892.

Масальский В.И. Туркестанский край // РПГОНО. Т. 19. 1913.

Масимов И., Пилипко В.Н. Буддийская статуэтка из Ак-калы // СА. 1969. № 3.

Массон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 73).

Массон В.М. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии // ВДИ. 1961. № 2.

Массон В. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики // ЭВ XX. Л., 1971.

Массон В.М. Алтын-Депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. 18).

Массон В.М. Средняя Азия и Индия: 5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия // ИЦА. 2000.

Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. // ИзвСредазкомстарис. Вып. 3. 1928.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930–1931 гг. // МатУзкомстарис. Вып. 5. 1933а.

Массон М.Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. // МатУзкомстарис. Вып. 1. 1933б.

Массон М.Е. Проблема изучения цистерн-сардоба // МатУзкомстарис. Вып. 8. Ташкент, 1935а.

Массон М.Е. Скульптура Айртама // Искусство. М., 1935б. № 2.

Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение – ТАКЭ 1936 г. // ТУзФАН. Серия 1. Вып. 2. 1940.

Массон М.Е. О северо-восточных пределах Парфянского государства // КСИИМК. Вып. 38. 1951а.

Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // ТСАГУ. НС. Вып. 23. 1951б.

Массон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. // ТЮТАКЭ. Т. 2. 1951в.

Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953а.

Массон М.Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана // ВДИ. 1953б. № 1.

Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // ТЮТАКЭ. Т. 5. 1955.

Массон М.Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР в 1962 г. // ИАНТССРСОН. 1963. № 3.

Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). Ашхабад, 1966 (ТЮТАКЭ. Т. 13).

Массон М.Е. К вопросу о Маргиане в составе Греко-Бактрийского царства // Известия ИАНТССРСОН. 1970. № 5.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад, 1959 (ТЮТАКЭ. Т. 4).

Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии. X–XIX вв. Ташкент, 1988.

Меликов Р. Участие античной Албании в международной торговле // ДСВШП. 2009.

Мережин Л.Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // ТЮТАКЭ. Т. 11. 1962.

Мережин Л.Н. Обследование ранней стены III в. до н. э. вокруг Маргианы (полевой отчет IV отряда ЮТАКЭ) // ТЮТАКЭ. Т. 16. 1978.

Мешкерис В.А. Терракоты из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.

Минорский В.Ф. Греческая переправа на Оксе // Восточная филология. Вып. 2. Тбилиси, 1972.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии I–X вв. М., 2002.

Мокробородов В. Стратиграфические исследования Шортепа // МТЭ. Вып. 5. 2006.

Мукашева Р.Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Никитенко Г.Н. Археологические исследования в юго-восточном углу акрополя Кампыртепа // МТЭ. Вып. 9 [в печати].

Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

Обручев В.А. Закаспийская низменность. Геологический и орографический очерк, по данным, собранным во время экспедиций 1886–1888 гг. // ЗРГО. Т. 20. № 3. 1890.

Ольбрыхт М.Я. Страбон и Ох: некоторые замечания по рекам античной Центральной Азии // ДСВШП. 2009.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 2. Баку, 1938; Вып. 7. Баку, 1957; Вып. 9. Баку, 1966.

Перевалов С.М. Легионы кавказского лимеса // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 7. № 4. Владикавказ, 2007.

Персидско-русский словарь / сост. Б.В. Миллер. М., 1953.

Петерс Б.Г. Изображение корабля на булле из Кара-тепе // Буддийский комплекс Каратепа в Старом Термезе. М., 1996.

Петрусевиц Н.Г. Юго-восточное побережье Каспийского моря и дороги от него в Мерв // ЗКОРГО. Кн. 11. Вып. 1. 1880.

Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старый Термез в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Пидаев Ш.Р. К вопросу о локализации Александрии Оксианской // ИМКУ. Вып. 26. 1992.

Пидаев Ш.Р. Термез греко-бактрийского времени в свете новых археологических раскопок // ОНУ. 1998. № 10–11.

Пидаев Ш.Р. К вопросу о появлении образа Будды в корошастике Бактрии // ИМКУ. Вып. 30. 1999.

Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древнейшей истории Термеза // ОНУ. 2000. № 3.

Пидаев Ш.Р. Торговые и культурные связи Бактрии – Тохаристана с Хорезмом (древность и средневековье) // ДСВШП. 2009.

Пидаев Ш.Р., Като К. Новое в изучении Каратепа // ИЦА. 2000.

Пилипко В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.

Пилипко В.Н. Топография находок кушанских монет на побережье Средней Амударьи // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.

Пилипко В.Н. Бактрия и Парфия. Проблема границ и культурных контактов // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.): ТД. Ташкент, 1986.

Пилипко В.Н. Об одной группе «мужских» терракот из Мерва // ПИФК. 2010. № 1.

Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР // СА. 1958. № 1.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии (Ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки. М., 1991.

Пташникова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // ТХАЭЭ. Т. 1. 1952.

Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.

Пугаченкова Г.А. Трон Митридата I из Парфянской Нисы // ВДИ. 1969. № 1.

Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.

Пугаченкова Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры // УСА. Вып. 1. 1972.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Пугаченкова Г.А. К открытию надписей кхарошти на золотых предметах Дальверзинского клада // ВДИ. 1976. № 1.

Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978.

Пугаченкова Г.А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.

Пугаченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути // Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. Москва, 1965.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия–Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Пугаченкова Г.А., Усманова З.И. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. № 1.

Путешествия Ибн-Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия. Ташкент, 1996.

Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.

Пьянков И.В. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапэна) // ВДИ. 2004. № 1.

Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.

Рапэн К. Эллинистическая сокровищница Айханум // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

Рапэн К. Торговый путь из Индии к Понту у Страбона: между картографическим миром и археологической реальностью // ДСВШП. 2009.

Расулова М. Нумизматические данные о транскавказской магистрали «Индия – Понт» // ДСВШП. 2009.

Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977.

Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных

сношениях с Россией: Кабулистан и Кафиристан / пер. с привосокуплением критических примечаний и дополнил по источникам В.В. Григорьев. СПб., 1867.

Ртвеладзе Э.В. К обследованию древних городищ в Северной Бактрии // АО 1972 г. 1973.

Ртвеладзе Э.В. Разведки в предгорьях Байсунтау // АО 1973 г. 1974а.

Ртвеладзе Э.В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве // ТЮТАКЭ. Т. 15. 1974б.

Ртвеладзе Э.В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. 1975. № 2.

Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976.

Ртвеладзе Э.В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ. 1977. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) // СА. 1981. № 1.

Ртвеладзе Э.В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии–Тохаристане (По данным нумизматики) // ОНУ. 1982. № 1.

Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе // СА. 1983а. № 2.

Ртвеладзе Э.В. Первые рукописи Великих Кушан // ЗС. 1983б. № 4. Ртвеладзе Э.В. Астилогана – Астогана // ИМКУ. Вып. 19. 1984а. Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ. 1984б. № 2. Ртвеладзе Э.В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. № 12.

Ртвеладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. 1987.

Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) в Северной Бактрии – Тохаристане // ВДИ. 1990. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства // Маскан. 1992. № 5–6.

Ртвеладзе Э.В. Каури и их роль в культовых обрядах народов Средней Азии // ОНУ. № 9–10. Ташкент, 1993.

Ртвеладзе Э.В. К периодизации буддийского комплекса в Айртаме // ОНУ. 1995. № 5–8.

Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства Кушан // ОНУ. 1997. № 5.

Ртвеладзе Э.В. Проповедники буддизма из стран Трансоксианы в Китае // ОНУ. 1998а. № 4–5.

Ртвеладзе Э.В. Согдийцы на Дальнем Востоке // ОНУ. 1998б. № 8–9.

Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999а.

Ртвеладзе Э.В. Согдийцы-мореплаватели // ОМ. 1999б. № 3–4.

Ртвеладзе Э.В. Средняя Азия – Закавказье – Рим // Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммоларига янги чизгилар. Даври тўплам. № 2. 1999в.

Ртвеладзе Э.В. Бактрия и Хорезм // Цивилизация Древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры. Нукус, Бустон 2000а.

Ртвеладзе Э.В. К истории становления Кушанского государства в Бактрии и Гандхаре // ИЦА. 2000б.

Ртвеладзе Э.В. Древнебактрийская крепость Шортепа на Оксе // АИУз – 2000 год. 2001а.

Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 г. // МТЭ. Вып. 2. 2001б.

Ртвеладзе Э.В. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. 2001в.

Ртвеладзе Э.В. Термез и его значение в истории Средней Азии // Термез – древний и новый город на перекрестке великих дорог. Ташкент, 2001г.

Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002а.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002б.

Ртвеладзе Э.В. Монетные находки с городища Шуробкурбан // МТЭ. Вып. 4. 2004.

Ртвеладзе Э.В. Буддийские памятники Кампыр-тепа (к вопросу о времени

проникновения буддизма в Северную Бактрию) // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е.А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б.А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005а.

Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005б [2-е изд.: 2009].

Ртвеладзе Э.В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002–2005 гг. // МТЭ. Вып. 5. 2006.

Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // ТБНЭ. Вып. 3. 2007.

Ртвеладзе Э.В. К ранней истории Чача (Новые нумизматические и эпиграфические источники) // ОНУ. 2008. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Греко-Бактрийское царство // История государственности Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 2009а.

Ртвеладзе Э.В. Историческое прошлое Узбекистана. Ташкент, 2009б.

Ртвеладзе Э.В. Великий Индийский путь: Индия – Средняя Азия – Закавказье // ОНУ. 2010а. № 1–2.

Ртвеладзе Э.В. К вопросу о племени хомар – комар – лодочниках Окса // Традиции древней и средневековой городской культуры Средней Азии. Ташкент, 2010б.

Ртвеладзе Э.В. Монеты Артата – правителя Киша и Никшапы // ИЦА. Вып. 9. 2010в.

Ртвеладзе Э.В. Находки монет на Великом Индийском пути // ИЦА. Вып. 9. 2010г.

Ртвеладзе Э.В., Заппаров Ш.Х. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // Бактрийские древности. Л., 1976.

Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // РА. 1993. № 2.

Ртвеладзе Э.В., Соловьев В.С. Предисловие // МТЭ. Вып. 4. 2004.

Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990.

Савчук С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. 1984. № 7.

Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие усадьбы Южного Узбекистана. Ташкент, 1987.

Сагдуллаев А.С. Оседлые области Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика): АДД. М., 1989.

Сагдуллаев А.С. Средняя Азия и Индия: формирование и развитие ранних путей историко-культурных связей // ИЦА. 2000.

Сагдуллаев А.С. О работах на поселении Бандыхан II и раскопках кургана № 1 могильника Саринбанд // ТБНЭ. Вып. 2. 2005.

Сагдуллаев А.С. Среднеазиатское Двуречье в системе государства Ахеменидов // История государственности Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 2009.

Сарианиди В.И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // КСИА. Вып. 132. 1972.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.

Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тиллятепа (Северный Афганистан) // Древняя Индия. М., 1982.

Сверчков Л.М. Байсун. Опыт исторической реконструкции // ТБНЭ. Вып. 2. 2005.

Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джилатепе, Курганзол) // МТЭ. Вып. 5. 2006.

Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол // ТБНЭ. Вып. 3. 2007.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // ТБНЭ. Вып. 3. 2007.

Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. 2006.

Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. Память о Македонии в Бактрии // ПИФК. Вып. 8. 2000.

Смирнова Н.М. Находки эллинистических монет на городище Гяур-кала (Туркменистан) // НЭ. Т. 16. 1999.

Снесарев Г.П. Под небом Хорезма. М., 1975.

Снисаренко А.Б. Эвпатриды удачи. Л., 1990.

Ставиский Б.Я. Хионитская гемма-печать // СГЭ. Вып. 20. 1961.

Ставиский Б.Я. Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) // История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.

Ставиский Б.Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964а.

Ставиский Б.Я. Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период) // Индия в древности. М., 1964б.

Ставиский Б.Я. Средняя Азия и Древняя Индия (Историко-культурные взаимовлияния и связи) // Доклады Географического Общества СССР. Вып. 5. М., 1968.

Ставиский Б.Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965–1969 гг. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

Ставиский Б.Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974–1977 гг. // Кара-тепе, Буддийские памятники в Старом Термезе. М., 1982.

Ставиский Б.Я. Ходжа-Гульсуар – гора Орлиная // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии: ТД. Ташкент, 1985.

Ставиский Б.Я. Кушанская империя и Хорезм (старая проблема в свете новых данных) // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998а.

Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998б.

Стеблин-Каменский И.М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.

Страбон. География / пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1964.

Сычева Н.С. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972–1973 гг. // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948а.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948б.

Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М., 1959.

Трудновская С.А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-калы // ТХАЭЭ. Т. 1. 1952.

Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Тургунов Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

Тургунов Б.А. Особенности буддийских памятников Дальварзинтепа // ИЦА. 2000.

Тургунов Б.А., Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение) // ОНУз. 1981. № 3.

Устинова Ю.Б. Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // ВДИ. 1990. № 4.

Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии // Отчет императорской Археологической комиссии за 1906 год. СПб., 1909.

Федоров Г. Спасение папирусов // Днестр. 1960. № 6.

Филанович М.И. Две находки на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 20. 1986.

Филлиоза Ж. Индия и научные связи в древности // ВИМК. 1957. № 6.

Хахимов А., Ртвеладзе Э. Уникальная бронзовая чаша с городища Кампыртепа // San'at. 2001. № 4.

Харрис Д. Римские легионеры в Китае (к постановке вопроса) // Военное дело населения юга Сибири и дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

Харрис Д., Васенькин В.В., Комиссаров С.А. Римляне в Китае: перспективы поиска // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае»: ТД. Ч. 1. М., 1991.

Хвостов М.М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 до р. Х. – 284 г. по р. Х.). Казань, 1907.

Хлопин И.Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983.

Хуэй-Цзяо. Жизнеописание достойных монахов. Т. 1. М., 1991.

Шагалина Н.Д. Грузила с Кампыртепа и их классификация // МТЭ. Вып. 3. 2002.

Шагалина Н.Д., Никитенко Г.Н. Новые находки из раскопа юго-восточной части цитадели Кампыртепа // АИУз. Вып. 3 (2002 г.). 2003.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии): АДД. Самарканд, 2009.

Шеркова Т.А. Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991.

Ширинов Т.Ш. Связи Средней Азии и Индийского субконтинента во II тысячелетии до н. э. // ИЦА. 2000.

Шумовский Т.А. Арабы и море. М., 1964.

Щетенко А.Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-хараппских параллелей // КСИА. Вып. 122. 1970.

Юсупов Х. Игды-кала – парфянская крепость на Узбое // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.

Юсупов Х. Археологические памятники Узбоя и проблема водного пути из Индии в Каспий // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984.

Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Ягодин В.Н. Новые данные к проблеме историко-культурных связей Индии и Хорезма в древности // ИЦА. 2000.

Ягодин В.Н. Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV/V вв. до н. э. – IV/V вв. н. э. // Археология Приаралья. Вып. 7. Ташкент, 2008.

Ямпольский З.И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре, через Грузию к Черному морю // ТИИАНГССР. Т. 2. 1956.

Adamec L.W. Mazari-i-Sharif and North-Central Afghanistan. Graz, 1979.

Ahmed S.S. Geography of Bactria in Greek Sources // Afghanistan. Vol. 20. No. 4. 1968.

Aimé-Giron N. Textes araméens d'Égypte. Le Caire, 1931.

al-Istakhri. Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri // BGA. Pars 1. 1870.

al-Muqaddasī. Kitāb Aṣṣan al-taqāsīm fī maṣrifat al-aqālīm / jam Shams al-Dīn Abī Abd Allāh Muḥammad ibn Aḥmad ibn Abī Bakr al-Muqaddasī al-maṣrif bi-al-Bashshārī // BGA. Pars 3. 1877.

The Archaeology of Afghanistan from the Earliest Times to the Timurid Period. London, 1978.

Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan). I. Les monnaies indiennes // RN. 6e Sér. T. 15. 1973.

Bagchi P.C. India and Central Asia. Calcutta. 1959.

Baladhuri. Futuh al-Buldan. Cairo, 1901.

Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. IV: Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985 (MDAFA. T. 28).

Bernard P., Francfort H.-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). Paris, 1978.

Beskow P. The Routes of the Early Mithraism // Études mithriaques: Actes du 2e Congrès international, Téhéran, du 1er au 8 septembre 1975. Téhéran; Leiden, 1978.

Böker R. Monsum schifftahrt in Indien // RE. Supplbd. IX. 1962.

Bongard-Levin G.M. Studies in Ancient India and Central Asia // Indian Studies. Past and Present. Calcutta, 1971.

Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.

Bopearachchi O. Graeco-Bactrian and Indo-Greek Coins. New York, 1998 (Sylloge Nummorum Graecorum: The Collection of the American Numismatic Society. Pt. 9).

Braund D. New «Latin» Inscriptions in Central Asia: Legio XV Apollinaris and Mithras? // ZPE. Bd. 89. 1991.

Bull R.J. The Mithraeum at Caesaria Maritima // Études mithriaques: Actes du 2e Congrès international, Téhéran, du 1er au 8 septembre 1975. Téhéran; Leiden, 1978.

Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1898.

Calderini A. Epigrafia. Torino, 1974.

Callieri P. La presunta via commerciale tra l'India e Roma attraverso l'Oxus e il Mar Caspio: nuovi dati di discussione // Topoi: Orient – Occident. Vol. 11. Fasc. 1 [2001]. Lyon, 2003.

Cambell L.A. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968.

The Cambridge History of India, I: Ancient India. By Edward James Rapson. 1922.

Cammann Sch. V. R. The «Bactrian Nickel Theory» // AJA. Vol. 62. No. 4. 1958.

Cammann Sch. On the Renewed Attempt to revive the «Bactrian Nickel Theory» // AJA. Vol.

66, No. 1. 1962.

Carl J. Fouilles dans le site de Shahr-i-Baru et sondages au Zaker-Tépé // MDAFA. T. 8. 1959.

Chattopadhyay B. The Age of the Kushānas – A Numismatic Study. Calcutta, 1967.

Cheng C.F., Schwitter C.M. Nickel in Ancient Bronzes // AJA. Vol. 61. No. 4. 1957. Cheng C.F., Schwitter C.M. Appendix // AJA. Vol. 66, No. 1. 1962.

Cribb J. The «Heraus» coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, c. A.D.

30–80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins. London, 1993.

Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz // MDAFA 20. Paris, 1965.

Daniels C.M. The Role of the Roman Army in the Spread and Practice of Mithraism // Mithraic Studies. Vol. 2. Manchester, 1975.

Devahuti D. Ancient Central Asia and India // India's Interaction with China, Central and West Asia. New Delhi; New York, 2002.

Diesner H.-J. The Great Migration. Leipzig, 1978.

Dubs H.H. An Ancient Military Contact between Romans and Chinese // American Journal of Philology. Vol. 62, No. 3. Baltimore, 1941.

Dubs H.H. A Roman Influence upon Chinese Painting // Classical Philology. Vol. 28. No. 1. Chicago, 1943.

Dubs H.H. A Roman City in Ancient China. London, 1957a (China Society Sinological Series, No. 5).

Dubs H.H. A Roman City in Ancient China // Greece and Rome. 2nd Ser. Vol. IV, No. 2. Oxford, 1957b.

Elliger W. Dion Chrysostomos. Sämtliche Reden. Zürich; Stuttgart, 1967.

Errington E., Cribb J. (ed.). The Crossroads of Asia: Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. Cambridge, 1992.

Falk H. The yuga of Sphujiddhvaja and the era of the Kushānas // SRAA. Vol. 7. 2001

Fischer K. Gandhāran Sculpture from Kunduz and Environs // Artibus Asiae. Vol. 21. 3/4. Ascona, 1958.

Fischer K. Preliminary Note on Some Ancient Remains at Kunduz // Afghanistan. Vol. 16. No. 1. 1961.

Francfort H.-P. Fouilles de Shortugai Recherches sur l'Asie Centrale Protohistorique. Vol. I. Paris, 1989

Fussman G. Taxila: The Central Asian Connection // Urban Form and Meaning in South Asia: The Shaping of Cities from Prehistoric to Precolonial Times. Washington; Hanover; London, 1993.

Gardin J.-C., Gentelle P. L'exploitation du sol en Bactriane antique // BEFEO. T. 66. 1979.

Gershevitch I. The Well of Baghlan // AMj. NS. Vol. 12. Pt. 1. 1966.

Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire, 1946 (MDAFA. T. 12).

Ghirshman R. Iran: Parthes et Sassanides. Paris, 1962

Gorin A. Parthian Coins from Kampyrtepa // Anabasis. 1. 2010.

Grenet F., Rapin C. Alexander, Ai Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // BAI. NS. Vol. 12 [1998]. 2001.

Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (ed.). The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95. Roma, 1998.

Guillaume O., Rougeulle A. Fouilles d'Ai Khanoum. VII: Les petits objets. Paris, 1987 (MDAFA. T. 31).

Gupta P.L. Roman coins from Andhra Pradesh // Andhra Pradesh Government Museum Archaeological Series. No. 10. Hyderabad, 1965.

Hackin J. Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan // JA. T. 226. 1935.

Hackin J. Recherches Archéologiques à Bégram. Chantier No 2 (1937) / avec la collaboration de J.R. Hackin. Paris, 1939 (MDAFA. T. 9).

Harmatta J. The Oldest Kharosthi Inscription in Inner Asia // AOASH. T. 19. Fasc. 1. 1966.

Harmatta J. The Bactrian Inscription of Ayrtaam // *Studia Grammatica Iranica: Festschrift für Helmut Hum-bach*. München, 1986.

Henning W.B. A Bactrian seal-inscription // BSOAS. Vol. 25. Pt. 2. 1962.

Henning W.B. Surkh-Kotal und Kaniṣka // ZDMG. Bd. 115. Ht. 1. 1965.

Holt F. Alexander the Great and Bactria: The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1989.

Ibn al-Athiri. *Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / ed. C.J. Tornberg. XI. Upsaliae et Lugduni Ba-tavorum, 1851.

Ibn Haukal. *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal* // BGA. Pars 2. 1873.

Jenkins G.K. Notes on Seleucid Coins // NC. 6th Ser. Vol. 11. 1951

Jettmar K. The Sogdian Inscriptions of Ladakh // *Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies*. Vol. 2. Mainz, 1993.

Kaerst J. *Geschichte des Hellenismus*. 3. Aufl. Bd. 1. Leipzig; Berlin, 1927.

Kaniuth K. Von Bestien und dörflicher Organisation // AW. Jg. 41. Ht. 2. 2010.

Kaniuth K., Herles M., Shejko K. Tilla Bulak 2008 – Vorbericht zur zweiten Kampagne // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 41 [2009]. Berlin, 2010.

Kiessling M. Hyrkania // RE. Bd. IX. 1914.

Koshelenko G. The Beginning of Buddhism in Margiana // AAASH. T. 14. Fasc. 1–2. 1966.

Kurita I. *Gandharan Art*. II. The World of the Buddha. Tokyo, 1990.

Lang M. Numerical Notation on Greek Vases // *Hesperia*. Vol. 25. No. 1. 1956.

Lerch P. *Khiva oder Khârezm, seine historischen und geographischen Verhältnisse* // *Russische Revue*. Bd. 2. Ht. 5–6. St. Petersburg, 1873.

Leriche P. Termez fondation d'Alexandre? // JA. T. 290. No 2. 2002.

Leriche P. *Bactria, Land of a Thousand Cities* // *After Alexander: Central Asia before Islam*. Oxford, 2007.

Leriche P. *L'Ancienne Termez dans l'Antiquité* // ПИФК. 2010. № 1.

Leriche P., Pidaev Sh. *Termez in Antiquity* // *After Alexander: Central Asia before Islam*. Oxford, 2007.

Lohuizen-de Leeuw J., van. *The «Scythian» Period: an Approach to the History, Art, Epigraphy and Palaeography of North India from the 1st Century B.C. to the 3rd Century A.D.* Leiden, 1949. MacDowall D.W. *The Chronological Evidence of Coins in Stūpa Deposits* // *South Asian Archaeology 1987*. Pt. 2. Rome, 1990.

Mac Dowall D.W., Taddei M. *The Early Historic Period: Achaemenids and Greeks* // *The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period*. London; New York; San Francisco, 1978.

Marcotte D. (ed). *Géographes grecs. T. 1: Introduction générale. Ps.-Scymnos. Circuit de la terre*. Paris, 2000.

Marquart J. *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. Berlin, 1901.

Marshall J. *Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934*. Vol. 1–3. Cambridge, 1951.

Maspero H. *Le songe et l'ambassade de l'empereur Ming. Etude critique des sources* // BE-FEO. T. 10. 1910.

McCrinkle J.W. *The Invasion of India by Alexander the Great as described by Arrian, Q. Curtius, Diodoros, Plutarch and Justin*. Westminster, 1893.

McNicol A. *Hellenistic Fortifications: From the Aegean to the Euphrates / with revisions and an additional chapter by N.P. Milner*. Oxford; New York, 1997.

Mielczarek M. *Remarks on the numismatic evidence for the northern Silk Route: the Sarmatians and the trade route linking the northern Black Sea area with Central Asia* // *Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birth-*

day. Kamakura, 1997.

Minorsky V. A Greek Crossing on the Oxus // BSOAS. Vol. 30. Pt. 1. 1967.

Morgan J. de. Manuel de Numismatique Orientale de l'Antiquité et du Moyen Age. T. 1. Paris, 1923–1936.

Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.

Nehru L. A Fresh Look at the Bone and Ivory Carvings from Begram // SRAA. Vol. 10. 2004.

Newell E.T. The Coinage of the Parthians // A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. I. Text: Pre-Achaemenid, Achaemenid, Parthian and Sāsānian Periods. London; New York, 1938.

Olbrycht M.J. Central Asia and the Arsacid Kingdom // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000.

Olbrycht M.J. Zagadkowy Ochos i rzeki starożytnego Afganistanu // Miscellanea Afghantica Cracoviensia. Kraków, 2010.

Pidaev Sh., Annaev T., Fussman G. Monuments bouddhiques de Termez / Termez Buddhist Monuments. Paris, 2011.

Planhol X. de. Caspian sea // EI. Vol. 5. 1992.

Ptolemaios. Geographie 6, 9–21: Ostiran und Zentralasien / griechischer Texte neu hrsg. und ins Deutsche übertragen von I. Ronca, mit der lateinischen Übersetzung des J. Angelus, einer neuen englischen Übersetzung und textkritischen Noten. Rom, 1971.

Pougatchenkova G.A. Antiochus Commagènes et le prince Kushan: du problème de la forme dans la sculpture de l'Orient hellénistique // Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Vol. 21. T. 1–2. Damas, 1971.

Pugachenkova G.A. The Buddhist Monuments of Airtam // SRAA. Vol. 2 [1991/92]. 1992.

Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan) // BullCH. 107/1. 1983.

Rapin C. Fouilles d'Ai Khanoum. VIII: La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum.

L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. Paris, 1992 (MDAFA. T. 33).

Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S. A Tax Receipt from Hellenistic Bactria // ZPE. Bd. 104. 1994.

Ritterling E. Legio (XXII Primigenia) // RE. Bd. 12/2. 1925.

Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles, 1967.

Rtveladze E.V. La circulation monétaire au Nord de l'Oxus à l'époque gréco-bactrienne // RN. 6e Sér. T. 26. 1984.

Rtveladze E.V. Coins of the Yuezhi Rulers of Northern Bactria // SRAA. Vol. 3 [1993/94]. 1994

Rtveladze E.V. Parthia and Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995.

Rtveladze E.V. Kampir-Tepe: Structures, Written Documents, and Coins // BAI. NS. Vol. 8 [1994]. 1996.

Rtveladze E.V. A Preliminary Report on the Discovery of Kharoshthi Inscriptions at the City-Site of Kampyrtepa (Uzbekistan) // Purātattva: Bulletin of the Indian Archaeological Society. No. 38. New Delhi, 2008.

Rtveladze E. Civilizations, States, and Cultures of Central Asia. Tashkent, 2009a.

Rtveladze E.V. Kampyr-Tepe – Pandocheion – Alexandria Oxiana // Alexander der Große und die Öffnung der Welt: Asiens Kulturen im Wandel. Begleitband zur Sonderausstellung «Alexander der Große und die Öffnung der Welt – Asiens Kulturen im Wandel» in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim. Berlin; Regensburg, 2009b.

Rtveladze E.V. The Great Indian Road: India – Central Asia – Transcaucasia // Anabasis. 1. 2010.

Samānī. Kitāb al-Ansāb. Vol. 7–8. Bayrūt, 1987.

Scerrato U. On a Silver Coin of Traianus Decius from Afghanistan // EW. NS. Vol. 13. No. 1. 1962.

Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. Vol. 1. Les temples: architecture, sculpture, inscriptions. Paris, 1983 (MDAFA. T. 25).

Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka // JA. T. 246. Fasc. 1. 1958.

Schoff W.H. Parthian Stations by Isidore of Charax. Philadelphia, 1914.

Schwarz F. Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. Stuttgart, 1906.

Sewell R. Roman Coins found in India // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Vol. 36. London, 1904.

Shaked Sh. Le satrape de Bactriane et son gouverneur: Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. Paris, 2004.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. London; New York, 2000.

Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. Vol. 4 [1995/96]. 1996.

Staviskij B.J. Central Asian Mesopotamia and the Roman world. Evidence of contacts // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995.

Tarn W.W. Alexander: The Conquest of the Far East // The Cambridge Ancient History. Vol. 6. Cambridge, 1933.

Tarn W.W. Two Notes on Seleucid History. 1. Seleucus' 500 Elephants. 2. Tarmita // JHS. Vol. 60 [1940]. 1941.

Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. 3rd ed. (1984), updated with a Preface and new bibliography by F.L. Holt. Chicago, 1985.

Thapar R. Asoka and the Decline of the Mauryas. Delhi, 1973.

Tomaszewski A. Apollinaris Legio // RE. Bd. 1/2. 1894.

Turcan R. Mithra et le mithriacisme. Paris, 1981.

Ustinova Yu. New Latin and Greek Rock-Inscriptions from Uzbekistan // Hephaistos. Bd. 18 [2000]. Kissing; Augsburg, 2001.

Vainberg B.I. The Kalali-Gir 2 Ritual Centre in Ancient Khwarazm // BAI. NS. Vol. 8 [1994]. 1996.

Vermaseren M.J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae. Hagae Comitum, 1956

Webster G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London, 1969.

Wheeler E.L. Legio XV Apollinaris: From Carnuntum to Satala – and beyond // Les légions de Rome sous le Haut-Empire: Actes du Congrès de Lyon (17–19 septembre 1998). T.I. Lyon, 2000.

Whitehead R.B. Indo-Greek Numismatics. Chicago, 1970.

Widemann F. Les successeurs d'Alexandre en Asie centrale et leur héritage culturel: Essai. 3e éd., rev. et corr. Paris, 2009.

Wieger L. Histoire des croyances religieuses et des opinions philosophiques en Chine: depuis l'origine, jusqu'à nos jours. Hien-hien, 1922.

Wilson H.H. Ariana Antiqua. London, 1841.

Wolski J. Le problème d'Andragoras // Известия на Българския археологически институт. Кн. 16. Ч. 1. София, 1950.

Yajima H. The stamped aromatic woods from the treasure house of Hōryūji and the Early Islamic Indian Ocean // Journal of Asian and African Studies. Vol. 37. Tokyo, 1989.

Yāqūt. Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford, auf Kosten der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft hrsg. von F.Wüstenfeld. Bd. 1–6. Leipzig, 1866–1873.

Yoshida Y. Additional notes on Sims-Williams article on the Sogdian merchants in China and India // Cina e Iran. Da Alessandro Magno alla Dinastia Tang. Firenze, 1996.

Zeymal E.V. Coins from the excavations of Takht-i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. Kamakura, 1997.

Zhijuan L. The Story of Silk. Beijing, 2006.

Zürcher E. *The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China*. Leiden, 1959.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдагас	Бесс	Дахи
Август	Большие Юечжи	Деметрий I
Аврелиан	Вазамар	Деметрий II
Агафокл	Вардан	Демодам
Агиселес	Варны	Династия Маурья
Адриан	Варрон	Династия Нанды
Албаны	Васишка	Диодор Сицилийский
Александр Македонский	Васудева	Диодот I
Андрагор	Вахш	Диодот II
Антимах	Великие Кушаны	Дион Хрисостом
Антиох I	Веспасиан	Домициан
Антиох II	Вима II Кадфиз	Драгаман
Антиох III	Вима Так[то]	Дранги
Антонин Пий	Вологез I	Евтидем I
Аорсы	Вологез V	Евтидем II
Аполлодот	Гай Рекс	Зариаспы
Арахоты	Галлы	Иберы
Аргей	Гекатей Милетский	Индийцы
Ареи, арии	Гелиокл	Исидор Харакский
Аристобул	Гераклид	Кадфиз I
Армяне	Гермей	Кадфиз II
Арриан	Геродот	Канишка I
Артабан I	Гефестион	Канишка II
Артабан II	Гирканцы	Канишка III
Артаикт	Гомер	Каспии
Артаксеркс	Гондофар	Квинт Курций Руф
Архелай	Гордиан III	Киммерийцы
Аршак	Готарз I	Кир
Аршакиды	Готарз II	Китайцы
Асии, асиане	Греки	Клавдий
Ахемениды	Греко-бактрийцы	Клавдий Элиан
Ашока	Греко-македоняне	Клавихо
Бактрийцы	Дарий I	Колхи

Коммод	Пасиане	Скифы
Константин I	Патрокл	Скифы-аналеи
Ксеркс	Пероз	Согдийцы
Куджула Кадфиз	Персы	Солин
Кушан (Герай Санаб)	Платон	Старшие Аршакиды
Ливийцы	Плиний	Стефан Византийский
Лисимах	Полибий	Страбон
Лициний Красс, Марк	Полиперхоп	Тацит
Локайцы	Помпей	Тимарх
Люций Вер	Помпей Трог	Тиридат
Маес Тициан	Помпоний Мел	Тохары
Македоняне	Псевдо-Скимн	Траян
Марк Аврелий	Птолеми	У-ди
Марко Поло	Птолемей	Фарасман
Массагеты	Рамчандр-Баладжи Партуа	Фарнаваз
Мед	Хорасмии, хорезмийцы	Ферекл
Медея	Римляне	Фраат II
Меоты	Сагатеры	Фраат III
Мидийцы, мидяне	Сакаравлы	Фраат IV
Мириан I	Саки	Фраат V
Митридат I	Самани	Хосров
Митридат II	Саманиды	Хувишка
Митридат VI Евпатор	Санабар	Хунны
Младшие Аршакиды	Сападбиз	Чжан-Цзянь
Нерон	Саргон II	Шапур I
Нехо II	Сарматы	Шейбани-хан
Никомед II	Саспейры	Эллины
Никомед III	Саурмаг I	Эратосфен
Оксиарт-Вахшувар	Селевк I	Эфталиты
Ород II	Селевк II	Эт
Оронт	Селевкиды	Юечжи
Панталеон	Синатрук	Юстин
Парны	Синды	Ясон
Парс	Синекл	
Парфяне	Скилак Кариандиец	

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абайджож-депе	Аравийское море	Баку
Аби-Кайсар, р.	Арагва, р.	Бала-Хисар
Абхазия	Арало-Каспийский бассейн	Балх
Адраспа	Аральское море	Балх, р.
Азербайджан	Арахозия	Балхаб, р.
Азия	Ардви, р.	Бамиан
Ай-Ханум	Ардок	Банд-и Амир, р.
Айбак	Арея, Ария	Бандыхан
Айвадж	Армения	Бандыхан I
Айртам	Артаданга	Бандыхан II
Ак-кала	Асаак	Бандыхансай
Ак-тери-кала	Асмар	Бандыханский оазис
Акдарья	Аспион	Барбарикон
Акча	Астауэн(а), Астаусена	Баригаза
Акча-депе	Атрек	Баро
Акчадарьинский оазис	Атропатена	Барогиль
Акшахан-кала	Афганистан	Беграм
Албания	Африка	Беграм II
Александрия	Ахангаран, р.	Белуджистан
Александрия Кавказская	Ахин Пош	Бенакент
Александрия в Опиане	Ашхабад	Бенгальский залив
Александрия Оксианская	Аяз-кала	Бештобе
Алтын-асар	Аяр-кала	Бирма
Алтын-депе	Бабатаг	Боланский проход
Алтын-Дильбертепа	Багир	Большой Балхан
Анау I	Баглан	Большой Чингизтепа
Андараб, р.	Бадахшан	Брахмапутра, р.
Анзоб	Байрам-Али	Бубакена
Антиохия Маргианская	Байсунсай	Будрач
Антиохия Тармита	Байсунтау	Бузгла-хана
Аньси	Бактра	Бурдагуй
Аорн	Бактрийские равнины	Бурдалык
Апаварктикена	Бактрия	Бухара

Бухарский оазис	Гобустан	Джин-депе
Бухарский Согд	Гоз, р.	Джурм
Вавилон	Гонур	Дильберджин
Варанас	Горган, Гурган	Дильбертепа
Варвализ	Греко-Бактрийское цар-	Дингильдже
Варзоб	ство	Днепр, р.
Варшава	Греция	Днестр, р.
Вахандаря	Грузия	Драпсака0
Ваханский коридор	Гуань-чжоу	Древний Египет
Вахш	Гуй-шуй	Древняя Греция
Византия	Гуйшуан	Дуньетепа
Византий	Гупиан	Душак
Вифиния	Гурбанд	Евкратид
Волга	Гяур-кала	Евкратидея
Восточная Бухара	Дабил-Курган	Евразия
Восточная Грузия	Давлетабадский оазис	Европа
Восточное Средиземноморье	Дагестан	Египет
Вьетнам	Далиер, р.	Ел-Харас
Газимуллатепа	Дальверзинтен	Емшитепа
Галлия	Дара	Есен-Денгли
Ганг	Дарадал	Железные Ворота
Гандхара	Дараллык	Западная Бактрия
Ганьсу	Дарапса	Западная Грузия
Гарры-Кяриз	Даргаман	Западный Афганистан
Гарры-депе	Даргоид	Западный Гиссар
Гатар	Дарданеллы	Западный край
Геллеспонтская Фригия	Дарьяльское ущелье	Западный Памир
Геочигран	Дахистан	Заравшан, р.
Гераклея	Дахя	Зартепа
Герат	Дашлыикий оазис	Зебак 6
Гератский оазис	Дашт-и Навур	Зегма
Герируд, р.	Делос, о.	Иберийское царство
Геркуланум	Денау	Иберия
Гибралтар	Дербентский проход	Иганлы-депе
Гидасп	Джамна, р.	Игды-кала
Гильгит	Джанбас-кала	Изат-кули
Гималаи 2	Джар-Кутан	Илонттепа
Гиндукуш	Джейхун	Инд, р.
Гиркания	Джелалабад	Индийский океан
Гирканское море	Дженгели	Индикомардана
Гирканское царство		

Индия	Кафирниган	Ладак
Индонезия	Кашкадарья, Кашкада- рынская обл.	Мавераннахр
Индостан 1	Кашмир	Мазар-и Шериф
Ипс, р.	Келифский Узбой	Македония
Ирак	Керки	Малайский п-ов
Иран	Кесария Приморская	Малая Азия
Ирравади, р.	Киндыктепа	Малый Чингизтепа
Искетгуль	Кир р.	Мальдивские о-ва
Исмаилтепа	Китай	Манпур
Испания	Кобадиян	Мараканда
Ичан-депе	Койне-Кааха	Марварруд
Ишкамиш	Кокуль	Маргиана
Кабакла	Кокча, р.	Маргуш
Кабала	Колхида	Матхура
Кабалинский оазис	Колхидское царство	Меконг, р.
Кабул	Константинополь	Мемфис
Кабулистан	Копетдаг	Мервский оазис
Каваткалинский оазис	Котал	Месопотамия
Кавказ	Кофен, р.	Мидия
Кавказская Албания	Кош-кала	Мидия Атропатена
Кавказский хребет	Красноводск	Мингечаур
Кала	Красное море	Миос-Хормос
Калалы-гыр	Крымский п-ов	Мирзабек-кала
Калалы-гыр	Кубань	Мирмика
Кампыр-дагана	Кугитанг, Кугитангтау	Молукский п-ов
Кампыртепа	Кугитангдарья, р.	Мохенджо-Даро
Кангюй	Куляб	Муджан
Кангюйская федерация	Кум-депе	Муллолитепа
Кандагар	Кунар, р., Кунардарья	Мунон-депе
Каписа 4	Кундуз, р., Кундуздарья	Мунчактепа
Кара-Камар	Кура, р.	Мургаб, р.
Карадарья	Курганзол	Мургабский оазис
Каракумский залив	Куреген-кала	Навкратис
Каракумский канал	Кухиходжа Мухаммад	Навтаки
Каракумы	Кучуктепа	Намазга-депе
Каратегин	Кушанское государство	Нангархар
Каратепа	Кызылсу, р.	Нармела, р.
Кармания	Кызылтепа	Нижнее Поволжье
Карши	Лагман	Нижний Узбой
Касби		Никея

Нил	Понтийское царство	Северная Осетия
Нимруд	Понт Эвксинский	Северное Причерноморье
Ниса	Поти	Северный Кавказ
Нисея, Нисая	Предкавказье	Северный Афганистан
Ничкинский оазис	Приаралье	Северный Вьетнам
Новая Ниса	Приднепровье	Северный Иран
Нуджкет, Нуджакет	Прикаспий	Северный Прикаспий
Нукус	Причерноморье	Северный Таджикистан
Обручевская степь	Пул-и Хумри	Северо-Восточный Кавказ
Одинга-депе	Пульганды-депе	Северо-Восточный Афга- нистан
Одой-депе	Пушкалавати	Северо-Западная Бактрия
Окс	Пяндж	Северо-Западная Индия
Ольвия	Пяндж, р.	Северо-Западный Афга- нистан
Опиан	Рабатак	Селевкия на Тигре
Ох	Равалпинди	Серахс
Пайкенд	Рагав	Сеста
Пальмир	Рагая	Сидон
Памир	Ракхигархи	Синд, р.
Пандахейон 9	Рахман Дхери	Сирия
Панджшир, р.	Репетек	Сиркан
Паннония	Рим	Сирок
Парван	Римская империя	Сирсух
Парейтакена	Русское море	Согд
Паропамиз	Сагала	Согдиана
Паропамисады	Сайган	Спарта
Парфиена	Сакастан	Средиземное море
Парфия	Саланг	Средиземноморье
Парфянское государство	Салар	Среднеазиатское Двуречье
Пасаргады	Салуин, р.	Средняя Азия
Паталипутра	Самаркандский Согд	Старая Ниса
Патга-Гиссар	Сапаллитепа	Старый Кишман
Пашхуртская долина	Сар-и Пуль, р.	Старый Мерв
Пенджаб	Саразм	Старый Термез
Передняя Азия	Сарай	Сузы
Персеполь	Саракамыш	Сумбар, р.
Персидский залив	Саракамышская впадина	Сурамский перевал
Петр-Александровка	Сасык-куль	Сурамский хребет
Пешавар	Сват, р.	Сурх-Котал
Поенкурган	Северная Бактрия	
Помпеи	Северная Индия	

Сурхаб, р.	Унгуз, р.	Центральная Азия
Сурхан р., Сурхандарья	Упиан	Центральная Индия
Сырдарья	Урал	Центральный Кавказ
Сычуань	Ургульсай	Центральный Гиндукуш
Тавр	Урук	Цюн
Таджикистан	Уструшана	Чаганиан
Така-Сакырт	Устюрт	Чагасарай
Таксила	Уштур-Мулло	Чанху-Даро
Талас, р.	Файзабад	Чарджоу
Талашкантепа I	Фарийаб	Чарикар
Талимаран	Фарукабадский оазис	Чач
Талукан	Фаязтепа	Черичашма
Тапурия	Хавак	Чиназ
Тармита	Хайрабадтепа	Чинанчекет
Тахмачтепа	Халчаян	Чирчик, р.
Тахти-Сангин	Ханабадтепа	Читрал
Ташкурган	Ханьское царство	Чопли-депе
Тбилиси	Харакена	Чушка-Гузар
Теджен, р.	Хараппа	Шах-Зенгир-депе
Тепай-Шах	Хароба-Кошук	Шахр-и Бану
Тибет	Хатра	Шахри-Гульгуль
Тигр, р.	Хатын-Рабат	Шахринау
Тилля-булак	Хива	Шаш, р.
Тиллятепа	Хивинское ханство	Шаштепа
Тир	Хиштепа	Шевак
Тихий океан	Ходжа-Гульсуар	Шеньду
Топрак-кала	Ходжа-Джанбас	Шерхан
Тохаристан	Ходжа-Салар	Шибер
Траксиана	Ходжейли	Ширабад
Трансоксиана	Хорасан	Ширин-Тагао, р.
Турива	Хорезм	Шор-депе
Туркестан	Хорезмское море	Шор-тугай
Туркменистан, Туркмения	Хортица, о.	Шортепа
Турсунзаде	Хоруджи	Шри-Ланка
Турфанский оазис	Храм Окса	Шу
Тус, г.	Хульм	Шуроб
Узбекистан	Хульм, р.	Шуроб-Курган
Узбой	Хупиан	Шурчи
Украина	Хутгаль	Экбатана
Уланбулаксай	Цейлон	Элефантина, о.

Эллада	Южная Бактрия	Южный Узбекистан
Эринду, р.	Южный Афганистан	Юлатань
Эрк-кала	Южный Кавказ	Юньнань
Эфес	Южный Китай	Яз(-депе)
Юго-Восточный Китай	Южный Согд	Якке-Парсан
Юго-Восточный Туркменистан, Туркмения	Южный Таджикистан	Ялангтуштепа
Юго-Западный Китай	Южный Туркменистан, Туркмения	Япония

СОКРАЩЕНИЯ

- АДД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.
- АИУз – Археологические исследования в Узбекистане. Самарканд; Ташкент. АО – Археологические открытия. М.
- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВИМК – Вестник истории мировой культуры. М.
- ВНИИР – Всесоюзный Научно-исследовательский институт реставрации. М. ДСВШП – «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы Международной конференции (Баку, 28–29 ноября 2008 г.). Самарканд; Ташкент, 2009.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
- Землеведение – Землеведение: Издание Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
- ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис.
- ЗРГО – Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб.
- ЗС – Знание – сила. М.
- ИАНТССРСОН – Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад.
- ИБМАИКЦА – Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
- ИзвСредазкомстарис Известия Среднеазиатского комитета сохранения памятников старины и искусства. Ташкент.
- ИИРГО – Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб.
- ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд. ИТОРГО – Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. СПб.
- ИТФАНСССР – Известия Туркменского филиала АН СССР. Ашхабад.

ИЩА – Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
Маскан – Маскан: Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. Ташкент.
MatUzkomstaris – Материалы Узбекского комитета сохранения памятников старины и искусства. Ташкент.
МТЭ – Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец. НС – Новая серия.
НЦА – Нумизматика Центральной Азии. Ташкент.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОМ – Общественное мнение. Ташкент.
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. РА – Российская археология. М.
РПГОНО – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб. СА – Советская археология. М.
САНГССР – Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси. СГЭ – Сборник государственного Эрмитажа. Л.
ТД – Тезисы докладов.
ТДС – Тезисы докладов и сообщений.
ТАКЭ – Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент. ТАЭ – Тохаристанская археологическая экспедиция
ТБНЭ – Труды Байсунской научной экспедиции. Ташкент.
ТИИАИАНГССР – Труды Института истории им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
ТИИАЭАНТССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ТСАГУ – Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент. ТузФАН – Труды Узбекстанского филиала Академии наук СССР. Ташкент. ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА – Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭВ – Эпиграфика Востока. М.; Л.
AAASH – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. Afghanistan – Afghanistan: Historical and Cultural Quarterly. Kabul.
AJA – American Journal of Archaeology. New York.
AMj – Asia Major. London.
Anabasis – Anabasis: Studia Classica et Orientalia. Rzeszów.
AOASH – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. AW – Antike Welt. Mainz am Rhein.
BAI – Bulletin of the Asia Institute. Detroit; etc.
BEFEO – Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Paris.
BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum / ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum.
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London. BullCH – Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.

EI – Encyclopædia Iranica. London; etc.
EW – East and West. Rome.
JA – Journal Asiatique. Paris.
JHS – The Journal of Hellenic Studies. London.
MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
NC – The Numismatic Chronicle. London.
NS – New Series.
RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
RN – Revue Numismatique. Paris.
San'at – San'at: Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент. SRAA – Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden. ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

SUMMARY
THE GREAT INDIAN ROAD: FROM THE HISTORY
OF THE MOST IMPORTANT TRADE ROUTES OF EURASIA

by Edvard V. Rtveladze

The present work is dedicated to the great transcontinental thoroughfare, the earliest in the history of civilizations of Eurasia, which linked East and West, viz. the Great Indian Road (hereafter – GIR). Although much has been written about individual sections along its course, and the movement of goods and coins along these separate sections, there is no single monograph which covers the GIR in its entirety, including its genesis and evolution.

The road from India to the West began with two routes. The first began most likely from Taxila, the capital of Gandhara, in north-western India, went through the Hindu Kush passes into Bactria and thence, following the Kunduzdarya and Balkhab rivers, to the Amudarya (Oxus) valley.

The second, also starting in Gandhara, went up the Kabuldarya and the right tributary of the Kunar river to Chitral and Badakhshan, and thence down the Kokcha river towards Ai Khanum and the Amudarya (Oxus).

These two routes met at Kelif, where the roads bifurcated. One route led along the Oxus river track to Chorasmia, and then across the Sarakamysh depression and down the Uzboi channel to the Caspian Sea. The other route which led from the Oxus down the Kelif Uzboi, passed into the Uzboi at the fortress of Igdy-kala, and thence along the Uzboi to the Caspian. An offshoot of this route went through Margiana and across Parthylene to Dahistan and Hyrcania, to the Atrek and Gorgan valleys, and to then to the Caspian Sea.

After crossing the Caspian Sea, the route passed on to the mouth of the Kura river (ancient Cyrus), and thence along that river through modern Azerbaijan (Caucasian Albania) and eastern Georgia (ancient Iberia), and after crossing the Surami Pass it reached the valley of the Rioni (ancient Phasis), whereto ships, if we are to trust Strabo, were brought by portage. In the lower course of the Phasis (in western Georgia, legendary Colchis), as reported by Pseudo-Scymnus, was situated a city bearing the same name which was inhabited by people of sixty nations, including Bactrians and Indians. It is conceivable that from there the road continued from the Black Sea to the Mediterranean Sea, and thence to Alexandria in Egypt which is said in Dio Chrysostom to have

had a settlement of Bactrian merchants.

From the city of Phasis by the Euxine the road led to the Greek cities of the Black Sea region and so ultimately to south-eastern Europe.

A key role in the opening up and development of the highway in question was played by Indians, Bactrians, Chorasmians, Caspians, Albanians, Iberians (Caucasian), Colchians, and Graeco-Macedonians.

The road opened up in the Bronze Age, and enjoyed great prosperity during the Hellenistic period and the subsequent Roman period. The existence of this Indian trade route is known from Graeco-Roman sources (Strabo, Pseudo-Scymnus, Solinus). However, the accounts are not always clear, and the differences between the various translations have led to scholarly controversies; to the extent that opinion is divided as to whether the Indian Road actually existed or not.

Some scholars, following W.W. Tarn and K.V. Trever, have been critical about the “Indian Road question”, while others on the contrary are quite positive, believing that the road had had a real place in history.

In contrast to other scholars who have contributed to the study of the ‘Great Indian Road’, the author of this book has used a great deal of historical evidence of many different kinds in his research in addition to the Classical Greek and Roman textual sources. He has deployed archaeological and numismatic evidence, epigraphical and ethnographical data, the records of travelers and geographers of the 19th – early 20th century, as well as cartographic materials.

On the basis of this extensive collective evidence, five major periods in the operation of the Great Indian Road have been defined in the book:

1. The Neolithic period and the Bronze Age
2. The epoch of Alexander the Great
3. The Hellenistic period
4. The second half of the 2nd century BC – early 1st century AD
5. The epoch of the Kushans.

A detailed description of land and water routes with their full characteristics have been set out for each of these periods. In particular, the Oxus waterway has been described in detail with a review of all the different kinds of vessels used in river navigation.

No less important is the information that is provided about the early presence of Indians, and the foundation of Indian trading stations in the Oxus valley, based on archaeological, epigraphical and numismatic evidence. In this context the history of the transmission of Buddhism to the southern parts of Central Asia has been analysed. In particular the place of Buddhism in Margiana with its close connection with the active routes of the Great Indian Road. It has been emphasized that the most important trading stations on the Oxus in the Hellenistic period were Ai Khanum and Kampyrtepa, and in the Kushan period – Termez. Special attention has been drawn to the manner in

which coins spread along the Great Indian Road in Graeco-Bactrian and Kushan times. The author has marshalled a great number of new facts about this road, including the movement from Egypt and Rome of articles, such as coins, faience, papyrus and coral, to the East and of objects from India and Bactria, including ivory, to the West.

In conclusion, strong reasons are given for believing that the Great Indian Road moved not only westward, but also eastward to south-west China. Proceeding from Zhang Qian's records and recent research, it has been supposed that China received goods from India and Bactria and in exchange, Chinese products were sent back to India and Bactria.

The exhaustive arguments taken together not only highlight the indisputable fact of the historical existence and operation of the Great Indian Road for a long period of time – more than 2000 years, but also its prominent role in the establishment of commercial and cultural interactions between East and West.

The Silk Road came to be regarded as the historically important great trade road across the continents after it was established at the end of the 2nd century BC. This study highlights that it corresponded in its main outline to the Great Indian Road, which had been established long before the route from Central Asia to China, which characterised the Great Silk Road.

МУНДАРИЖА • CONTENTS • СОДЕРЖАНИЕ

Сўзбоши	5
Foreword	12
Предисловие	19
Кириш	40
Introduction	42
Глава I	
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ	44
Марказий Осиёдаги гиламдўзлик тарихидан	48
From the history of central asian carpet weaving	65
Письменные источники	80
XIX аср – XX аср бошлари гиламдўзлиги	100
Carpet weaving in the 19 th – early 20 th century	146
Ковроткачество XIX – начала XX веков	176
XIX–XX аср бошларидаги ўзбек гиламлари нафосати ва моҳияти	218
Aesthetics and semantics of uzbek carpets in the 19 th – early 20 th centuries	272
Эстетика и семантика узбекского ковра XIX – начала XX вв.	318
Замонавий гиламдўзлик: муаммолар ва истиқболлар	374
Contemporary carpet weaving: issues and prospects	378
Современное ковроткачество: проблемы и перспективы	382
Адабиётлар рўйхати ва манбалар	392
Bibliography and sources	392
Список литературы и источников	392
Глоссарий	404
Glossary	418
Глоссарий	432

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ» муаллифлик туркуми

«ЎЗБЕКИСТОНГИЛАМДЎЗЛИГИ: АСРЛАРГА ТЕНГДОШ АНЪАНА»

Китоб-альбоми

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

Илмий муҳаррир

Эдвард Ртвеладзе

(Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор)

Таҳрир ҳайъати

Акмал Саидов (Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, юридик фанлар доктори, профессор),
Камола Акилова (санъатшунослик доктори), Роик Баходиров (фалсафа фанлари доктори, профессор),
Шоазим Миноваров (Ислом маданияти маркази директори), Элмира Гюл (санъатшунослик доктори),
Андрей Зибкин (иқтисод фанлари доктори, профессор), Азамат Зиё (тарих фанлари доктори, профессор),
Александр Жумаев (санъатшунослик номзоди)

Туркум муаллифи, лойиҳа раҳбари

Фирдавс Абдухолиқов

(Ўзбекистон Республикасида хизмат кўрсатган журналист)

Муаллиф

Эльмира Гюл (санъатшунослик доктори, пилот нашр матнлари муаллифи),
Елена Царева (тарих фанлари номзоди), Томас Коул

Ташкилий гуруҳ

Екатерина Соболева (Ўзбекистон бўйича координатор),

Игорь Портнягин (Россия Федерацияси бўйича координатор)

*Альбом учун фотосуратлар: Давлат Шарк музейи (Россия), Россия этнография музейи (Россия),
Маржани жамғармаси (Россия), Калгари университетининг Никл Гэллерис галереяси (Канада), EstudionH галереяси (Испания),
Ўзбекистон Давлат санъат музейи (Тошкент), С. Савчук-Қурбонов фотосуратлари, Ўзбекистон Давлат амалий санъат музейи (Тошкент),
Ўзбекистон санъат тарихи давлат музейи (Самарканд), «Бухоро шойи гиламлари» (Бухоро),
«Akhbar House» галереяси (Бухоро), «Art & Fact» галереяси (Тошкент), Д. Маркванд (АҚШ), А. Исталифи (Буюк Британия)
томонидан такдим қилинган*

Тасвирга олиш гуруҳи

Шахноза Ғаниева (китоб-альбомнинг видеоталқини муаллифи), Шамил Юсупов (монтаж режиссёри),
Козим Ҳотамқулов, Жанат Нурбаев (операторлар), Шухрат Зокиров (бастакор)

Таржимон, муҳаррир ва мусахҳиҳлар

«Darakchi Inform Servis» МЧЖ: Масъуд Махсудов, Хосият Раджапова (ўзбек тилига таржима ва таҳрир),

Екатерина Купцова (инглиз тилидан таржима ва таҳрир),

Виолетта Цилицкая (сўзбошининг инглиз тили таржимаси, инглизча матн муҳаррири)

«Uzbekistan Today» АА: Лилиана Гуревич, Татьяна Воронова,

Компьютерда саҳифалаш, дизайн ва нашрга тайёрлаш

Тарас Монченко, Александр Варламов, Лола Раджабова, Инна Двойнос

Халқаро нефтесервис
гуруҳи

«Darakchi Inform Servis»
МЧЖ

ZAMON PRESS
INFO
nashriyot uyi

«Uzbekistan Today»
ахборот агентлиги

Ўзбекистон электрон
оммавий ахборот
воситалари миллий
ассоциацияси

SEVIMLI TV

Author's book series
“THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN”

Book-album

**CARPET WEAVING IN UZBEKISTAN:
A TRADITION PRESERVED IN CENTURIES**

In Uzbek, English and Russian

Scientific editor

Edvard Rtveladze

(Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor)

Editorial Board

Akmal Saidov (Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of Law),
Kamola Akilova (Doctor of Art), Roik Bahodirov (Doctor of Philosophy, Professor),
Shoazim Minovarov (director of the Center for Islamic Culture), Elmira Gyul (Doctor of Art),
Andrey Zybkin (Doctor of Economics, Professor), Azamat Ziyo (Doctor of Art, Professor),
Alexander Djumaev (PhD in Art)

Author of the series, Head of the project

Firdavs Abdukhalikov

(honored Journalist of the Republic of Uzbekistan)

Author

Elmira Gyul (Doctor of Art, author of the text of the pilot edition),
Elena Tsareva (PhD in Historical Sciences), Thomas Cole

Organization group

Ekaterina Soboleva (Coordinator for Uzbekistan),
Igor Portnyagin (Coordinator for Russia)

Photos for the book-album are provided by: the State Museum of Oriental Art (Russia), the Russian Museum of Ethnography (Russia), the Mardjani Foundation (Russia), the Nickle Galleries of the University of Calgary (Canada), the EstudionH Gallery (Spain), the State Museum of Arts of Uzbekistan (Tashkent, photos by S. Savchuk-Kurbanov), the State Museum of Applied Arts of Uzbekistan (Tashkent), the State Museum of Culture History of Uzbekistan (Samarkand), the Bukhara Silk Carpets Workshop (Bukhara), the Akhbar House Gallery (Bukhara), the Art & Fact Gallery (Tashkent), D. Marquand (USA) and A. Istalifi (United Kingdom)

Film crew

Shakhnoza Ganiyeva (author of video version), Shamil Yusupov (editor),
Kozim Hotamkulov, Jannat Nurbekov (cameramen), Shukhrat Zakirov (music composer)

Translation, Editing and Proofreading

Darakchi Inform Servis: Masud Makhudov, Khosiyat Rajabova (translation and editing of the Uzbek text),
Ekaterina Kuptsova (translation and editing of the English text),
Violetta Tsilitkaya (translation of foreword into English, English text revision).

Uzbekistan Today News Agency: Liliana Gurevich, Tatyana Voronova,

Computer makeup, design and preprint

Alexander Varlamov, Taras Monchenko, Lola Radjabova, Inna Dvoynos

International oilfield
service

«Darakchi Inform Servis»

Publishing house
ZAMON PRESS
INFO

Information agency
«Uzbekistan Today»

National Association of
Electronic Mass Media
of Uzbekistan

SEVIMLI TV

Авторская серия
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА»

Книга-альбом

**«КОВРОТКАЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА:
ТРАДИЦИЯ, СОХРАНЕННАЯ В ВЕКАХ»**

На узбекском, английском и русском языках

Научный редактор

Эдвард Ртвеладзе

(академик АН Республики Узбекистан, профессор)

Редакционная коллегия

Акмаль Саидов (академик АН Республики Узбекистан, профессор, доктор юридических наук),
Камола Акилова (доктор искусствоведения), Роик Баходиров (доктор философских наук, профессор),
Шоазим Миноваров (директор Центра исламской культуры), Эльмира Гюль (доктор искусствоведения),
Андрей Зыбкин (доктор экономических наук, профессор), Азамат Зиё (доктор исторических наук, профессор),
Александр Джумаев (кандидат искусствоведения)

Автор серии, руководитель проекта

Фирдавс Абдухаликов

(заслуженный журналист Республики Узбекистан)

Авторы-составители

Эльмира Гюль (доктор искусствоведения, автор текста пилотного издания),
Елена Царева (кандидат исторических наук), Томас Коул

Организационная группа

Екатерина Соболева (координация по Республике Узбекистан),
Игорь Портнягин (координация по Российской Федерации)

Фотографии для альбома предоставлены: Государственным Музеем Востока (Россия), Российским этнографическим музеем (Россия), фондом Марджани (Россия), галереей Никл Гэллерис Университета Калгари (Канада), галереей EstudionH (Испания), Государственным музеем искусств Узбекистана (Ташкент, фото С. Савчук-Курбанов), Государственным музеем прикладного искусства Узбекистана (Ташкент), Государственным музеем истории культуры Узбекистана (Самарканд), предприятием «Бухарские шелковые ковры» (Бухара), галереей «Akhbar House» (Бухара), галереей «Art & Fact» (Ташкент), Д. Марквандом (США), А. Исталифи (Великобритания)

Съемочная группа

Шахноза Ганиева (автор видеоверсии), Шамиль Юсупов (режиссер монтажа),
Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев (операторы), Шухрат Закиров (композитор)

Перевод, редакция и корректура

Darakchi Inform Servis: Маъсуд Махсудов, Хосият Раджапова (перевод и редакция узбекского текста),
Екатерина Купцова (перевод и редакция английского текста),
Виолетта Цилицкая (перевод предисловия на английский язык, редакция английского текста)

ИА «Uzbekistan Today»: Лилиана Гуревич, Татьяна Воронова

Компьютерная верстка, дизайн, подготовка к печати

Александр Варламов, Тарас Монченко, Лола Раджабова, Инна Двоинос

Международная
нефтесервисная группа

ООО
«Darakchi Inform Servis»

Издательский дом
ZAMON PRESS
INFO

Информационное
агентство
«Uzbekistan Today»

Национальная
ассоциация
электронных СМИ
Узбекистана

SEVIMLI TV

УЎК 745.522.2(575.1)

КБК 85.126(5У)

(5У)85

Г 99

«Ўзбекистон маданий мероси» муаллифлик туркуми: «Ўзбекистон гиламдўзлиги: асрларда сақланган анъана» китоб-альбоми / Ф. Абдухолиқов, Э. Ртвеладзе, Э. Гюль // Тошкент: «Uzbekistan Today» АА, «Darakchi inform servis» МЧЖ буюртмасига кўра, 2018. – 336 б.

ISBN 978-9943-4866-1-4

УЎК 745.522.2(575.1)
КБК 85.126(5У)

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ»
муаллифлик туркуми

«ЎЗБЕКИСТОН ГИЛАМДЎЗЛИГИ:
АСРЛАРДА САҚЛАНГАН АНЪАНА»

китоб-альбом

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси
«Darakchi inform servis» МЧЖ томонидан амалга оширилмоқда.
Оригинал макет «Zamon-Press-Info Nashriyot Uyi» МЧЖ базасида тайёрланди.

«Uzbekistan today» ахборот агентлиги нашриёт бўлими.

Нашр лицензияси АИ №243, 04.07.2013

Тайёр макетдан босишга рухсат этилди 18.05.2018. Бичими 60×90 1/8.

«Book Antique, Myriad Pro» гарнитураси.

Офсет босма. Шартли босма табоғи 56,0. Адади 2500.

Нархи шартномада келишилган.

ISBN 978-9943-4866-1-4

9 789943 486614 >

Print management by Early Business Solutions UK